

Волга

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

3-4 (515)

2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Данила Давыдов. «двигайся предположим по скоростному шоссе...» и др. стихи.....	3
Константин Волчков. Цветы бетонные. Роман.....	8
Татьяна Щербина. 2024. Стихи.....	97
Вечеслав Казакевич. Пустырь. Рассказ.....	101
Андрей Сен-Сеньков. «Красная Болонья» и др. стихи.....	107
Павел Кошелев. Литералли рокенролл. Рассказ.....	111
Анна Безукладникова. Собачий ангел. Рассказ.....	122
Денис Бычихин. Регулярно ходили жить. Стихи.....	126
Алан Цхурбаев. Что-то, что ты кому-то должен. Рассказ.....	132
Михаил Нисенбаум. Времена Годо. Стихи.....	141
Асия Хайруллина. Все будет хорошо! Рассказ.....	149
Алиса Орлова. «В парке» и др. стихи.....	160

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Виктор Іванів. Пасифик и Бициклет.

Подготовка текста и комментариев Алексея Дьячкова.....166

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Сергей Боровиков. Запятая–34. В русском жанре–94.....170

ИНТЕРВЬЮ

Владимир Коркунов: «Культура немыслима без ходьбы по грани».

Беседовал Борис Кутенков.....175

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Александр Марков, Оксана Штайн. Против эклектики: перечитывая «Ларец и ключ»

Беллы Ахмадулиной.....186

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ольга Балла-Гертман. Мыслить Дарреллом

О кн.: Горан Маркович. Белградское трио: роман.....191

Михаил Вистгоф. Ластик архитектора

О кн.: Софья Дубровская. Смиренные ласточки: стихи.....194

Александр Марков. Гадательный круг жанров

О кн.: Юлия Долгановских. Иллюзия обратного вращения: сборник стихотворений.....196

Данила ДАВЫДОВ

двигайся предположим по скоростному шоссе.
все мысли о движении, только о нем

или, скажем, как преобразается материя,
как сталкиваются частицы на скорости, приближающейся к световой

или, представь, стебель растет неуклонно.
если ускорить, он так и выворачивается вверх сам из себя

если и направлять куда риторические усилия,
то только на нечто такое, а не на тех, которые

потом, когда станет очевиден объем проигрыша,
будет точно понятно, с кого спрашивать

обсуди всё это теперь,
опираясь на сладость привычных иллюзий

необходима информация вся:
про карася, поросю,
тещу, тестя, брата, сестру,
дом на ветру, последнюю конуру

требуется все разузнать
чтобы проще было горевать,
чтобы никто и нигде
не мешал бы общей беде

Данила Давыдов родился в 1977 году в Москве. Окончил Литературный институт, кандидат филологических наук. Автор десяти книг стихов, двух книг прозы, книги статей и рецензий. Переведен на основные европейские языки. Многочисленные публикации в толстых и тонких журналах, альманахах и сборниках. Лауреат Премии Андрея Белого (2023). Живет в Москве.

Святое письмо

Дмитрию Герчикову

двенадцатилетний мальчик был болен
на берегу реки он встретил К-489
К-489 подсоединил мальчика к локальной сети и оставил ему
сообщение
велел транслировать его дальше
мальчик вернулся домой и призадумался
раньше, как известно, надо было передать сообщение
ограниченному числу адресатов
двенадцати, например
но в его случае никаких указаний на этот счет дано не было
и не ясно теперь, повлияет ли это все на его выздоровление
болезнь мальчика носила психосоматический характер
само появление К-489 вполне
могло быть частью ее симптоматики
что касается содержания послания
то мы не можем привести его по ряду очевидных причин
среди которых медицинская этика
отнюдь не первостепенна

один
безусловно выдающийся,
нет, даже правильнее сказать великий поэт
недавнего прошлого,
если судить по воспоминаниям,
конечно же не был антисемитом,
но мог в минуту раздражения
начать перечислять фамилии
деятелей современных культуры,
так, что прослеживалась, скажем,
некоторая тенденция.
это ничего такого не означает,
не меняет никаких оценок,
не вызывает недоумения или разочарования,
не отменяет ничего из сказанного ранее,
не заставляет что-то там пересмотреть,
но дает не то чтобы понять то,
что ранее, возможно было не вполне понятно,
и даже не задуматься о чем-то,
что позволит иначе взглянуть,
нет, скорее просто отметить для себя,

ну и четко осознать возможность того,
что некоторые неуловимые и поражающие
каждый раз
аспекты
могут иметь общий корень
с глупой и тривиальной
работой психического механизма,
увы, предсказуемой и элементарно интерпретируемой.

я вижу тихий бег жука
и зависание стрекоз.
всю мерзость позднего совка
ты не поймешь, коль позже взрос.

не для тебя горит звезда
и кот не для тебя урчал.
там только мрак и маета,
что б ни рассказывал юрчак.

а ныне что? природа зрит
в саму себя, и мы вотще
постичь пытаемся кульбит
активных, но пустых вещей.

смотри, вышел ночью в парк, непонятно зачем,
нет собаки, нет никакой другой цели.
это необходимая экспозиция для высказывания,
и антураж подходящий: сосны, ели,

тетки и мужик с гармошкой поют прощай родимый город,
хотя, казалось бы, ночь,
но какая ночь: выходные, огромный город,
что-то нехорошо мне, нехорошо совсем,

не опишешь, ну, как взяли и подвесили за ребро
в каком-то ватном и душном
пространстве, ну, понимаешь, бро,
безопасно, но страшно до жути.

здесь живут, кажется, отворители крови,
их мечта – вот бы взять и всем вместе,
как гепард выворачивается в броске на жертву,
вот такое нечто в каждом их жесте.

душевные, телесны они, плавны и мягки.
отворачиваешься к деревьям, к разомкнутой темноте.
если бы за спиной раздались шаги,
они бы не раздались, заглушенные песней.

это всё принадлежит не мне,
говорит кукушечка стозевна.
как бегут мурашки по спине,
многоклюво склёвывает зёрна.

чем она грозит, зачем сидит,
не эмблема, бестия живая,
многогласо что-то там твердит:
нужно слушать, не перебивая.

то дрожит, а то и ворожит,
то визжит, то сообщит: de facto
это также не принадлежит
ни тебе, ни прочим всем, вот так-то

лампа совершенно точно не придумана для насекомых
и существует по каким-то совершенно иным причинам,
но вот оно бьется и с легким щелчком отскакивает от стекла,
будто бы эта связь была предусмотрена изначально,

будто бы и в самом деле на этом свете
есть предустановленные и предначертанные направления,
высшим расчетом развернутые в ту сторону,
где будут определены воздаяния и сроки,

но ведь нет же, нет. а как сказать это,
если вегетативная нервная система отвечает
за движение к высшей цели, к конечному идеалу,
к недостижимому свету в конце пути

коалиция слабых и мёртвых,
одноразовых судеб реестр,
неучтенных, неназванных ворох,
злополучный, беззвучный оркестр,

всех насельников примечаний,
уместившихся в и т. п.,
или вовсе никак не учтенных,
растворённых навечно в толпе, –

здесь грамматика требует, чтобы
это всё обобщилось, но нет,
ведь недаром отброшены, стёрты,
и не ясно, кто тут говорит

ЦВЕТЫ БЕТОННЫЕ

Роман

1. Смертельная тьма

Бетон. Проглядная, но все-таки тьма. Осенний ползучий холод. Совсем не ползучее, зато громко и протяжно храпящее тело на цементном полу. Пашка несмело хлопал по карманам курточки на этом теле, шугаясь каждого нового дребезжащего хрипа.

Мои полусжатые пальцы сжигались огнем, а руки мелко дрожали, пока я держал тяжеленный аккумулятор над алкашечьей башкой. Он, то есть аккумулятор, весил примерно как отцовские гири, только хвататься было совсем неудобно: взял его по бокам за дно. И если дядя Валера вдруг очнется, то я отпущу свой груз, и тот тут же опять отойдет ко сну. А если я просто не выдержу и уроню аккумулятор, то... ну не повезло.

Сквозь стиснутые в усилия зубы советую Пашке пошарить во внутренних карманах курточки.

Так-то мы лазили на свалке у гаражей и отрыли уже кем-то раскуроченный аккумулятор. Ну и радостные понесли его сюда, чтобы вытащить свинцовые пластины и что-нибудь выплавить. Вот спустились в плиты...

Год или два назад, не помню, но мы уже ходили в школу, за нашим домом вырыли котлован, оставив в подарок огромные насыпи земли и глины по двум противоположным берегам. То было великое время бить. Мы брали упругие гнущиеся палки, натыкивали на них липкие шарики грязи и махом руки запускали снаряды... куда? Да куда придется. Мы могли пулять друг в друга, стоя на разных насыпях. Мы могли обстреливать наш собственный двор, с проезжающими через него машинами и малышней на качелях. Люлей за это можно было отхватить от кого угодно. Никогда не угадаешь, побежит ли за тобой этот тип в газельке или нет. Ну а самая сладкая цель – пятиэтажка. Она стояла в другом дворе, отделенная от нас металлическими гаражами и огромными трубами, по которым текла горячая вода. И вот так вот возьмешь и запульнешь. Да в окно. Ах, если долетит, это такой кружащий голову момент. И стекло звенит звонким дзинь. Однажды только пришли старшаки с того двора, и пришлось щемиться до подъезда, чтобы не выловили.

В грязи, конечно, все извозюканы были, будто мы на хищника охотились, как Шварценеггер. А называлось это все «Янки в Африке». Все ходили и говорили: «Вот, как в янках в Африке было. Пойдемте в янки в Африке играть». Я смутно догадывался, что это какой-то фильм, но так и не посмотрел его.

Потом дно котлована уложили бетонными плитами. Ну, сперва еще что-то лили туда, решет-ки какие-то положили железные, и в конце только плиты. Мы так и стали говорить: «Пойдем на плиты!» А насыпи убрали, привезли щебенку, которую в пятину уже не швырнешь – все равно не

Константин Волчков родился в 1990 году под Екатеринбургом. Учился в Уральском Федеральном университете на физика. Живет в Санкт-Петербурге. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Сибирские огни».

докинешь. Поэтому мы вставляли друг напротив друга через плиты и лениво бросались камнями, почти никогда не попадая. Страшно было попасть. Хотя иногда хочется Паху долбануть. Или Дюшика. А особенно Денчика.

Еще позже на плитах расставили стены: получились коридоры и комнатки. Как будто крышу дома приоткрыли и посмотрели сверху. Теперь уже говорили: «Пойдем в плиты»! Отец сказал, что там будут ячейки для хранения овощей и всякого другого. Как у нас есть сарайка рядом с бабушкой. Только в нее надо под землю спускаться, там почти ничего не видно и сыро. А тут все бетонное и с электричеством. Стены накрыли сверху другими плитами. А где-то не накрыли, и тогда внутри можно было бегать не в кромешной темноте. «Может, еще что-то установят», – говорил отец. В некоторых местах торчали железные трубки с конусными крышками сверху. «Вентиляция». Тогда строители даже поставили вагончики, и на стройке ходили собаки. Мы перестали там лазить, а только наблюдали, взобравшись на трубы с горячкой. Да и из окна можно было увидеть. А с приходом осени строители ушли, оставив недостроенные плиты нам. И не только нам.

Теперь на них позарились все. И старшаки, чтобы пыхать и пить пиво, и наркоманы, чтобы колоться и кайфовать, и даже мужики как дядя Валера, хоть у них и так есть гаражи для пьянок!

По первости мы заходили внутрь с опаской, спускаясь по единственной бетонной лестнице в одном из углов. Боялись мы больше темноты, чем других людей. Но то старшаки позовут туда с ними, то сами забежим, чтобы досчитать до десяти и вылететь с криками обратно. Так или иначе, привыкли. Начали играть там. Иногда просто бегали сквозь темную часть вниз и почти сразу наверх. Иногда устраивали прятки и выпрыгивали друг на друга из комнат. Плавить свинец тоже стали тут, а не как раньше – под трубами. Важно только было не попасть ногой во что-нибудь. Тут были и шприцы, и стекло, и комнаты-туалеты. А иногда комната как комната, а в углу все-таки туалет. Но мы и фонарики, когда могли, таскивали у родителей и исследовали плиты. Клевое место. Клевей всего во дворе: и труб, и гаражей, и трансформерной будки, и даже застан.

Только один раз, Паха говорит, его старшаки зажали и заставили пыхать. Ему очень не понравилось, но с тех пор он собирает уголки от пачек сигарет. Берет пачку, отрывает верх и разворачивает его. А там приклеенные квадратики с непонятными знаками. Вот у явы цветные шарики, а у петра какие-то квадратики черные. Чего значит – никто не знает.

Гуляли мы обычно вчетвером: я, Паха, Денчик и Дюшик. Мы друзья. Но Денчик уехал с отцом видаться, а Дюшика бабушка не пустила: опять что-то он не так ей сделал.

Ну и приволокли мы находку в плиты. Зашли в одну из комнат, и Паха спросил, есть ли у меня дома газаява. Нету у меня газаявы. А Пахе хочется. Еще и именно пепси. А мне вот сникерс хочется, и что теперь?

Ударяя и возясь гаечным ключом, я дораскурочивал аккумулятор, а Паха бегал по коридорам в поисках шприцов, таких маленьких и худых, с остатками крови внутри. Он сказал, что потом можно будет ими заражать людей. Надо тыкнуть или приладить иглу к перилам в подъезде. А кто уколется, будет заразным и умрет. Я еще подумал, что вот в Ералаше показывают, как типа хулиганы по перилам катаются. Но как по ним кататься? И в школе, и в подъезде они все разломанные, деревянные. Рукой-то, бывает, коснешься – и уже заноза.

Ветки для костра и бумагу мы принесли заранее. Спички, как и ключ, взяли из тайника под трубой, что торчала из подвала нашего дома. Жгли костер и плавили свинец мы обычно на железной пластине, непонятно от чего оторванной.

Только что выплавлять-то? Еще одну битую для чики не хотелось, они и так у всех есть. Вот бы крест как у Олежи. Но у него прям по-настоящему вышло, даже будто боженька нарисован. Вот если еще маленькие железки или прутики найти, чтобы ими выложить форму, то можно было бы что-нибудь придумать.

А тут Пашка прибегает, говорит, пойдём че-то покажу. И повел меня вдоль рядов комнат с дырками для дверей в них. Сейчас окажется, что там, где-нить Денчик или Дюшик притаились и как выпрыгнут. Поэтому я шел с опаской, готовый сразу пихнуть Паху под ребра. А вот на развилке как раз дядя Валера и лежит. Он живет в соседнем подъезде, и отец с ним здоровается, но они не разговаривают особо. Значит так, лошара какой-то.

Наверное, пьяный, – я говорю. А Паха радуется, что может быть даже мертвый. Прикинь, если мертвый? Но он же сопит. Выходной ведь – напился и спит.

Паха тут на корточки присел и так мечтательно сказанул, что может у него деньги в курточке лежат. Ну даже если лежат, че мы его, грабить будем? Проснется, побьет нас. Еще и в тюрьму посадят. А мы убежим! Все равно ссыкотно.

Тогда Паха придумал, что надо чем-то тяжелым его долбануть, как только зашевелится, чтобы снова сознание потерял. В этом есть смысл...

Только вот чем долбануть? Тут ни кирпичей, ни чего такого. Только если походить по коридорам, может, что и найдем. Бутылки какие-нибудь. Но бутылкой-то мы сильно не ударим.

Можно просто на голову прыгнуть. Тридцать килограммов живого веса – это серьезно. А вдруг неудачно прыгнешь, еще упадешь.

Но тут произошло как в мультиках: у меня над головой зажглась лампочка. И вот мы пошли за аккумулятором.

Пашка мечтал, что вот если у него сто рублей лежит, то поди и на мотоцикл хватит. Ты че, гонишь, что ли, мотоцикл дороже стоит! Ну тогда хотя бы на газировку. И сникерс!

Радостное предвкушение помогло нам дотащить аккумулятор, но вот держать над головой должен был кто-то один. Логично, что раз я хожу в борьбу, значит я сильнее, и держать мне. А Паха начал искать деньги.

После моего совета он все-таки их нашел: полез во внутренние карманы и тут же возбужденно подпрыгнул – есть контакт! Я отбросил страховку в сторону, и мы, сдавливая во рту счастливый смех, смотались из плит, побежав к бурым, заржавевшим местам трубам.

Там разглядели добычу – целых четыре рубля и сорок копеек! Если Пашка не заныкал ничего. И снова побежали: сперва под трубами, потом мимо будки трансформерной, за мой дом и вдоль училища, и через дорогу на плитку, уже совсем другую, пешеходную, к гастроному.

Дюшес, лэйс и один сникерс. С пепси денег не хватало, чтобы еще и на чипсы.

Встали у магазина, а к нам, как назло, наши старшаки идут со стороны торговика. Я сникерс сразу в карман, чипсы к Пахе в куртку, а газировку не спрячешь. Эх, а надо было просто смотаться во двор за гастрономом. Хотя кто знает, что нас бы там поджидало – мы ведь тут не местные, получается.

– Че, мелочь, стойте? Дай попить. – Дрон потянул руку. Такие вот наши старшаки. Они, конечно, могут отобрать велик и кататься на нем часа два, дать подзатыльник или там начать руки закручивать, пыхать заставлять. Еще и лица такие, как бычки желтые у всех, будто клей нюхают, будто не знаю, как сказать. И у нас будто тоже такие лица, но вот на фотку посмотришь какую-нибудь, типа, где мы всем классом после линейки первого сентября, и вроде ничего, все будто нормальные.

Страшного наши старшаки никогда ничего не сделают, мы же с одного двора, да и родители все друг друга знают. А если надо, они и перед чужими за нас заступятся. А когда у Дюшика интернатовские велик забрали, то наши старшаки вернули его на следующий день. Правда, без звонка и весь в наклейках от жвачек.

– Мы еще сами не попили, – начал Паха.

– Так пейте. Только немного, – посоветовал Дрон.

С ним еще были Олежа, мой сосед с третьего этажа, и Холод, которого за глаза мы звали Холодец. Все-таки Холодцов он, а не Холодов.

Мы по очереди потихонечку отпили из горлышка нашей собственной газявы. Слюней только не пускайте! Паха еще, когда голову закидывал, чтобы отхлебнуть, чипсами затрещал под курточкой. Но старшаки ничего не сказали.

У них первым пил Дрон. Три глубоких глотка с полным ходом кадыка и булькающим звуком. Потом Олежа, глотки меньше, но их больше. А после Холодца газявы осталось только на донышке.

– Ладно, путкашня, пригоните сегодня на гаражи? – спросил Дрон.

– Не знаем, а че там?

– Че-че, ниче! Мяч вынесешь? – это Дрон Пахе. У меня-то мяча нет. – В козла попинаем.

– Мне родители не разрешают. Холодно уже, он лопнет!

– Да ниче не лопнет, че ты. Ладно. Приходите, если че. – он отбросил это «че» как бычок, и они ушли дальше в сторону двора.

Ушли. Так-то я бы и сам попинал мячик в козла. А вот если в ляпы на гаражах играть, то нет. Старшаки-то могут прыгать на далекие крыши, а нам нужно слезать сперва на землю, а потом уже на другой гараж. И так вот можно вечно галить, а они еще подстегивать тебя будут: ведь кто не ловит, тот получает пинка.

Мы медленно пошли в сторону дома, хрумкая чипсами.

– Блин! А если они аккумулятор найдут?! – я подумал, что старшаки как раз в плиты идут курить.

– Да не найдут. Они вообще не туда. Они же на гаражи.

– Откуда ты знаешь, может, они пыхать пойдут сперва?

– Пойдут, – согласился Пашка. – Ну доедим и пойдем. Дюшес не допивай, еще запивать же! – он остановил меня рукой.

Разумно.

Но хрустящие чипсинки во рту взрывались и лопались от газировки. Соль с паприкой смешивались с грушевой сладостью – деликатес. Я не удержался и допил.

– Ну ты гад!!! – Паха отвернулся и пошел боком ко мне. – Я тогда лейс доедаю.

Что ж, за секунду слабости пришлось заплатить. Но сникерс потом все равно поделили пополам.

По дороге я подумал, что вроде как мы даже грабители, получается, хотя всегда хотели драться с преступниками.

– Да он же алкаш. То есть нехороший человек, правильно? Алкаши же деньги сами воруют на водку. Могут и жену бить, если она пить не дает, – размышлял Паха. – У отца в цеху вот один напился, и из-за него другого мужика на станок намотало. То есть их нужно бить тоже, как и грабителей.

Это было настолько логичным, что у меня не осталось сомнений, что мы сделали добро. Только один вопрос возник: «Как это так намотало на станок?»

– Да я не знаю. Но это смертельно. Еще отцу же отвечать за это, раз он начальник цеха.

Да, у Пахи богатые родители, хоть он и общается с нами – бедными. У него и сега есть, и квартира трехкомнатная с евроремонтom. Микроволновка еще, и летом на юг с родителями раньше ездил на машине. На иномарке! Опель синий. Еще и брат мелкий появился два года назад, хотя это и у бедных происходит, конечно же. В первом классе часто у него собирались поиграть в сегу. И его мама нам давала всякие вкусности. Пирожные всякие ели. Летом на день рождения Пахин его папа нас возил в парк на карусели. И все бесплатно. И они не заставляли Паху каяться в начале, мол, они вообще такое не поддерживают. Еще мы там подтягиваться пробовали – я-то уже умел,

а у Пахи только разок получилось. Но он к своему отцу подошел, дяде Диме, и такой подпрыгнул и двумя руками пять дал. А дядя Дима ему в ответ тоже дал, с двух рук прямо, типа молодец, хоть Паха и хилjak. А я когда свой рекорд потом сделал при отце после кросса – семь раз подтянулся, то тоже захотел пять дать, а тот давай на меня гундосить, типа, что это я радуюсь, ведь и десятки не могу сделать. Еще отец про дядю Диму сказал, что он сынок директора по госзаказам. Конечно, сделали начальником, а у него ни опыта, ни головы на плечах.

Потом у Пахи родился брат, и мы стали реже у него собираться. Ему приходилось с мелким возиться. Пеленки менять, все такое.

– А Дюша бы зассал, да? – я спросил у Пахи.

– Что?

– Ну как мы, денег забрать. Сидит свои булочки лопает. Он бы и аккумулятор держать не смог.

– Да, толстый потому что!

– А Денчик, может быть, и не зассал, но он такой debil, – я радостно распалялся. На меня находило воодушевление, когда мы обсуждали кого-то, кого не было рядом. – Он еще говорит, что у его бати джип есть, но рабочий, и поэтому на нем не приезжает. Выдумывает ведь!

– Ага, откуда джип. У нас в городе всего три джипа, и все у директоров заводов.

– Я еще слышал, что у какого-то коммерсанта есть.

– Может и есть, – подумал Пашка. – У них-то денег куча.

Зайдя во двор, взгляделись за трубы, где плиты – вроде бы никого. Пошли потихоньку, а как дошли, там и старшаки вышли.

– Мелочь, вы чего, мужика грохнули? – спросил Дрон. Голос у него был озадаченный.

– Нееееет!

– Аккум вы принесли?

– Нееееет!

– Да че вы гоните! – Холодец схватил меня за рукав куртки. – Вы че, путкашня, совсем уже?

– Никого мы не убивали, честно-честно!

– Честно! – добавил Паха.

– А кто тогда?

– Не знаем.

– Ментов надо вызывать, – Олежа был спокоен. – Пусть разбираются. Только этих задержать, чтобы не смайкались.

– Не надо, отпустите нас, – мы взмолились. Хотя Пахе бы стоило просто убежать, но он стоял со мной.

– Пошли там тогда их держать, пока приедут, – Дрон схватил недальновидного Паху, и они потащили нас вниз по лестнице. – Иди пока звони, – он сказал это Олеже. У того есть телефон в квартире.

– Ну не надо, не надо, – мы канючили, а лично я готов был и разреваться. Но при этом мы как-то не сопротивлялись. Просто безропотно шли. – Да это не мы!

– Менты разберутся. А че вы сюда шли? А? Че вы сюда шли? – Холодец включил фонарик, и вот мы приближались к повороту. Вот так, я случайно, совершенно того не желая, убил человека. Надо было аккуратней аккумулятор поставить, а теперь что? Колония для малолеток. Отец заругает и не будет разговаривать. Да и мама, может, тоже не будет. А там, в колонии, всякие интернатчики сидят. Может, сбежать, хоть как-то попытаться вырваться, а там до границы с Монголией и ускоглазить, типа я свой.

– Ну пацаны, ну не надо, – я подсогнул коленки, упираясь, что меня аж пришлось волочить с шорканьем. – Не надо!

Паха тоже начал дергаться и пытаться вырваться.

– А ну тихо! – мне прилетело в плечо. – А то самих вчикатим.

И вот, тот злосчастный поворот.

– Ну посмотрите, что наделали, – Дрон посветил фонариком на стены и медленно начал опускать свет к полу, именно к тому месту, где я совершенно случайно убил дядю Валеру. А у него вроде ребенок маленький, жена. Луч фонаря полз уже по полу: там была пачка от сигарет, стекло какое-то, аккумулятор, куски гудрона или чего похуже.

Вдруг меня отпустили, но тут же из темноты выскочил монстр!

– А! – коротко крикнул он.

И я со всех ног бросился к выходу, на тусклый, еще не очень сумеречный свет. Главное, не споткнуться ни обо что, а то хана. Что-то хлопало и стучало за моей спиной, в моей груди, в голове. Поворот, и по бедру что-то полоснуло. Не останавливаясь, по лестнице вверх, и я упал животом на землю, как Рональдо, когда гол забивает. Только я от бессилия, а не веселия. Паха так же вылетел из плит и разлегся рядом. Я перевернулся. На пустыре никого не было. Моя курточка снизу порвалась. Я нашел взглядом свой балкон на шестом этаже. Родители не смотрят, слава богу.

Мы тяжело дышали и ничего не говорили. Небо темнело, но на нем еще можно было разглядеть фиолетовую дымку от завода. Отец бы сейчас сказал, что снова на цветмете не по технологиям плавают, а вот у них на металлургическом все правильно было, пока он там работал. Надо идти домой. И мы пошли.

2. Кровавый спорт

– Похоже на заказ, – танцующий акуленок стоял над трупом Микеланджело – оранжевой черепашкой-ниндзя. Сам акуленок был в какой-то арабской шапке и с вытянутым вперед плавником. Я называл его Тынцом. – Что думаешь, новичок?

Новичком был акуленок из кувшина. Его плавники-руки были загнуты, чтобы держаться за край этого уже потерянного кувшина.

– Это точно киллер! В подъезде, выстрелом в голову. Так киллеры и работают. Но какой мотив?

– Это известный коммерсант. Конкуренты завалили. Опроси соседей, а я поговорю с женой.

Новичок был оставлен лежать рядом с Микеланджело, а Тынц перенесся в соседний прямоугольный узор на ковре, то есть в квартиру, где уже ждала Зайка. Просто Зайка из киндер-сюрприза.

– У вашего мужа были враги? – спросил Тынц.

– Я не знаю. Мы же богатые, может, кто и хотел его убить.

– Может, с кем-то ссорился недавно? С другими коммерсантами.

– Только если с Донателло. Они точку не поделили, разборки были, но все решили миром.

И Тынц был переставлен в цветной ромбик – кабинет в отделении милиции, где уже были сложены Новичок и Пингвинчик Алкашик. Пингвинчик имел при себе стойку со стаканом, на которую упирался локтем. А еще у него была кепка.

– То есть ты говоришь, что соседка с первого этажа видела человека в белом после выстрела? – спросил Тынц.

– Да, – подтвердил Новичок.

– Значит, точно заказное, – сказал Алкашик. – Найдем киллера, найдем и заказчика. Или наоборот. Я пойду поговорю с Донателло.

– Я думаю, что все не так просто, – задумался Тынц. – А что если это кто-то из ближнего круга? Брат или старый друг?

– А они с Донателло не братья? – спросил Новичок.

– Просто похожи, – ответил Алкашик и сам спросил: – Но какой тогда мотив? Еще и киллера нанимать.

– Не знаю. Я схожу на похороны, посмотрю, кто придет.

На похоронах в ряд выстроились Зайка, Бегемотик Капитан, Донателло, Солдат с гранатой и Котик с гитарой. Все они смотрели на сундучок с сокровищами из акульего набора киндер-сюрприза. Бегемотик Капитан в белой форме и фуражке развернулся к Зайке и утешал ее. Акуленок подошел к ним.

– Где вы были вчера ночью? – спросил он у Капитана.

– Я только вернулся с рейса

– Это может кто-то подтвердить?

– На что вы намекаете?

– Пока еще ни на что. Кем вы были убитому?

– Капитан – друг семьи, – начала объяснять Зайка.

Когда Новичок говорил про человека в белом, я еще не знал, что в итоге преступником окажется Бегемотик Капитан. Но теперь озарение приятно пронзило меня, и во мне затаилось радостное ожидание развязки. Через пять минут серия подошла к финалу.

– Тебя видели в подъезде Микеланджело ночью! – Тынц придвинулся к Бегемотику Капитану. – В тот вечер ты вернулся с плавания и напился. Это подтверждает вся команда. А потом ты пошел к жене Микеланджело, с которой у тебя был роман!

– Это неправда! Нет! – возмутилась Зайка. – Он просто друг!

Акуленок развернулся к ней.

– Или я что-то упустил. Но не мог же столько повивавший в жизни моряк, просто взять и убить в приступе ревности. Пусть и пьяный. Тут какой-то другой мотив. Сговор. Парни, в наручники этих двоих.

Новичок и Алкашик приблизились к подозреваемым, но тут Бегемотик развернулся и треснул пингвиненка локтем, а затем побежал по узорам-дорожкам.

– Держи ее, Новичок! Я за ним, – крикнул Тынц.

Началась погоня. Бегемотик перепрыгивал через фломастеры, сталкивал кубики с буквами за собой, мешая преследователю.

Так они взобрались на диван, а потом на его деревянную ручку.

– Стой! Я буду стрелять.

Дувж-дувж, и Бегемотик слетел вниз. Упал в бескрайний океан, который так любил. Акуленок устоял вдале комнаты.

В заключительной сцене на письменном столе Тынц зашел к себе домой, где его ждала Акула-мамочка с сыночком на руках. Им останется поужинать и пойти спать. Но щелкнул верхний замок, раз-два, и нижний. Раз.

Нервно и суматошно, словно можно было успеть, я сгреб игрушки и закинул их в обувную коробку. Продолжил быстро собирать оставшиеся декорация с ковра и с дивана, чтобы закинуть и их, и убрать коробку в шкаф. В коридоре раздавались тяжелые вздохи и стук берцев. Еще и фломастеры нужно засунуть в подставку. Может все-таки не сразу зайдет ко мне. Но зашел все-таки сразу. Посмотрел. Понятно так посмотрел – я же не успел прибраться. Да, опять играюсь в игрушки. Да, уже десять лет в этом году исполняется, а все как девочка, в куколки вожусь. Уроки сделал. Да, буду собираться на тренировку.

Оставалось двадцать минут до выхода. Я почитал «Приключения Васи Куролесова», посмеялся тихонько и пошаркал с рюкзаком на тренировку, раздумывая, что когда отец уйдет на сутки, можно будет разыграть кино по книжкам про черепашек-ниндзя: я давно хотел, но у меня не было ни Сплинтера, ни Шредера, только сами черепашки. Вот в «Черепашки-ниндзя против мафии» вроде никаких мутантов не было, там все обычные люди, кроме них. Тогда можно будет использовать солдатиков как бандитов.

А еще хотелось бы раскрыть какое-нибудь дело, как в книжках из «Черного котенка». Надо организовать с парнями детективный клуб и найти преступления. Можно выслеживать наркомапов и выяснить, кто же продает им наркотики.

Перебежал через дорогу, а потом сквозь пустырь мимо ангара, где продают фрукты-овощи на прилавках, во дворы через корт вдоль забора у садика, а как его обойдешь – плиточная дорожка до торговика, но не заходя в него, к светофору, желтый, зеленый, а за ним дальше по плиткам вдоль общежития, а там и дворы у третьей школы с гудящим в них ветром и не шелестящими без листьев деревьями. Вышел к нашей секции. Она находилась на первом этаже серой пятины.

У входа стоят-ждут и старшаки, и мелкие, как я сам. Старшаки уже другие, не дворовые, а со всего района. Ну и мелкие также. Меня сразу начали спрашивать, придет ли Гена сегодня, то есть мой отец, а он в ночь и сейчас спит, значит не придет. Старшаки обрадовались, да и я сам был в хорошем настроении. Когда отец приходит, то может вместо тренера остаться, пока тот отойдет куда-нибудь, и всем достается, не только мне.

Я всех обошел с рукопожатием. Только одного из старшаков не знал, рыжего. Наверное, с утренней смены. Ну я и не стал ему руку протягивать, а то вдруг не поздоровается – он же меня не знает.

Стоим ждем, когда тренер приедет на своей шестерке и запустит в зал, а мы пока вот тут, осенью, мерзнем, кто с сумками, кто с рюкзаками. И он придет, мы все скажем ему здравствуйте, Иван Петрович, и пойдем в раздевалку. А я надеюсь, что он не придет и тренировки не будет. Он еще и на заводе в смену работает, и иногда берет дополнительные смены, и если сегодня такой день, то тогда еще успею с парнями погулять, пока не сильно темно.

Вот зачем остальные сюда ходят? Меня-то отец заставляет. Они с Иваном Петровичем к одному и тому же тренеру в детстве ходили. А вот остальных никто не заставляет. И это же борьба, а не бокс какой-нибудь. Какой в ней смысл? Я, конечно, на руках могу заломать даже кого-нибудь из шестого класса, но вот Денчик всего два дня в тхэквондо отходил, а когда мы поругались и подрались, так мне вдарил! А отец мне не разрешил туда ходить. Это все чикатство для девочек, в жизни никто вот стоять ждать не будет, пока ты там размахнешься и «кия» свое кричать. Он пьяный тогда был, поэтому и матерился.

– Я че, копел, по-твоему?!

Это тот рыжий так разразился. Отец таким словом называл кого ни попадя: сослуживцев-ссыкунов, начальника-придурка, судью там кого-то их. И мне обидно стало почти до слез за такое обзывательство. Я молча отошел в сторону, подальше.

– Ты че, вообще запутал, что ли? Молокосос замаяканый.

– Толя, заткнись. Забетонил уже, – раздражился на него Гильермо. Он самый старший у нас – шестнадцать лет. И самый здоровый, то есть сильный и накаченный.

Иван Петрович все же приехал и завел нас внутрь. Заходишь, башмаки сбрасываешь на полку или под полку, и там прямо в раздевалку идешь, за которой еще и тренажерка. А налево от входа тренерская – там чай пьют и конфеты едят. Направо туалет и душ, там тоже понятно, что делают. А вот еще дальше направо: хоп, и пристройка, как будто бы первый этаж продолжается, а второго и остальных уже нет. А еще у нас сделан спуск ниже этажа где-то, и там маты. Ну понятно, что все маты под специальным большим покрытием, а то все бы разъехалось давно. И вот на этом

покрытии мы и занимаемся, пока тренер смотрит на нас сверху.

Мы спустились на маты и выстроились. Иван Петрович посмотрел, что кто-то не пришел, порадовался, что пришел этот рыжий, сто лет в обед его не было. Потом мы побежали по краю матов за Гильермо. Пять прямоугольных кругов обычным бегом, потом боком приставным шагом с вращением рук внутрь, потом другим боком и вращением наружу, и бег с поднимаем бедра, и с захлестом голени, и еще всякие другие беги, а потом ускорение по диагонали, а за ним кувырки вперед, назад, боком с хлопком, тоже все по диагонали. То ползали, то каракатицей шли, то по очереди друг друга за ноги держали, как тележку, а тот, кого держат, на руках прыгал с хлопком. То на плечи затаскивали партнера и бежали. Рыжий еще меня пнуть успел, пока тренер отходил. Не больно, но неприятно, че это он ко мне привязался.

Началась разминка в партере, а я уже упаканный. Отдышался немного, пока ноги крутили да шею гнули в переднем мостике, в заднем мостике, с одного на другой мостик попрыгали через голову. Разбились по парам: я всегда с Чижиком, ведь мы почти в одной весовой категории. Начались всякие задания, за которые старшаки со двора засмеяли бы. Потому что один встает на четверенки, а второй сбоку и руки ему на лопатки кладет. Такие позы всегда смех вызывают. Даже в комедиях по телику. И вот, Иван Петрович свистел, а мы должны были отрабатывать накаты. Это так: стараешься за корпус обхватить и вместе с нижним через мостик перевернуться. Ну а тот руками упирается и не дает такое сделать.

После в стойке отрабатывали броски через бедро. Пять минут один, пять минут другой. Еще чтобы хорошо было, надо вместе с напарником падать, когда кидаешь. И вот Чижик, бывает, как упадет боком мне на живот, так вдохнуть не могу. Иван Петрович подходит, поправляет. Потом еще мельницу нам показал, и ее тоже надо отрабатывать. А это опасно! Кто бросает, на колени встает и подбивает плечом под животом. Чуть-чуть что не так, и может и ниже ударить, а потом детей не будет. Мне-то ладно, но родители расстроятся. Они из-за этого даже на плитках не разрешают сидеть. Чтобы дети обязательно были потом!

В конце было несколько схваток борьбы по три минуты. Я Чижика раскидал, как и обычно. Потом еще совсем мелкого дали – Санька. Но я с ним просто походил и дал ему меня покидать. На технику с ним работой, а не силой тяни! Это тренер кричал, когда видел, что я начинал нагружать Саньку только за счет веса.

А в конце заминка с растяжкой.

Хорошо, что отца не было, он бы только и делал, что поправлял бы меня и бесился. А тут тренер только пару раз что-то сказал, и все.

А в раздевалке уже кикбоксеры собрались, ждут, пока у нас закончится. Нормальный спорт, не то что у нас. Хотя с ними еще и девочки занимаются, и наши старшаки на них засматриваются, но боятся познакомиться. Сбегал в душ, оделся и перед уходом зашел в тренажерку руки пожать – старшаки туда ходят после основной тренировки. Рыжему тоже руку протянул, он посмотрел так удивленно.

– Че, теперь не впадлу стало?

Но пожал. И я побежал радостный домой. За железной дверью темные дворы, шмыгнул сразу через школьное футбольное поле, за ним на дорожку к общежитию, светофор, торговик, снова дворы. Дорога и дверь в подъезд. Отец-то уже на работу уехал, и мне было спокойно. Было время еще на Васю Куролесова. А вот бы мне сего, как у Дюшика и Пахи. Но мне такое не купят, хотя вот Дюшина бабушка же нашла где-то деньги, хоть они и беднее нас. А мне только читать и остается. И игрушки.

Мама приготовила ужин, и мы собрались за маленьким столиком у телевизора в их комнате. Она выключила звук и прочитала молитву. Я повторял за ней. Она у меня верующая. В церковь только не ходит, но у нее много молитв, которые она мне рассказывает, и я их учу. И молюсь.

– Ты ведь хочешь помочь нам с папой? – спрашивает. – Тогда я тебе специальную молитву придумала для намаливания на бабушку. Ты ее выучишь и каждый день будешь читать. Только надо креститься обязательно и лучше на коленях. Хорошо?

3. Заказ на убийство

Я сидел за столом у себя и делал домашку по матеше, но что-то задумался перед открытой тетрадкой с учебником: круто бы было выйти на продавцов наркотиками, которые шприцы эти тонкие продают наркоманам. Мы могли бы с парнями их выследить, проследить, как они разгружают ящики на каком-нибудь складе. И у нас будут рации, чтобы мы переговаривались.

– Черная смерть, прием, – это Паха мне.

– Черная смерть на связи. Вижу объект, – это я. – Коммандосы, вы готовы?

– Да! – Дюша, Паха и Денчик.

И вот, такие высказываем из разных углов и начинаем драться с ними. Без оружия. Я бросаю бандитов разными приемами из борьбы. Денчик их ногами с вертушки бьет. Паха бросает ножи, а Дюшник просто бежит и всем валится под ноги, чтобы уронить. И только один самый главный продавец наркотиками прячется за ящиками.

– Парни, у него пушка! – кричу я, предупреждая коммандосов. – Нужно что-то придумать!

Но тут в комнате заскрипел пол – зашел отец. Я сразу повернулся к нему, соображая, что я мог сделать не так. Но он только спросил, в друзьях ли я с Димкой, тети-Галиным сыном.

Какая с этим придурком дружба. Он же мелкий ябеда. Но отцу не объяснишь, поэтому я просто ответил, что да.

Тогда он спросил, в курсе ли я, что того обижают в школе. Он же только в первый класс пошел, никого не знает, и я как старший товарищ и друг должен заступиться за слабого и беспомощного. Как мужик! И неужто я не видел, что Димку задирают. Точно ведь видел, но ничего не сделал, потому что зассал как девочка. Зачем вообще я тогда борьбой занимаюсь?

Потому что тебе надо! Но это я только подумал. И не хочу я быть как мужик. Я хочу быть как Донателло!

Димка этот был как наш одноклассник Банан: он ходил с крутыми ребятами из класса, типа он с ними. Но они его всячески лошили, подговаривали делать подлянки другим слабакам и девочкам. Видел я их на перемене. И конечно, они и сами ему раздавали подзатыльники и пинали в портфель, как и наши крутые делают с Бананом, когда рядом нет никого, к кому можно привязаться. Да и мы, не крутые, могли в Банана кинуть тряпкой, и никто нам ничего не сделает.

Вот и Димку пинают. И правильно: он ведь сам не против другим гадить! Еще и стукач. Мне ремнем от отца прилетело, когда он в гостях лез отломать ноги моему Бэтману. Я забрал человека – летучую мышь и оттолкнул Димку, а тот сразу реветь. Попытался отцу объяснить, а он только свое «Не оправдывайся!» в ответ.

Так, мне пришлось пообещать, что завтра на переменах я буду ходить на первый этаж к младшеклассникам и смотреть, как у него дела. А то знаю я – не пообещаешь, так он насупится и будет две недели в молчанку играть, будто я фашист какой-то. Вечно так делает. Потом сижу в комнате как в тюрьме – лишь бы с ним не пересекаться. А он ходит, надзирает и пыхтит еще так шумно. Еще вот непонятно, говорить ему привет, когда в такие дни видимся, или нет. Я говорю – а он только зло смотрит. А не скажешь, так еще хуже будет. И гулять не отпросишься, если мамы дома нет.

Одна радость – он и на тренировки в такие дни не ходит. Не хочет меня видеть. Но лучше бы ремня дал, и все, никаких молчанок, хоть так тоже несправедливо было бы. Я послушный сын,

учусь на четверки и пяточки. Читаю! Это все взрослые подмечают, что я молодец, а остальные дети мало читают и только у телевизора тупеют. А что тренируюсь плохо, я разве виноват? Не получается просто.

А когда он все-таки начинает общаться, так будто ничего и не было, так хорошо на душе становится, как после молитвы. Бывает у молитв такое: если много раз повторять, то даже на слезу прошибает, насколько боженька большой и замечательный, и так мне себя жалко.

Вот Денчику повезло, что у него родители в разводе. Отца раз в полгода видит, и никаких проблем. У его отца белая волга, и он вроде как крутой какой-то, ездит везде. Ходит в черных очках и кожанке, когда не зима, конечно. Лысый еще. Возит их с сестрой куда-нибудь иногда. Даже в кафе в Сибирогорск, и там им еду люди приносили, а не сами покупали. Официалы называются. И еще он всегда ему что-то обещает, но так ни пистолет газовый как настоящий, ни надувной бассейн не подарил.

И мамка ему все разрешает. Я даже как-то свою маму упрашивал, чтобы она развелась с отцом. Он тогда на сутках был, и к ней пришла подруга. Ну они курили, вино пили, жаловались на жизнь женскую. Мама рассказывала, что курить ей отец запрещает, гулять с подружками не отпускает, и сам он тиран и тяжелый человек. Я еще на кухню зайду за чем-нибудь, и она мне: «Папе не говори только». Конечно, не скажу! Он иногда спрашивает: «А мама курила, пока меня не было?» Отвечаю, что нет. Вру, но за добро. А она не говорит ему, что я в игрушки играю, пока его нет.

Когда после ухода подружки мама стала прибираться и проветривать кухню, я подошел к ней, обнял и сказал, типа давай ты с ним разведешься. Ну с отцом. Ну пожалуйста. А она ответила, чтобы не говорил глупостей. Еще даже зло немного. Зло и пьяно. Потом сказала, что надо молитву читать о прощении после таких просьб. А мне же ее жалко! И себя. Тогда я решил, что придумаю молитву, чтобы они развелись, но как-то позабыл, да и слов молитвенных мало знаю. А теперь надо идти и заступаться за Димку.

А школа у нас была обычная, с номером двенадцать, но находилась в соседнем квартале, не нашего района. В нашей квартальной школе нет английского, а только французский с немецким. И хоть языки и учат только с пятого класса, родители нас сразу пихнули в правильную школу. Отец Денчика даже ходил договариваться с директором, и наши родители, а у Дюшика бабушка, скидывались на новые окна. Пластмассовые. Только Пашку отдали по назначению, в правильную районную школу, потому что все равно его в лицей в старших классах собирались перевезти. И вот мы, калининские парни, ходили учиться в Шадрино.

Олежа говорит, что в его время, когда он в начале учился, нас бы там постоянно избивали, потому что мы с другого района, а сейчас уже не те времена – ходить можно без опаски. Ну и хорошо, а то я, пока на тренировку иду, района три прохожу. Если бы в каждом до меня докапывались, то я и не добирался бы до секции. А так, когда в первом классе были, только третьеклашки чего-то лезли, а сейчас мы сами третьеклашки – самые старшие в младшей школе.

Вместо того чтобы сладко спать дома на диване, мы, предварительно поздоровавшись и постучав друг друга по плечам, переходим перекресток у дома. Тот же самый, что и по дороге на тренировку, но только теперь нужно на противоположный угол. Он так-то большой: если наискосок пересекать, то только бегом, пока светофоры не переключатся. Но иногда мы играли в камикадзе: закрывали глаза и перебегали на ближайшую сторону по очереди. Перед этим главное постучать кулаком правой руки по левому плечу – на удачу. Водители библикают, кричат: очень бодрит. Наискосок, конечно, мы с закрытыми глазами не бегали – там точно задавят. Правда, как-то кто-

то Дюшиной бабушке пожаловался – ну он так сказал, и она его наказала. Теперь он перестал так бегать. Затем мы забежали в щель между двух девятин, а там прямо по двору вдоль Ладановской улицы впритирку к пятиэтажкам, одна, две, три, закрытый ранним утром магазин, двор, последняя пятина, и вот он, школьный забор. На обратном пути уже можно было зайти в открывшийся магазин и купить сухариков, если получалось деньги на обеды сэкономить.

Класс у нас большой и недружный. Всех не перечислишь. Ну чуханка есть. Крутые есть с Саньком, Степой во главе и Бананом в ногах. Есть один аржентинец – Пауло. Но его никто не трогает, только крутые иногда прикапываются, потому что он смуглый. Но у того брата в старшей школе тоже типа крутых, так что лишний раз трогать его не надо. Девки есть, но там все как обычно – пара заучек и остальные: сидят анкеты свои заполняют каждую перемену. Чуханка, опять же, если за девочку считать. Ну мы, самые нормальные в классе, конечно, обычно между собой общаемся только. Денчик еще с богатыми может иногда чет походить. Даже в гостях был у одного – Юрчика. И Антон, Тоша то есть, тоже богатый, а еще он белобрысый и смазливый, на скрипочке играет, в музыкалку ходит. Девчонки за ним бегают и даже защищают, когда крутые до него начинают докапываться.

Класснуха, Наталья Владимировна, у нас ведет уроки, собирает, как она говорит, оброки, ругается вечно и с потрохами сдает родителям на собраниях. Но скоро отучимся и в следующем году уйдем от нее в старшую школу – будет знать. А пока она заставляет нас сидеть прямо, сложив руки на парте, как придурки. А когда вдруг неожиданно по непонятной причине, как заучка, хочешь ответить и получить пятку, так надо правильно поднять правую руку, прижав локоть к парте, а не тянуть вверх. Но никто, кроме девок, и не хочет отвечать., хоть и парни почти все хорошо учатся, кроме крутых и Дюшика.

В первом классе школа казалась огромным лабиринтом. Зашел, направо гардероб, а потом прямо в темноту, мимо лестницы в закоулочек к столовой. И вот там дальше был наш кабинет, мы в нем сидели и никуда особо не ходили. Разве что по коридору побегать, ну и на обед. Даже никого из других первых классов не знали. А если незнакомых детей видел, то стороной их обходил. Во втором классе нас переместили на второй же этаж, а это уже когда зашел, то направо гардероб, а потом вверх по лестнице, а там мимо кабинета музыки через освещенные окнами грязно-розовые стены, мимо еще одной лестницы между этажами идешь до холла, где целых четыре кабинета, и один из них наш. И у нас еще и другие вторые классы там. Мы уже с ними и начали общаться. Тут мы и сейчас в третьем, ведь третьего этажа и нет, а новые вторые, которые были первыми, когда мы были вторыми, в противоположном конце сейчас, где были третьи классы, когда мы были вторыми.

Пока идешь по всему этому маршруту, можно посетить много памятных мест: здесь в холле мы боролись с Дюшей, и когда я его толкнул, он рукой разбил окно. Досталось нам и от его бабушки, и от моих родителей. Ну ничего, отец пришел и поставил стекло. А на лестнице между этажами меня в прошлом году подловили третьеклассники и попросили десять копеек. У меня не было, и я думал пройти дальше, а они не дали, говорили, что я вру, и что если найдут, то больно сильно сделают. Они-то говорили все матом, плохими словами, но я не матерюсь. В итоге похорохорились и отвязались. А Денчик сказал, что они и ударить могли, но мне повезло. А в туалете, который сразу за второй лестницей, мы собирались и смотрели, как Санек с Кирей дерутся до первой крови, чтобы выяснить, кто самый крутой среди вторых классов, как было тогда. Санек с двух ударов Кирилла положил, и тот руки вытянул, типа все, хватит-хватит. А Санек спрашивал, кто еще хочет. Никто уж не хотел. Он еще Дюшику предложил, а тот нет-нет. А Киря переехал в другой район. И вот Денчик написал матные слова на доске, когда класснуха вышла. Но она сразу смекнула, что это он, и его маму в школу вызвала. Но у него только старшая сестра пришла, и ничего ему не было. А тут, на подоконнике, уже в конце прошлой четвертой четверти снова Денчик

прикололся: поймал муху сонную и вставил ей в зад соломку какую-то. Она жужжала и не могла взлететь нормально, как ни пыталась. Было весело и мерзко как-то. Потом ее вместе с палочкой в унитаз смыли.

Мы вообще на переменах много веселились. Пинали теннисные мячики, раскручивались на одном месте с портфелями и запускали их в окна, стены или друг друга. Могли и в ляпы побегать, ну а могли и в чуху тряпкой поиграть, если Наталья Владимировна уходила куда-то.

После второго урока в столовую улепетывали первоклашки. А после третьего уже и все остальные. Усаживались там за своим столом с расставленной дежурными едой. Кушай эти булочки с компотом, пюре с сосиской и капусткой кислой. А расстегай или беляшик никогда тут не увидишь. Ну, лишь бы не горошницу вонючую!

И дежурные. Каждую неделю один из вторых или третьих классов становился дежурным. Дежурные принимали вещи в гардеробе и помогали в столовой. Приходилось пораньше в школу приходить и за 10 минут с уроков отправляться в раздевалку или столовку. Конечно, тогда мелочь в курточке или что-то важное не оставишь, и в тарелку плюнуть могут, и не узнаешь. Я уж видел, когда со Степой дежурил, как он это делал. Еще перед первым уроком на входе надо было стоять и сменку проверять, ну типа, что ее взяли. Чувствовал себя охранником на проходной завода, жаль только формы крутой нет. Хорошо, что сзади обычно учитель стоит, а то крутые за такое могли и побить. Предъяви им еще, что у них сменки нет, и ты их непустишь. Им, конечно, не очень и хочется в школу, но слишком нарывисто это. А как в старшей школе дежурить, я и не знаю, мы же там самые мелкие будем.

Ну и ходим мы обычно втроем, то в школу, то из школы. Иногда по дороге можем Тошу встретить, но с ним обычно Денчик только общается – а то тот какой-то изнеженный. Обратно, можем и с другими классами в ляпки поиграть или снежки. Иногда Дюша или Денчик болеют. Или я болею, тогда по двое ходим. Я говорю Дюшику, что вот Денчик надоед уже все время прикалываться и секреты разбазаривать. А Дюшику еще и толстым называет. Денчику говорю, что Дюшику тормоз жирный, бабушка его кормит, а потом по попе шлепает. И они что-то говорят про меня, когда болею. Я как-то подумал об этом, и обидно стало. А потом решил, что так и надо.

Больше ничего про школу и не скажешь. Знаю, что в каких-то школах форму надо носить, и там даже настоящие охранники есть, но это школы для совсем богатых, лицеями их называют. Наши богатые тоже туда пойдут в старших классах, как и Пашка. Но сейчас у него такая же школа, как и у нас, только у них и старшие, и младшие классы вместе учатся. Зато Паха там никого не боится, потому что там все крутые старшаки с нашего двора. Никто его задирать не будет, а если и будет, то потом еще и отхватит. А если из своих кто докопается, Холодец там, или Олежа может, то с ними-то знаешь, что никто серьезно тебя не побьет, если сам нарываться особо не будешь

Я рассказал парням про Димку, но на первой перемене мы решили, что лучше попинать в стенку теннисный мяч. Зеленый, пушистый, с белыми полосками. А проверять, как там мелкого напрягают, пойдем после второго урока в столовку.

Подшел Юрчик и предложил сыграть в фишки. Ну, когда каждый отдает по фишке с покемоном, их складывают друг на друга картинкой вниз и на кулачках выбирают, чей первый черед. Фишки бросают в пол, в парту, в подоконник, во что угодно. Если твоя фишка переворачивается картинкой покемона вместе с фишкой другого, то ты забираешь их обе. Ну а если не переворачивается, или только одна, то следующий ходит. Ну так у нас и кочевали фишки туда-сюда по всей младшей школе.

А у Юрчика была фишка Мьюту – очень редкая. Денчик сразу предложил поставить ее, но тот начал ломаться. Говорит, только если три фишки у него отыграет кто-нибудь, то готов поменять. Ага, конечно, за три фишки-то, сдался нам этот Мьюту. Но на зов фишек подошли наши крутые. Саня сразу Денчику в плечо подал, говорит: «Карате!» А потом:

– Можно еще ударю?

Напряжно стало. Юрчик вон сразу свои фишки убрал, а то возьмут посмотреть, и все, никого у него Мьюту не будет.

– Да вон Банана бей, че меня-то, – ответил Денчик не очень уверенно.

– А ты че стрелки кидаешь? – запутушился Банан. Но его никто не боится. Даже Юрчик. Степа сам ему двоечку в плечо прописал. Успокойся, типа.

– Ну разочек, – Саня снова попросил.

– Ладно, – Денчик согласился.

Тогда Санек встал в боксерскую стойку и начал примериваться: медленно вытягивать правую руку, а потом назад. Так пару раз. И ударил.

– Больно?

Денчик потер плечо.

– Терпимо.

– Терпимо, значит нормально. В следующий раз тебе, Жирный, пропишу, – это он Дюшику сказал, других полных у нас не было. – Ой, то есть Дюша. Ты не обиделся?

– Нет-нет, – ответил Дюшик. И крутые ушли.

Неприятно как-то, что не заступились друг за друга. Но, с другой стороны, никто же никого не бил. Так бы, конечно, я впрягся бы. Были у нас уже ситуации. А тут просто шуточки. Но если что, мы и крутым вдарим. Я даже иногда представляю, как Степу бью. Он вроде послабее Санька, а более нарывистый, докапывается часто. Я ему отвечаю что-нибудь, но как-то до драки дело никогда не доходило, но всегда казалось, будто он побеждал хотя бы с виду.

А вообще, мы с парнями решили, что никогда не будем так себя вести: задирать кого-либо. Надо быть добрее ко всем. А чуханку просто не трогать. И не садиться с ней, даже если учитель говорит. Вон, Юрчика как-то к ней посадили в начале года, потом все над ним смеялись, и он стал отсаживаться. Ну и Наталья Владимировна тоже ему устроила, даже родителей вызывала. Но ничего, отстали, сейчас с одной из заучек сидит.

Звонок. Математика. Класнуха учила нас решать уравнения с делением. Икс туда, икс сюда, вверх-вниз. Не очень сложно. Хотя вот Дюшика вызвали к доске, и он стоял тупил. Как-то раз сидели у него в гостях, в сегу играли, и бабушка его вернулась откуда-то. А она строгая такая, сразу начала спрашивать, а сделали ли мы уроки. Понятно дело: Дюша троечник – у него и спрашивают такое. У меня родители вообще за домашку не тревожатся, только для вида иногда спросят, сделал ли ее, особенно когда гулять отпрашиваюсь. В первом классе только проверяли поначалу. Еще отец как-то психанул из-за одной помарки и все упражнения исчеркал, чтобы переделывал. Класнуха тупая еще и два поставила за то, что в тетради начеркнуто, хотя я переписал начисто, просто не стал вырывать страницы. У Пахи с Денчиком вроде тоже особо не проверяли. У одного брат мелкий – родителям не до него, у другого сестра старшая, которую мамка обязала проверять – а та сама-то свои не делает и учится плохо, все равно ей, что там у Денчика.

И Дюшина бабушка заставила его делать уроки прямо при мне. Я уйти хотел, а то неловко было: я в сегу играю, и тут же она на него орет, что он не может посчитать что-то. Но не отпустили меня. Сперва бабушка сказала, что сейчас быстро все сделают и продолжите играть, а потом попросила помочь. Ну я стал смотреть, что там нам задали и что Дюшик пишет. А там надо было тысячи перемножать и делить. Дюшик столбиком выводит, но не понимает, что если переносишь

через ноль, то вместо нуля надо писать то, что перенес. Ну типа, одну тысячу и два умножает на девять, и пишет восемь, ноль, ноль, девять вместо восемь, один, ноль, девять. И бабушка его бесится. А он удивляется, что мы же только восьмерку от восемнадцати пишем, когда два на девять умножается, а потом умножаем девятку на ноли. В итоге я ему просто сам наreshал как правильно. А бабушка его такая говорит, давай ты Андрея подтянешь, будешь ему помогать каждый день с домашним, объяснять, а я тебе за это мороженое буду покупать.

Неловкая ситуация была: будто бы унижаем Дюшика. И тот сам молчит, но видно, что неприятно. Я говорю, что не знаю. А она такая, ну давай, давай, ты умный, смысленный, все такое.

– Ну я попробую, – говорю. Фух, хорошо, что она забыла об этом. Да и я перестал быть у Дюшика в гостях, когда у него бабушка дома или скоро прийти должна. То есть никогда больше и не был, получается. Она же бабушка – не работает, только за пенсией ходит да в магазин.

Когда звонок спас Дюшика от мучений у доски, мы пошли в столовую и встали у стены. Я махнул Димке рукой, когда он проходил мимо. Типа привет. Заметил только, что он со своими друзьями плюнул какой-то девочке в суп. И никто его не обижал.

А на следующей перемене мы сами пошли в столовую обедать, быстро съели наши капустки, тушенные с котлетами, и погнали в раздевалку: у первоклашек это последний урок. Чтобы уж точно убедиться, что никто его не трогает.

Мы взяли наши курточки и вышли за толпой мелких. До забора проследим, а там уже ладно. Не прогуливать же нам из-за него уроки. Но он и его друзья из столовой пошли не к выходу, а за школу. Я сразу догадался зачем: там была пристройка-сарайка, за которой курили те, кто уже курил. Но не первоклашки же!

Мы с Дюшиком и Денчиком встали за углом, будто бы разговариваем, но сами следили, как они стояли в кучке и делали понятно что. Одну сигаретку на всех раскурили.

Дюшик спросил, расскажу ли я родителям. Конечно нет. Потом еще и стукачом буду. Или как говорили у нас на трене: красноперым. Причем сам же отец мне такое и скажет.

Ну вроде и все, а что делать? Надо на урок идти: мы-то не прогульщики. Только повернулись, а те громко засмеялись, загоготали, зашипели гусями, эй, Королёва, ты что, Королева, куда пошла, на помойку? Они всей толпой ринулись к воротам со школьного двора. Там в серенькой курточке с капшоном да розовым рюкзачком шла девочка. Стой-стой, на помойку пошла, на помойку?! Скажи, что на помойку!

Они преградили ей выход. Королёва-корова, смотри, что у нас есть, на, помой! Один из них просунул руку ей в капюшон, и девочка задергалась, затрепыхалась, вытряхивая что-то. Остальные же неожиданно отпрыгнули от этого парня. А! Задел ее, задел, фуу, зачухался. Да не трогал я ее, не трогал, только бычок закинул!

Дюшик сказал, что сейчас звонок будет и надо идти, а то будем прогульщиками. Но мне было интересно, что будет дальше.

Оправдывающийся парень взял Димку за шиворот: давай, поцелуй ее, королем будешь, это твоя королева, давай, целуй. Целуй. Еще пинка дал для решительности. Тут уже всей своей толпой: целуй-целуй-целуй. Не хочу, пацаны, отпустите! Целуй-целуй! А ты куда пошла! – еще один снял свой рюкзак и ударил Королеву по спине. То есть по ее рюкзаку на спине. Она упала. Королёва-рёва-корова!

Мерзко. Мы и сами смеялись над нашей чуханкой, и бывало неприятно, но в целом нормально, это же так принято. И никто за нее не думал заступаться. Так уж с первого класса повелось. А за эту, может, и нужно постоять. Отец же хотел, чтобы как мужик!

Я грозно окликнул и пошел в их сторону. Эй! Они замолкли. Дюша с Денчиком пошли за мной. Чего пристали к девочке, идите отсюда в... в одно хорошее место. И они уже почти развернулись, кроме одного, видно самого наглого. Тот заартачился, чего это они должны идти, они

вообще свободные люди, могут ходить где хотят. И вообще, че это я, влюбился, что ли? Это он зря сказал! Я никогда не влюблюсь! Сразу к нему подскочил и замер.

Если так подумать, то ударить – это страшно. Вот так просто, когда на тебя еще не напали. Да и как ударить, чтобы посильнее, чтобы он уже не лез. А если несильно будет, то он в ответ еще рыпнется, и будет драка, в которой еще можно и проиграть. Стремно, одним словом. Но чтобы поскорее все закончилось, надо.

– Фу, копел! – мелкий оборзел в край.

И я ударил ему в грудь. Просто выпрямил руку со сжатым кулаком. Парень отступил назад. Встал. Помолчал. И разревелся! Тут же все мелкие повернулись и побежали, а тот стоял и ревел. И как-то неловко, что делать-то? Дюшик говорит, пойдем-пойдем, звонок уже. А еще какие-то девочки проходят, говорят, что все видели и все расскажут, и побежали в школу. Пускай рассказывают, я-то как нас учили сделал, как на двадцать третья февраля говорят, чтобы заступались за девочек. Вот вам! Просили же.

Ты в первую очередь ударил младшего, того, кто тебя слабее. Кто это тебе в школе такому учил? Может быть, дома тебя такому научили? Сомневаюсь. Вот я позвоню Татьяне Олеговне, посмотрим, как она рада будет, что ее сын обижает младшешкольников. Еще и не раскаивается. А вы что?

Классная надела и на Дюшу с Денчиком. Че же они стояли рядом и не вступились за младших. Но мы же вступились! За девочку.

Вы могли их просто отогнать. Но что-то жалоб никаких от Королёвой не было.

Разве ж так можно? Ты же понимаешь, что бог все видит, и теперь тебе надо будет молиться, чтобы он тебя простил за это. Наталья Владимировна я пообещала, что этого больше не повторится. А ты мне обещаешь?

Но я же все сделал правильно, мне папа сказал заступиться, я и заступился.

Но папа сказал, чтобы я не оправдывался. И никаких больше игрушек. Еще один такой фокус, и он их выбросит.

Денчику ничего не сделали, как и ожидалось, раз уж родители развелись, то всем безразлично, что он там наделал. А вот Дюшику бабушка запретила играть в сего на неделю. Но она, сего, у него хотя бы есть. А отца нет. И мамы. Поэтому у него бабушка за двоих. Сама с собой не разведется.

4. Наркоманы из ада

Но раз нам с Денчиком гулять не запретили, то следующий день, когда у Ивана Петровича были сутки, а у отца ночная смена, то есть у меня тренировки не было, мы и собрались гулять. Денчик скинул мне ключи с балкона, и я зашел в их с Пахой подъезд. Пока поднимался в запыленном лифте на пятый этаж, я любовался выскребенными на стенах смелыми фразами, за которые мне бы родители настучали по полной. Смотрел на оплавленные пластиковые кнопки для останова и вызова лифтерши. Вдыхал резкий запах мочи. Такой себе у них лифт. И причина этому встретила меня в коридоре у Денчика.

Катка, его старшая сестра, красилась у зеркала в коридоре. Ей было уже пятнадцать, и к ней ходили все старшаки. Вот они-то лифт и загадили. Иногда зайдешь за Денчиком, а они стоят на его площадке, и все такие злобные, заветренные. И Катка стоит в халате у себя на пороге. Я тогда пытаюсь молча прошмыгнуть между ними. Там ни Дрона, ни Олежи, ни даже Холодца – все гораздо старше, и на меня внимания не обращают. Зато Денчик с ними общается как крутой, руки жмет. А они ему в лифте ссут!

Стоя за порогом, я выглядывал из приоткрытой двери в квартиру в ожидании, пока Денчик соберется.

– Че ты встала, дура, – он толкнул сестру в ногу, когда присел, чтобы обуться.

– Чикат, мелкий, отстань!

– Ты че, путка тупая, попутала? – огрызнулся он. Катька развернулась и дала ему поджопник.

– Я папе скажу, что ты материшься.

– А я скажу... – он задумался. – Что ты путка тупая.

Он резко вскочил и побежал к двери. Ну как побежал, там два шага было, и он сразу ударился в столик у стенки, с которого что-то посыпалось, но мне не было видно, что именно.

– Денис, собирай давай!

– Сама соберешь.

– Ну скажи ему, – Катька посмотрела на меня. У нее большие глаза и большая грудь. Что я могу сказать, он же мой друг, поэтому я молчу. А она вроде и не ждет ответа, отвернулась к своему зеркалу. Денчик же все же вбежал в прорезь между дверьми и косяком, и мы уже побежали вниз на два этажа к Пахе.

– Ключи не взял, debil, – достал нас Катькин голос.

– Чикат! – матюкнулся Денчик и побежал обратно вверх. – Я ща.

Мама говорит, что за каждый произнесенный мат нужно много молиться, поэтому сам я не матерюсь, а то лень потом у иконы стоять, да и вдруг взрослые услышат. Но только не Денчик. Он матерщинник. За это мы его и уважали. Вот, я думал, хорошо же Денчику: ругается когда хочет, и ничего ему не делают. А у нас в садике, пока мы на лазилках играли в «Выше ноги от земли», один парень все говорил: «Колода фартовая, бетонка бетонная». И меня заело из-за него. Уже дома я чет сидел и говорю вот это вот про колоду фартовую и бетонку бетонную. И мама вдруг говорит, чтобы я встал. Ну я встал, а она как дала по губам, и сказала, чтобы я никогда такое не произносил. И сразу же мне написала молитву от матов. Читал ее весь вечер на коленях.

И вот никакого объяснения, что это за маты какие-то. Понятно, что не те, что на тренировке. Потом уже понял, когда отец матерился в машине и бетонил водителя впереди. Но почему бетон когда-то это нормальное слово, а когда-то мат? Я не знал, а спросить страшно. Опять скажут, что матерюсь, и ничего не объясняя накажут. А я это слово в словаре видел даже, но произносить нельзя! А почему нельзя? Никто не рассказывает. Просто так сложилось? Или боженьке не нравятся.

Если еще про то, что дорогу надо переходить на зеленый – понятное правило, хотя и то не всегда, вот вроде круглый зеленый горит, а все равно нельзя, потому что он не для людей, а для машин. И лучше тогда переходить на маленьких светофорах, где нарисованы человечки, но их мало, у нас вот на районе вообще нет. Но это еще ладно, а со словами голову сломаешь что-нибудь выяснить. Вот есть словечки: майкать, майканый, замайкал, майкаться. И вроде понятно, что замайкал – это надоел на матерном. Но это не сходилось с тем, что сказал отец, когда его вызвали подростков с детского сада гонять. Он сказал: «Ща, всех там майкать буду, копелов чикатных». Вряд ли уж он просто надоедал им и мешал пиво пить на детских качелях. Он их бил дубинками, если мог догнать. Вот я так размышлял, а потом снова стоял на коленях и молился тихо в комнате из-за этого, да так, чтобы никто не услышал. А то мама увидит и будет спрашивать, что я там отмаливаю.

Ну так и что? Все вчетвером мы собрались в песочнице во дворе. Мы всегда садились каждый на свою сторону, если малышня не игралась. В песочнице можно было и побороться. У нас вообще песок по всей площадке был рассыпан. Но тут он специальный для лепки, такой липкий и мягкий. Еще мы строили башню, харкали на верхушку, а потом начинали подрывать со своих сторон. На кого харча упадет, тот и чуха. Или в ножички можно было поиграть, но нужен нож.

Я стоял на кухне и делал намаливание, когда посмотрел в окно и увидел, как два каких-то горбленых наркомана в кофтах с капюшонами спустились в бетонки. Быстренько дочитав молитву еще два раза, чтобы выполнить обещание произносить ее по десять раз в день, я бросился одеваться.

Отпросился у мамы погулять и побегал. Отца дома не было – ушел качаться в подвал. Лифт ждать долго, и я бросился вниз по лестнице, перешагивая через одну ступеньку, а в конце каждого пролета прыгал через целых три, держась за перилла. Шлеп о кафель – развернулся, и на следующий пролет. Потом ударом в железную дверь, чтобы отскочить от нее и потянуть на себя ручку, дернув затвор: улица. За угол дома и внутрь двора, к лазилкам, чтобы вскочить на них и закричать Пахе и Денчику, чтобы выходили. Паха выглянул в окно, значит все – поднимется еще за Денчиком, и побегим следить, чтобы наркоманы не ушли без нас.

Мы собрались, я быстренько объяснил, что видел, и описал план: залезем под трубы и оттуда будем следить.

– А если они не наркоманы? – Паха озадачил меня дурацким вопросом. Надо же идти проверять. Они, наверное, лежат, кайфуют в плитах. Но как-то боязно к ним идти.

– Да пойдете! – а Денчику типа не страшно. – Че нам будет?

Но я слышал, что наркоманы за десять рублей и бабушку на улице убьют, лишь бы на дозу на собирать. Удача понадобится. Так что каждый постучал себе кулаком по плечу, и вот мы уже идем, пригнувшись к холодной земле. Быстренько пробежали рядом со спуском в плиты – вроде никого нет. Пошлите – подбодрили друг друга и спустились. А там прижались к стене, прислушались у коридорной развилки, нет ли кого. Ни стонов от кайфа, ни криков от горячки.

Мы прошли дальше. Денчик зажег зажигалку. Мы проверили комнату с аккумулятором – мы так и не собрались еще раз плавить свинец, но заложили его найденными кирпичами и жестяным листом в углу одной из сараек. На будущее. Прошли дальше: к тому злосчастному своротку, где валялся пьяный дядя Валера и где нас напугали старшаки. Тихо все. И оттого еще страшней.

– Паха, где ты больше всего шприцов находишь? – я прошептал. – Они наверняка там.

Но он сказал, что везде эти шприцы, везде. И что надо было взять шприцы из его тайника, чтобы защищаться, если что.

Мы еще поменжевались немного, и Денчик вроде что-то услышал, напрягся, сделал тссссс. Послышался шорох и даже какие-то стоны – точно, укололись! Звуки становились четче, хоть все еще не громкие, но ритмичные, как будто еще стучали молотком по какой-нибудь резинке. А потом резкий рев, вскрик, вопль. И мы пощемились к выходу, уже привычные к сумраку. Из бетонок сразу под трубы. Затаились там.

Может один другого того? За дозу убил? Это мы гадали, а Паха все-таки убежал за шприцами в тайник. Он быстро вернулся и дал нам с Денчиком по одному. Только не уколите, а то спидом заразитесь! Такое маленькое опасное оружие в моих руках, такой комарик, наполненный каплями крови. Наполненный смертью.

Они вышли. Один был без капюшона с растрепанной, не очень длинной прической, красные щеки, совсем не как у наркоманов. А второй в капюшоне – непонятно, что с лицом. Я прижался к земле, а то увидят. Мы не высовывались, пока они не прошли по мосту. Сами мы пролезли под трубами – преимущества роста. Старшаки уже не могли так. Но они могли разогнаться и сразу с земли запрыгнуть сверху – ноги-то длинные.

Под трубами на самом деле неприятно лазить. Сейчас земля там сырая, мокрая. Можно увидеть всяких червяков и самое противное – двухвосток. Мерзкие и страшные. Если в ухо залезут, то съедят мозг тебе, и все. Умрешь или станешь зомби.

Вылезли, а те как раз уже за дом заворачивают. На цыпочках, как Том, крадущийся к Джерри, мы подбежали к нашему углу. Выглянули – идут вдоль дома, видно к дороге. А тут не спрятаются.

Только если за бетонками подбалконными – это где такие стенки, на которых балконы от первых этажей стоят, и посередине между ними дырки маленькие в подвал. Как раз в одной из них у Пашки тайник с сигаретными крышками и шприцами. Только с другой стороны дома.

Притаились, смотрим. Вот они у дороги, вот переходят Мы наготове, чтобы ринуться к дороге и перебежать, пока наркоманы не ускользнули из виду.

– Тихо! – я понял, как надо. Мы просто три мальчика, идем гуляем, сжимаем в кулаках шприцы – это для игры. Просто нам по дороге с этими двумя наркоманами впереди. Мы не скрываемся, мы естественны – а это самое главное в слежке. Мы спокойно переходим дорогу и идем к остановке, но не останавливаемся, а проходим по голой земле через пустырь, на который раз в несколько месяцев приезжают цирки и зоопарки. Наркоманы идут прямо, согнув спины, руки в карманах. Сворачивают за базарный ангар, а мы не спешим. Мы профессионалы. Там дальше двор с кортом, детский садик, дома и плитка – дорога к торговым рядам с одеждой, торговому. А бабушка Дюшика повезла его на коротын – он на другом берегу Сятвы. Там и палаток много, и арженты больше разных шмоток привозят. Ходишь, а они кричат на своем: «Комостас-комостас! Бенаки, муйвонито!»

– Прячьте шприцы, людей много ходит, – профессионально предупреждаю.

А наркоманы идут между рядов, и мы идем, потихоньку, людей-то много, все что-то болтают, лишь бы знакомых не встретить. Наркоманы сворачивают. Пойдемте в соседнем ряду, сквозь завешанную одежду их можно следить. Чикат! – Пряма на весь базар Денчик заорал: – Чикат-чикат-чикат!

На нас начали оборачиваться, на нас начали цокать! А тот стоит на ладошку свою смотрит, бледный как наркоман, даже как будто щеки втянулись. Мы сами на него зашипели: ты чего, ты чего. А он только ладошку показывает и приговаривает, хотя бы уже не так громко, что укололся, чикат, чтоб его, пуги майканутые, как теперь, что теперь. Паха его за руку взял и повел подальше, а то еще ментов позовут, и нас арестуют за наркотики. Мы же со шприцами. Зашли за киоск к коробкам с ящиками.

Укололся он, когда опустил руку в карман со шприцем. А там ведь еще и наркотики могли остаться в шприце. Надо идти к взрослому, чтобы в больницу положили, но страшно. И сам Денчик не хотел. Мы бросили шприцы в коробки – от греха подальше. И что теперь? Наркоманы уже скрылись куда-то, воспользовались нашей заминкой, сволочи! И Денчик теперь станет таким же как они, или умрет.

– Ты как? Больно сердце? – я спросил у Денчика, когда мы уже шли обратно у корта.

– Нет. Ничего не болит, – ответил тот, но лицо у него было бледное. – Пацаны какие-то идут.

К нам на встречу шли четверо примерно нашего возраста, а может даже помладше. Сейчас начнется: а кто вы такие, а с какого двора, а Гришу знаете, точно, а че? Все-таки не свой двор, мы редко выходим даже в школьный район. Но были уже такие ситуации, потому я был готов. Вот они все приближаются. Лица знакомые, наверное, где-то пересекались.

– Эй, иди сюда, ты, я тебе ща вломлю! – один из них, причем самый большой побежал на нас, и неожиданно к нему навстречу выскочил именно Паха, хотя он не самый смелый у нас в компании. Самый смелый – это я. Они вцепились друг другу в курточки и начали бороться. И че делать-то? Остальные все стоят, и мы с Денчиком стоим – раз уж один на один. В итоге Паху заломали и держали на асфальте. Еще один из тех парней начал насмехаться на Пахой – че, как, холодно? Холодно?

Паха же дерзко отвечал: я ща встану, ты ляжешь, слышишь?

Уже было понятно, что это не какая-то драка настоящая. А потом Пахин враг поднялся и подал ему руку. Одноклассники его. Вот, у Пахи, из-за того что он в правильной школе учится, везде

есть знакомые. Они все пожали Пахе руки, а потом он показал на нас – это с моего двора. И мы начали все здороваться и называть имена.

– И че, вы куда? – говорил тот, который боролся с Пахой. Антоном его звать, Тошей тоже, как нашего.

– Да домой уже, – ответил за всех Паха.

– Пойдемте листья пожжем, мы коробок нашли почти полный. Толя, покеж.

Тот, что Толя, вытащил коробок. Ну пошли с ними садик, там, видимо, дворник скидал остатки листьев. Щас уж все деревья голые. Но куча все не хотела поджигаться – какие-то сырые листья были, хотя дождик был уже несколько дней назад. Тогда мы начали бороться, пихаться, ронять друг друга в листья. Подружились, в общем.

По темноте мы вернулись во двор и начали выкрикивать Дюшу. Он вышел в новой красной курточке и сразу начал снимать ее, приговаривая: «Зырьте, зырьте!» Он вывернул рукава в обратную сторону и надел уже синюю курточку снова: «Двусторонняя!»

Вот это круто! Мне бы такую для слежки – точно бы никто не вычислил. Только отец скажет, что это порь полная, и купит мне действительно порь, но которая ему почему-то нравится.

Мы восхищенно похлопали Дюшу по куртке, а потом рассказали про наши приключения. И так смешно было вспоминать, как Денчик заорал на весь базар. И как Пахиных друзей сперва забоялись, а они оказались нормальными. У одного из них мяч есть, потом можно в футбол как-нибудь поиграть, когда старшаков на корте не будет.

А Дюшик рассказал нам, как он съездил на базар. Город у нас немаленький так-то, и базаров много: три. Но обычно за одеждой все ездят на Коротын. Туда если без родителей придешь, заблудишься и никогда не выйдешь. Ряды и междурядье сплошные. И так ходишь от курточек к джинсам, от джинс к кроссовкам, и напоследок шапочку напялишь у зеркала. Встаешь на картонки, если штаны покупаешь: стягиваешь с себя джинсы и стоишь как дурак в курточке и в трусах. Ну или в подштанниках, если уже холода. А люди ходят, глазают, хоть и не совсем на виду, но все равно стремно. Отцу еще вечно все не то, все не по размеру мне или выгляжу как лох. Сам я не выбираю, конечно. А если он что найдет, то начинает с аржентами торговаться. Их там куча сидит. Вот они и привозят одежду, правда не из Аргентины, а из Китая или Турции. Кричат тоже вечно: сюда идите, скидку дам, че смотришь! Иногда знакомые попадают, потому что арженты любят бороться, и ходят к себе в секцию, а у нас иногда совместные тренировки и соревнования городские. Я с ними, правда, не общаюсь практически. Но борются они сильно. Любой их мелкий меня заламает. А чтобы на соревнованиях участвовать, они паспорта подделывают, это я от Гильермо слышал, хотя он-то в Рейнске родился, ему не надо. Он и говорит как русский, без акцента.

Ну а на Коротыне есть одно хорошее место – это кулинария. Огромная, как первый этаж школы, наверное. Вот Дюшик и рассказывает, как под конец он наслаждался там горячим жирным беляшом.

– Жирным как ты! – не удержался Денчик, и Дюша накинул на него, маша перед собой руками. По себе я знал, что попасть под такие его удары достаточно больно, но Денчик только смеялся, пока получал люлей.

– Эй, – мы не заметили, как к нам подошел какой-то старшак, а может даже мужик. Он схватил Дюшика за капюшон новой курточки. – Ты че чукаешься тут, тебе че, вбетонить, – он тряс испуганного Дюшика, но как-то не очень серьезно, и мы с Пахой сразу подбежали крича, что это все игра, что они дрались понарошку.

– Че вы мне трете. Малой, все нормально? Хочешь ему втащить?

– Да не, мы в натуре играли, – сказал Денчик. У него была кровь на губе, но у нас постоянно кровь на губах. Еще и осенние и зимние курточки такие жесткие, вечно как-нибудь шаркнешь неудачно.

- Ты блатной, что ли? В натуре, чикат. Ладно. Катька дома?
- Должна быть. Там еще мама.
- Да мне чукат. Откроешь дверь в подъезд?
- Ага, – Денчик побежал к своему подъезду, а этот тип задержался.
- Если я узнаю, что кто-то на него лезет, я вас всех забетоню, понятно?
- Да мы друзья, – сказал Паха.
- Мне чикат! Поняли?
- Поняли, – поняли мы все вместе.

Денчик потом рассказал, что это и был тот парень, который в него воздушной стрелял. Друг нашего Гриши, только с какого-то другого района. А Гриша – это наш самый крутой и самый старший во дворе. Как раз в Дюшином подъезде живет. Его даже в тюрьму садили ненадолго. Мы еще немного посидели на лавочке в темноте, поприкалывались, посмотрели на горящие в темноте окна и разошлись по домам. Даже как-то забыли про то, что Денчик умрет или станет наркоманом.

Денчик так и не умер за две недели. Да, наверное, уже и не умрет. Колоться тоже не стал, и даже не хотелось ему. Так что родителям мы ничего не сказали. А вот наркоманы упущены. Я нарисовал в тетради маршрут, по которому они шли от плит, чтобы вычислить, куда они направились потом. Но ничего в голову не приходило, и я пошел на балкон. Он у нас застекленный, с деревянными рамами. Брррно на нем. Пол холодный. Но я все равно открыл окно – захотелось подышать.

На балконе пылятся мои старые мягкие игрушки. Здесь есть и Бурик – медведь, который когда-то даже был с меня ростом, и я с ним боролся, отрабатывал приемы. И Цок – лошадка. И Трёшик – мой трехколесный красно-облупленный велосипед. Но теперь я слишком взрослый, чтобы с ними играть. И остальные игрушки, видимо, попадут сюда очень скоро. Будут лежать на полке в коробке – братской гробнице.

Еще два велосипеда: отцовский большой уралец и мой маленький кросс. На них можно кататься. Правда, на уральце я могу ездить только под рамой, а это не очень удобно. Я называл его Ралли, когда папа не слышал. А мой кросс был Кроссиком. Надо будет весной смазать ему все и опять гонять все лето.

Если подумать, то пятый этаж – это не так уж и высоко. Вот восьмой – это уже да. Я вытянулся из окна по пояс и смотрел, что там внизу у дома. Вчера падал второй снег, припорошив почерневшие остатки первого снега. Под ладошками морозила балконная рама, а от ветра шли мурашки. И все равно, будто выпадешь и ничего не будет, хоть просто прыгай – удобно было бы так выходить гулять. Можно же прыгнуть не прямо на землю или асфальт, а например, на козырек над заставей. Тогда и лететь на этаж меньше. Но только тогда нужно прыгать из кухонного окна, а то с балкона не допрыгнешь.

А может быть, и до будки получится, если с самой крыши разбежаться хорошенько. Или дальше побежать по воздуху. Главное, не останавливаться. А то потом глянешь вниз, и мамочки! Бухнешься, сделав дырку в земле, а как из нее вылезешь, будут звездочки вокруг летать.

Я развернулся на руках и уселся на раму спиной к улице. Руки до боли в пальцах крепко вцепились в дерево. Теперь ветер холодил еще и спину, и стало не по себе. Сердце застучало быстрее. Что если просто отклониться назад и полететь. Вниз, и больше ничего не будет. А еще подумал, что сейчас окно вдруг захлопнется, и точно перевернусь за борт. Эта мысль меня испугала, и я тут

же спрыгнул. Еще не хватало день рождения пропустить.

А во двор выбежали мелкие с палками: стрелялись чего-то. Один из них прополз под скамейку и подобрал булыжник. Он отстреливался, приложив камень к уху, типа рация у него. Мы так же играли с пацанами раньше, когда были младше: в садике и в первом классе. И вот они теперь повторяют за нами. Продолжают дело старших. Молодежь. А мы сейчас стали вроде старше и стыдно так играть – еще родители с балкона увидят. Огонь! Огонь! Кричал малой под лавкой, смотря в сторону друзей за будкой. Вызываю огонь на себя! – кричал и я, отстреливаясь на лазилках и превращая рацию в гранату с помощью броска. Затем я отрывал с футболки липучки репоя, прилепленные пулеметной лентой, и запуливал их в видимого только нам неприятеля. И все было по-настоящему, я как будто был на войне, и я был готов умереть. Хотя один раз, когда камнями на еще не построенных плитах играли, мне прямо в сердце прилетело, и Денчик сказал, что если три раза в сердце сильно ударят, то человек умрет. А у меня это был третий раз! Это еще Дюшик кинул, и я на него со слезами полез. А до этого мне в садике один раз кулаком досталось ни за что, и как-то на велике упал, и меня ручка руля в грудь кольнула. Тоже больно.

Вот и побежал домой зареванный, ни с кем не попрощался. Пытался маме объяснить сквозь всхлипы, что сейчас умру. Она ничего не понимала, и хорошо еще, что папы не было. А потом что-то успокоился, ждал-ждал. Отцу попросил не рассказывать, и просто молча готовился к смерти. Не дождался. А Денчик – трепач.

Отец до девяти вечера на смене, мама мне ничего не скажет. Пока есть время, нужно продолжить играть сериал. В комнате я разложил нужные игрушки для главных ролей. В тетрадки у меня были записаны названия серий, которые нужно отыграть: сегодняшняя называлась «Наркоманы из ада». Это последний мой сериал с игрушками, и после того как Тынц поймает киллера в белом, я сложу игрушки в коробку навсегда. Иначе точно отец когда-нибудь распахнется и выбросит все, а я хочу их сохранить. Но еще осталась куча серий, я записал в тетради целых двадцать названий. Там типа «Кровавый спорт», «Счастливого дня смерти», «Недетские разборки», «Больница страха». Ну крутые же названия?! Откуда-то были они в голове, даже не приходилось сильно выдумывать – написал их в один присест. А последнюю серию назвал «Роли исполняли», чтобы в конце все оказались актерами и пожали друг другу руки или обнялись, потому что все дружат, пока лежат у меня в коробке. А все драчки – это для съемок. Я видел такое у Джеки Чана в конце фильма, когда всякие неудачи показывают. Что вот он сперва дерется, а потом случайно себя палкой ударит, и бандит к нему сразу подходит, типа проверить, все нормально у него или нет, и они оба улыбаются. И почему-то так приятно, что все это и не по-настоящему, что они просто играют во врагов.

До этого у меня уже были другие сериалы, но не детективные. «Против всех видов» – полицейские Микеланджело и Солдат с гранатой бились каждую серию с разными неформалами: металлистами, продиджистами, нирванистами и другими, но самые сильные там были кислотники – на них и их главаря Донателло пришлось потратить три серии. Я любил играть и просто фильмы по сюжетам из прочитанных книжек.

Итак, «Наркоманы из ада»... Мои руки задвигались, мой рот зашевелился, произносятся слова, которых не было в голове заранее.

– В предыдущих сериях:

– Почему вы не хотите признать свою вину? – Тынц бьет вытянутым плавником Зайку.

– Я не виновна!

– Рафаэля убили! – влетает в кабинет к Алкашику и Тынцу Новичок.

– А что если кто-то хочет перебить всех коммерсантов? – задумывается акуленок. – Новичок, поехали к Леонардо, Алкашик, дуй к Мику.

Тынц стоит над лежащим Алкашиком.

– Не успел, – говорит Алкашик. – Под дых ударили.

Мик и Новичок на ходу выпрыгивают из фиолетовой модельки, а она делает кульбиты. Вдуж!
Вдуж!

– Мне не нужна защита! Я сам кого хочешь замочу! – раскинутыми в сторону руками оранжевая черепашка отбивается от сыщиков и убегает.

– Догнать? – спрашивает Новичок

– Пусть бежит, если уж не хочет жить.

Новая серия начинается с прогулки Тынца со своей женой-акулихой и их ребенком-акуленком по пыльным ковровым улицам. Но ту навстречу им вышло трое солдат-наркоманов: два с автоматами, а один в замахе с гранатой.

– Гоните деньги! – говорит один из автоматчиков.

– Молодые люди, давайте вы пройдете мимо, как будто ничего не было, – Тынц встал перед своей женой и ребенком, закрывая их от оружия. Вдруг появился Снеговичок в шляпе, галстук и черных перчатках. Крупный, с таким достаточно большим кулаком, прижатым к груди, он втащил первому автоматчику в грудок, а второй рукой с локтя вбивает его в землю. Тынц присоединился и заборол второго солдата с автоматом, воткнув его головой в ковер. Но тут же ему прилетает удар от гранатчика. Опять выручает Снеговичок. Они раскидывают наркоманов.

– Что, какие-то проблемы? – поинтересовался Снеговичок.

– Да наркоманы, на дозу не хватает, наверное. Я Тынц.

– Снег, – представляется Снеговичок.

Через несколько сцен, связанных с расследованием, Снег и Тынц встречаются в баре. Перед ними за прямоугольной красной деталькой, как за стойкой, трясет коктейли пингвиненок-бармен.

– И какое сейчас у тебя дело? – Снег спросил пьяным голосом.

– Кто-то убивает коммерсантов. Хочет забрать все бизнесы себе.

– И есть подозреваемые?

– Заказчик точно кто-то из них самих. Но главный вопрос – кто киллер?

Тут в бар входят новые солдаты-наркоманы в поисках дозы и мести. Теперь начинается перестрелка. Герои прячутся на одной стороне с барменом, который причитает, что все побьют и нужно будет много денег платить. У Снега тоже оказывается пистолет. Вдвоем с акуленком они иногда выглядывают из укрытия и метко отстреливают врагов. Выпрыгнув из укрытия, Тынц застрелил точно в голову последнего из наркоманов. Он склонился над солдатиком.

– Это не могло быть случайностью. Кто вас послал? Кто?

– Хррр, хрр, – тот захлебывался кровью, вытянув руку с вложенным в нее пистолетом.

Дужж.

– Он собирался стрелять, – сказал Снег и убрал свой несуществующий пистолет в такой же несуществующий и даже не прорисованный на теле карман.

5. Счастливого дня смерти

У всех парней со двора и вообще у всех, кого я знал, были свои квартиры. Их родители работали на заводе, завод давал им квартиру, в каком-нибудь построенном доме. А мы сперва жили в общежитии. Даже с Пашкой были в одном подъезде. И им дали квартиру, и они переехали. Теперь вот они с Денчиком в одном падику. А нам не дали квартиру, потому что как-то вышло, что папин стаж почему-то сгорел, хоть он и работал плавильщиком пятнадцать лет. А там нужно было тринадцать всего. Тринадцать лет горячего стажа, и на тебе квартиру, если женат и есть

ребенок. А вот не дали почему-то. И пенсии раньше срока не будет. Папа обиделся, ушел с работы и стал охранником в ЧОПе. Зато теперь зарплата больше, чем у других, но приходится платить за квартиру дяде Вите. Тому-то квартиру дали, но он с семьей жил в поселке в частном доме вместе с бабушкой и дедушкой. Со своими бабушкой и дедушкой, а точнее с мамой и папой, но у него были дочки две, и для них – это бабушка и дедушка. А мама моя осталась на заводе работать технологом, но ей уже квартиру не дадут, потому что стажа нет.

И поэтому мне не дарили больших вещей. А то вдруг переезжать надо – таскай их потом. Зато на игрушки типа солдатиков и киндер-сюрпризы не скупилась. И бабушка часто покупала шоколадные яйца как гостинцы. И я даже как богатый вроде получился, но ни приставки, ни микроволновки у меня не было. И евроремонта тоже.

В общем, день рождения я ждал, потому что подарки все-таки будут. Только гостей приглашать нельзя, в отличие от Пахи и Денчика. Мы у них всегда весело и вкусно сидим. Ну а Дюшику даже бабушка подарки не покупает. Не так много денег. Вот купила ему сугу несколько лет назад, и на всю жизнь.

Мама по традиции налепила пельменей. В гости пришла только бабушка, и мы сидели за маленьким столиком в родительской комнате: я с одного торца на стуле, как именинник, а остальные на диване. Сперва покался перед ними: отцу сказал, что очень жалею, что вырос таким неумехой и слабаком. Маме сказал, что я у нее самый тупой, и мне очень жаль. А перед бабушкой опустил голову за то, что так мало верю в бога, и не хожу в церковь с ней. Перед ней прям на колени пришлось встать: низенькая она. Бабушка меня по затылку легонько пошлепала, будто пыль стряхивает. Родители такого не делают – это раньше так в деревнях принято было, а мы современные же люди. На родительские день рождения они тоже передо мной каются, даже отец. Говорит, прости, что не углядел за тобой, воспитал неженкой. Мама говорит, чтобы сожалеет, что не может мне подарить много игрушек больших, как я прошу иногда. Отец еще на день рождения зовет друзей к нам пить и перед ними кается, а у мамы никто не приходит. Зато отец достает гитару из шкафа и поет ей одну и ту же песню про веснушки, про то, как они соединяются отрезками как точки на уроках математики. Про то, что получаются созвездия, и про какую-то пьяную вишню. И так нежно у него выходит, как он никогда не разговаривает. В первом классе я заметил, что у мамы же нет никаких веснушек, и спросил уже потом, когда отец напился и уснул, где они у нее. Она сказала, что это не про нее, а какую-то другую женщину, а потом попросила, чтобы я свой подарочный рисунок принес. Я им дарю всегда картинки, нарисованные акварелью. Мама куда-то все складывает, а вот бабушка у себя выставляет. Даже стыдно иногда их видеть – рисовать-то я не умею, а что еще дарить-то?

Бабушка у меня одна, хоть я и знаю, что их может быть и две, а еще могут быть деды. Но все остальные уже умерли. Бабушка – папина мама. Она жила на другом берегу в двухкомнатной квартире с котом Валентином и фотографиями дедушки.

Еще у нее был сын дядя Коля, папин брат, и тот тоже раньше приходил на дни рождения, даже приводил своих жен, но все время разных. И дарил всякие крутые штуки. У меня есть бинокль от него, правда смотреть некуда: с балкона раньше хоть на поле можно было поглядеть, а теперь и вовсе за плитами дом новый отстроили прямо напротив нас. А дядя Коля теперь живет в Москве, и у него там даже ребенок есть и еще одна жена. Давно он уже не приезжал, и бабушка ругалась, что внука не видит. Мало ей меня, видите ли.

Заслышался громкий гул – это в железную дверь стучатся. Звонка-то у нас нет. Мама пошла открывать, а потом позвала: «Иди, это тебя». В подъезде стояли все: Дюша, Денчик и Паха с ру-

ками за спиной. Стоит менжуется чего-то. А у меня ноги в носках на кафеле: стою в предбаннике, дверь в квартиру закрыл, а у нас еще железная общая с соседями: вот за ней-то парни и стоят, шипят: с днем рождения! И радостные видно. Все-таки Паха не удержался, вытащил одну руку, показал стеклянную бутылку пива «Стрелец», пять оборотов и пять же градусов. Классическое.

И все понятно без слов, но слова все-таки были: сперва мои «покеж-покеж», а потом их, что они будут ждать меня в застаете, чтобы я поторапливался и выходил скорее. Откуда взяли – у родителей Пахиных целый холодильник забит, одну не заметят. Друзья!

А по возвращении я себе места не находил: вот ждут они меня, мерзнут. Не дождутся – откроют бутылку и выпьют, чтобы согреться. Будут пьяные сидеть и потом из застай выбраться не смогут. Застая находилось под высоким крыльцом у подъезда. Мы залезали в нее, снимая решетку для чистки обуви, куда плюются и кидают окурки. Но у одного подъезда заварены двери со стороны двора, поэтому можно сидеть там незаметно – никто не ходит. Раньше в ней старшаки сидели, но потом появились плиты, и те ушли туда. Все-таки в застаете тесно, если толпой лезть, и пахнет прям совсем ужасно, хуже, чем в лифте у Пахи и Денчика. Еще двухвостки ползают. Летом если спать ляжешь, то точно в уши заползут. Но я уже думал, что если бы меня родители из дома выгнали, то я бы, наверное, все-таки туда и полез. Ветра нет и надышать можно для тепла. А если к кому-то из друзей идти, так их родители сразу спалят меня моим.

Но неужто придется пить пиво? Быть пьяным. А если потом заметят? Может, лучше не надо? Отец говорит, что если узнает, что я пью или колюсь, то сломает мне ноги и сдаст в диспансер для таких. А там меня к батарее привяжут и бить будут, пока я не завяжу.

И он говорит, типа поздравляет сейчас:

Ты маму с бабушкой не слушай, я хочу, чтоб ты нормальным человеком вырос, чтобы стержень в тебе был, чтобы девочка любая с тобой рада была быть, и ты мог заступиться и за нее и за семью. Поэтому я желаю тебе наконец-то обрести характер, перестать всего бояться и нормально уже тренироваться, чтобы Иван Петрович взял тебя на областные, и ты там всех порвал. Тогда смогу тобой гордиться нормально. Уф, давайте!

Он чокнулся стопкой о мамины и бабушкины красные бокалы, а потом о мой стакан с компотом, тоже в принципе красный. Ну а бабушка запричитала, какой я хороший, как быстро расту и что уже помощник, и не надо, чтобы я слишком сильным рос, они меня и таким любят. Как всегда, между ними завязалась перепалка: папа начал вспоминать, как его бабушка из дома выгнала после армии, а тут на меня дыхнуть боится, и все прочее как обычно.

Наконец-то мама предложила перейти к чаю, и я помог отнести грязные тарелки от пельменей на кухню. Мы с мамой заварили большой чайник, разрезали торт и снова вернулись в комнату, принесли тарелки и чашки. Бабушка радовалась и угощалась, говорила, какой вкусный. Отец тоже похвалил торт.

У меня появилось две новых книжки: одна от родителей, другая от бабушки. Обе из серии «Черный котенок», в которой и печатают детские детективы. Правда я не знал подаренных мне авторов и про кого эти истории. Названия были интересные: «По следу четырех» и «Мой папа – киллер». Вот бы почитать скорее, но и друзей нельзя кидать – они же специально ради меня пиво принесли.

А тут уже опять бабушка с мамой начали спорить о том, нужно ли ходить в храм или можно дома молиться. Потому что если ты действительно веруешь, то зачем тебе другие, ведь бог – это личное. Но нет, ты там хором голосов его славишь, а тут как мышь пищишь, и он тебя не слышит. Бог всех слышит одинаково: он вездесущ и всемогущ, а попам деньги отдавать непонятно за что – грешно. Они сами грешники те еще и смеют при этом других отчитывать. Не может быть человек безгрешен в природе своей, но они как чиновники, которые знают как правильно и что нужно делать – так к ним и относись. Но все и так написано в библии, и про фарисеев этих тоже.

А молитвы у них для всех одинаковые, пустые. Что ты такое говоришь! Молитвы даны от бога. У каждого свои молитвы должны быть, потому что люди разные, а откуда вообще этим молитвы пришли, откуда? Иисус дал, в Евангелие сказано! Ага, и про Николая Чудотворца, который позже жил, тоже он дал? Сказано же не поклоняться мошам, не творить себе кумиров, а вы молитесь то тому, то этому! Да что ты такое... Богохульствуешь! Да как же вы зачикатили уже, а! Больше не о чем поговорить, что ли?! – в конце концов не выдержал отец. – Дайте спокойно посидеть.

Я сжался весь в напряжении: папу лучше не злить. Мама поняла, что пора остановиться. А вот бабушка любила ерепениться. Ей-то что, она домой пойдет, а нам тут с отцом оставаться. Сопит она, говорит, пойду в окошко подышу, и на балкон пошла. Отец звук на телевизоре прибавил, там передача какая-то идет, про НЛО что-то. Но если бог есть, то какое тогда НЛО? Никакого.

– Можно я пойду погулять? Там ребята ждут.

Отпустили без лишних наставлений. Уроки-то все сделаны, а завтра воскресенье. Так-то день рождения в четверг, но отмечание перенесли на выходные: у родителей смены, да и вообще, кто в будни празднует. С бабушкой только обнялся на прощание, поблагодарил за книжку, пообещал обязательно прочитать. Может даже уже завтра. Только мама вдруг сказала, когда я уже в коридоре стоял: «Стой, а помериться?» Я не успел еще обуть ботинки, и поэтому сразу встал спиной к деревянной штучке в дверном проеме у моей комнаты. Там уже были отметины с предыдущих годов. Мама провела карандашом над макушкой, а потом измерила лентой с сантиметрами – почти как в прошлом году вышло. Обидно, так и останусь низким, как Паха.

– Мяса больше есть надо! – заявил уже пьяненький отец, когда услышал результаты. А бабушка еще раз меня приобняла: «Куда еще? Уже с меня ростом вымахал!»

Вышел и побежал сразу за угол, вдоль балконов, снова за угол, между торцом дома и мостом к плитам. Еще разок завернул, уже во двор, и через лазилки к крыльцу. Взобрался по девяти ступенькам в три шага-прыжка: решетка в застаю сдвинута, пацанов слышно.

Полез к ним: решетку отодвинул еще подальше, сел, локтями уперся в бетон и давай болтать ногами в поисках выступа – так-то там высота в метра полтора или больше. Рукава только отряхнуть потом в снегу надо будет – а то затер их, пока спускался. Внизу, как всегда, мочой пахнет, а парни сидят, ничего им, кириешки с тархуном грызут. Тепло, уютно.

Ну чего, давайте, угощаться, а чего тортик не принес, да кто мне его даст, ну раз ты именинник, то открывай бутылку как шампанское, будем все в пене пивной. И как-то переживания, что родители пьяным застанут, и ушли от меня куда-то на улицу подышать свежим воздухом. Только глоток сделаю – не заметят.

Лишь бы старшаки не пришли, а то сами все вызуют.

– Старшаки-чикашаки, они в бетонках сидят, – успокаивает Денчик. А Дюшик, как всегда, не очень разговорчив, не самый болтун.

Как открыть? Об выступ если только, но тогда горлышко замарается. Разобьешь еще! Мож-но ключами, как взрослые на улице делают. Давайте! Давали. Сперва попробовал длинными от подъезда – потыкал и ничего. Ключ еще слетел, и я рукой о зубчик крышки порезался. Ну крышка, а у нее по кругу такие уголки – не знаю как называются. Денчик говорит, что у него батя зубами может открыть. «А у меня глазом!» – говорит уже Паха, перехватив у меня бутылку, начинает своими ключами тыркать. Но как-то не очень удачно. А открывашки ни у кого нет. Уже и Денчик попробовал, и Дюшик. Только один зубчик задрался немного, и все.

Снова моя очередь. Ну я потыркался, потыркался, ключи еще сверху на крышку положил, и они как-то зацепились за эти зубчики. Вот я надавил, и тсссс. Пшикнуло! Еще и еще раз под радостные крики – открылось, и без пены.

Ну мне как имениннику первому, значит. А потом дюшесом запить от запаха. Глотнул: горькое, немного газированное, фу! Запил и передал Пахе. И тот разок отпил и поморщился. Запил. А Денчик несколько глотков сделал – уже привычный. Но тоже запил пиво газировкой. А Дюша отказался. Просто дюшеса выпил. И вот у нас еще почти целая бутылка так-то. Давайте, дальше по кругу. А потом начали:

Ты пьяный? Я нет, а ты? А ты? Никто не пьяный. Сейчас как напьемся!

На улице ветер подывает, подсвистывает, а точнее даже не на улице, а тут в щелях где-то. И темно становится, все хуже и хуже видно. А давайте анекдоты рассказывать? Идет чучка. И так смешно, и так темно, а Дюша достает, светит, смотрите че есть – фонарик маленький, но мощный, не как брелок какой-нибудь. Летят на самолете Американец, Русский и Аржентинец. А вокруг, если посветить, то лучше и не светить, паука можно увидеть или плесень, а может и не плесень, а что-то черное. А вот если на стенку дома фонарик навести, то там и дырка – лаз в подвал. Паха говорит, что он же говорил, что старшаки лазили через сюда, а мы позабыли проверить. А летом же не было еще дырки, разломали, видать, специально. Давайте еще по кругу. Ты пьяный? Нет? Я пьяный? Нет! Вот, давайте залезем, посмотрим, может там тайники у старшаков. Еще пива найдем! С фонариком же.

А если там крысы? Да не очкуй, ты Дюшик. У нас же в подвалах травят. Кто первый ползет?

Сперва надо посмотреть, и Паха выхватил у Дюшика фонарик, просунул руку в дырку и немного голову. Там труба, стекловата, кажется. Бах! Денчик его по лопаткам шлепнул – напугал и смеется. И Паха локтем его ударил и смеется. Смеются – пьяные значит, а я-то нет. Видимо, отцовские гены, он тоже может много пить и не пьянеть. Хотя и пить не хочется больше – только все горче в горле. Я взял дюшеса, а он уж почти кончился. Взял у Дени сухарики. Кто первый лезет?

Решили на кулачках. За три вброса проиграл Дюша и безысходно полз. Попросил фонарик, чтобы посмотреть вниз, куда ступать, а потом просунул свое тело, развернувшись грудью вверх и вытянув нам руку с фонарем – посветите. Денчик начал ему светить, а тот кряхтя и ойкая ерзал неуютно телом. Мне не нравится, когда тебя сжимает, чувствуется как в борьбе, когда попадаешь в замок и тебе на шею и лопатки давят, чтобы сломить в партер или поймать на бросок в противодействии. Или же уже в партере, точно так же – и так дышать нечем, еще и надо не дать себя накатить. И сдаваться нельзя.

Дюша исчез в темноте – значит, мы точно залезем. Только перепачкаемся. Дальше уже, наоборот, каждый хотел следующим ползть. Дюша помогал, с другой стороны, и вот мы встали вчетвером у какой-то трубы. Если потрогать, то обжигает. Надо подлезать под нее и дальше. Давай я. Теперь Денчик светил, а мы полезли вперед. Нос щекотало, видимо, от стекловаты рядом.

За трубой осмотрелись: провели фонарем, а он не так уж и много освещает. Все-таки маленький, не очень мощный. Давайте, по полшага вперед, чтобы не долбануться ни обо что. Денчик, посвети вниз, вдруг там крысы.

Но крыс не было видно или слышно. А было сыро-тепло. Мы шли вдоль длинной трубы, которая вплотную прилежала к стене, а потом что-то типа поворота, и опять пришлось подлезать под трубы. Мы сделали переключку. Все ответили, продолжили идти. Паха начал всех букать – пугать резким вскриком и хватать за руку. Да тихо ты! Вдруг, тут кто-то есть? Но тот только вспомнил, что пиво-то недопитое мы оставили в застое. Но вернемся еще.

А я снова прислушался к себе – пьяный ли я. Паха-то вот понятно, раз он еще пить хочет. Как алкаш. Денчик – ну непонятно. А я вроде ничего не чувствовал, только небольшую вялость, но это ото всех перелезаний и общей прелости в подвале. Даже курточку расстегнул от духоты. Мы уже подустали все и перестали смеяться. Завернули куда-то. Зырьте-зырьте! А там что-то типа комнаты: стены с трубами, два матраца лежат и даже кружка жестяная. Денчик сразу заставил кружку звенеть при помощи пинка.

Тихо, ты! Сейчас бомжи услышат и поймут нас! Откуда у нас бомжи-то, у нас же холодно, не как в Москве. Так вот они зимой здесь и сидят. Да не, не бывает у нас бомжей. Бывают, я сам видел, как у завода сидят, мелочь просят. Так это попрошайки, а не бомжи.

Подождите! – меня осенило. – Может, это те наркоманы?

– Да они же вообще уехали.

Так, может, поняли, что за ними следят, и чтобы запутать следы, на базар пошли. Посмотрите на полу, есть ли шприцы.

Денчик начал светить на пол, который был весь из земли какой-то песочной.

Да нет здесь никаких шприцов. Зачем тогда в плиты ходить, можно и здесь наркоманить. Это логично. Только вот фонарик погас от такого просветления.

Денчик, не смешно, включи. Не работает, чикат. Да блин, дай сюда. Так, Денчик, ты? Не прикольнo пацаны, ну давайте. Да что давать, батарейка села. Я новую поставил вчера, из часов вытащил. Парни, не паникуйте, не разбегайтесь. Да чикат, че делать? Постучи по нему. Нет, надо сперва батарейки вытащить, и ими об стену. Да вы че, потеряете. Давайте на ощупь, я помню, вот сейчас за стену. Подожди, не уходи, потеряемся. Надо вместе держаться. Паха, Паха, ты здесь?! Да вот я за стену зашел, давайте ко мне. Да подождите, стойте на месте, сейчас потеряемся. Парни, вы давайте держаться за руки.

Удивительно, но темнота оказалась некромешной. Через несколько минут появились очертания труб и стен подмигивали белыми бликами.

Парни, может, на свет пойдем. Так мы не оттуда пришли. А по-моему, как раз оттуда, из той дырки и светит. Да она же маленькая, от нее не достанет. Пойдемте на свет, значит, там есть выход на улицу, если что, докричимся. А может, там дверь в подвал открыта. А чикат ей быть открытой? Я шел сегодня там – закрыта она, выходной же, сантехники не работают. Надо определиться, или туда или туда. Давайте разделимся, кто со мной, пошлите, кто не хочет, оставайтесь здесь или как хотите. Стойте-стойте, не расходитесь, пацаны, я прошу. Да не ссы ты, выберемся. И из не такого выбирались, да, пацаны? Из мамки вышли, значит, и тут справимся. Фу, Паха! И что, давайте уже решаться. А чего решаться, надо идти. Давайте, голосовать! Дюшик, ты здесь, Дюша! Дюша! Я никуда не пойду, никуда не пойду. Давайте, взрослых кричать, на первом этаже услышат. Дюша, чикат, не канючь, где ты? Давайте, взрослых звать. Не надо, не надо. Тише!

Действительно, были слышны какие-то голоса и даже смех. Мы зашептались.

Это, наверное, эти бомжи. Нет, это кто-то на выходе, где дверь, пойдемте на звук. Нет, ты что, ты что, не пойдем! Да тише ты! А вдруг они нас поймут и убьют? Давайте пойдем посмотрим. Так держитесь все. Тут стенка! Тише. Труба.

Я вцепился в чью-то курточку, по голосу, видимо, в Пахину. Кто шел впереди? Не очень понятно, за мной вроде никого не было. У нас, наверное, как в Скуби-Ду: только в глаза в темноте и видно. Только бы призраков не встретить, а то будет сперва четыре пары глаз, и появится пятая! А может, наоборот, одна пропадет, потому что упадет кто-нибудь в яму.

Шли мы, получается, не на свет, но на звук, который становился все громче. Я шоркался о стенки, бился о трубы. Кожа на животе чесалась – походу, стекловата все же попала. Мы уже почти не разговаривали, только пролезли еще раз под трубой и уперлись в тупик, но там все же чуть более светлое пятно, если темнота может быть светлее. Дырка в заставу! Ура! Но там кто-то был. Мы прислушивались.

Ну чего ты, ну давай. Да холодно. На вот выпей еще. Пиво наше пьют. Тссс. Ну не тут же, Олег! Ты меня не любишь значит? Люблю. Что-то не видно! Ну подожди, не уходи, давай еще посидим. Мне холодно! Ну иди я тебя обниму... Нет! Отпусти, отпусти! Ты че? Ну и иди. Путка!

В заставе были еще какие-то шевеления, а затем еще и возглас: «Чикат!» и снова шевеления. Послышался лязг решетки, и мы зашептались. Все согласились, что это был Олежа и девка ка-

кая-то тупая, а Денчик даже сказал, что выглянул слегка и увидел ее, хотя чего он увидел, когда мы залезли – там было почти так же темно, как и в подвале. Мы пошарили в темноте, почти на ощупь нашли нашу пустую бутылку пива. Потом еще одну, но тоже пустую. Дюшес не находился – видимо, упал и закатился под нижние лестницы, где сильнее всего пахнет. И Дюша запропастился, Паха заметил, что его нет, когда мы уже полезли наверх. «Дюша!!!» – мы кричали в подвальную дыру. – «Дюшааааааааааа!» Не отзывался. И шел ли он с нами вообще? Канючил же всю дорогу.

Дюша! Да тихо ты, чего орать, он бы услышал уже. А вдруг его бомжи поймали! Да не поймал его никто! Так что ты наверх полез, Дюшу кто доставать будет? Полезли обратно. Надо фонарик нормальный притащить и залезть снова. У вас есть? Нету. Да сейчас, если домой пойти, то загонят – время-то уже, наверное, часов восемь. Да, у меня мама ругаться будет. Но Дюшику же нельзя кидать. Паха! Да куда ты лезешь, давай подумаем. Вы говорите что-то, я буду вас слышать и смогу обратно выход найти. Да стой, стой. ДЮША! Писать хочется. Ну не сейчас же, мы тут сидим. И че? Не видно же. Вон, лезь тогда в дырку и там давай. На Дюшику может попадешь. Ха-ха-ха. Да не смешно, я уже терпеть не могу. Ну сбегай за будку. Ладно, только не залезайте в подвал! А если он ударился и голову разбил, а потом сознание потерял? Да мы бы услышали. А если его крысы съели? Да не было там крыс.

Все же мы вылезли наружу, и все трое кинулись оббегать дом в надежде увидеть открытую дверь в подвал. Но нет таких, и мы спинами пали на блестящий в свете фонарей снег. Уже был поздний вечер, и всем нам нужно возвращаться домой, и так же неприятно, как шелест курточек, когда чистишь их от подвальной грязи... так же неприятно было думать, что делать с Дюшей, а точнее с его потерей. Мы легли в одном из сугробов, смотря вверх в абсолютно беззвездное от заводской дымки небо.

Может старшаков кого позвать? Да что старшаки, они нас самих в подвале закроют, еще и взрослым скажут!

И что, пойдем мы к Дюшиной бабушке? Сама же она не сможет по подвалам лазить – старая уже. Пойдет к нашим родителям, а они что? Наорут. Учуют запах пива, мы же пьяные, и дадут пощечин. Спросят, как мы умудрились залезть в подвал, увидят наше тайное место. А потом попробуют залезть в дырку, но не смогут. Но у моего отца есть болгарка. В ночи мы будем все стоять под падающим снегом и смотреть сверху вниз на летящие искры: двери в подвал находятся в таких специальных бетонных углублениях внизу дома, в которые можно спустить по железной лесенке. Шум на всю улицу будет ночью-то. Родители будут причитать, что еще штраф за это платить. Двери в конце концов откроются, отец пойдет в подвал и вытащит грязного заплаканного Дюшику. Бабушка его отругает и заплачет. Все разойдемся домой, а там может еще пощечин наваляют, и опять запретят гулять, может даже игрушки мои выкинут! Вот такой тебе день рождения.

Все согласились, что это не дело – звать других, и что мы завтра днем пойдем его снова искать, а сейчас надо идти домой как ни в чем не бывало. А если бабушка Дюшику потеряет? То мы его сегодня не видели. Кто нас тут видел в темноте, так что бояться нечего. Никто за ним не заходил, поэтому бабушка не будет знать. Мама твою дверь немного только открыла, а он стоял у лифта, то есть не видно его было. Так мы и пошли.

Когда я вернулся, моя бабушка уже ушла, папа напился и смотрел кассету с клипами по видеку, отстукивая своей деревянной дубинкой по дивану. Он глухо бухал в такт музыке. Мама молилась на кухне. Она стояла на коленях перед большим столом. Руки вытянуты вдоль тела, но от напряжения она то сжимала, то разжимала кулаки. «Это самое главное в молитве, – говорила она, – переживать, чтобы молитва была искренней. А для этого нужно понимать, о чем твоя молитва и чего ты хочешь». Поэтому она не любила пустые бабушкины молитвы, в которых произносишь

заученный текст, прося всякое непонятное. Все же молитва должна быть глубже. Я слышал ее слова и понимал, о чем она, но у меня были совсем другие просьбы к богу.

На коленях рядом с мамой я начал свою немую молитву, прогоняя мои просьбы в голове – нельзя же было, чтобы она услышала, что я хочу, чтобы Дюша выбрался из подвала и нас не ругали. И получалось очень эмоционально, я даже почти расплакался, а мама поднялась и погладила меня по голове. Бедный Дюшик! Бедные мы!

А потом мама разогрела на сковородке недоеденные пельмени. Я поел, попил чай с тортиком и пошел к себе читать да спать. Еще подумал запоздало, что зря я так близко стоял, вдруг мама учуяла бы пиво, но пронесло. Не читалось. Сбегал почистить зубы и отправился лежать под непонятные иностранные песни за стеной, пока отец не уснул и мама не решилась выключить видик. Или, может, кассета кончилась. В любом случае, стало тихо и темно. Но светлее, чем в подвале. И уютней. И теплей. И не так страшно, как Дюшику сейчас. Поступили мы неправильно, можно даже сказать, что по-копельски, то есть не по-дружески. Может маме сказать, она-то простит меня и может позвонит, куда правильно звонить.

Ночь оказалась бессонной. Моей первой бессонной ночью, с которой непонятно что делать. Переворачиваться с бока на бок, на спину, на живот – не помогало. Диван стал каким-то узким. У родителей-то в комнате на двоих расстилается, а у меня даже потолстеть нельзя – потом живот свисать будет на пол. Надо думать о чем-то другом: о сюжетах новых серий, о школе, о помощи родителям молитвой, о том, что у Денчика будет собака – не помогало. Вот говорят, что если напиться, то засыпаешь, даже если не хочешь. Что-то это не работало.

А потом началось страшное: гулкий неоткудашний металлический стук. Он был где-то за комнатой, и даже квартирой. Но он был в этой темноте. Дюшика убили, и его призрак пришел за мной, чтобы отомстить за предательство. Наверное, только мне его и слышно, иначе мама бы уже проснулась. А из их комнаты слышен только отцовский храп. Если накрыться одеялом и запрятать голову под подушку, то не так громко, но и дышать нечем.

А в коридоре шаги. Открывается дверь.

– Здравствуйте, – сонный мамин голос.

– Таня, Андрей пропал! – слабый голос его бабушки. – Ваш дома?

– Да дома, пришел, спит сейчас. – Они вместе сегодня гуляли, ты не знаешь? – Ой, мальчики приходили, но я только Пашку видела. Сейчас спрошу. Заходите, только потише. Гена буянил, сейчас спит.

Мама зашла ко мне в комнату. Спросила, сплю ли я, с Андреем ли гулял, точно ли. На все отрицательно мычу – мы договорились же, что будем немые как глухонемые, если начнут задавать такие вопросы. И сейчас, если узнают, что мы лазили в подвал, нам вообще крышка.

Мама ушла.

– Что же теперь делать? А с кем он еще мог гулять? – Не знаю, Ольга Дмитриевна. Может, в милицию позвонить? – А как? У нас телефона нет. – У соседей. Ох, сейчас.

Они начали стучаться к нашим соседям. А может, и куда-то еще, не видно же. Только стук. Открыла сонная тетя Люда, если судить по голосу. Новость ее взбудоражила. Двери поскрипели, стало тихо.

Вот сейчас милиция приедет, будут искать, допрашивать, и что делать тогда? А если мы не расскажем, а его найдут в подвале, и он скажет, что мы все знали. Лучше сразу рассказать, что Дюшик там. Попадет же тогда. Может даже побьют. Из дома выгонят. И Дюшик потом не будет разговаривать.

Снова заворочался, старался уснуть и в то же время прислушивался. Но кроме храпа ничего слышно не было! И непонятно как лучше: выходило, что только если они не найдут Дюшу и никто

не расскажет, только тогда мы избежим наказания. Я попробовал молиться об этом про себя – что еще делать-то?

ТАНЯ! Храпящим грохотом из соседней комнаты – отец проснулся. Таня, ты где! Таня! Шаги и шум от сталкиваемых вещей угрожающе приближались. Вот он в моей комнате. ГДЕ ОНА?!

Я ответил, что пришла Дюшина бабушка, что он потерялся, и они пошли к соседям звонить. Теперь отец открыл дверь в предбанник и начал стучать к тете Люде. Тут я уже услышал голос дяди Паши, ее мужа. Они говорили громко: уже никто никого не боялся разбудить. СЫН! Внутренне я уже был готов, что меня вызовут на допрос с пристрастием, и вышел к отцу. Перед этим только надел шорты и кофту – забько все-таки. НУ ЧЕГО ТЫ ТАМ, БЫСТРЕЙ, – с пьяным прихрипом.

Потом уже допрос: видел Андрея? С кем гулял? Точно? Точно?! ТОЧНО?! Нет, с Пашей и Денисом, точно, точно, точно. Женщины звонили в милицию, но им сказали, что еще даже день не прошел с момента потери, звоните в будни. Потом отец сказал всем ждать, а сам пошел рыться у себя в ящиках. Мама встала позади меня, и положила руки мне на плечи, спросила, замерз ли я голыми носками стоять в предбанники на кафеле. Зачем-то ответил, что нет. Жалко Андрея было. И грустно. Не плачь, не плачь, найдется – баба Оля достала платок и вытерла мне слезы, чуть кожу не содрала, правда.

Отец вернулся с записной книжкой, и его провели к телефону. Он собрался звонить дяде Сереже или другим друзьям из милиции, которые иногда собирались у нас и пьянствовали, учили меня приемам и спрашивали, стоит ли у меня. Я всегда отвечал, что стоит. Денчик научил, что надо так отвечать, говорить, что всегда стоит, и ты готов любую отбетонить до треска. Но меня за такие слова бы самого отбетонили. А простого «да, всегда стоит» хватало, чтобы они посмеялись и отстали.

Отец с трубкой у уха сказал, что сейчас бесполезняк кого-то вызывать, завтра с утра приедут. Ольга Дмитриевна, какая у вас квартира? Он продиктовал ответ по телефону и сказал, что надо ждать, никуда не уходить. Потом уже без трубки начал меня спрашивать, где Дюша может быть, к кому пойти, где наши места, где мы все время шляемся. Чтобы я все это завтра рассказал ментам. А теперь давайте расходиться, утро вечера трезвее, так сказать.

Дюшина бабушка растерянно топталась на месте. Соседи неуверенно стояли в своих раскрытых дверях.

Давайте-давайте, – сказал отец. – Сейчас только зря изведете себя. В темноте все равно ничего не разглядеть, если упал куда-нибудь.

Баба Оля разревелась, что аж сердце сжалось. Хотелось подбежать, взять ее за руку, и сказать, что я знаю, где Дюша, я все покажу. Но теперь и милицию, получается, уже позвали. Вообще достанется тогда. И пацанов подставляю. Сдержался, но сам не выдержал и заревел. Еще и мама как-то нежнее стала ко мне обращаться, голову трепать. А ты-то че ревешь, накинулся отец. Че ты мне его испортила, относись как к мужику. А то он вечно с тобой разговаривает, а со мной-то говорить не хочет. Бабой вырастет! И он раздосадовано пошел дохراпывать. Мама отправила меня в кровать. Баба Оля ушла, и соседи закрыли двери. Ну и мама тоже наши закрыла.

Но какой сон?! Тревожный, беспокойный, чуткий, страшный.

Когда отец пришел за мной, голова моя как набухшая губка с иголочками внутри. Взгляд его колкий как щетина почти проткнул меня, но я просто опустил глаза, чтобы вытерпеть напряжение. На завтрак ничего не хотелось, а мама сделала бутерброды, которые я не съел. Вытащили оставшиеся кусочки тортика, но на них тоже настроения не было. Умылся, и меня повели к дюшинной бабушке. И пока шли, эти пять минут, у меня появился новый страх, что вдруг Дюша нашелся, что он уже там и все рассказал. Сейчас мы зайдем, и вот и все. Отправят на малолетку сразу. Всего лишь один раз выпил, и все пошло кувыркком – самое дно жизни началось, как и говорила

класснуха про алкоголизм. Когда проходили мимо, я посмотрел, открыты ли нераспиленные болгаркой двери в подвал. Закрыты.

У Дюшиного подъезда мама покричала баб Олю, и она спустилась за нами. Дюши дома все же не оказалось, но я не обрадовался. Баба Оля, старая и сморщенная, разогрела чайник и угостила нас конфетами «белочка». Отец отправил маму домой, все равно она ничем не поможет. Она пообещала бабе Оле, что будет молиться за Дюшика.

Мы остались молча сидеть на кухне. Отец попросил только рассола какого-нибудь, и баба Оля достала открытую банку с огурцами из холодильника и, как налила, выглянула в окно. Сказала, что приехали, и побежала вниз встречать.

Когда пришли двое милицейских, отец сразу им представился, сказал, что он от дяди Сережи. Те ответили, что ладно, давайте, рассказывайте. Баба Оля начала рассказывать, плакать, сбиваться. Отец не встревал, в начале, а потом сказал, что этот вот, показал на меня, его корефан, и может показать, где мы играли обычно, и назвать всех наших друзей. Им особо интересно не было, но отец сразу сказал: вы же в плиты лазите постоянно, пойдем покажешь, может там где упал. Но ментам особо не хотелось никуда идти. Сказали, что они сами посмотрят, только покажите, где это. А где еще можете лазить? А давай адреса друзей ваших. Это со двора? А одноклассники? А когда ты его видел в последний раз? Ага, и все? А мужиков подозрительных у школы или вообще на улице не видел? А то есть сейчас копелы всякие, уже детей им подавай, со своими не устраивает майкаться, сжигать бы их. Так что аккуратней.

Расспросили еще чуть-чуть и сказали, что сейчас пойдут опрашивать остальных, бабу Олю повезут в отделение, а отец пусть распишется за мои показания. Можете идти.

Дома надо было и уроки сделать, и можно было и почитать мои новые книжки, но невозможно все это. От безделья я расчертил на весь тетрадный лист лабиринт и вводил в нем линии от начала до конца, стараясь не ударяться об нарисованные стенки ручкой. Как еще поиграть, я не знал. При отце не поиграешь по-настоящему, да я не очень и хотел.

Достал книжку по оригами, начал складывать. Кораблики я уже умел, но все равно сделал, а потом водяную бомбочку: в конце получался такой квадратик, который можно было надуть через дырочку в уголке и наполнить водой. Он не успевал протечь, если быстро бросить в кого-нибудь. Я их делал на будущее. Сейчас-то тоже не покидаешь ни в кого. Да и дома еще.

А потом приехал папин друг-милиционер-сослуживец, дядя Сережа. Они собрались на кухне, мама была в комнате – не мешала им. Доносился запах от курева. Голоса становились все громче и громче со временем, но как ни прислушивайся, не разберешь.

Вот бы отпросится погулять, тогда можно и к пацанам забежать, и может даже Дюшика поискать. А так все нервно и бездельно.

Я зашел в большую комнату и сел с мамой смотреть телевизор. Она приобняла меня и спросила, хочу ли я кушать. Но я не хотел, хоть только завтракал сегодня, но даже думать об еде было тошно. По телеку шел какой-то взрослый сериал про агентство НЛС. Смешной. Там был лопухий мужик-авторитет, которого звали Катя. И все, что заметил.

Послышались шаги, и я отодвинулся от мамы. Зашел отец и позвал ее, им надо было поговорить. Ну что там? Вдруг они поняли, что мы бросили Дюшика, оставили его умирать. А теперь и мама пришла к ним на кухню, и я был совсем один, как баба Оля. Но они вскоре все вернулись. Мама села рядом, и прижала к себе, а отец и дядя Сережа, слегка запинаясь, с осоловелыми глазами начали рассказывать, что в милиции решили, что у нас завелся маньяк-педофил, а это как наркоман, только он охотится на детей, и что теперь мне нельзя гулять, и что будут ездить патрули, и Дюшик в розыске, и после школы сразу домой, не задерживаться. И даже ничего, что мама обнимает меня, ведь это все не шутки. Теперь сиди смотри телевизор.

6. Грехи прошлого

И парням так же сказали. И даже всем в нашей школе. И в Пахиной тоже. Никаких прогулок после уроков и на выходных. Даже будто навсегда. Наверное, так же было бы, если бы мы рассказали правду и спалились пьяными, только не для всех в округе, а только для нас. А теперь тем более никому не рассказать правду – сразу тюрьма. Так еще и одноклассники со старшаками побьют. И оказался на мне большой грех, и даже не попросишь маму написать молитву, а то какой тогда смысл грех отмаливать, если тебя все равно накажут. А может, даже и прикончат, то есть убьют навсегда.

Вот у мамы есть красивая молитва на пяточки, которая очень помогает. Я как домашку подготавливаю, стихотворение там или пересказ какой-нибудь, то потом еще молитву на три раза ночью и с утра прочитаю, и хорошо. Иногда даже вообще не вызывают к доске, если постараться. И там словечки такие «Дорогой Боженька, прошу у тебя помощи, хотя бы немножечко, помочь мне быть прилежным и получать только четверки с пяточками. А я за это хвалить тебя буду, любить тебя буду, молиться не забывать и другим рассказывать. Ты наш самый настоящий и хороший, справедливый и пригожий Боженька. Как роса на траве утренней утоляешь жажду знаний и любви к тебе. Спасибо, спасибо, спасибо заранее!» Мама еще говорил, что это «спасибо-спасибо-спасибо», надо читать все громче на каждом слове, по нарастанию. А в «заранее» растягивать букву «а» после рэ, чтобы более просительно было и жалобно. Тогда точно поможет. И даже если про себя читаешь, то спасибо нужно угромчать и «а» растягивать.

Сам я попробовал придумать молитву на прощение в смертоубийстве или как это назвать. Но получилось только «Милый Боженька, прости, что загубили душу Дюшиньке, что бросили в темнице темной, в одиночестве ночью, очень печально! Спасибо, спасибо, спасибо заранее!» Только спасибо и получились хорошо.

По-хорошему надо на исповедь идти, напроситься на нее, да только будет как в прошлый раз, что и бабушка, и мама мой список грехов проверят. Только если не все на бумажку писать, да ведь все равно страшно. Натерпелся тогда до трепета в сердце.

На каникулах после первого класса мне отец такой говорит: сходи с бабушкой в церковь, порадай старушку, а то она переживает. А тогда еще дедушка умер недавно, июнем стал. Он перед этим и так долго только в кровати мог лежать, что я даже и не помню, чтобы с ним играл когда-то, только здоровался с ним в спальне, когда к ним в гости приходил, и убегал в другую комнату. Страдал много лет, и бабушка наконец-то намолила за него, но все равно сама печальная ходила. Даже когда на девяти днях танцевали, грустила, хоть и надо радоваться же: мертвые с неба смотрят и тоже пританцовывают. Сама же говорит: восемь дней для скорби, девятый день для отрады. Так принято. Вон, отец напился и веселился, с братом коленца выбивали, то есть вприсядку танцевали. А она в обнимку со мной стоит и плачет мне на плечо. Я и согласился от жалости. А оказалось, что она не просто на службу хочет меня сводить, а на исповедь!

Пришлось ехать в церковь в субботу вечером. Да ладно ехать, бабушка еще сказала, чтобы я листочек с грехами приготовил, и она проверит. И мама сказала, что проверит, хоть она и против того, чтобы ходить в церковь. И писать нужно честно, ничего не тая. Иначе смысла нет, и все равно в ад попаду. Вот уж я обалдел. Я тогда попробовал у мамы отпроситься, но она, как и отец, сказала, сходи, успокой бабушку, и она отстанет.

Ну че, я написал, что смог вспомнить: «Я ленился, думал о плохих вещах, подрался с Денисом». И маме дрожащими руками передал. Она такая: И все? Это ж за всю жизнь надо вспомнить. Я сказал, что ничего не вспомнил. Она такая: ну ладно. А в субботу к нам бабушка зашла и тоже давай проверять.

– И не ругался? Не матерился? Курить не пробовал?

– Нет!

– А в церковь вот не ходил! Запиши это тоже.

И чего такая строгая и грозная стала как тучка. У меня аж все сочувствие улетучилось.

– А молишься ты часто? Когда в последний раз молился?

– Вчера вечером.

– И какую ты молитву читал?

Ну я сказал, как есть, что молитва за то, чтобы отца не забрали на войну, а то сейчас всех берут, кто хочет добровольцем, и папин друг дядя Сережа ездил, потому что он милицейский, и сам папа хотел, чтобы денег дали за это. И я вот читал, как мама написала, что Боженька, пожалуйста, вразуми отца моего Геннадия, не дай ему согласиться на контракт, и все такое, там на десять предложений. И бабушка такая: «Таня! Ты что ребенку такое говоришь делать, что за богохульство!»

Ой, тут и началось такое, что у нас бывало вообще-то часто. Они вечно спорили о спасении моей души. Ты же его прямиком в ад ведешь, в самый котел! Вообще-то патриарх сказал, что собственные молитвы не возбраняются. Да это же ересь, секта. Все официально, и подтверждено. Да где в библии такое написано? А где там написано, что только ваши церковные молитвы читать можно? Их же уже после пришествия Христа придумали. Да что ты говоришь, одумайся! Зла на тебя не хватает!

И отца, как назло, не было: только он на них и мог прикрикнуть, чтобы успокоились. Я все боялся, что кончится тем, что мне еще и для бабушки придется молитвы учить, святых этих ее всяких, богородице деве Марии. Ну, я и так ей читаю молитвы, но у бабушки они другие, про непонятные вещи: про хлеб да про то, что верую. А чего нам этот хлеб? Навалом его. И непонятно, что ли, что верю я в них всех, иначе зачем читать молитвы. Еще и произносится все не так, как надо. Вместо твоей, говоришь твоей, не прийдет, а придет, и всякое такое. А святых этих всех не упомянишь! Вот мама только к боженьке и иногда еще к деве Марии обращается, и хорошо. Чего как попрошайки ко всем подряд обращаться. В общем, я был за маму, но молчал.

И в итоге бабушка обвинила нас в том, что теперь ей придется с тяжелым сердцем ехать в святое место. Взяла меня за руку и потащила к дверям. Ну а что мы бабушке сделаем. Раз уж отец пообещал, что я поеду в эту церковь, то тут если послушаемся, то молчанка и маме, и мне прилетит.

Вышли с бабушкой и через перекресток на остановку. Поехали в село, но которое рядом с городом. Лебедево. А там бабушкина любимая церковь. Хотя у нее у самой рядом с домом есть большая центральная церковь, но бабушка говорит, что там все плохо и неправильно, а вот в Лебедево все как надо.

И вот едем мимо училища, и вообще нашего квартала, а потом вдоль промки – это где цементные гаражи и какие-то заводы, хлебокомбинат и шиномонтажки. Все бело-грязное. В автобусе пыльно и жарко. Стою в джинсах, прею. А в шортах нельзя было поехать, раз мы в церковь. Боженьке неприятно будет, видимо. А потом еще жилые дома, во дворах которых я не помню чтобы когда-то был, если только не проездом с отцом зачем-нибудь, даже не знаю, что там. За ними дорога в горку промеж лесов и конечная. Сорок минут пути.

Вышли и пошли по сельской дороге. Много не расскажешь – дома из деревяшек да пыль, и вон церковь красная, с желтым налетом на куполах, в честь какой-то святой Евдокии Краснотуринской названа. Дальше надо через арку пройти, а вдоль нее попрошайки стоят. Бабушка платок надела и копейки мне насыпала в руку. Там рубль наберется, наверное, а все раздать надо. А они крестятся, дай бог здоровья, нам падающим. И когда в саму церковьходишь, там тоже попрошайки притаились. Перед входом еще перекрестился три раза и поклонился, как бабушка сказала. А! И как вошли, тоже перекрестился.

Уже люди стоят, немного их, правда, и смотрят вглубь церкви, где батюшка за стойкой шевелится.

Изнутри церковь высокая, большая. На окошках нарисовано всякое, да и на стенах нарисовано, и буквы, которыми молитвы пишут. А нарисованы святые всякие, ангелы, голуби, ну и боженька с мамой своей. А бог, который отец, нигде не нарисован, хотя, может, это кто-то из этих стариков с бородами – не знаю.

Сперва просто шла вечерняя служба. Стоишь тихонько, слушаешь слова непонятные, а иногда и понятные, ноги топчешь, мысли по сто раз передумываешь, крестишься до пота. И часов, как назло, нет. Бабушка еще иногда поглядывает, что даже зевнуть страшно, хоть и хочется. Зато я уже забыл, что нам нужно про грехи свои говорить. Потом бабушка меня начала куда-то в угол двигать, поближе к перегородкам. Там и батюшка своей штукой машет, дымит, пока хор за перегородками напевает протяжно. Батюшка перестал махать дымом и начал нас крестить, произнося слова всякие, а все за ним заповторяли. И мне тоже надо, и я пытался, но выходила какая-то белиберда. Верую, помилуй, даждь, и еще много всякого, про хлеб этот опять же. В конце концов священник начал подзывать людей по одному. Просто взглядом. Человек подходил, склонялся к нему. Он клал на голову синий платочек, крестил макушку, и тогда исповедующийся нашептывал свои грехи с листочка или даже без. В конце батюшка снова что-то говорил, а склонившийся вторил ему. Но вот тут-то я запаниковал: что он плохо подумает обо мне. Стыдно же. Даже перед мамой и бабушкой не было стыдно, а тут все же чужой человек. Вот меня подталкивают вперед, и батюшка выжидает, пока я просемению к нему, дрожащий, склонивший голову в ожидании осуждения и кары господней. Смотрю в промокший от пота список ужасных дурацких грехов, шевелю губами, вроде что-то выходит негромкое, но батюшка никак не реагирует, только говорит, чтобы я за ним повторял. Крестит меня и отпускает. Я встал промеж людей, готовый упасть от изнеможения, и уже бабушка к батюшке пошла. Дальше уже менее мучительно, скорее мечтательно: упал в свои мысли о том, как в темноте, когда в туалет пойду спросонья, встречу чертей и как раскидаю их, ногами напинаю им сильно. И вот уже и отслужились.

По дороге к остановке бабушка спросила меня, чувствую ли я облегчение. Я ответил, что как-то не особо. Ничего-ничего, завтра будет причастие, и точно почувствуешь. Только не кушай ничего сегодня и с утра. Ага, я вообще, пожалел, что меня крестили, хоть я уж не помню, когда. Могли бы спросить, хочу ли я такие приколы ниочемные в жизни.

От того, что меня голодного разбудили в шесть утра, я тоже не испытал облегчения ни капли. Только хорошо, хоть отец повез: сперва за бабушкой заехали, а потом в церковь. Я прижался к дребезжащей дверке, пытаюсь еще хоть чуть-чуть поспать, поэтому дорогу не разглядел. Да и что там глядеть – темно еще.

Отец нас выпустил и сказал, что потом заедет через три часа. Через три часа!

Бабушка опять мне выдала мелочь, и тут нам пришлось даже постоять в очереди, чтобы зайти в арку, пока все раздают подавание. Рассыпал копейки в руки, три раза перекрестился, поклонился. Зашел в церковь, три раза перекрестился, поклонился. Бабушка дала еще денег: иди купи три свечки, поставь в разные штуки, там тоже креститься и кланяться. Там и за дедушку, и чтобы у родителей все было хорошо, и просто боженьке. Людей много, жарко-душно, стою, почти сплю наедине со своими мечтами, и будто даже не в церкви, а где-то иду в подворотнях, и понимаю, что за мной хвост. Звоню, парням по рации: у нас гости, Коммандосы, всем приготовиться. А сам такой разворачиваюсь, и встречаю этих наркоманов. Начинаю их колошматить, ну и парни присоединяются. Уже тогда я был против наркоманов! Только в какой-то момент все начали вставать на колени и кланяться лбом в пол. Ну и я начал.

И через непонятно сколько, через невнятное количество часов, бабушка повела меня ближе к поповской стойке. Алтарь называется. Там в куче мы подходили к батюшке, он нас с ложечки

кормил вином и хлебушком, а мы за это целовали крест. И все. Не понял тогда из-за сонливости своего счастья, что бесплатно и без наказания выпил вино.

Но больше я такого не хочу ни за какие коврижки. И сейчас, то есть как бы тогда, но и как бы сейчас, я бы ни за что не признался, что, по сути, прибил Дюшика. Что мы оставили его одного умирать от голода и крыс. Но сделанного не воротишь, и остается только смотреть с мамой рекламу про то, что жизнь прекрасна, пока прыгает пробка, про то, что придется выбросить блузку, но нужно выбросить не блузку, а порошок, и то, что люди – это фантастика. Я попросил маму, может посмотрим на кассете кино, у нас же есть ее любимое про красотку, там хоть рекламы нет, а мама отнекивается, говорит, что пока она в отпуске, хоть «Звездный час», это передача такая, посмотрит, а то с работой времени нет. А я бы мог пойти уроки сделать, а если сделал, то почитать. Вот вроде и хорошо, что и отец, и тренер работают, и тренировки нет, так все равно дома сидеть. Я спросил, а как дела на работе и что она там делала. Поговорить все-таки, она же отпуск взяла за мной следить. Да какие дела, сидим работаем с девочками, отчеты составляем. А про что у вас отчеты? Ну что ты привязался? Папа придет, его поспрашивай, он любит рассказывать. Ну нетушки, пойду читать, у меня же подаренные книжки.

Ну что, у кого там папа киллер? А мой – охранник. А тут вообще про металлистов каких-то, которые еще и крутые! Это в Москве, что ли, патлачи крутые, их же только так избивают, у нас таких и нет в городе. У всех еще какие-то клички, хотя у нас обычно только у самых крутых они есть, а эти только одежду модную носят. Совсем у них там в Москве страх потеряли. И никто ничего не расследует: про старшеклассников просто книжка. Потом дочитаю.

7. Мышеловка захлопнулась

Каждый раз после школы мы с Денчиком обходили наш дом в попытке найти Дюшика. С утра делать это было слишком сонно и мерзло, да и все равно темно. Мы кричали в подвальные дырки. Денчик еще и матерился в них. Мы даже слазили в засташу с мыслью залезть в подвал, но так и не решились – ссыкотно. Дюша не откликался. Денчик предположил, что, может, он вылез и ушел куда-нибудь, начал новую жизнь, или уехал на электричке зайцем в Сибирогорск. Или все-таки его съели бомжи, крысы или кто-то там еще. Я еще говорю, что вот из-за Пахи-придурка бросили Дюшика. Теперь на всю жизнь такой груз. Денчик помолчал в непонятках, а я продолжил, что ведь Паха боялся, что нас нарукают и он не поиграет в свою сегу, понятно, им, богатым, наша жизнь беднячая вообще побоку. Ест, наверное, сейчас киндер-сюрпризы. Да, в натуре, – Денчик ответил. – У него всегда шоколадки дома есть. Не понять ему нас, Денчик. Путка он! На том и разошлись.

А в классе девки боялись маньяка. И некоторые пацаны тоже. Но мы знали, что нельзя говорить им правду. Нельзя!

В пятницу после школы вышли, я говорю Денчику, что давай анекдоты рассказывать. Он только обрадовался. Мы любим анекдоты рассказывать. Раньше любили, сейчас повзрослели все же. Но все равно у меня был любимый анекдот, который я любил рассказывать. Про то, что когда аргент упал с сотого этажа, и такой пролетает девяностый этаж, восьмидесятый и смотрит уже и семидесятый. И такой говорит: «Ну пока что все идет хорошо». Так смешно всегда было, он падает, а ему все хорошо. И у меня все пока идет хорошо, хоть, конечно, и не очень. Все же друга, можно сказать убил. Убили. Но может, еще найдем Дюшика, и выжил он, и никого не сдаст. Но анекдот я рассказал – посмеялись как всегда. А Денчик начал свой матершинный рассказывать, тоже смешной.

– В детском саде номер восемь раздаются голоса: «Ты, копел, отдай машинку!» – «Не майкайся, она моя!»

И не успел он рассказать самую смешную часть про то, как к ним пришла воспитательница, а они ее проституткой называли... Если подумать, то это не анекдот, а просто смешной матершинный стишок, но в любом случае он его не успел рассказать, потому что за школьными воротами к нам подошли три парня. Старшаки, но не очень. Из класса пятого или шестого. Даже не выше нас ростом. Они спросили меня по имени, я ли это, и не успел я испугаться, только ответил, что да, это я, как мне прилетела пощечина.

– Понял за что?! Понял?

Ниче я не понял, но уже хотелось разреваться, хоть и не больно. Вот мне как-то на тренировке прилетело пяткой, когда в соседней паре Антоху кинули прямо на нас, когда мы с Чижиком в партере барахтались. Вот это было шариком за ролик. Будто типун как в мультиках на голову свалился, и у меня шишка с метр выросла. Или как эта штука тяжелая черная называется, но я думаю, что типун, потому что говорят «Типун тебе на язык», будто что-то тяжелое упадет. Но тогда было, и больно и смешно немного, а тут только обидно, и че делать? Может, я ему и вмотаю. А может, нет.

– Ты че не понял? – Ударивший меня старшак теперь схватился за мой капюшон и начал мотать в разные стороны, а потом натянул его на меня, что аж загнул немного вниз. Еще и сунул мне снегом в лицо. Тьфу ты, ничего не видно, только в руку ему вцепился, сейчас бы на бросок да чет не выходит. Тут Денчик его оттолкнул, что тот аж отлетел, и остальные двое к Денчику подлетели.

– Ты че, тоже хочешь? Не лезь, не лезь!

Смотрю, на нас уже все усталились, кто играл в школьном дворе. А этот, который начал все, снова ко мне подошел.

– Еще раз Леню тронешь, я тебе вмотаю, понял?

Да какого еще Леню?!

– Не знаю, – я говорю. – Какого Леню?

– Ты че, ваще опух, что ли? Которого ты избил.

– Не избивал он никого! – вмешался Денчик. – Вы перепутали. Мы вообще за добро.

– Да не бетонь тут. Может, мне его позвать? Позвать?

– Отстаньте, я вообще спидозный. Ща как харкну! – вдруг выкрикнул Денчик. – Путкнитесь сразу!

Парни посмотрели непонятливо, с сомнениями.

Мы еще постояли невозможно долгие пару секунд и пошли домой. Они только в след покричали, что еще раз, и нам сделают много неприятного. Денчик сказал, что видно, что у меня лицо расцарапано, видимо, от этого снега. А потом мы уж и догадались, что это, видимо, какой-то друг или брат того мелкого, который девочку обижал вместе с Димкой. Ну ладно. Я про него и забыл, и в школе его не видел вроде. Главное, чтобы он не начал выеживаться, думая, что ему теперь все можно. Только чего отцу сказать? Он же увидит, что лицо расцарапано. А я сдачи не дал. Да и на тренировку не свалить, типа как-то неудачно упал или еще что, потому что он там будет. Так и разошлись.

Отец придет сразу на тренировку, а сейчас уехал по делам. Мама на смене. Так что я быстренько покушал и вытащил игрушки.

Серия седьмая: «Мышеловка захлопнулась».

– Или твоя замечательная женушка, или лучший друг, выбирай, – хриплым наглым голосом сообщили Тынцу по телефону.

– Я тебя найду, обещаю! – Акуленок бросил трубку и помчался к машине. Фиолетовая гоночная моделька помчалась среди кубиков с буквами.

Спецназ из солдатиков ворвался в очерченный квадратным узором ковра склад, где лежал будто бы связанный Новичок.

– Это ловушка! Не заходите туда! – Тынц дозвонился до командира спецназа, но уже было поздно. Бджжжж, солдатики подброшены вверх.

Еще немного сцен и схватка в темноте. Тынц не видел взятую мной во вторую руку игрушку. Удар, он потерял сознание.

– Понимаете, – он напился в баре в окружение Алкашика и Снега. – Я почти поймал его. И самое странное, почему он меня не прикончил?

– Ничего, главное, что жена жива, – приободрил его постукиванием по плечу Снег. – Она ничего не видела?

– Нет. Зачем я ему нужен, ну скажи?

Они разошлись после бара в разные стороны. Алкашик зашел за полоску ковра, дорогу для машин, и будто позвонил из телефонной будки: «Да? Это ты?»

Серия закончилась, и я так понял, что теперь под подозрением Пингвинчик-Алкашик. Не зря же нам показали, что он кому-то позвонил, но кому?

Немного потрясывало, в руках было мягко. Я просто сидел и смотрел на руку, держащую возможного предателя, а возможно, и самого преступника. Было интересно, что дальше, но по времени уже не успеть отыграть следующую серию, которая была записана как «Хорошие мальчики».

Настало время собираться и идти на тренировку. Быстро-быстро я прибрал игрушки, оделся и поскакал с рюкзаком на улицу. Перекресток-пустырь-бетонка-светофор-общага-дворы. Сразу предупредил парней, что придет отец, пожал всем руки, и Толе тоже. Объяснил царапины тем, что подрался. «Взрослеешь», – только бросил Серега, а остальным всем безразлично, хотя даже лучше матом сказать, но я не буду. Им главное, что тренер приехал, поэтому от отца достанется только мне.

И вот началось: построились на матах перед тренером, рассчитались, побежали по периметру. Звонок в дверь.

– Гильо, продолжай разминку пока, – Тренер пошел открывать, и по ногам повеяло морозным воздухом. А там, конечно, пришел отец. К тому времени как мы перешли к диагональным упражнениям, он сел наверху рядом с тренером и о чем-то переговаривался с ним. И всем все равно, конечно же, а мне даже кувыркаться тяжело – вдруг неправильно кувыркнусь! Главное, не смотреть, не пытаться поймать его взгляд, а то одернет.

– Гильо, че с тобой?! – это тренер крикнул.

– Да рука болит сегодня, не могу вверх поднимать.

– А что случилось?

– Да так. Потянул неудачно.

– Знаю, я твою неудачно.

Вот мы и встали в привычные пары, снова отрабатывали накаты в партере – только бы перевернуть Чижику, только бы не дать ему накатить себя. В руках-ногах тяжесть, как и всегда, когда отец приходит, как будто все специально получается тяжелее, а значит и хуже. Вот по пять минут отработки бросков, потом меняемся. Сперва через бедро, потом вертушка. Влупил Чижику случайно головой в мат, не повернул. Тяжелый вдох, а тренер подошел к нам, начал показывать, как уходить под руку, что вот, если на левую руку делаешь, то своей правой будто бы тянешься наискосок к полу, но не отпускаешь, чтобы крепко плотно было, чтобы если не пойдет, тут отпустить левую и подбить бедром на бросок через себя. И давай, теперь ты попробуй еще раз. Ага, ага.

Но пронесло – в этот раз не было схваток, а то за любой удачный чижевский проход мне бы прилетело, ведь он-то совсем хлюпик, как говорит отец. На самом деле мы с ним одинаковые и вместе начали ходить. Просто он еще и очкарик, и на год младше.

После растяжки тренер снова нас построил. Вот, в конце февраля будут областные соревнования с выходом на всероссийские. Всем старшакам надо готовиться. И тебе, то есть мне, тоже. Теперь еще после тренировки ходи в тренажерку вместе со старшаками, все, пора уже участвовать. И ты, он Чижику, тоже давай. Но раз уже растянулись, то сегодня все домой идите. А ты, Гильермо, давай завязывай с этой путней. Да, он правда сматерился, хотя почти никогда так не говорит. А то тебя или посадят, или в больничку сляжешь, если еще чего хуже не будет. Лучше в борьбу так вкладывайся, а не в разборки ваши малолетовские. Ясно?

– Ясно, – Гильермо опустил голову.

– Все, расходитесь.

Вот я в душ, потом попрощался со всеми, а отец уже в машине ждет. Четверка у нас, ВАЗ двадцать один ноль четыре, вилового цвета. Ласточка – отец ее называет. Стремно, что сейчас будет меня ругать. Еще, как назло, никого не надо подвезти, так бы до дому еще спокойно было бы. Ну, залез на заднее сиденье. Поехали.

Чего с лицом? Да с Денчиком поборолись. Чего так плохо занимался? Не знаю. Тебе не нравится? Нравится. Тогда старайся лучше. Мне перед Ваней за тебя краснеть постоянно, что ли? Теперь у тебя соревнования впереди. Еще будем дома заниматься тогда и бегать. Понял? Понял.

Он говорил сухо, немного страшно, но жить можно, кроме того, что опять нужно будет с ним тренироваться. Когда отец ушел работать посменно, мы перестали, а раньше с утра еще перед школой бегали, а потом на турники и отработывали всякое. Или, наоборот, вечером, если тренировки не было. Страшно вспоминать! Потом я еще вспомнил, что он жаловался маме в ту ночь с Дюшиковской пропажей, что я с ним не разговариваю, решил спросить что-нибудь.

– Пап, а как ты думаешь, инопланетяне скоро прилетят?

– Не говори под руку. С путней какой-то лезешь вечно, – он еще резко завернул на перекрестке. Что меня аж занесло в дверь. Вот и поговорили.

А утром я ехал на лифте, и на третьем этаже вошел Олежа. Мы с ним не общались особо, хоть и жили в одном подъезде. У меня за спиной рюкзак и пакет со сменкой в руках. У него же какой-то маленький пакетик с одной тетрадкой.

– Ууу, мелкий, че с лицом?

– Да так, подрался.

– С кем?

Ну ему я решил рассказать как есть, какая разница. И нам было по дороге немного, а так он учился в Пахиной школе, я ему и про девочку рассказал.

– Так это по беспределу получается. Надо разбираться. Как зовут этого, говоришь?

– Да я не знаю.

– Ну ты узнай. Мы к тебе с Дроном зайдем. Когда придешь?

У меня было три урока. На второй перемене мы с Денчиком сбегали в столовую, подловили Димчика. Его компашка вместе с этим Леней на нас покосилась, и тот не хотел рассказывать, что это был за пацан. Тогда Денчик не выдержал и обратился к Лене:

– Эй, кто это за тебя вступался.

– Брат.

– Как зовут?

– Андрей.

– А фамилия?

– Как у меня фамилия, – он еще так дерзко сказал, с нарывом, типа че вы мне сделаете.

– Чего вы к маленьким пристааете, кыш отсюда! – нас прогнала их классная. Фамилию все же узнали потом у Димчика. Когда вернулся домой, увидел, что Олежа с Дроном стоят у подъезда. Сразу им и сказал все.

– Ну что, значит стрелу надо устроить, пускай отвечает за все, – заключили они.

8. Хорошие мальчики

– Так, давай одевайся, я уже собралась.

Пообещал маме помочь тащить пакеты из магазина. А как не пообещать. Да и вкусняшек выпрошу. Может даже киндер-сюрприз.

Перед выходом мы еще постояли в коридоре, помолились на то, чтобы машина не сбила, чтобы продукты не подорожали, чтобы денег хватило. Я в зимней курточке и болоньевых штанах, в шапке и валенках. Вышли.

– По лестнице пошли, здоровее будем.

Хоть и спускаешься, а в таких доспехах все равно одышка. Из подъезда направо к гастроному, по накатанному спуску. Мама за руку хватается, чтобы не упал, и так и идем к засыпанной снегом плиточной дороге вдоль училища.

– Ты на Новый год к бабушке хочешь пойти? Порадуешь ее, проведешь время. А то мы с папой хотим от работы съездить на базу. Туда детей нельзя, все пьяные будут. – И дорогу перешли.

– А бабушка вкусного наготовит, ты же любишь, как она готовит? Пирожки, пирог рыбный.

Держит меня за руки, а на встречу как специально Дрон идет с Холодом.

– Здравствуйте, тетя Таня, – говорят. А мне что, вырваться и пожимать им руки или что? За это и не люблю эти рукопожатия. А они теперь еще будут думать, что я маменькин сынок, раз за ручку хожу, смеяться будут. Но я им сказал «привет», и они мне тоже. Только не стали мелким называть, как обычно. Ну хоть про стрелку не начали говорить, а то мама бы узнала.

– Андрея в лицей в следующем году отдадут. Слышал? – мама сказала про Дрона. Не похож он совсем на тех, кто учится в лицеях. И родители у него бедные. – Ездить будет от нас. Но сейчас-то опасно так вот детей отправлять одних. Если бы мы жили рядом, или где бабушка, то и тебя бы отдали. Ты же умный? Там только сильно учат, зато потом в институт можно пойти. У нас-то в школе чему научат? У вас в школе все хорошо, никто больше не пропадал?

– Нет, – смутился я. Когда уже все забудут об этом маньяке, которого нет. Будто специально постоянно напоминали про Дюшу.

Мы зашли в универсам, и я занял очередь, пока мама ходила и смотрела, что именно нужно взять, и еще и в отдел со свежим мясом зашла – там отдельная касса. А я двигался вдоль колбасок, сыров, яиц, а когда остался последний человек, то мама вернулась и вручила мне пакет. Потом продавщица отгрузила нам еще один пакет всякого молочного и хлебного тоже. Но ничего сладкого. Я не стал уж просить, я же плохо себя вел, получается. Просто никто не знает.

Я смог нести только один пакет, и он был тяжелым. В одной руке не унести, еще надо приподнимать, чтобы по земле не волочить. Мама со своим лучше справлялась. Ну ничего, помог, донес. Прошли мимо пустыря, где уже заливали горки и строили фигурки. Только в этом году не поиграть нам здесь, раз из дома не выпускают. Не побегать в барабанах теперь, а в прошлом году-то я так разгонялся, что все падали со мной, если только не старшаки. А потом, говорят, доска сломалась, и какой парень ногой провалился в дырку и ногу сломал. Их и увезли сразу, а сейчас стоят.

И в тарелке не поваляюсь, но я и не любил в нее лазить, потому что вечно старшаки мешают выбраться и приходилось в них сидеть, пока не надоест. Бегаешь по кругу, а какой-нибудь Дрон, который добреньким прикидывается, в лицей собирается... Вот он берет и толкает обратно!

– Хочешь, потом сходим, покатаемся? – мама заметила мой взгляд на горки. Как маменькин сыночек опять, что ли. Нетушки. Ответил, что не хочу, не надо. Пить только хочу. Мама сказала, что сейчас домой придем и попьем, только чтобы кипяченую, а не из-под крана, а то там палочка.

Как назло, еще бабушку Дюшину встретили. Она маленькая, укутанная в шаль какую-то, на углу дома стоит и смотрит вдоль него, как раз в сторону нашего подъезда.

– Здравствуйте, Ольга Дмитриевна, – поздоровалась мама, и я тоже добавил свое «здрасьте».

– Здравствуй, Танечка. Здравствуй, – она посмотрела на меня, будто забыла. – А вы Андрюшу не видели?

– Нет, не видели, – мама не удивилась и говорила с ней как-то особенно доброжелательно. – Да вы не стойте, не мерзнете. У него же ключи есть?

– Есть.

– Вот он наиграется и придет, а вы ему что-нибудь приготовьте.

– А верно, Танечка. Он булочки любит печеные с сахаром. Вы тоже приходите на чай. Придете?

– Придём, Ольга Дмитриевна, обязательно придем. Ну давайте, мы пока домой вещи занесем.

Мы пошли дальше вдоль дома к подъезду, а Дюшина бабушка продолжала смотреть нам в спину – я развернулся проверить один раз.

– Совсем плоха стала, часто так стоит. Я уже сама молюсь, чтобы ей полегче было. Хорошо, что с тобой ничего не случилось, не представляю, что бы я делала. Тяжело? Тоже бы с ума сошла. Пожалуйста, не ходи никуда в такие места... где можно пропасть. Ну ты понимаешь. Где ключ-то подъездный? Проходи. Если старшие мальчишки зовут куда-нибудь что-то попробовать – не ходи. Взрослый будешь, все попробуешь, что надо. И по стройкам своим не ходите, мало ли кто там ошивается. Хорошо? Все ставь пакеты, я пока открою. У Ольги Дмитриевны-то никого больше и нет. Может, только подружки какие-то. Считай, дочь с зятем сперва сгинули, Андрея растила одна почти с пеленок, а вот как сложилось. Заноси.

Все это время мне было жалко Дюшину бабушку, но я снова почувствовал жажду. Все-таки почти как на тренировку ходил, тяжести таскал.

– Так если там палочка, то, может, вытащим? – я спросил, как только разделся и отнес пакеты на кухню. Там же изогнулся над раковиной, чтобы посмотреть внутрь крана.

– Что? – мама расставляла продуктовая по полочкам.

– Ты сказала, что нельзя пить из-за палочки.

– Это не такая палочка.

Я совершенно не понял, что имеется в виду и сразу же спросил.

– А какая?

– Такая. Кипятить надо.

Так и остался без объяснения. Хоть по губам не шлепнули, и то ладно.

9. Взрывное затишье

На Новый год меня решили отвезти к бабушке на другой берег. Она живет одна в двухкомнатной квартире, примерно в такой же по размерам, в которой живем мы втроем. А родители уехали отдыхать на два дня на базу. И одного меня нельзя оставлять – мало ли! Перечитаюсь детективов или доиграю до конца весь сериал. Или просто телик посмотрю нормально, а не бурду эту родительскую. Ну или еще маньяку этому несуществующему дверь открою.

А вот елку зачем поставили? Ватой ее обсыпали, дождиком. Кому она теперь стоит? Уж Дед Мороза я и не ждал, конечно же. А так только собрали, а потом разбирать да мусор подметать. У Пахи вон живая стоит, но с нее вообще иголки сыпятся.

Отец ушел за машиной, пока мы с мамой собирались. А когда уже вышли, он подъехал к дороге. Нам нужно было только спуститься по протоптанной в сугробах тропинке. До этого у нас была бетонная лестница, чтобы нормально спускаться. Но летом приехала кран-машина, подцепила лестницу и уехала. Как сказал отец: «Чикатнули прям посреди белого дня, копелы бетонные!»

В машине зябко, стекла еще не прогрелись и все в белой корке, но я надышал себе на заднем сиденье маленькую дырочку в окне, чтобы смотреть на дорогу. А то чтобы посередине сесть и смотреть в лобовое – родители не разрешают. Говорят, вдруг резко затормозим, и я вылечу воланчиком в окно и разобью его. Потом платить за ремонт придется.

Отец развернулся. Не сам, а повернул машину на противоположную сторону дороги, а потом свернул на улицу Багаутдинова, через которую я в школу перехожу. А там и двинули к центру. Мы проезжали вдоль домов, за которыми наш рынок и Пахина школа, а потом вниз с горки мимо новых девятиэтажек к мосту через Сятову. У моста бетонные ограждения, чтобы люди ходили и не боялись машин, и железный узорчатый забор, чтобы люди взбирались на него летом и прыгали в речки. Ветер тут сильный – разгоняется, и внизу на реке видна поземка, уходящая за изгиб у скалы.

А затем подъем вдоль леса и мимо длинного заброшенного здания, вроде как завода, но окна выбиты, и там неформалы теперь бухают. И с одной стороны лес еще не кончился, а с другой уже парк, а рядом с парком двухэтажное здание – отцовская работа. Сюда он и ездит, а потом пересаживается на бело-синие машины. Даже как-то забирал меня с тренировки на такой, и ездили на вызов в киоск с его напарником, дядей Олегом. Украли там что-то или пытались украсть, сигнализация сработала. Но никого не поймали.

А потом главная площадь с городской администрацией и нашим институтом. А вот за ним во дворах два заворота налево, один направо и прямо, средь голых деревьев, бабушкин пятиэтажный кирпичный дом. Летом здесь зелено, и даже есть деревья с тыблочками – маленькими пыльными яблоками. Кислыми, но ими можно плевать из железных труб.

Родители меня завели и даже на чай не остались – уехали сразу. Подарки, только сказали, что уже потом будут, как приедут. А то у мамы зарплату задержали, а отец на свою должен резину купить, а то одно колесо лысое на машине. Я даже не буду стараться это понять.

Но ничего, зато бабушка мне сразу подарила водный пистолет, и я популял в зеркало в ванной. Не очень весело одному, поэтому быстро надоело. В котла бабушка не разрешит пулять. А он сам в руки не дается. Как с ним еще играть? Черный такой, большой с белым пятнышком на груди, которое бабушка называет манишкой. Залез на шкаф и сидит. А еще со своей манишкой, бывает, нашкодит, пакостник такой, и ходит как ни в чем не бывало. Не он диван подрал, не он корм разбросал, и не он мне руку оцарапал, а я просто погладить хотел!

У бабушки нет елки, игрушек и гирлянд, потому что Новый год – это праздник дьявола. Она-то сама празднует только Рождество и Пасху. И постится. Но для меня приготовила салатик всеякие, вкусняшки: бутерброды с маслом и малиновым вареньем, жаренные пельмени. И даже киндер-сюрприз, в котором мне выпала какая-то оранжевая рыба. Особо не поиграешь с такой, но она может плавать и угрожать жизни кому-нибудь из черепашек-ниндзя. Рыба – гигантский мутант.

Нужно было еще прочитать молитву, но так, чтобы бабушка не узнала. Она и так маму ругает за ее придуманные молитвы, а за эту вообще меня прибить. Я отпросился в спальню, типа посмотреть книжки в шкафу. Ну и для начала и правда посмотрел на них: темно-синие, все в ряд, томами Пушкиных, Толстых, Достоевских. Достал одну, чтобы содержание посмотреть – интересно, как главы называются. А они все римскими цифрами обозначены. И в другой книжке так же! И как понять, крутая книга или нет. Вот и бабушка пришла, села к себе на кровать, что-то делает,

вжает. Спрашивает, много ли я читаю, хорошо ли учусь, с кем дружу. Я отвечаю то же самое, что и обычно. Не дает мне молитву прочитать!

Тогда на кухню пойду бутерброд съесть, и бабушка туда же, предлагает приготовить еще что-нибудь, а еще салат специально для меня сделала – любит меня! И никуда не убежать от этой любви: ни в ванну, потому что задержишься – будет спрашивать, что это я там так долго. Ни в туалет, ведь подольше посидишь, и уже стучится, не отравился ли я, спрашивает. Ни на балкон – он вообще закрыт на зиму.

Так и сидим в зале, рассказываю про тренировки, что скоро на соревнования поеду и боюсь: вдруг проиграю. Ничего-ничего, говорит, ничего страшного. Понятно, ей-то ничего. А мне очень даже чего, аж думать не хочется.

Про Дюшу спросила! Родители-то ей рассказали, и про маньяка выдуманного, и про все это. А чего мне сказать: да, грущу, скучаю. Да, боюсь. Бабушка говорит, что если маньяк, то значит Дюшик умер мучительной, медленной и даже позорной смертью. Что перед смертью над ним наверняка надругались. Непонятно, конечно, что позорного, если на тебя поругались перед смертью, но мне как-то не очень хотелось об этом говорить, поэтому я только продолжал поддакивать. А в конце она вообще сказала, что Дюша сам виноват, наверное, болтался с кем не попадая, а нужно общаться только с хорошими людьми и ровесниками. А он точно с наркоманами какими-нибудь гулял, еще и курил уже. Вот с послушными детьми плохого ничего не происходит.

Противно стало от себя, но хоть по телевизору что-то началось мельтешить и распевать. И мы стали смотреть, ждать курантов. Хотя у бабушки даже бенгальских огней не было, чтобы Новый год нормально встретить.

А к полуночи я уже обещался, наскучался, посмотрелся звезд эстрады, наслушался песен о главном. Уже думал, что ладно, вот я лягу здесь, она у себя. Потом заснет и тихо под одеялом можно будет прочитать молитву, но только чтобы не услышала. А то узнает, что я на нее намаливаю не какой-то молитвой правильной от какого-нибудь святого, а маминой, так опять заставит на исповедь идти ведь.

Паха с Денчиком поди веселятся. Танцуют там со взрослыми. А может даже их угостили шампанским! Хотя я бы этого не хотел, все-таки алкоголь – это плохо. Я-то уж убедился на собственном опыте. Был послушным сыном – а сейчас непонятно, то ли предатель, то ли просто убийца. Как таких называют? Бетоны.

А пока хоть президента послушать – это очень важно, говорит бабушка, и мы слушаем. А потом началось: забабахали отовсюду салюты. И на городской площади запустили – видно в окна. Я начал уговаривать ее открыть балкон и посмотреть, но она сказала, что тогда к нам что-нибудь залетит и все сгорит. Ну тогда давай на улице посмотрим, давай посмотрим. И она уговорилась.

Сперва надо надеть на себя сто миллионов одежды. И валенки. Я очень спешил, салюты-то не бесконечные. Хотя на девятое мая в прошлом году часа пол запускали. Мы стояли с родителями на площади в толпе и смотрели. Я даже пару раз испугался, такой большой и громкий был салют. Одежда наделась. Бабушка тоже в платки свои обернулась, и говорит, не спеши, подожди меня. А я, как дверь открылась, сразу же выбежал в подъезд. Ба, ну давай быстрее, давай быстрее.

Вышли на улицу. Все небо и правда заляпано красками – фух, успели. Бах-бах! Пьяные орут: мужики, тетки. Собаки лают. Даже где-то сигналку услышал – ничего себе. У нас вот во дворе ни у кого нет сигналок на машинах – богач, наверное, какой-то. Или крутой.

Радуются все, друг друга поздравляют, мне какой-то мужик по шапке постучал, типа с Новым годом, малой. Там и кто-то свои фейерверки в сугробы втыкал, и оттуда вылетали огненные шары: не такие мощные, но гораздо ближе и громче.

Только бабушка крестилась, причитала, что точно где-нибудь пожар будет.

А потом все кончилось, и все, кто был, встали как-то в непонятках. Ну кто-то еще поздравлял с Новым годом всех, но не так уверенно. Надо расходиться. Пошли обратно. Пока поднялись, я аж вспотел.

Дома мне бабушка разрешила смотреть телевизор, только сперва постелила на диване. А сама спать пошла к себе в кровать. Ну наконец-то! Я включил негромко новогодние передачи, залез под одеяло и зашептал мамину молитву.

10. Недетские разборки

Как Дрон нам и сказал, мы попытались позвать кого-то из своих: одноклассников и просто мелких знакомых. Но все, кого звали, нашли причину, чтобы не идти на стрелу, хотя уже и как-то взрослые перестали всех держать дома. А так подумать, крутых-то и не держал никто, потому что их родителям плевать. Так что все просто отмазывались, лишь бы не идти за меня драться.

В тот день Дрон и Холодец зашли за мной. Хорошо, что все еще были каникулы, и тренер куда-то уехал, поэтому тренировок на неделе не было. Поэтому, когда меня предупредили, что стрела будет через день, то есть сегодня, я только прикинул, где будут родители в это время и смогу ли я выйти. Организовали все так, чтобы успеть дотемна. Собираемся на поле за гаражами, потому что там дальше пустыри. А это все у наших дворов, то есть все свои. А те-то придут не к себе. То есть план хитрый. Холодно только зимой-то, зато в асфальт не запинают. В бетон не вкают.

Сперва все наши собрались во дворе. Сперва мы стояли впятером – еще Олежа и Джон. Потом Денчик с Пахой пришли. Затем появились наши старшие со двора – они уже закончили училище и работали. И я тоже стоял с ними. Они пожимали мне руку, было приятно. Потом спрашивали, что случилось, а после краткого пояснения говорили, что хана этому Андрею, чтобы я не ссал и что все разрулят с их старшими. Приходили из соседнего двора, где жил Холод, приходили из Дроновской и Пахиной школы. И все за нас. За меня!

Но сама обстановка была напряжная. Многих я бы побоялся встретить на улице, знал за них, что и избить могут, и ограбить.

Мы с Пахой стояли как неприкаянные, молчали, если никто ничего не спрашивал. А Денчик чувствовал себя как рыба в воде. Шутил, матерился, даже кинул снежком в одного старшака.

Парни стекались муравьями со всех сторон, все больше и больше. Спрашивали про меня. Дрон все рассказывал.

Встали специально за будкой, чтобы родители не замечали, что происходят какие-то движения. Курили. Старшаки советовали разминаться. Черный, тот еще отморозок, вытащил из-под куртки железную трубу. Поднял ее вверх. Вдруг остальные тоже начали хвастаться кто чем: ножи, кастеты какие-то. Самый старший, Гриша от фамилии Гришин, показал пистолет. «Газовый», – уточнил он сразу. Стало только страшнее.

Еще было несколько девок-старшачек, которые клеились к парням. Денчиковой сестры почему-то не было – Денчик всем отвечал, что она с матерью уехала в Сибирогорск за покупками. Девчонки эти чего-то смеялись, поглядывали на меня пару раз. А потом Гриша скомандовал идти на пустырь. Сколько нас? Я пытался подсчитать: ну человек тридцать, наверное.

По дороге Гриша подошел ко мне. Сказал, что разговаривать будет он и чтобы я не лез сам, пока меня не спросят. Чтобы просто стоял рядом. А Денчику с Пахой сказал, чтобы вообще вперед не лезли. Вон, с Дроном будьте. Пока он говорил, вдруг подбежал тот тип, который Дюшика тряс за капюшон и который стрелял в Денчика из воздушки. Они поздоровались и что-то посме-

ялись между собой. Он посмотрел на меня – нос какой-то свернутый, и глаза нехорошие. Наркоман, наверное! А если бы нам за ним пришлось следить? Он бы нас заметил и точно бы убил.

А мы все мерзли, ждали. Одни пацаны принесли пластмассовые баллоны пива и уже их распивали, угорали над кем-то. Посылали подпевал еще за баклахой. Из-за гаражей выглянули мужики, но не подошли к нам. Зассали, наверное.

– Ну че, где эти там?! – Пошло по толпе. И тут же кто крикнул: «Зырьте!» С того же самого прохода из гаражей начали вываливаться другие... Даже не знаю, как их назвать, так-то это же не район на район был, вообще, все спутано. За меня были и из моей школы, так и за Андрея этого тоже из нашей школы явно кто-то был.

С их стороны тоже пришло столько же, а может даже больше. У них не было ни одного мелкого, как мы с парнями. Тоже были старшаки, как Дрон, и совсем взрослые, как Гриша. Ну еще и как этот Андрей, на год или два старше еще.

Наши и их старшаки здоровались, общались о чем-то. Гриша подошел к их самому взрослому, облезлому и страшному. Они чет говорили, но я не слышал. Только увидел, что Гриша показал на меня. И к ним еще Андрей подошел. Гриша позвал меня рукой.

А уже начинало темнеть, зима все-таки. Подошел, и остальные обступили нас кольцом. Нужно ли пожимать этому страшили руку? А Андрею? Сейчас протяну, а они не пожмут ее – буду как лох. Силой прижал правую руку к себе.

– Че, малой, ты стрелу создал? – страшила тоже не стал протягивать мне руку.

Но так-то не я, а старшаки, и чего говорить? Холодец, Олежа и Дрон стояли где-то там за спиной. Пришлось грустно сказать, что да.

– Понимаешь, что за такую канитель тебя на бабки могут поставить? Люди сорвались тут ради малолеток. Дрон говорит, ты его брата вбетонил за просто так. Поэтому он тебя начикатил. Ты же неправ, выходит, по ситуации. За тебя свои же не вступятся, сейчас все тебя замайкаем здесь.

– Я не... – страшно.

– Малой, не суетись, скажи, как было, – вступил Гриша. – Давай.

– Он девочку обижал.

– Дрон?! – удивился страшный.

– Брат его младший. Мы разогнать их хотели.

– За девушку вступиться – это нормально, если она сама сильно не пробетонилась где-то.

Чего он ей делал?

– С другими окружили и рюкзаком ударили.

– Дрон, было такое?

– Да там чуханка из их класса, че такого?

– Так даже если чуханка, что трогать ее? – еще раз вмешался Гриша. – Не дело. Сильно ты его отчикатил?

– Один раз в грудь ударил. Он еще копелом назвал до этого.

– И все? За копела и опустить можно, если за базар не ответил. Он пояснил?

– Чего пояснять? Он в первом классе, – встрял Дрон.

– Ты помолчи, – страшный его сразу прибетонил. И уже ко мне. – Не путкаешь нас тут?

– Нет.

– Значит так, – страшный размышлял. – Если ты думаешь, что тебя не по делу сбетонили, то давайте тогда один на один, порешайте.

– Он же в два раза меньше, – встрял Гриша.

– Да вся эта малоточная тема, чикат... Ты, Грига, чего предлагаешь?

– Дрон денег нам должен. На нашего малого майкнулся не за дело. Если брательника своего сам воспитать не может, то чьи это проблемы?

– Пойдем отойдём.

Страшный и Гриша пошли в сторону о чем-то говорить. Я стоял напротив Дрона. Он, конечно, меньше и младше нашего Дрона, но действительно больше меня. Выше. И драться было боязно. Я осмотрелся. Толпа почти вплотную встала к нам. Причем все смешались. Я видел, что Денчик с Пахой и Холодец с Олежой стоят с ненашими пацанами. Старшаки че-то шутили между собой – им-то не драться перед всеми.

К Дрону этому подошли свои, подбадривали чего-то, на меня косились: да ты вбетонишь ему, без проблем. Почему я хожу в тупую борьбу, а не бокс какой-нибудь, так бы хоть что-то сделал.

Гриша и Страшный вернулись с объявлением.

– Значит так, начинайте бетониться, а то че мы здесь собрались. Хоть какой-то толк. Кто кого запуткает, тот и прав. И потом чтобы никаких еще стрелок или еще чего. Из-за вас время только тратить, по путне какой-то.

Ко мне подошли наши старшаки: снимай курточку, чтобы легче было. Дрон тоже снимал свою. Холодно и так, а еще и боязно. Трясучно-то как. Наш Дрон еще шапку с меня стянул – что-бы на глаза не спала.

– Никто больше не лезет! – огласил Гриша. – Понятно?

Я как-то не думая постучал себя кулаком по плечу, и тут кто-то захихикал. Ну ничего. Встал в стойку. Не борцовскую, а как в фильмах. Дрон тоже что-то типа того. Стоим. Потом он пошел как-то боком наискосок и вприпрыжку еще как боксер. Я тоже так начал делать.

– Давай, Дрон, бетонь его!

Он хоп, передней ногой вперед и кулаком в меня. Я дернулся назад – отскочил, а он обратно. И прыгает все на месте. Опять кто-то кричит. А за меня не кричат. Он еще раз также, я снова ушел назад, но все же по глазу мне смазало, а Дрон вперед завалился. Ну я и толкнул его в сторону, что он аж на бок начал падать и давай руками бултыхать за меня цепляться. Ну как мне эта борьба тупая отцовская поможет! Ну сделаю я ему удержание на лопатках, а толку – ему даже больно не будет. Надо было хотя бы в самбо ходить – там хоть руки ломать учат и душить до бессознани.

Ну вот, а я руками отбивался, пока он за меня цеплялся, пытался ему в голову попасть. Навалялся еще на него, что он лбом мне в живот уперся и мутузил по ушам и вискам.

Э-э-э, он лежащего бьет! Да нормально, это в партере! Давай мелкий! Дрон вставай, вставай! Луи его! Давай!

Тот меня тоже бил, пока пытался встать, а я загибал ему шею – не давал. По ребрам даже досталось. Все же не зря стал на трене в качалку ходить. С колена, мелкий, бей с колена! И я ударил.

О, это было круто. Это было супер. Это было как в фильмах! Он откинулся на спину, распахнув руки, и так плашмя отлетел в нокдаун. Как то-то само собой меня подхватило и перенесло к его голове, и я утрамбовал ее немного в снег двумя ударами ноги сверху вниз.

Все-все, – подхватил меня наш Дрон. – Ты ему нос сломал.

Гриша подошел к нам. Похлопал меня по плечу, тут уже и остальные старшаки, и Паха с Денчиком подошли. Отдали куртку, шапку.

Того Дрона подняли, и Страшный подошел к нам.

– Все, порешали?

Мы оба молчали. Лицо у того было просто в кашу. Ну почти. Уже все заплывшее, синее. А может, просто в темноте. Но главное, что не рыпался.

– Чикат, я спрашиваю вас, все?

– Все.

– Все.

– Правильно. Расходимся, а то и так на холоде тут с вами. Не дай бог еще раз по такой путке будете народ напрягать. Оба на бабки встрянете.

– Молодец, мелкий, – Гриша потянул меня к своим. Ко мне подходили, пожимали руку. Потом мы вернулись во двор. Потом старшаки договорились на пиво. А нам надо по домам идти. Что родители скажут, если заметят? Отец прибьет. Олежа еще сказал, чтобы про них ни слова не говорил. А то мои быстро до его мамки спустятся и ей заложат.

С Денчиком и Пахой мы встали под фонарь. Они смотрели меня – все-таки поставил он мне фингал и губу разбил. Сказать, что об угол дома ударился – тупость. Набетонили меня. Так не набетонили же! Да отцу замайкаешься доказывать! Ой, ну не докажешь ему ничего.

Пошел, готовясь получать ни за что. Главное, морально подготовиться, а там уж и ничего.

Ты че там, уже совсем счикатился с друзьями своими? Вы че устроили, вы типа бандиты, что ли, или что? Взрослые стали. Давно никого по майкалам не бетонили? Типа за гаражи зашли и никого не видно? Ты понимаешь, что туда уже ментов собирались вызывать? Что ко мне люди пришли и говорят, что мой сын с шантрапой какой-то связался? Это чего такое? Там ведь и курили, и пили, да? Это тоже мне сказали? Вас бы менты замели, сейчас бы кичивал в обезьяннике. Ну-ка дыхни. Чикат! Ты зубы вообще чистишь? Таня, ты куда смотришь, ты чего с этой неженкой сделала, все туда же. Бандиты, майкать их всех. И че в синяках весь. Ты чего там делал? Тебе-то чего не хватает, чтобы в таком участвовать. Все же есть, игрушки твои, сладости покупаем. Ладно эти оболтусы, шпана недобитая, а ты?

И так еще полчаса. А потом он спросил:

Ну ты хоть ответил? С кем дрался?

И я рассказал, что старшак на меня просто так наварвался в школе. И приврал, что взял его сразу на бросок через бедро, а там уже в партере дрались. Типа пригодились борьба.

Не врешь?

Соврал, что не вру. Или не соврал, просто же не совсем точно рассказал.

– Ладно. Теперь выходить только на тренировки и в школу можно!

Но он как-то не был злой. А мама все волновалась, суетилась рядом, и он опять сказал, что она из меня неженку делает.

11. Мужские дела

Фингал еще не прошел, и отец иногда сцеплялся к нему, но как-то уже по-другому, не то чтобы зло. Вообще, он будто стал больше меня подбадривать. Вот, взял меня с собой в сарайки у бабушкиного дома за соленьями. Мы как за ними слазили, так к ней и пошли в гости. К синяку, конечно, бабушка тоже привязалась, но отец отшутился, что я в бандиты заделался, но неудачно. Она обняла меня и провела рукой вокруг шеи – проверяла, ношу ли я крестик. Она еще говорит, чтобы я даже на тренировках я его не снимал. А как там не снимать? За такое отругают. Поэтому я снимаю, но бабушке про это не рассказываю.

На кухне я быстро угостился супом и пирожками и пошел в комнату смотреть мультики по телевизору, пока они сидели, что-то обсуждали. Денчик сказал, что по выходным повторяют серии человека-паука, которые я пропускаю из-за тренировок вечером. И вот я щелкал и щелкал по каналам туда-сюда – и на всех трех ничего не было. Я бы попросил у отца купить игрушку человека-паука, пока он в хорошем настроении, но он же потом сам ее и выбросит. Может, у бабушки выпросить по секрету, и хранить у нее.

Прискакал Валентин, начал тереться у ног. Я его потрепал по голове, и он сразу пшикать начал – тупой кот.

– Лан, бери пакеты с банками и пойдем, – отец зашел в комнату.

Я быстро оделся, взял два пакета и крикнув бабушке «Пока!» побежал чуть ли не вприпрыжку по лесенкам. Ну как мог побежал: все-таки пакеты, зимняя курточка, да и банки не дай бог разобьешь. Но настроение было припрыгнутое.

Вылетаю пробкой шампанского из подъезда, а там какие-то два мужика стоят: лица обмёрзшие, сами в тулупах каких-то и сразу на меня нарываються.

– Малой, пять рублей будет?

Я оледенел на месте. Откуда у меня пять рублей-то, а они дальше что-то продолжают, чуть ли не канючить, как цеховые собаки. Один точнее выпрашивал, а второй молча за ним стоял и смотрел.

– Одолжи по-братски, нам не хватает.

Вот стою как дурак с пакетами, и даже ну не то чтобы страшно, они не угрожают ведь, только хрипят, краснорожие. Тут и отец вышел, без шапки и в распахнутой куртке, и такой сразу к ним: «Че?»

Говорящий мужик начал повторять свою просьбу, а отец не расслышал, спросил еще раз: «Че?», и ухо подставил. Ну мужик ему в ухо и начал говорить, а тот как боднет его головой, прямо в носюру. У мужика шапка слетела, а сам он пошатнулся к сугробу, где летом лавочка стоит. Она и сейчас стоит, только где-то под снегом. И отец как дал ему с прямой ноги в грудь, что тот и улетел в этот сугроб, и уже к другому подходит: «Че надо?»

– Да ниче-ниче, мужик.

И сверху еще голос:

– Гена, не трогай их, не трогай! – это бабушка кричит. А отец только на меня посмотрел: «Нормально?»

Нормально типа круто ли он мужика уработал, или нормально цел ли я? В любом случае нормально.

– Да жить будет, давай, мам, – крикнул отец на прощание, а я еще раз помахал бабушке рукой. Пока разогревали ласточку, я пытался с заднего места расчистить окно и посмотреть, что там с мужиками. Но обзор был не очень.

А круто он, конечно, вдарил. И мужик этот отлетел, хотя если подумать, ему не очень больно было – в тулупе же. А если бы был в кофте одной, то отец бы берцем ему бы все кости ломал. И почему вот сам он дерется ногами и как боксом может, а я хожу в эту тупую борьбу. Вот бы и меня руками и ногами научил. Это я помечтал буквально секундочку, потому что сразу представил, как проходили бы наши тренировки и сколько бы мне бы от отца доставалось. Лучше вообще ничему не учиться.

– Вот же уроды, – отец сказал себе под нос и начал сдавать назад, чтобы выехать. И как раз обернулся на меня и заднее окно. – Курточку надо тебе к соревнованиям. У Вани в машине печка не чик... – он запнулся на полуслове, потому что, когда добрый и трезвый, он не матерится при нас с мамой. – Не греет! Поехали тогда на рынок, к Федерико заглянем, что у него там.

Федерико – это аржент, который тоже занимается борьбой, и отцовский знакомый. Вот и поехали к нему, и купили курточку.

Третья четверть самая длинная и унылая. Еще и с подготовкой к соревнованиям она превратилась в сплошное АААААААААА. Проснулся, поел, лифт, перекресток, дома, школа, скучно-скучно-скучно, дома, снежки, если есть настроение, домой поесть, мультики, опять дорога, торговик,

светофор, сосульки на рябинах сладкие, ломаешь, сосешь, парни у дверей секции, тренировка, бежим, партер, отработка, борьба, тренажерка, заминка, душ, домой в темноте или на машине, ужин, иди спи!

И только одну серию успел снять за это время.

Тынц сидел в баре и курил вместе с Акуленком с кальяном. Дело зашло в тупик. Лучшие друзья и жена погибли. Из милиции выкинули. Остается только мстить. Но абсолютно непонятно кому.

Акуленок с кальяном был местным авторитетом, к которому Тынц пришел проситься на работу охранником взамен на информацию о неуловимом киллере.

– Понимаешь, Тынц, ты же коп, я не могу тебе сдать своих просто так. Ты же мужик, понимаешь, как все делается.

– Он же и тебя потом убьет. Он всех убивает!

Акуленок сделал затяжку.

– А какой ему смысл? Какой мотив?

– Это я и не понимаю. Не понимаю.

И я на самом деле не понимал. Уже наступила середина сериала, и нужно, чтобы еще больше боев и перестрелок было. Я планировал какое-нибудь невероятное раскрытие настоящего преступника, где он расскажет про свои мотивы. И я ждал этого момента поскорее, чтобы узнать самому.

– Тогда почему Капитан от тебя убежал, – спросил Акуленок с кальяном. – Если убийца был не он, а кто-то другой.

– Только Зайка может знать ответ, – решил Тынц. – Но она все еще сидит в тюрьме. Нужно устроить побег.

Я быстренько накидал кубиков и деталек на ковре, так чтобы они очерчивали коридор тюрьмы с камерой для Зайки. И конечно же, солдаты в качестве охраны. На своей фиолетовой моделирке Тынц влетает в тюрьму, чтобы сломать двери и сбить первых охранников. Перестрелка-перестрелка, рукопашные драчки. Зайка освобождена, и они угоняют на машине, скрываясь от погони в виде двух других гоночных моделек: желтой и зеленой. По трамплину перепрыгивают на диван, где их уже никто не найдет. Там они остаются вдвоем.

– Я тебе ничего не скажу! – Зайка попыталась убежать, но Тынц схватил ее своим плавником. – Отпусти!

Тынц прижал ее к машине. Теперь, как в фильмах, у них будет бурная ночь, а потом они уже оба лежат рядом. Зайка рассказывает.

– У Микеланджело были долги. И ему пришлось бы отдать наш дом и всю фирму. Тогда мы с Капитаном решили, что нужно от него избавиться, иначе мне негде будет жить. Капитан должен был нанять киллера.

– А причем тут тогда Леонардо и Донателло? Он же не нанимал киллера для их убийства.

– Они все братья. Они бы отомстили за него, хоть и были конкурентами.

– Но причем тут я? Почему началась охота за мной и родными.

– Ты был близок к разгадке.

– Какой разгадке? Кто был киллером?

Дувж-дувж, и Зайка лежа замирает с глазами в потолок неба. Тынц прячется за фиолетовую модельку, пытается понять, откуда стреляют. Конец серии.

В радостном предвкушении следующей игры я собрал игрушки, чтобы пойти на тренировку. Ну ничего, после соревнований доиграю. После убийства Зайки, главного свидетеля, получается, Тынц будет чувствовать себя проигравшим, почти сойдет с ума, попадет в больницу, где над ним

будут ставить опыты, и он притвориться злым, пойдет все-таки работать убийцей к Акуленку с кальяном. Шел и представлял, но как-то без конкретики, чтобы самому себе все не испортить.

У мамы день рождения был. И у Дюшика тоже, но ясное дело, бабушка его нас не позвала отмечать, хотя могла бы – мы же его друзья. А что еще и предатели – так она же не знает. После школы зашли с Денчиком в магазин на Ладоновской и купили пачку чипсов с дюшесом. Ну и к Пахе. Он как раз уже дома был. Заходите, гости дорогие, проходите, не стесняйтесь! Он был в каком-то приподнятом настроении. По матеши пятку получил! А за нее папа его обещал дать порулить машиной на трассе. Везет же! Еще и на иномарке. Мне даже на четверке нашей не давали рулить.

На кухне мы разлили газировку по кружкам и чокнулись ими: за Дюшика!

Пошли в комнату включили посмотреть еще раз «Кровавый спорт» с Ван Дамом на види-ке. Посередине уже сами начали драться и кричать Я! Я! Вот я крутой черный ниндзя кидаю звездочки в своих врагов, а они уворачиваются, закидывают меня подушками от дивана. А я так ногой их отбиваю. Я! Я! Паха еще конверт от кассеты в меня кинул, не увернулся, и я такой отпрыгнул назад от взрыва и на пол аккуратно упал. Тут-то они и накинулись. Начали бороться.

– Скоро мамка с мелким придет, пойдемте на улицу.

Мы быстренько все прибрали и выбежали в снег. Вначале пошли по гаражам прыгать. Потом по трубам побегали: на них если снег набросить, то он тает и пар идет. Когда совсем холодно бывает, что низ штанов превращается в ледышки, мы садимся прямо на трубу и отогреваемся. И руки в перчатках кладешь – тепло. Какой хороший день в этой запорошенной снегом четверти.

Вдруг Денчик сделал салюту с трубы в сугроб на сторону плит. Почти весь под снег ушел. Круто! Я тоже собрался.

– Стой, – крикнул Паха. – Там же штыри от стройки могут быть. У нас в школе один старшак так напоролся – прямо из руки железка торчала.

– Да ну, порь какая-то, – Денчик таранил телом сугроб, чтобы дойти к трубе и к бетонной штуке, на которых трубы лежали. По ней мы и залезаем, когда рядом нет больших камней. Я вот испугался, конечно, немного, насторожился, но все же постучал кулаком по плечу и прыгнул. Упал на спину, снег в лицо и за шиворот насыпало. Жизнь! Полез снова на трубы, и так с Денчиком несколько раз. А Паха вот не стал прыгать. Испугался.

Потом просто на трубах сидели, свесив ноги, грелись через штаны и любовались трансформерной будкой напротив. Я вот решил спросить, намаливают ли на кого-нибудь пацаны. Паха ответил, что у него как-то уже и никого нет из бабушек с дедушками, не на кого больше, потом уж, если только когда родители постареют. А у меня батя сказал, что вообще бога нет никакого, и тогда не надо ниче намаливать, – это Денчик ответил. Ну, у него отец крутой какой-то, может и разбирается. Я вот подумал, ну и сказал, что Дюша, наверное, на свою-то бабушку намаливал. Так зачем? Он на нее намолил бы, а что делал потом? Это она него намаливала. Так надо, чтобы на старшего, на детей не намаливают. Да какая разница, это все равно все путка ниочемная! – заключил Денчик, и мы спрыгнули в снег. Побежали к залитой горке для совсем мелких, чтобы поиграть в царя горы, но втроем не так весело. Вот когда толпой после школы собирались и толкались на горке, и все валились ворохом чупа-чупсов вниз – вот это было прикольно. А потом я к

волге подбежал какой-то, стояла у подъезда, заглянул в салон через дверное окно: время на часах посмотреть. Пора домой.

Там ботинки стянул и в ванную под кипяток руки держать. Сперва вообще не чувствуешь, а потом щипет все сильнее и сильнее, что аж АЙ, отдергиваешь. Развесил одежду сушиться. До тренировки надо поесть и уроки сделать, чем я и занялся.

Дурацкий русский язык – три упражнения, и везде надо слова по столбикам распределить: где глаголы первого, а где второго спряжения. Смазал немного, когда столбики подписывал. Хорошо хоть, что родители проверять не будут. Слышать, видеть, ненавидеть... Столбик со вторым спряжением вырывался вперед – в нем было на три слова больше, но оставалось, я пересчитал, еще двадцать два слова, и это только первое упражнение. Я аж устал и хотел все бросить, но продолжил через силу. Волевой я человек. Первый столбик догонял, ну давай-давай. Вот на одно слово больше первого спряжения. Сколько осталось? Одиннадцать. Вот так и пыхтел. В итоге второй столбик выиграл на два слова, но обычно они должны быть поровну, хоть и не всегда. И может, у меня где-то ошибка, а может, и нет. Денчик говорил, что у его друга есть книга, где есть ответы на все упражнения, и что вот он ее обязательно попросит и всем нам даст списать заранее. Только ведь опять он врет – не бывает таких книг. Это же сперва надо написать учебник, а потом еще почти столько же слов ответов. Я бы сдох.

Потом еще маме нужно нарисовать подарок было. Я набрал воды в стаканчик, достал альбом, краски. Кисточку в воду макнул и задумался, что изобразить-то. Сперва верхнюю половину листа синим размазал как небо, на нем солнышко желтым. А нижняя половина для травы: ее зеленым. Поверх уже деревья с листочками: коричневое с темно-зеленым. Только времени не было ждать, пока небо с травой высохнут, и все растеклось. Ну ничего. Еще цветочков и божью коровку пририсовал. Я вырвал лист и отнес рисунок в зал на маленький стол. Она с работы придет – увидит. А сейчас на тренировку.

Отзанимался. В тренажерке сидел и слушал, как старшаки обсуждают всякие свои вещи. Один раз Серега отошел в тренерскую, а потом вернулся не очень веселый. Гильо его спросил, че как? А тот говорит, что не очень Ваня обрадовался. Да, тренера все называли тут Ваней, пока он не слышит. Мы-то, мелкие, называли его по имени-отчеству даже между собой. Ну или тренер. Хотя я, наверное, мог и дядя Ваня называть, раз они с отцом дружат.

Было любопытно, и я спросил, что случилось, и Серега сказал, что после девятого в Суворовское уйдет, то есть этой осенью. А чего тренер злой? Так дотренировать хочет, чтобы на России боролся. Ну ниче, вот будешь ты на соревнования за меня ездить, побеждать, да?

Сдалось мне такое счастье, а Толя тут как тут, да куда мне побеждать, хилак такой, и начал меня сильно по голове трепать. Я сопротивляюсь как могу, пытаюсь из-под руки уйти, а то мне вообще надо штангу поднимать, а он не дает.

Бывает, еще над штангой встает и вместо того, чтобы страховать, давит на меня, не дает поднимать. Хорошо хоть другие старшаки его за это гоняют. Но неприятно. А Гильермо к нему подходит и так высоко колено задирает, почти до головы, медленно, не как удар. Но Толик боится Гильермо: тот-то на стрелки постоянно ездит. В прошлый раз рассказывал, как пытался там лоу-кик какой-то отработать, и ногу себе же отбил. Это такой пинок по низу, как я понял. Ну, Иван Петрович на него ворчал постоянно, что он потом плохо занимается из-за болячек.

Домой пришел, поздравил маму. Она передо мной покаялась, и начался праздничный ужин с фруктами и тортом. Отец ей снова спел песню про веснушки и пошел на кухню: курить и пить водку. А мы телевизор на ночь посмотрели, я и рад.

12. Вечное поражение

И вот мы поехали. Иван Петрович посадил нас в свою шестерку: спереди Гильо, сзади мы с Сергеем и Чижиком. Сереге пятнадцать, Гильермо шестнадцать, но у них разная весовая категория. И Чижик с ними разговаривает нормально, хоть и младше меня, а я стесняюсь – не знаю, о чем с ними говорить-то. У них на уме взрослые шутки: машины, девочки-кикбоксерши да всякое другое тупое.

Машина едет, машина трещит, и все играет этот шансон дурацкий, причем не разные песни, как на радио, а женщина какая-то одна и та же поет про тюрьму, про дальнобойщиков, и про женскую судьбу нелегкую. И как только заканчиваются песни, Иван Петрович меняет сторону у кассеты, и мы слушаем другие ее песни, а после заново.

За окном леденисто: до апреля еще снег будет. Дышу на окошко, растираю, чтобы посмотреть, а там поля, деревья голые, железные дороги. Один раз только деревню какую-то проехали, но еще утром, когда темнота, зябко и спать хочется. А сейчас мы уже без курточек даже сидим.

Первые мои областные соревнования. Меня отпросили со школы, прямо записку написали для класснухи, а то надо ехать в пятницу, чтобы приехать к взвешиваниям, а в субботу с утра уже бороться. Сегодня отец вышел со мной к подъезду, и мы ждали, пока тренер заедет. Рюкзак мой взял поддержать, по плечам меня похлопывал, говорил, чтобы приезжал с победой, а мне спать охота, а не побеждать. А теперь от переживания наружу выворачивает – какая победа? Там человек тридцать будет в категории, как Гильермо говорит, а может и больше. Это надо будет раз пять отборотся как минимум. И будут все уже опытные, и может даже арженты будут. Я хоть в качалку и отходил почти три месяца – сильнее не стал особо. Паху с Денчикам как раньше борол, так и борю. А вот Темычем жирным с тренировки так и не могу, хоть он и плохо борется. А главное, дома мне крышка потом. И мне крышка, и тебе крышка, нам всем нужна крышка!

Мы выходили поразмяться пару раз, потом еще въехали в маленький город – Забрешный. Покушали там в столовке, а так, проехали его минут за пять. Тренер нам все оплатил: сказал, что комитет на все деньги выделил. Не знаю, что за комитет такой, но хорошо. Плохо, что женщина продолжила петь в машине. Разок Иван Петрович спросил, что у Сереги с поступлением в Суворовское.

– В мае поеду подаваться.

– Давай, тебе, значит, в край призовое нужно, чтобы взяли.

– Да я знаю, – Серега согласился. Он и Гильо и с тренером могли отрабатывать приемы и на схватки выходить. Тот, конечно, их борол, но всегда говорил, что у них неплохо выходит.

Наконец-то доехали до таблички «Сибирогорск», часов шесть, значит, дорога заняла. А там еще по улицам петлять. Ничего так город: на въезде только заводы какие-то, а потом дома пошли высокие, выше чем у нас. Гильермо спросил, пойдем ли мы центр смотреть, а тренер ответил, что посмотрим. После взвешивания он нас расселит, а потом ему на встречу с другими тренерами надо будет, и как по времени получится.

Доехали до какого-то здания двухэтажного, а на вывеске «ДЮСШ «Юпитер»». Там машин куча, даже что-то типа газельки и автобус небольшой. Вылезли, документы не забыли. Тренер уже с кем-то здоровается, а потом за ним внутрь зашли, а там куча народу: и мелких, и как Гильермо с Сергеем. И все в одних трусах гоняют со свидетельствами о рождении и паспортами в руках.

Тренер указал нам, куда идти переодеваться, а потом куда идти взвешиваться. В раздевалке уже стояли другие ребята из Рейнска. Серега и Гильо сразу с ними начали общаться. А мы с Чижилом стояли как дураки – никого не знаем, только в лицо если. Но из наших категорий больше рейнских нет. Снял все и повесил на крючок. Крестик положил в карман курточки. Штаны, кофту и прочее засунул в рукава, а то рюкзак-то в багажнике. Смотрю, а остальные аккуратно складывают на лавочке под курточками. Украдут ведь. А мне мама в трусы сделала кармашек, куда деньги зашила. Чтобы на всякий случай было.

Пошли в зал. По ногам дует, все смеются чего-то, болтают. Там за столом два мужика сидят, а перед ними весы. У весов очередь.

– Двадцать восемь!

Это Чижевская категория, он в очередь встал, а я рядом с ним: хоть с кем-то знакомым. Он руки со свидетельством держит у груди, как кролик, говорит своим бабским голосом, что боится и что холодно. Дурак он, маменькин сынок.

А я смотрелся: так-то и аржентинцев много, и моей весовой категории еще походу. Они наверняка борются круто. Да и видно, что многие прям накаченные, с прессом таким жестким, и руки большие, хоть сами с меня ростом. Зябко, и потягивает от такого.

Еще слышно было, что много кто матерится. А тренера не обращают внимания. И на матах кто уже борется даже. С матами! Совсем делать нечего – я бы никогда так просто бороться не стал. Только с пацанами в школе, но не как на тренировке.

От Чижика отошел, а то он уже у самых весов, и вообще будто один остался. А все вокруг будто друг друга знают. Старшаки тоже не со мной, а с другими общаются. Так и стоял в сторонке. Потом объявили мою категорию:

– Тридцать два!

И я встал в конец очереди и потихоньку двинулся к весам. Ко мне подошел тренер: проверил, что я не потерялся.

Дошла до меня очередь, я встал на весы.

– Ваня, твой?

– Ага.

Тренер взял у меня свидетельство о рождении, а перед весами стал другой толстый тренер и начал двигать набалдашники на них, чтобы они стали ровно. А пока он это делал, тот, что за столом, задавал тупые вопросы: имя, фамилию, дату рождения. Все же в свидетельстве есть!

В весовую категорию я прошел, а вот Гильермо гонял вес, и может не пройти. Тогда ему тяжелее будет. Что же, мне так и ждать, пока все закончат, в одиночку как дурак? С Чижилом общаться стремно. Вон, парень после меня взвешивался, я к нему подошел и спросил, что он тоже, что ли, тридцать второй категории. Ага. Откуда? С Наминска. О, у меня мама оттуда. Давно борешься? Год. А я два, но на соревнованиях в первый раз. Познакомились. Сашкой зовут, потом к нему еще паренек подскочил – Макс. На год постарше. Чижик появился, и еще какие-то парни с Наминска. И вот, к нам уже Иван Петрович подошел, чтобы мы не шумели, спокойно сидели, и лучше в раздевалку вообще шли.

Классные ребята! Людей их обсудили – такой мультик показывают по телику, мне иногда удается посмотреть. А Макс говорит, что у него на видике есть кассета с таким фильмом, врет, наверное, но все равно прикольно, если фильм – там же почти как по-настоящему. Чижик, правда, поддакивает, что тоже видел. Точно гон.

А где ночевать будете? Нам пока не сказали. А у нас гостиница: два номера на восемь человек. Круто, а мы, наверное, в машине будем. А что нам с тобой, бороться завтра, что ли? Может быть,

как попадет. Жеребьевка будет, так всегда делают, так что как повезет, тренера сами раскидают. Но по-любому потом, приезжайте потом к нам в Наминск, у нас весело. Да, давайте, потом как-нибудь встретимся, или на других соревах.

Быстро сдружились! Говорю же, прикольные пацаны.

А потом и старшаки взвесились, тренер им денег дал и сказал, чтобы мы пошли тут в столовку. Пришлось с наминскими попрощаться: до завтра, парни. Пожали руки по-взрослому.

В первый раз в жизни оказался в такой столовке. В Забрежном не считается – там мы стояли за высокими столами и просто прилавок был с пирожками. И я, конечно, был и в школьной, и у мамы на работе, но вот прям в платной, где люди с улицы заходят – никогда. Гильермо был за старшего и вел нас куда надо. Сказал, чтобы мы с Чижилом выбирали себе на поднос, а он с Серегой себе возьмет, а затем за всех расплатится. И ложки с вилками не забудьте!

Запахи вкусные: я почти как Рокфор из «Чипа и Дейла» подлетел, только не от сыра, а от пирожков. Но собрался духом, и на красный поднос попросил повариху поставить красный борщ. Ну, в тарелке, конечно! Она прям из большой кастрюли налила – жаром дышит. Почти до самых краев. Я с витрины взял за краешки перенести к себе, а борщ пальцы обжигает. Хлебушек обязательно, пюре с сосиской и компот. Все полезное, без вкусняшек. А Чижики, дебил, сладкого себе набрал: пирожков всяких, кулебяку большую. Они жирные-вкусные, но потом заворот кишок будет, и все: раскидают его завтра. Старшаки по уму все взяли: и первое, и второе, и чай с компотом. Гильермо рассчитался, а Серега уже и стол занял. Я поднос наш с Чижилом отнес!

Вкусно. И люди кругом разные. Мужики в дубленках, тетки в шапках. Один мужик здоровый даже собачку маленькую принес. Интересно!

Когда тренер пришел, мы уже наелись от пуза. Я аж медузой растекся на стуле. Иван Петрович тоже взял поесть, сказал нам, чтобы не обжирались. А поздно уже! На вопросы, куда мы все-таки поедем-то, в каком номере спать будем, что, все вчетвером, что ли, даже впятером с тренером, он ответил, что спать будем в спортзале школы на матах, а сам тренер на ночь уйдет к другим тренерам и завтра за нами заедет. А сперва в магазин идите, чтобы еды набрать. В тренерской будет чайник с розеткой, сможем сухой лапши заварить или может даже пюре возьмите, как хотите. Попить воды или сока не забудьте. А остальных рейнских куда заселили? Они в секции будут спать, где мы взвешивались.

Закупились. Приехали. В школе еще старушка какая-то встретила. Видно, что строгая, говорит, только не шумите, по коридорам не ходите, в зале мяч не кидайте. Аккуратнее. И охранник еще там есть, будет следить. На улицу часто не бегайте. А после одиннадцати и совсем нельзя. Да и сейчас в коридор не выходите, там пока еще учатся.

Холодно так-то. Иван Петрович сказал, что вы тогда лучше в тренерской кто-то ложитесь, а кто-то в подсобке, где как раз маты лежат, и козел с мячами. И ушел он. Че делать-то?

Ну, мы сразу мячи достали, начали кидать в кольцо. В тридцать три сыграли. Понятно, что Гильо с Серегой нас разделили, и только, по сути, только между собой и играли.

Тут Чижики что-то долбанулись и такой спрашивает у Серегу и Гильермо, майкались ли они. Так и сказал: «майкались». Вот дебил, нельзя же так говорить, за такое и самого майкнуть могут по самой чикатке.

Они только поржали что-то и спросили Чижику, знает ли он, что это значит и как вообще майкаются. Тот такой задумался и еще какую-то чушь сморозил. Тогда Серега меня спросил. Я и сказал, что это когда майкой, ну, того, ну в общем, неприятно делают. Те еще больше в ржач. Мы уже с Чижилом вдвоем их спрашиваем, что это значит тогда. Но они просто отмазались, что подрастем-поймем, и как обычно. Но я подумал, что раз уж все равно тема зашла, надо узнать,

что смогу. Вот чикат, что значит? Как бы что-то плохое, понятно, но что именно? И копел, и путка эта с завитушками, и почему «бетон» иногда можно говорить, а иногда нет. Они же старшаки, должны знать все это.

Ничего они не сказали. Издеваются, мол такое мелюзге знать нельзя. Нас потом Гена за тебя набетонит. Обидно, только теперь отмаливать лишний раз. Еще и за соревнования надо помолиться, чтобы после них не наказали сильно. Хотя мама зачем-то на победу только придумала. А куда эта победа – мне лишь бы потом молчанки не было.

После мы дурью помаялись еще чуть-чуть. Вышли погулять до одиннадцати. Я сухариков в киоске купил, а то скучно, хоть погрызть их. Гильермо с Серегой все болтали о своем, и мне приходилось общаться с Чижиком. Вот он мне всю дорогу заливал, как они классом ездили раньше в Москву в театр, и их террористы в заложники взяли, но они с пацанами всех раскидали, еще пока спецназ не пришел. Ну о чем с таким говорить?

А ночью еще и холодно стало в зале, даже горячие батареи не помогали. После ужина лапшой старшаки взяли маты в тренерскую и там как-то легли, а мы с Чижиком принесли маты поближе к батареям. Два мата на пол, и один на себя как одеяло. Вроде даже тяжело сверху, а все равно холодно. Я уж и штаны, и кофту надел. А еще ведь бороться завтра – внутри все вдвойне дрожало. Не уснуть никак. Помолился про себя, но лучше-то вслух, но тогда Чижик услышит и точно всем растреплет. Попробовал придумать, зачем киллеру все это понадобилось и что он скажет Тынцу в конце. Представлял, как переставляю игрушки, пытаюсь понять, кто же в итоге окажется главным убийцей. Все же Снег? Или Снег просто его правая рука, которая вводит детектива в заблуждение. А время еще непонятно сколько. Часы у старшаков. У меня никогда их не было. Так и лежал будто бы до самого утра, и все равно, когда вошел тренер и громко крикнул, чтобы мы собирались, я будто бы разбудился.

Сперва покушали булочки с чаем в утреннюю холодрыжку. Затем пошли в туалет почистить зубы. Оказалось время только семь часов, в школу еще никто не пришел, слава богу. Вот бы у нас в школе кто-то зубы бы чистил в туалете, то чуханом бы стал сразу. А ничего, почистили, пошли в машину с рюкзаками.

Темно утром, не видно, как куда едем. Долго-морозно только. От Ивана Петровича перега-ром чуть-чуть несет. Ну это еще старшаки шутканули, пока мы выходили, но тихо, чтобы он не слышал. А мы приехали к какому-то дворцу спорта. Опять же еще не видно, но просто большое здание, и уже куча машин рядом.

Потом внутрь, куда идти? На второй этаж, переодевайтесь. И трико под низ сразу наденьте. Причем он даже сказал, что у нас с Чижиком будет синее, а у пацанов красные. Типа жеребьевка была, и первые пары-то известны, а значит и понятно, кто с какой стороны борется. А от этого цвет трико и зависит.

Трико! Мне отец осенью купил, но я не надевал после мерки. Надеюсь, не потолстел. Худенький вроде. Но трико такое копелинское. Я парням-то рассказал, что вот такое есть, в обтяжку, а Денчик на следующий день давай в классе при всех про это рассказывать и потешаться надо мной, будто я там с мальчиками обнимаюсь в такой вот одежде. Я его сразу поймал, через бедро кинул и на удержание взял, чтобы ему дышать тяжело было. Но действительно, в трико мы – как дебилы. Еще платочек обязательно прямо в него надо засунуть. Это чтобы, если понадобится, во время схватки утереться.

Мы оделись в спортивные и кофты, чтобы тепло не терять, и пошли вниз – там уже зал с борцовским ковром на два круга посреди баскетбольных колец. И лавочки для зрителей с двух сторон. Тренер сказал, что в девять начинаем разминаться, а в десять уже начнется. Вон сходите, посмотрите в списке, кто с кем будет. Мы пошли смотреть. В моей категории тридцать человек!

Бетонка бетонная! Ой! Два круга прикидочных будут, а потом на выбывание. То есть минимум два раза бороться. Тренер мне сказал, что не знает, что за первый парень против меня – тоже новенький, а второй это всероссийский призер – аккуратней с ним. А Гильермо с Серегой он начал серьезно рассказывать, что вот, у вас этот и этот, давайте хорошо разогрейтесь, вот у Гильермо любит в корпус проходить, у Сереги накатчик сильный, так что в партер лучше не попадать. Что-то обсудили еще между собой.

Люди собрались, уже по матам бегают, разогреваются. Я увидел наминских и к ним. Спросил, нет ли из них никого с фамилиями, которые у меня в соперниках. Нет. Ну и хорошо. Мы побежали разминаться. Все делали почти как и у нас на тренировках: побегали, в мостике шею покачали, растянулись. Потом давайте в партере поотрабатываем, потом в стойке. Ну как-то проще, тренер не следит, мы и поговорили нормально. Рассказал им, как под матами спали, а они рассказали про пружинистые кровати и завтрак в гостинице

Посмотрел только на трибуны: а трибуны-то полные. Все видели, как мы разминаемся.

Столы поставили у каждого круга. На них водичку поставили. Тренер оделся в пиджак – судить еще будет. Нас разогнали с матов, и как раз ведущий какой-то появился, рассказал, зачем мы все тут собрались, представил судей. И началось.

Начинали вызывать. Но сперва двадцать восьмая категория. Серега подошел, потрепал за плечи, сказал, чтобы расслабился и не парился. Напрягаться вредно.

Сел на лавочку впереди. Смотрел, как боролись. Один наминский даже был – победил.

Чирик все мельтешил рядом – волновался, понятное дело. А меня только раздражал, и так самого тошнит от всего.

А потом его позвали готовиться. Гильо повел его к краю ковра, чтобы он там разделся и отдал одежду. А потом его и в круг позвали. Подвели к сопернику, показали, что надо поздороваться. Судья поднял руку вверх. Опустил. У него еще соперник какой-то не большой, но видно, что сплошные мышцы. Мне аж самому поплохело, и в руках слабость неприятно чувствовалась. А тот взял Чирика и просто, будто тот даже не сопротивляется, хотя Чирик явно сопротивлялся и упирался, взял и прокинул его вперед, зашел ему за спину и тут же прогибчиком в бок – как накат со стойки. Мы даже не учили такой и прием. Три бала судья показал. А Чирика продолжали раскатывать. Просто три раза подряд катнули, а потом парень это вышел в стойку и еще один прогиб запулил. Все, победил технической победой. То есть по очкам. Назвали победителя, подняли ему руку. Они пожали друг другу руки и разошлись. Ну что тут скажешь?

Я встал, чтобы разогреться. Через схватку моя категория пойдет. Всего пятнадцать пар, и непонятно, какой я по счету. Но по микрофону объявляют заранее. Люди вокруг орут, руки в плечах не крутятся, таз не поворачивается. Попросил у Гильермо водички попить: он с собой таскает. «Только немного», – тот сказал.

Ну все, позвали. Я тоже пошел к углу ковра и снял одежду. Отдал ее Гильермо. На другом конце мой соперник. Ну вроде как я, не какой-то силач, как Чижику попался. Но я прямо сейчас готов упасть от напряжения.

Позвали нас, подвели друг к другу. Тренер нас и судит. У того парня у самого глаза бегают, пока мы рукижимаем. Ну все, Иван Петрович поднял руку, опустил, начали.

Осторожно, пригнувшись, руки слегка вперед, иду полукругом с парой попыток выцепить его левой рукой, но он одергивает свою правую, и дальше я не знаю что делать: он боится, и я боюсь, и так и ходим до свистка и замечания каждому за бездействие, а потом снова взмах тренерско-судейской руки, и нужно что-то делать, и тогда вспоминаю наставления от Гильермо: сразу двумя руками тянусь к сопернику, и пока тот отмахивается, правой рукой загружаю шею, чтобы он по инерции пошел вверх на выпрямление, а там можно в корпус и сбивать в партер. Но нет! Он не

выпрямляется, а вытягивает руки, хватает меня за бока и такой полусогнутый бежит на меня, чтобы проход сделать или вытолкнуть за ковер, и в воздухе Гильермовское «Сбивай его и за спину!», которое будто включило что-то. Я шагнул в сторону и правым плечом так тюкнул ему в лопатки, что он припал на колени, и получилось за него забежать. Один балл! – объявили по микрофону. А дальше накатывать надо, скручивать, пока он плашмя не успел лечь. Получилось! Два балла! А дальше не идет, все-таки уперся. Я вбок прыгнул и на ноги, он от меня боком скачет. И ничего – я не отпустил, только снова на колени припал. Подняли нас – время. Полминуты на отдых. Но я хотя бы веду. «Иди сюда!» – Гильермо кричит. Он присел, а я сложил руки ему на плечи, и он мне их растрясывает, чтобы не забивались. Давай-давай, дави на него, он слабее физически, развалится сам, только не наскочи. Попробуй его толкнуть назад и на вертушку взять. Все – время. Позвали. У меня из головы все советы выскочили. И снова ему руку на шею, и он опять же не вверх поднимается, а на меня бежит, боже, ну когда уже все закончится! Сразу уже надавил на него, чтобы сломать и вниз его, а ему тоже орут, подсказывают, чтобы выпрямился и с колен вставал, чтобы выставлял руки в стороны и не давал мне пройти за спину, тогда я его руку вытянул вверх, и он выпрямился, но на коленях. Ну я на него и навалился всем телом, прямо на лопатки положил. Три балла! А приема-то такого и нет, зато держу его как Денчика тогда, на дыхалку еще надавил. Все, только держать, не давать встать на мостик, а тот трепещется еще чего-то под моей тушкой, ну все, ну все уже. Туше!

Нас подняли и развели. Меня объявили победителем, и моя рука взмыла вверх – это тренер ее так. Победа. Как хорошо, что все кончилось, и хотя бы из-за этого отец не будет злиться.

Гильермо, Серега и Чижик встретили меня и пожали мне руку. Я оделся и пошел на лавочки. В душе было суетливо. Старшаки сказали, что следующий круг часа через два будет. Как мы вообще успеем все сегодня провести? На завтра только финалы остаются. А когда кушать? И что, все время нужно разминаться?

Чижик подсел ко мне, а я предложил ему пойти с наминскими тусить, то есть вместе пойти к ним, а не то что я его послал подальше. А Серега сказал, что надо посмотреть, вдруг на следующий круг трико другого цвета. Мы пошли смотреть списки: кто сверху в красном, снизу – синем. Да, надо переодеваться.

Гильермо и Серега выиграли свои схватки. Чижик проиграл вторую. Я переоделся в раздевалке наверху и начал разминаться. Как раз началась моя категория. Снова оставил вещи Гильермо. Снова судит Иван Петрович. Вышел, в общем.

Парень напротив тоже небольшой, как и прошлый, как и я. Волосы шапкой, чуть ли не до глаз, белые. Тренер поднял руку. Свисток. Он ко мне. Бам! Слегка пружинистый ковер под животом. Правая рука стиснута в захвате, прижата к бедру. Бам! Аж дух захватило! Еще раз! И еще раз, и еще. Свисток. Развели, подвели, пожали руки, подняли его руку.

То есть он сразу меня продернул вперед, что я аж плашмя упал, а потом вытаскивал меня на прогиб, и я ничего, ничего не мог сделать.

Серега сказал, что ничего, раз на России уже выступал, то ясно, что ничего ему не сделать. Но если он пройдет в финал, а он обязательно пройдет, то все, кто ему и второму финалисту проиграл, будут участвовать в «утешилах», из которых можно выйти на третье место.

Бетон мне дома.

И тренер подошел. Тоже сказал, что ничего страшного, что этот парень и опытней, и сильнее, а с первым я молодец был, что можно пойти пока поесть с Чижиком, тут в буфет, и чтобы я следил за списками: утешили у меня точно будут где-то после шести вечера.

Но на самом деле я не хотел их. Еще раз проигрывать: да мне только больше дома достанется. Какое там третье место, если тут такие роботы. Позвал наминских, кто освободился, в

буфет. А у них все выиграли свои схватки, так что им переживать нельзя, только чай пить. Их тренер еще наехал, чтобы они не терялись. Но они все равно пошли. Поговорили, поделились ощущениями.

Чай вкусный с сахаром. И беляш жирный. Два беляша.

Наминские в зал пошли, а мы с Чижиком походили по лесенкам, посмотрели где-то в этом дворце спорта. Даже на улицу вышли: там снег пошел. Было что-то приятное.

Потом уже сидел на трибуне, смотрел, как побеждает Серега, как побеждает Гильермо, как Серега проигрывает, а Гильермо побеждает. Побеждает. Серега подсел, тоже теперь утешил ждет. А время незаметно идет, просто смотришь, и все, кто-нибудь все время подбегает, что-нибудь говорит, спрашивает.

Тот парень, которому я проиграл, победил еще два раза. А потом проиграл. Причем проиграл три балла в схватке до конца. Видимо там тоже какой-то чемпион. Ну пусть у него еще будут утешили, мне не жалко. Я даже обрадовался. Можно смело переодеваться, есть беляши и ждать наказания дома. Чижик даже помылся тут в душевых, потому что ему никакие утешили не светили.

Все закончилось к девяти часам. Ряды поредели, обезлюдели. Гильермо попал в финал. Серега выиграл еще две схватки и будет бороться за третье место. Тренер повез нас в школу. По дороге он отчитывал больше Серегу, что он так заглушил и попал в удержание и не смог выйти мостом, а то так бы и до финала дошел без проблем. Нас с Чижиком не трогали, просто Иван Петрович отметил, что мы понюхали порошу, теперь надо серьезней быть и больше качаться, потому что по большей части мы проиграли именно по силе. Он высадил нас у магазина, сказал, чтобы мы взяли что-нибудь пожрать и шли в школу. Денег дал. А ему надо ехать готовиться к завтра. И пусть Гильермо высыпается нормально. Тот, конечно, ответил, что выпасться на полу, укрываясь каким-то бушлатом, как-то не очень легко. А что поделаться? Что поделаться? Мы тоже где только не спали. Потом в жизни пригодится.

Ну мы взяли всякой всячины: булочек вчерашних, сникерсов, чипсов – а че, уже же не бороться. А по дороге еще киоск проходили, и Серега предложил еще бутылку пива взять. Гильермо согласился. Чижик такой: «Вам же бороться завтра». А те ответили, что пару глотков не повредит. И Чижик заранее сказал, что он пить не будет. И еще меня так как-то с подвохом спросил, буду ли я. А я буду!

- О, ништяк! – Старшаки одобрили. Спросили, пробовал ли я уже. Я пробовал.
- Гена тебя не убьет?
- Он вас потом убьет за то, что спаиваете, – ответил я. Они рассмеялись.
- Ладно, не ссы, не узнает никто. К утру выветрится.

Гильо купил и открыл бутылку ключами. Отпил. Потом Серега. А потом мне. Стекло холодное. Я, конечно, помнил, как плохо все кончилось в прошлый раз, но теперь-то чего случится. Сделал два глотка. Горькое. Надо закусить чипсами. Передал дальше. Небо звездное.

Серега сетовал на то, что так обидно проиграл этому своему сопернику, которого зовут Костильо, можно сказать, отдался ему. И я говорю, да этих аржепуток гасить надо. И все замолчали. И Гильермо сперва помолчал, а потом начал на меня гнать: че это я напился, что ли? Вообще с чего я так заговорил, и его, что ли, тоже надо гасить? Но Гильермо-то свой – я так ему и сказал, что он свой. «Свой, но аржепутка?» – разозлился он. А я: «Да не-не, я не это хотел сказать». И я даже не понял, как так вышло. И отец так аржентов называл, когда злился. Неловко теперь. Все беды от алкоголя!

Молча пошли в школу, достучавшись до охранника. Он что-то проворчал, но пропустил. А мне было стыдно, и я боялся, что Гильермо больше не будет со мной разговаривать. Но нет, после

холодного утра он заговорил со мной, даже спросил, нет ли похмелья. Не было. Зато уснул быстро и про то, что скоро домой надо, даже не думал.

Все прошло быстро. Я, можно сказать, не успел испугаться. Испугаться возвращения. Серега занял третье место: выиграл тремя баллами за полную схватку. Гильермо проиграл по очкам. Но все равно второе место.

Попрощались с наминскими. Леха второе место в тридцать шестой занял. Крутяк. Договорились встретиться еще, и может даже как-нибудь заехать к ним в Наминск. Или они к нам. Макс дал свой домашний телефон – от Пахи можно будет дозвониться.

Поехали под женский шансон обратно. Тренер отчитывал старшаков по дороге, а мы с Чижиком только в окна смотрели, да я в болоньках прел. Еще ждал столовку в Забрешном, но проехали мимо.

Подвезли к дому в семь вечера. Уже темно. Нехотя ключ вертелся в замке подъездной двери. Нехотя ноги ступали по ступенькам. Даже пешком поехал, а не на лифте, чтобы оттянуть момент.

Кое-как поддались двери в предбанник и в квартиру. Звонить я не стал. Отец выбежал в коридор такой радостный. Говорит, что мамка-то сейчас беляши жарит мне, чемпиону. Беляши!

– А я вот проиграл.

– Что?

– Первую выиграл, а вторую проиграл.

– Как проиграл? Кому?

– Там призер России был.

– И что, что призер России, к чему ты это вообще сказал? Призер России! Ты чего вышел и опозорился там? Чушка какого-то победить смог, а чуть посильнее кишка тонка? Очко жим-жим? И че? Как мне людям теперь в глаза смотреть? Ты же поехал туда побеждать, не проигрывать? Правильно? Ну и как он тебя намайкал? А? Сразу ему отдался? Чикат!

Он ударил по стене, и мама в коридор его боязливо успокаивать. Причитать: «Гена-Гена, не надо».

А он еще продолжал мне что-то выговаривать и майкать, и чикатить, и путкать и все вот это. И что еще за «очко жим-жим»? Еще какая-то тупая фраза, очередная непонятная тупая фраза, которую мне еще и произносить поди нельзя, а им можно, и вообще, я старался, и тренер сказал, что все хорошо, и как меня все забетонило, замайкало, да все я это в путках видел, или как правильно, в одной путке или еще как. Че вообще от меня надо? Я хожу на эту борьбу тупую, бетонюсь там вместо того, чтобы с друзьями гулять, в футбол играть. Меня даже во дворе наши старшаки уважают, потому что я любому сдачи дам. Что тебе от меня надо? Чтобы что? Замайкать меня окончательно? На кой эта борьба тупая сдалась. Чикат! Чикат! Чикат!

Ой. Я осекся, услышав свой голос. Испугался. И мамка испугалась. И отец ошалел, но видно, что сейчас начнет кричать, громить или, наоборот, развернется и будет молчать и дышать тяжело неделю или две, или всегда. А дверь закрыть я еще не успел. Рюкзак только скинул в коридоре, и так тут и стоял. Ну я снова в предбанник вышел, открыл дверь в подъезд и побежал сперва к лестнице, а потом по лестнице. Мамка вслед кричала, куда я, куда. Отец наверняка ей сказал, что пусть я смайкаюсь подальше, и что я им не сын. Да, значит не твой я сын, раз вот такой проигрывальщик. И сразу стало страшно, будто он может услышать эту мысль.

Захлопнул подъездную дверь. Холодно. Застегнул курточку. Звезды на небе, как и в Сибирогорске. И луна в зловещей дымке.

К пацанам не пойти, их родители тут же меня спалят. Надо ли будет идти в школу завтра, если я уже не живу дома? А то ведь будут меня искать и придут именно в школу. А все теперь, меня все

забетонило в край, стану наркоманом спидозным, и не буду уже ни о чем париться. Только надо найти других наркоманов, чтобы посадили на наркотики.

Я обошел дом, заглянул в окна своей уже бывшей квартиры. Вроде не смотрят. Можно пойти в плиты: там нет ветра, но все равно холодно. А можно в застаету и в подвал к Дюшику. Хотя бы до завтра отсидеться. Пожрать бы, но надо вытащить деньги из трусов – тогда можно будет что-нибудь купить завтра.

Залез в застаету. Решетку за собой закрыл, чтобы не видно было, что кто-то есть. Снял перчатки: ну так... чувствуется холодрыжка. И мочой, как всегда, пахнет, но могло быть и хуже. Приспустил болоньевые штаны, курточка холодом прошла по пояснице. Приспустил подштанники. Вывернул трусы и начал пытаться сорвать нитки ногтями. Холодно и темно. Чем-нибудь острым надо, а у меня даже ключей нет. И пальцы плохо двигаются.

Мучительно, но я все же разорвал кармашек. Целых сто рублей. Насколько же их хватит? А из дырки в подвал так веет теплом. Я даже руки туда просунул, чтобы греть их. Но вдруг кто-нибудь схватит? Пришлось усилием воли заставлять себя держать их. А потом подумал, что какая-нибудь двухвостка по ним ползет и отдернул. И если я залезу туда, то, где мне спать? Без фонарика все равно далеко не отойти.

Дюша! Дюша! – я крикнул в дырку как-то даже не понимая зачем, но вообще зря. Вдруг сейчас прибежит такой зомбарь, и отомстит. Ведь мы его кинули как предатели. Тогда он придет весь погнивший, с такой оплывшей рожей и свисающей кожей, с зубами гнилыми, протянет ко мне руки. Вот в дырку будет затягивать, что как ни сопротивляйся, все равно утянет. Оцарапаю тело о неровности, куртка изорвется. А он же сверхсильный будет, поволочит по подвалу без каких-либо слов, только булькать будет и хрипеть. Мертвец же, зомбак, может даже призрак. Буду волочиться в этой темноте, раздирая кожу среди крыс и тараканов, биться об углы, обжигаться о горячие трубы, и моя кожа к ним будет прилипать, больно отлипать от них, на живую же. И наверное, надо было поступить по-другому, чтобы не было все вот так. Правильней было бы выпрыгнуть с балкона, когда появилось это пугающее захватывающее чувство. Просто перевернулся на спину, секундочку пролетел вниз, и все – лепешка без сметанки. Там сразу вырубает. Если еще с высокого этажа, то, Олежа рассказывал, что там от разрыва сердца умирают, как раз от такого пугающего чувства. Зачем вообще жить надо, что-то не слышал я нигде, что жить надо, ходить, дышать, бояться проиграть, бояться огорчить родителей, бояться бояться, а то трусом назовут и никто дружить не будет. А дальше что? Бояться, что не поступишь в техникум, а потом еще и бояться отчисления, или того, что придется целоваться, или что уволят с работы, или что жена уйдет к коммерсанту, а тебя закажет киллеру, или что сын у тебя трус, а дочка чуханка. Про то, что это все надо, не говорят. Говорят только то, что нужно не умереть и для этого не свисать из окна, переходить дорогу на зеленый, не ходить в лес без взрослых, а то там медведи. А чтобы вот именно специально жить... Может, боженька это говорит, но я нигде не слышал, ни от мамы, ни от бабушки. Вот так просто лететь, видеть небо, солнышко, окна опять же. А потом, бабах, просто тряхнет, ничего почувствовать не успеешь, а там хоть в ад, хоть в рай, что там такого, просто лежишь в земле, она давит, дышать не можешь, и вкус такой... червивый, они ведь лазают, копошатся в телах, копелы. Зато можно прикусить, разделить его на двое. И одна половинка такая тебе внутрь. Еще можно сходить и достать из щели Пахины шприцы уколиться ими, и будет кайф. Будет...

У меня было много снов, и все такие вязкие, тяжелые. Но когда я очнулся, я ни одного из них не помнил.

13. Больница страха

Очнулся я в палате. Грязная, бетонная. Я уже лежал в таких с гайморитом. Только сейчас в руке иглока от капельницы. Даже не чувствую ее, но все равно неприятно. От нее еще пластмассовая трубка идет, называется катетер. Это потом уже мне медсестра так сказала, а до этого я не знал, как называется. В окне день. Солнце. И по карнизу будто что-то тарабанит. Поворачивать голову было тяжело, приподняться – невозможно. Но краем глаза туда, краем глаза сюда – понял, что тут десять кроватей, и почти все пустые. Но вот справа от меня у окна какой-то аржент лежит.

В голове смутные образы. Таскали меня руки и Дюшины, и еще чьи-то. И голоса были докторские и милицейские. И родительские.

Я попробовал позвать кого-нибудь, но в горле пересохло, аж язык к небу налип. Зато птички поют. Аржент, видимо, заметил мои трепыхания, закричал: «Дядя врач, тетя медсестра, тут парень очнулся».

И попить дали, и рассказали, что нашли меня на следующий день уже, лежал под лестницей в горячке. Они-то не знают, как застая называется. Это наше слово. Отец на уши своих друзей ментов поставил. Кто-то из пацанов сказал, где я могу быть, и вот я тут три дня в горячке провалялся, но уже на поправку. Почки застудил, теперь на всю жизнь, наверное. И тренироваться нельзя будет. Спасибо, блин! Сейчас мамке или отцу на работу позвонят и сообщат, что ожил. Лежать мне еще недели две.

В общем, родители пришли меньше чем через два часа. Все как обычно, мать в слезы, да как так, стул к кровати ставит, по голове гладит. Еще перед аржендом этим как маменькин сынок выгляжу. Отец молчит, будто это моя вина, что он довел меня до такого. Нормальный бы отец прощения просил, разрыдался бы, разорвался бы на кусочки перед несчастным сыном. А он стоит как ни в чем не бывало. Только молчит да пыхтит. Да и ладно.

Мамка говорит, что бабушка сама приболела и не смогла прийти. Так что как только чуть больше поправлюсь, мне надо помолиться много раз, как мама меня научила – чтобы все у нас всех было наконец-то хорошо. Ну как аржент, Хосе, кстати, уснет, то помолюсь, что делать. То, что отец такой чикат бетонный, не отменяет сыновий долг перед остальной семьей.

– Навестила?! Пойдем!

Она посмотрела на него, но ничего не сказала. Стала подниматься, не отпуская мою руку, чуть ли уже не наверх тянет. А мне еще тяжело подниматься. Мама не выдержала, навалилась объятиями, выжила остатки сил вместе с потом. Зато минералку мне оставили, а пока больше ничего есть нельзя, только то, что в больнице дадут. Так что без шоколадок.

Потом нездоровый сон под капельницей. Таблетки какие-то, даже уколы прямо в палате при всех. Еще раз мамка приходила на следующий день, одна уже. Тоже болтала что-то и так жалостливо, что я аж поднялся и сам прижался к ней и заплакал. И медсестра увидела, доктора позвала. Сказали, что на ужин тогда сам сегодня пойду, раз уже вставать могу. И хватит под утку ходить! А мне даже не стыдно было. Сил не было, и плевать. А теперь как-то стремно. Пацаны бы засмеяли. Хорошо, что никто не приходил кроме родителей.

Вечером все же медсестра сжалилась, принесла мне миску с ложкой в кровать и стакан с чаем. Там какая-то каша водянистая, но с кусочком масла. Хотя мне и нормальную еду, поди, есть можно. Не с желудком же проблемы, только почки, которые даже не очень и болят. Иногда кололо что-то, еще так неожиданно. Но кололо-то повсюду. И живот иногда, так что может поэтому у меня каша эта замаяканная на ужин. И в правом боку, и в левом. И в груди.

Аржент этот сел у себя на кровати, спрашивает, че я разревелся как девчонка вчера. Сам ты как девчонка! Он встал-подошел, говорит, что за базар отвечу, и он меня ночью подушкой заду-

шит. У нас еще двое парней в палате, правда они, как и я, пару дней назад только прибыли. К ним тоже приходили родители: смотрели на них, но как на трупки. Не помогут эти парни. Но Хосе меня не запугал. Надо просто не спать всю ночь, и если полезет, то вытащить иголку из руки и в него воткнуть.

Не спал. А потом уснул. Когда проснулся, испугался, что уже умер и резко соскочил с постели. Иголка больно подвернулась в руке. Медсестра спросила, совсем ли я больной, прыгаю тут. Как вот она сама думает, в больнице-то? Здоровый я! Аржент еще спал. За окном было красновато, как и на руке из-за щекотно стекающей крови.

– Чикат ты, конечно, – она сказала незлобно, даже как-то с сочувствием. Вытащила иглу, ватку достала из кармашка на груди. Наложила на дырку. Не видно, но раз кровь льется, должна же там быть дырка. Забинтовала. – Больно?

Я сказал, что нет, хоть и кольнуло под пупком в глубине. Хотя в какой глубине, у меня толщину сантиметров десять, наверное. Спросил у медсестры, можно ли мне пойти в туалет, она сказала идти, но чтобы только не упал и не залил все кровью. Еще спросил, куда идти-то, она махнула рукой в сторону выхода из палаты и стала одному из неподвижно лежащих шприц в руку колоть.

Под кроватью стояли тапочки – мама принесла. А на мне-то только футболка да трусы. Вот и поперся всем на смех.

В палате держался за кровати, а в коридоре вдоль стенок шел. Туда-обратно, о боже, как неприятно. Потом и на завтрак отправился. Даже как-то легче стало ходить, только гнбалось чуть-чуть. В столовке были и взрослые, и дети. И все стучало. А все были такими дряхлыми, даже девочка, может чуть постарше и, наверное, красивая, когда здоровая, тут была изглоданной косточкой.

Совсем не как в столовке в Сибирогорске, хоть и так же нужно было постоять с подносом. А давали некрепкий чай и снова кашу. Мужик передо мной все жаловался и жаловался. А медсестра, которая за всем наблюдала, и не та, что была в палате, сказала, что он уже надоед канючить изо дня в день, пить меньше надо было. Они еще погрызались друг на друга, но как-то не всерьез, по-дружески.

Вот и аржент подошел. Еще и подсел ко мне. Привет, говорит, как зовут? Ну, я ответил. Тут и узнал, что он Хосе, и что он на железку упал и живот проткнул, и уже тут третий месяц. Одно крыло закрыто у больницы, поэтому мы все вместе тут лежим, кто с чем, хотя и разные болячки. И едим одно и то же, хотя в чем логика?! А еще к нему не приходят родители. Мамка уборщицей в детском саду работает днем, а ночью на заводе убирается. Отец ходит деньги зарабатывать куда-то, и у него, у Хосе, а не отца, еще десять братьев и сестер. Я спросил, откуда они сюда приехали, из какого Путка-Де-Айрес. Он посмотрел злобно, еще вдохнул шумно, но ничего, сказал, что он отсюда, из Рейнска. Ну ага, а че они живут как тараканы-то, без денег еще, судя по всему. У нас тут все люди приличные. Тут-то у него губы задрожали, говорит, я убью тебя, убью. Еще и на своем: «Тематаре-тематаре!» А я ложку перевернул узким концом, как в фильме про тюрьму видел, говорю, что глаз ему выткну, и никакая семья его ему не поможет. С другой стороны, мне так-то тут общаться не с кем. Говорю, ладно, бывает, тяжелая жизнь у всех, надо быть добрее, давай дружить, че делать-то. Он даже обрадовался.

В борьбу он никакую не ходил, школу прогуливал, иногда на рынке таскал ящики у какого-то своего дядьки, чтобы подзаработать. Русский знал плохо, потому что ни с кем из русских-то почти не общался. Он, конечно, не сказал, но в школе его точно считали чуханом. И били, наверное.

Зато он показал, где тут холл с телевизором, и мы сидели там и смотрели со стариками всякие передачи. Вон там и про церковь что-то показывали, говорили, что сейчас модно придумывать свои молитвы, а не читать стародавние. И что некоторые даже такие крутые молитвы сочиняют, что продают отдельные книжки с ними, и всем нравится. Но батюшка в телевизоре сказал, что

придумывать молитвы не возбраняется, но читать нужно или свои собственные, или те, что придуманы самими батюшками. И там уже у нас мужики взрослые и женщины толстые сидели, что-то начали спорить. Один только дедок плюнул из-за того, что нашли о чем кудахтать, раньше про молитвы знать не знали и как-то жили. И вот на него одна женщина напала, ну словами, а не то что завалила и побила. Говорит, что вот из-за того, что молитв не знали, все и плохо у нас сейчас, в безбожие ввергнули нашу Россиюшку. А теперь война из-за неверующих где-то там, куда отец может поехать, и за что или против чего мы молимся, чтобы он не поехал. А я вот подумал, пусть бы он и поехал. Убили бы его, и мы спокойно жили, раз уж мама разводиться не хочет.

К нам с Хосе подошли два пацаненка, помладше меня, и предложили в карты сыграть. Ну, мы познакомились все, узнали, кто с чем тут лежит, как зовут. Надо было из палаты-то давно выходить, много народу, оказывается, нормального.

Старики только ворчали, что мы шумим. Пойдемте на лестницу между этажами. Эти-то все резвые, а мне по лесенке-то тяжело. Все силы в столовке еще оставил.

И чего-то мы играли-играли, пацаны начали говорить про родителей, и тут Хосе такой, а вот у него мамка пришла, он ей плакался. Эти двое рассмеялись, а я горло ему сжал, в стенку его вжал, ты че, аржент замайканный, попутал, что ли. Он испугался – было видно. А у меня сил-то почти нет, чтобы еще и вдарить ему в живот разок по-нормальному. Но не по-нормальному получилось, и тот сразу разревелся, загнулся. Парни меня оттаскивают, да ладно-ладно, он же пошутил. Пошутили и хватит. За такие шутки в зубах бывают промежутки. «Дебил!» – напоследок ему сказал обидное. Давайте доигрывать. И ты давай карты бери. Потом нас медсестра разогнала, уже так из палаты, сказала, что мы совсем опорели, сидим тут играем, еще и карты забрала.

Но дальше было повеселее. Все равно с этим Хосе общался. Иногда тапочки в него кидал от скуки. Меня прям что-то начинало бесить, и хотелось его довести. Раньше такого не было, а теперь вот появилось чувство такое. Но он рассказал немного про их язык дурацкий, и типа «дебил» – это их слова, и оно у них переводится как слабый, а мы, русские, его как ругательство используем, хотя это даже не обидно почти, ну только если ты за маму заступиться не можешь, и значит дебил. А я говорю, так ты дебил, на голову слабый, вот и не понимаешь, почему обидно. Он и перестал рассказывать. Но потом все равно про другие слова рассказал. Родители приходили. Отец даже разговаривать начал. Ну ладно, выздоравливаю потихоньку. Да и молиться не забываю, только про себя, чтобы никто не понял.

Они выбросили все мои игрушки. Точнее отец. Мама бы такое не сделала. Я заплакал. Тихо и не выходя из комнаты, пока не успокоился. Хорошо, что есть не позвали. Потом в ванной умылся.

А жизнь пошла как жизнь: в школу начал ходить, с парнями гулять, да только без тренировок, и отец про это ничего не говорил. Вот после моего первого учебного дня пошли с Денчиком из школы, решили к Пахе зайти, пока у него мама с братом уехали в санаторий, а отец на работе. По дороге Денчик рассказывал, как он к Юркику на день рождения ходил. Что у того тоже трешка, как у Пахи, тоже вся в евроремонте. Окна пластиковые, потолки тоже какие-то подвешенные. Был торт-мороженое. Из класса только Пауло и Тоша были, а так с ними какие-то другие три пацана тусили. Родители на камеру все снимали, прикинь? Сказали, потом видеокассеты запишут и всем отдают. А еще конкурсы устраивали с призами-игрушками. А сами они ничего не дарили. Точнее те три парня пришли с подарками, а Денчик с Пауло без – они же бедняки, откуда у них

подарки. А Тоша на скрипке сыграл, прикинь? Пилик-чикалик, родители у Юрчика аж заплакали. А чего тебя Юрчик-то позвал? Не знаю, играли с ним, пока тебя не было, вот и позвал. Теперь тоже богатым будешь. Читатъм! И мы засмеялись.

Поднялись до Пахи в как обычно замусоренном лифте. Позвонили, он открывает. Радостный, меня обнимает, говорит, давайте заходите. А там дома у него уже те одноклассники, с которыми мы листья жгли: в мортал комбат на сего играют. Веселятся. Тоже нашел друзей, пока меня не было, хотя, конечно, парни нормальные. Мы с ними заобщались.

А потом те собрались домой, и мы остались втроем. Вот мы сидим с Денчиком и Пахой, и Паха спрашивает, знал ли я, что пока я лежал, менты подвал обыскивали. Типа подумали, что раз меня там рядом нашли, то и Дюшик там же мог быть, только залез дальше. Не нашли, правда, вообще ничего подозрительного.

Это будет наша тайна, говорю, до самой смерти. Все согласились: в тюрьму-то никто не хочет. А потом Паха еще говорит, что и Дюшина бабушка умерла. Ее просто на скорой увезли, и все. А там сразу в морг, наверное, и выбросили где-нибудь в яму, раз других родственников нет. Квартира пока пустая, потом кто-нибудь заедет. Грустно.

14. Двойной суперагент

Мы с Денчиком прогуливались по школьным коридорам. А тут Димка этот, мелкий шкет, идет, ну я ему поджопник дал, даже как-то не задумываясь, как дела, говорю, не обижают тебя. Он не обиделся, даже рассмеялся. Нет, не обижают. Ладно, давай, смайкай отсюда. Денчик посмотрел на меня странно.

Подошли к одноклассникам: они в кулачки играют на щелбаны. Тут Саня спрашивает с прищуром такой, а что, ты типа борец же у нас дофига. Дерешься круто? А он же у нас типа крутой, сейчас наезжать будет. Говорю, ну так, средне. А Валю знаешь, он каратист же. Сбетонил бы его? Да я не знаю, отболел же недавно, еще в себя не пришел. Да чет, он тебя зачикатит в любом случае. Че там борьба? Он может велосипед делать как Лю Канг. Да гонишь! – это Пауло. Че гонишь, тебе че, вломить? Я сам видел, как он в стену делал. Ты че? Да ладно, ладно, Саша, я так. Не, давай поспорим, давай руку. Если он делает, я тебе нос ломаю? Да? Да?! Разбивайте, пацаны, разбивайте. Я разбил. А Денчик такой, а если он не делает, то че? Че? Тебе-то че? Денчик замылся, но и это проблемы Пауло вообще-то, чего встревать.

Мысль пришла, что так-то я бы загасил Санька, а то он пыжится много. Да и Валя этот худой. Его сломать, наверное, не очень сложно. Но это потом.

А в пятом классе у нас уже не будет своего кабинета, будем по старшей школе бегать со старшаками на каждый урок в отдельный класс. Все по-взрослому. И уроков больше будет. Вроде обещали, что максимум пять, но где пять, там и шесть же. Зато труды нормальные со станками, а не аппликации эти клеить с девками вместе. Вон, Олежа года два назад табуретку оттуда принес – сам сделал. И они парами идут: два урока труда. Сидишь, молотком колотишь, как нормальный мужик. Но сперва лето, выпускное чаепитие классом, а еще до этого – ярмарка.

Каждый год ее устраивали: все классы расставляли парты перед входом у себя в кабинете, будто это торговые палатки. Ну как на базаре у аржентов. Выкладывали кто что принес, но в основном это какие-нибудь угощения, приготовленные матерями. Но кто-то и какие-то тетрадки раскладывал, брелки, даже игрушки от киндер-сюрпризов. Фишки покемонные опять же. И все это продавали за копеечки. Хотя вот Юрчик фишку с мьюту за десять рублей продает, прибетоненный. Проще забрать.

И покупатели, то есть мы, все ходим из класса в класс. Смотрим, что у других продается. Торгуемся. Можно и своровать печенки. Но мы, которые нормальные, просто сталпливались где-нибудь в углу: у нас свои приколы. А ярмаркой пусть девочки занимаются.

Смотрим, как Юрчик с Кирухой из Бэ класса фишки кидают. Денчик Тошу докапывает, типа скажи «че», скажи «че». Ну тот сказал, а Денчик: «Путка через плечо!» И смеется. Да и я посмеялся. А Тошик стоит красный, хоть у него и так щеки все время красные. А тут красный, что будто бы сейчас заревет. Но он просто надулся. А Денчик продолжает: «Путка через плечо, путка через плечо». Мне бы он такое сказал, уже бы его повалил и насовал, а Тоша только и знает, что «Да все, Денис, ну все, хватит». А тому только это и надо – довести. Такой уж человек. Но раз Тоша с ним дружить лезет, наверное, ему так и надо. Любит, когда его задирают. Вон как Банан у крутых.

Ладно, пошли с ними всеми по школе гулять, спустились на первый, а так мелкие ходят, и как раз этот Леня там, которому я в грудак прописал, с братом стоит. А мы ведь не виделись со стрелки, и непонятно, вдруг он снова лезть будет. Я напрягся. Стоим, смотрим друг другу в глаза. А он руку протянул, и я ее пожал, прям аж выдохнул, но надеюсь, что тот не заметил. И Денчик ему руку пожал. И Саня шел сзади тоже. Потом Саня нас догнал, удивляется, че Дрона знаете, что ли. Ну да, типа встречали его пару раз. Понятно.

Вышли толпой на улицу, встали на крыльце осмотреться: вся тает и в мяше. Сосульки падают. И чет рука дернулась Денчику подзатыльник дать. Ты че? Ниче, так, дернулось. Ну он такой попер на меня, давай за шкуру хватать, а я ему сразу в грудак так, еще такая злоба нахлынула, че он ко мне лезет, че я ему копел, что ли, какой-то. Ну тот и отстал, просто отвернулся на улицу. А тут этот Дрон со своими вышел, спрашивает, есть ли сигареты.

– Не-а, не курим!

– Молодцы, – говорит. Ну так, еще немного дерзко разговаривает, будто хочет показать, что он не боится, и типа ему плевать, что я его отбетонил так неплохо. Но мне-то че, я и еще раз могу. – В футбол пойдете за школой?

– Ага.

– А вы? – это он к Денчику и остальным. А тот – нет. – Ну и бетон. Тогда через полчаса на поле приходи.

Ну я подумал, чикат на эту ярмарку, пойду действительно поиграю со старшаками. Еще у Санька со Степой спросил, идут они или нет. Я знал, что они со другими крутыми вовсю общаются. Те сказали, что идут. Ну хоть кто-то знакомый будет. А Денчик пускай с богачами и остальными играет, может, еще и с девочками начнет водиться!

Пошли молча с Саньком и Степой: не знаю я, о чем с ними разговаривать. Пришли, а там никого не было, с кем бы я общался когда-либо, только заочно знал некоторых, видел на стреле или кто-нибудь из одноклассников рассказывал. Или вон пауловские братья, близнецы-арженты. И почти все курят стоят. Зато Степа с Саней там были как свои. Ну и я вместе с ним прошел, всем руки пожал, уж знакомиться не стал, а то тупо было бы, но никто и не спрашивал, кто я такой. Еще подумал, что, может, они мне сейчас за стрелу будут мстить, но нет, всем бетон до этой стрелы. Поделились на команды. Два старшака были капитанами. Они поспорили на кулачках, кто первый выбирает, и разобрали всех. Меня только в последнюю очередь взяли и на ворота поставили, но ничего.

Холодно правда стоять-то, пока все бегают-кричат, и ворота больше меня, не допрыгнуть, если в девятку полетит. Но на тренировке я привык. Главное, на мяч выбегать и не бояться, если орать что-то будут или шуметь. А там или в ноги и мяч хватаешь, или выпинываешь вверх его. И нормально вышло: только два гола пропустил, а наши пять штук забили. Правда, в джинсах неудобно это все, и у них низ леденеет, потом как-то странно. Хотя

подштанники есть, и не мерзну. Зато потею, и когда стою, то все же мерзну. Наконец начали расходиться, но несколько человек покурить остались. Вот так, не таясь учителей, которые в окно-то точно увидят. Мне курить не предлагали, и я просто рядом стоял, в разговоры не лез. Потом мне Санек говорит, типа пошли. И они со Степой начали прощаться с остальными. А куда с ними идти? Ну чет погуляли по Шадринскому, я-то особо тут не шастал раньше. У универмага встали, там какая-то мелочь ходит. Санек у них копейки стрельнул – жвачку купил, и меня угостил. Говорили с ними тоже обо всем: о класспутке, о фильмах на видике, все как и с остальными, хоть они и крутые. Только я уж про наркоманов не стал заводить разговор. Может, они сами с наркоманами водятся.

– А че слушаешь? – вдруг спросил Санек. Без наезда вроде, просто из интереса, но я помнил еще те времена, когда можно было выйти на елку кататься, и какие-нибудь незнакомые парни могли докопаться с таким вопросом. Потому что на елку со всех районов приходят, никто тебя не знает. Неправильно ответишь, и хлопбысь в лобешник как прилетит. Пашке так как-то досталось. Сейчас уже никто и не спрашивает за музыку. Не надо учить все альбомы продиджи, как Олежа меня заставлял, чтобы быть своим. А я этих продиджи никогда и не слышал. У меня дома кассеты только с «Кино» и «Любэ» – отец слушает. Но это фигня стариковская.

– Не знаю. А что надо?

– Ниче не надо. «Сектор Газа» не слышал?

– Нет, а что?

– Да ты че. Чикат, ну ты даешь. Это майканутая группа. Там с матами. Давай, я тебе кассету дам, запишешь себе. Пошли.

По дороге он еще сказал, что ему мамка обещала купить балахон с этим «Сектором Газа». Я не знал, что за балахон такой, но сказал, что круто.

Мы пропетляли меж домами к Саньковскому подъезду. Ща, постойте. Он забежал в подъезд, и мы остались со Степой одни. С ним как-то не очень болталось, но я просто спросил его, че он, много на сигареты тратит, и какие сигареты курить правильно. Ну он отвечал не так уверенно. Мол, ну пачку в неделю. Главное, ментоловые не кури, а то импотентом станешь. Ааа, хорошо. Я сделал вид, что понял, когда-то уже даже слышал такое слово, в кино или еще где. И невзятяг тоже не кури, а то рак губы будет. Правда, что ли? Ага, у меня у брата другу губу верхнюю отрезали из-за этого.

Санек вышел из подъезда и всунул мне кассету для магнитофона. На обложке было написано это «Сектор Газа» и «Зловещие мертвецы» с нарисованным, видимо, зловещим мертвяком.

– Только завтра отдай, а то меня брательник прибьет, если заметит. И при родителях не слушай. Ладно, я пойду.

Тут мы и разошлись, пожали руки. Со Степой скучно, и я сразу сказал, что пойду вон туда, где ему точно не по пути. Ну и пошел домой. Подумал, может к Пашке зайти, и у него послушать. Еще за Денчиком забежать. Может он уже наигрался со своими новыми друзьями и вернулся. Так что во дворе я вначале покричал Денчика, но из его окна никто не посмотрел. Потом покричал Пахе, может и Денчик у него. Паха скинул мне ключи от подъезда, и я зашел.

Денчика не было, а я с порога начал рассказывать, как играл в футбол со старшаками, и что вроде как там за своего, и Дрон их, не наш, не нарывается. А еще вот кассету дали, давай слушаем. А Паха мне такой, а вот мне компьютер купили. В смысле компьютер? Че такое? Ну и он завел меня к себе в комнату, а там уже два другана его сидят, Антон и Толя, сидят и смотрят в такой телик белый, стоящий на столе. А поближе подошел, там еще и коробка под столом, и доска с кнопками и какая-то фигня справа от доски. Ну, он потом рассказал, что это как приставка, сега, только компьютер. Тоже для игр в общем, только джойстика нет, а вот эти штуки:

с буквами и двумя кнопками. Ну вот пацаны и играли по очереди. Там прям квадратиками нарисована все на экране, ходишь убиваешь всяких монстряков. Только как бы видно из глаз. Ну прикольно. Мне дали попробовать. Непривычно, и непонятно, зачем на доске буквы как алфавит, но неправильный, еще и нерусское все. Ну я нажимал только на стрелочки и крутил этой штукой – мышкой.

Так и засели, что я аж про кассету забыл, а время уже к пяти вечера, скоро у Пашки придет отец со своей богатой работы. Пацаны тоже собираться начали, но они-то нормальные, я кассету из заднего кармана достал. Фух, хоть не раздавил, а то не подумал че-то, почти сидел на ней

– Давайте по-бырику послушаем.

Включили первую песню в магнитофоне. И чет какое-то нудное начало, девка какая-то пропела, а потом мужик какой-то про колхоз. Не понял прикола. Ладно, давай сюда, пукня какая-то.

– Ты че материшься? – удивился Паха.

Я застеснялся даже, сказал, что, да так, немного. Ну вот, потом с Толиком и Тошей прошлись немного: я к себе завернул, а им-то через дорогу, к домам, где корт. Пока, пацаны. Ага, давай! Давай!

15. Свой среди чужих

Кассету я отдал на следующий день, сказал, что класс, круто. А еще через пару дней мы с Денчиком в школу топали, и у ворот Санька встретили. Стоял, ждал чего-то. Мы здороваемся, и он мне предлагает пойти гулять вместо уроков. А я не знаю. Говорю Денчику, пошли, а он такой нет, уроки не прогуливаю, и в школу двинул. Вот мы встали теперь вдвоем, и мимо нас еще все проходят, и даже учителя, и мелкаши, и девочки. Все нас видели, значит. Он говорит, да ничего не будет, скажешь, что болел один день, че она, ну то есть класспутка, домой к тебе примчит разбираться из-за одного дня?

А зябко с утра еще стоять, хоть и весна.

– А куда пойдем?

– В заброшку можно, щенят посмотрим.

Интересно. Я не ходил в заброшку в Шадре. Она и не по дороге в школу, и опасно. Это такая недостроенная школа или детский садик у них во дворах – там два этажа, и еще говорили, что в подвал можно слазить. Ну и наркоманы и старшаки местные, понятное дело, там ошиваются,

– Вы прогуливать будете?! – это Леська наша подошла. Ну есть такая одноклассница у нас. У нее папа аргент, и она сам немного на них похожа, но говорит, что русская. Но ее не обижают за это, а то она сама ударить может, причем больно.

– Давай, вали дальше, – Санек сплюнул в ее сторону, а та посмотрела на меня.

– Ты-то же хорошо учишься!

– Давай, вали, я сказал! – отогнал ее Санек окончательно.

– Я все Наталье Владимировне расскажу! – и побежала. Стукачка. Она же еще и старостой у нас и каждый первый урок встает и сдает всех, кого нет. Хотя какой смысл, будто и так класспутке не видно.

Еще Банан к нам присоединился. А Степа даже и не собирался приходить, поэтому мы пошли за ним. Он жил в серой пятиэтажке через пару дворов. Дверь в подъезд была открыта. Мы поднялись к нему на последний этаж. Постучали. Он открыл: заспанный и в трусах.

– Че, пойдем! – сказал ему Санек. Степа запустил нас в коридор.

– Поесть надо.

Мы разулись, скинули рюкзаки и зашли на кухню. Там стояла ваза-конфетница, которая еще была и наполнена конфетами. И на холодильнике микроволновка стоит. То есть он был богатым! А чего тогда ведет себя так, будто он из бедной семьи. Чего ему быть-то злым с такой-то жизнью.

Санек взял конфеты без спроса, а я спросил, можно ли, и Степа разрешил. А Банану не разрешил, еще по руке ударил, когда тот потянулся за конфетами. Потом еще и заставил его нам чай налить. Вот и пили чай с сахаром и конфетами. А сам он ел бутерброды с сыром и колбасой из микроволновки.

– А че, как у вас там в этой борьбе? Как она называется? Джиу-джитсу? – спросил Санек.

Я напрягся, думая как нормальной рассказать, а то узнают, что мы там в трико этом друг на друге лежим, и будут смеяться.

– Нет, греко-римская.

– И че, круто борешься, да?

– Да не очень. Вот на соревнования ездил, проиграл там. Но вот у нас есть Гильо и Серега – почти чемпионами области стали. Такие здоровые.

– Гильо? Это с трех камней?

– Ну да. Он еще в металлургическом учится.

– Он реально бык, – сказал уже одевшийся в штаны и кофту Степа. – Он с братом на стрелки гоняет. Вроде там одного пацана броском в землю вбил, и все, тот больше не встал. И махается круто, руками-ногами

– Да махаться лучше, чем бороться, – сказал я. – Особенно, если против нескольких человек.

– А ты дрался против нескольких?

Само собой, мне хотелось надумать что-нибудь, как я там раскидывал всех, как ниндзя, но этим-то доказывать придется. Сказал, что не, не приходилось.

– А так?

– На соревах, да и вот... стрела с Дроном была.

– С каким?

– Который в футбол позвал.

– Да че, серьезно? И кто кого?

Было даже как-то неловко

– Я.

Они, конечно, не поверили. Тот все-таки старше меня, да и выше. Руки длиннее, ноги. Но я сказал, что тот не умеет махаться совсем, а я хоть более-менее, какой-то опыт-то есть. Отстали.

Потом уже двинулись к заброшке и болтали о всяком разном: и про чужого против хищника и про группу крови на рукаве, и про то, какой у нас крутой президент, и вот бы он школу отменил. Про все такое взрослое.

Пришли в заброшку эту. Ну такая обычная недостройка. Дырки вместо окон. Лестницы вверх и вниз. Везде всякое стекло валяется, грязь какая-то, стены были во всяких надписях, в основном черных. А синим буквы «НСН» как-то ярко выделялись. Я и спросил:

– А че значит?

– Это? – начал Банан. – Нерушимый союз наркоманов.

– Че, и наркоманы тут есть?

– Нет, не бойся, – сказал Санек.

– Да я не боюсь. У нас во дворе своих наркоманов навалом.

Подозрительно это все, может, попытаются меня подсадить на наркотики.

Я присел на корточки с рюкзаком за спиной, смотрю: ползет черная склизкая двухвостка. Такое толстенное тело у нее и два хвоста, и я вот никогда не мог понять, как она понимает, куда идти. Вот у червяка как бы две головы с двух сторон, и они, наверное, видят что-то. А у нее-то

тоненький хвостик с одной стороны, и такой же с другой, и она ползет куда-то ведь, безголовая. А если ее пополам как червяка разделить. Фу! Даже думать не хочется, что из нее польется. Надо о чем-то приятном подумать!

– А где щенята-то?

– Какие? – Степа будто удивился, хотя он тут же местный, должен знать.

– Санек говорил.

– Щенята, – тот ответил. – Это они в подвале же лежат, ну чтобы не на виду. Вон.

Он указал щель в полу между разбитыми плитами. Собачка маленькая вполне туда влезет, да и я тоже смог бы. Рядом еще лежали всякие булыжники и большой металлический коричневый лист. У нас печка на огороде такого же цвета и металла.

– Хочешь посмотреть?

Я хотел, но чувствовал подвох.

– И че, они правда там?

– Да, в натуре. Я сам видел, – подтвердил Банан. Я все еще не верил, но тут еще Степа добавил.

– А че ты, боишься?

Ничего я не боялся, только не любил, когда меня обманывают.

– Глубоко там?

– Да не, полтора метра. Пойдешь?

– А вы че?

– Да мы уже видели. Может потом сосисок сходим купить и покормим, – и вот Санек еще так по-доброму это говорил. А я ведь знал, что врут они все, нет никаких щенят, просто хотят, чтобы я залез, а они меня этой железкой закрыли, и я там сидел. Но что я, скажу, что я боюсь?

И я полез. Рюкзак только оставил, а то с ним вообще не заберешься. Сел на край холодной плиты и начал потихоньку слазить. Ноги не находили опоры, и мне все сильнее и сильнее приходилось держаться руками за плиту. Вот я по грудь. Да не ссы! И я резко вытянулся на руках вниз, оцарапав спину, но нащупав пол, из чего бы он там ни был. Даже не на носочках стоял, а вот нормально. Так что опустил руки. Посмотрел вверх, а там как раз этот железный лист опускается и темно. Только смешки.

В первую очередь я сразу же попытался взобраться назад и оттолкнуть лист с прыжка, а они видимо встали на него. Безуспешно, в общем.

– Чикат, пацаны впустите.

А они ржут, и даже че-то говорят, но слышно плохо. Я еще раз попробовал, но только от листа отскочил и упал руками на бетон, и стер ладошки. Да теперь, понятно на ощупь, что пол – это еще одна плита. Вокруг темно, не видно, но я знаю, что вся эта темнота в плитах, как и снаружи плиты, и дома плиты, а значит, рожден среди плит и бетона, в них моя сила. Я бетонный боец, и я не сдамся. Только принялся: вдруг сюда в туалет ходят, и я вмажусь во что-нибудь плохое. Еще раз покричал им. Еще раз мне ответили что-то невнятное. Было не страшно, скорее было неприятно, что так вот со мной поступили, как с копелом каким-то. Я чувствовал злость, и я увидел, что на самом деле не так уж и темно, а все-таки это недостроенное здание, и двери в подвал явно не были приделаны. Вот не зря же они троечники.

Я пошел на просвет, аккуратно, чтобы не споткнуться и не упасть, и вышел в углубление в здании, как и у нас в доме, где я думал, что отец будет спиливать замок болгаркой, когда Дюшика убили. Поднялся по маленькой железной лестнице как из колодца, а потом как побежал. Обежал вход и заскочил на первый этаж, ближе всех стоял Степа, он увидел меня и вытянул руки вперед, но я махом дал ему правой, куда-то в подбородок, потом еще и еще, а он свалился с ног на усыпанный камнями и разбитым стеклом пол.

Банан, оглядываясь назад, отбежал в сторону, а Санек просто стоял, даже не принял стойку. Я отдышался и не знал, как поступить дальше. Степа немного привстал, и отойдя подальше, начал отряхиваться.

– Ну нормально ты так, – сказал Санек. Он протянул руку. – Боец.

Я раздумывал несколько секунд. Если не пожать, вдруг все-таки драться с ним, и если он победит, то они точно надо мной издеваться будут. Так что лучше пожать, а потом уже выясним, кто сильнее. Банан несмело подошел поближе, но я уже успокоился и просто не знал, как мне поступить: обидеться и уйти или нет. Я поднял свой рюкзак: вроде ничего с ним не сделали.

– Че, Степыч, нормально он тебя? – спросил Санек.

– Ага, – лицо у него было скорее исцарапано, чем побито. – У меня аж в глазах потемнело.

– Пойдёмте за газовой сходим, – предложил Банан. – У меня деньги есть.

– И сухариков купишь, – озлобленно сказал Степа и замахнулся на него. Банан пригнулся, но удара не последовало.

И вот я шел как-то вроде с ними, но, с другой стороны, че мне с ними ходить, раз они такие. Опять же теперь сами бояться будут, и получается, после Санька я самый крутой в классе, и может быть даже среди всех третьих классов, хотя там есть у них парочку своих крутых.

В магазине Степа выхватил деньги у Банана, и мы прошлись по рядам. Парни взяли тархун и сухарики с беконом, а я еще сникерс доложил на кассу, типа ну че уж, платите и за меня, раз уж так. Вышли на крыльцо. Санек распечатал сухарики, и дал нам всем по очереди вытащить горстку себе. Банану, конечно же, последнюю. А тут старшаки подходят, видимо перемена в школе, и что они тут, тоже прогуливают. Поздоровались с нами со всеми. Я так помню, что видел парочку на футболе, а парочку так когда-то видел. И вот один такой спрашивает у Степы, кто это его так. И Санек ответил за него, типа вот он, ну типа я. Старшак ошетинился на меня, начал спрашивать, не опорел ли я совсем? Кто я вообще такой, откуда тут. Я успел сказать, что да мы из одного класса. Хорошо, что еще Санек сразу начал говорить, что я нормальный пацан, так уж вышло, и что я Гилью знаю. Тот и успокоился. Только тархун они почти весь вылакали, нам осталось чуть-чуть. То есть Банану вообще не досталось, а я после Санька вторым пил.

Ну вот получается, что я с крутыми. Надо как-то теперь вместе с ними гулять, и старшаки будут знать, и когда в старшую школу перейдем, тоже будут знать. А Денчик пускай со своими там дружит, нашел себе новых друзей, ну вот и ладно.

Потом мы ушли во двор за магазином и как раз будто бы напротив старшей школы, только там дом перед нами, ну, потому что это двор. Давай, доставай! И Банан вытащил пачку с сигаретами. Вот они начали курить. Мне не предлагали, и я не просил. Зачем мне надо, лишь бы не пропахнуть. Да и надоело с ними сегодня, и как раз уже третий урок идет, можно и домой пойти. Так и сделал, а по дороге нашупал сникерс в кармане. Заслужил.

16. Время убивать

У Денчика случился день рождения, и он вдруг меня пригласил, хотя я как-то даже приготовился, что он меня не позовет, мы даже в школу сейчас вместе не ходим. И вот он меня не позовет, а я его в школе поздравлю все равно, но так без радости. Просто типа ради приличия. А он позвал, правда все равно надо выходных было ждать. Я и родителям сказал, а то денег же на подарок нужно. А что подарить? Я сбежал в дом быта за училищем. Там купил ручку паркер. Ну какая-то тяжелая ручка в пенале специальном. Круто вроде выглядит, солидно, как у коммерсантов. Но и просто думать особо не хотелось, а она там лежала на видном месте. Не раскраску же ему вручать.

Санек со Степой еще позвали с ними пойти гулять в эти выходные, но я им сказал, что день рождения же у Денчика.

– Да забетонься, че там делать? – спросил Степа.

– Бывший друг все же. На сходить в последний раз в память о прошлом.

Они как-то сплунули одновременно. Ну ладно. Они вообще с Бананом дружат, поди еще и на день рождения к нему ходят, маме его здрасьте говорят.

Отец проследил, чтобы у меня все было чистое и поглаженное, и отправил. Я вышел из подъезда, зашел налево за дом, прошел мимо балконов, повернул, уже думал во двор и к Денчику в подъезд, но заметил, что за трубами появился какой-то бетонный выступ и рядом стоял бульдозер. Я поднялся на мост через трубы. Плиты исчезли. Точнее я сразу понял, что они не исчезли, прям исчезли, а что они засыпаны землей и заровнены этим бульдозером. От того, что сейчас не гуляю во дворе – не заметил. И теперь из-под земли поднимался как бы вход в подъезд, только под землю и такой квадратный. И в нем дверь железная с навесным замком. Все, теперь больше никаких плит. Будущие дети не узнают прелести игр в прятки, ляпки, плавки свинца и наркомании в плитах.

Во дворе я докричался до Денчика, и он скинул ключи. Когда поднял, увидел, что подошел Юрчик. Принаряженный весь: в рубашке и пиджаке, в руках пакет.

– А что цветы не взял?

– Ха-ха, – как-то невесело просмеялся он.

Мы зашли в подъезд, а потом в лифт. В его-то богатом доме, наверное, в лифтах не пишут. Я продрал горло, чтобы было слышно, и чтобы харча собралась. Сплюнул в угол.

– Классный запах, да?

– Да у нас так же, – ответил он.

Открыла нам Катька. Давайте, проходите. Там уже были Паха и Тоша. Мы поздоровались с мамой Денчика, когда она заносила салаты в комнату. Я вытащил пенал с ручкой – вот, с днем рождения, всего самого наилучшего. Юрчик из пакета достал коробку с рисунком банки на ней. Точнее, баночки. Духи, в общем. Ну богатые ведь – душатся, конечно. Это мы, бедняки, воняем. А сейчас Денчик будет с богатыми, и все тут богатые. Вон Паха богатый, и он подарил воздушку какую-то, почти железную. И пульки у ней металлические как настоящие. А мне только бутылку пива принесли! А у меня водяной пистолет есть, – что-то вспомнил бабушкин подарок, но никто не отреагировал. А Тоша подарил штуки специальные для отжимания. Их на пол ставишь, руками упираешься, ну и отжимаешься. У нас в секции такие есть. Тренер говорит, что для груди. Я говорю, что пятьдесят раз могу, давайте кто больше. Давайте, сперва, поедите, говорит тетя Аля, ну Денчика мама. Приносит горячее, жаркое с картошкой, помидорками и всем таким. Еще селедка под шубой, оливье и подтоновый салат с бананами!

А что отец подарил – спрашиваю, и Денчик рассказал, что тот приезжал с утра, пообещал сего у Пахи, но позже. Пока вот мяч – в углу лежит. Резиновый, разрисованный – как для детей. Че, собаку-то не подарил? – я напомнил.

– Давайте, пока, – из коридора крикнула Катька. – Мелкий, с днюхой! – захлопнулась дверь.

Мы покушали, пошутили, посмеялись. Я спросил у Тоши, а че он, на скрипке-то не будет играть, а тот замялся че-то. А потом решили опробовать воздушку. Денчик достал какую-то картонку, и мы ее положили на кресло у входа на балкон. Пульки почти пробивали ее насквозь: застревали внутри и становились похожими на смятые маленькие баночки миринды, если на них наступить. Паха попробовал распрямить одну такую пульку, чтобы снова засунуть в магазин воздушки, но не вышло. Мама Денчика зашла забрать посуду и предупредила, чтобы мы аккуратней были, и вообще готовились к чаю с тортом. Я подошел к полкам, где стояли резиновые гномики. Они были с ладошку высотой, и мы даже когда-то играли с ними, когда были совсем мелкими карапузами. Гномиков можно было сжать до писка, топить в тазике, чтобы выходили пузыри из дырочки внизу, а потом снова сжать, чтобы прыснула вода.

– Че, все в игрушки играешься?

Но Денчик не ответил. Зато Юрчик подбежал, говорит, вот, давайте в гномов постреляем. Мы и в гномов попробовали – поставили наверх кресла, а сами из другого конца комнаты целились по очереди. Точнее, собирались по очереди целиться и стрелять, но когда Денчик прицелился, Паха его остановил: а если в окно рикошетом прилетит? Денчик задумался.

– Да ничего не прилетит, давай сюда, – я попытался взять у Денчика пистолет, но тот крепко в него вцепился. Ладно, не бороться же на его дне рождении. И тортик принесли.

– Давайте, посмотрим что-нибудь, – предложил красавчик-девочка-Антоанета. Щеки красные, сам белый, наверное, целовался уже со всеми девочками в классе, и чуханкой тоже.

Денчик пошел к полке с кассетами и достал «Король Лев 2». Мы переставили стол, чтобы не закрывал обзор, и стали смотреть. Вторая часть была не такой интересной, и мы уже ее смотрели как-то у Пахи. Ну хоть тут плакать не надо, но я бы и не заплакал. Зато и не так смешно, как было с Тимоном и Пумбой в первой части. Досмотрели.

– Пойдемте мяч пинать, – предложил Денчик.

– Может, Пахин возьмем? – я предлагаю.

– Да я не помню, куда его подевал, – отмазывается Паха. Врет он, просто жалко ему. У него-то мяч с черно-белыми квадратиками, ну или не квадратиками, а многоугольниками. Как настоящий у него, кожаный или какой-то такой. Тоже отец на день рождения подарил, чтобы тот ходил, выпендривался. Но с таким мячом выйди – сразу старшаки набегут, будут просить в козла поиграть или в квадрат на выбывание. И они типа нас берут играть, но понятно, что мы все время выбывшие, только стоим, смотрим.

А Юрчик-то в своих брючках мячик пинать собрался? И не жалко ведь ему. Понятное дело, запачкает – родители новые купят.

Из подъезда пошли к будке – об нее в козла нормально играть. Главное, чтобы не ездили тут часто. Прошли мимо машин, припаркованных во дворе. Тут и Пахин опель стоит. А можно было бы с балкона в них и пострелять. Зашли за будку, а то с другой стороны песочница и качели – неудобно играть, да и родители видят. Сперва Денчик пнул свой новый мяч в кирпичную стену, после него я – посильнее, чтобы подальше отлетел, но носок ноги прям в мяч вошел, и от стены он не особо отскакивал. Потом Паха, за ним Тоша, Юрчик, и так по новой. Невозможно проиграть таким мячом, хотя все мы пытались сильно пнуть, и только на третий круг Паха пнул мячик в угол так, что тот отбился в сторону: покатился с небольшого спуска. Вот Тоша оттуда не попал в стену. На нем теперь Ка получается. Закапал дождь. В первый раз за весну: значит, скоро лето. А на Тоше уже Коз, и он чуть ли не плачется, что Паха его топит. Не хочет быть козлом.

– А может, в застая пойдём? – предложил Денчик. В наше тайное место позвал этих двоих тоже! Может и не супер тайное, особенно, когда уже туда и взрослые спускались, но все же наше дворовое.

– Куда это? – спросил Юрчик.

– А вон, внутрь, – Денчик показал рукой на виднеющийся подъезд с заставей.

– У нас такие только маленькие. Я как-то ключи уронил туда, так просто решетку снял и рукой достал. Там все в бычках лежит.

– У нас большая. Там жить можно! – хвастается предатель. А Паха молчит. А нет. Не молчит.

– У нас нет бычков: у нас харчи и шприцы там. И дырка в подвал есть.

Я понял, что они так и про Дюшу разболтают, и походу рано или поздно мне придется их убрать, стать киллером.

– Может, пистик лучше возьмем? – предлагаю, уж хоть пострелять напоследок, больше-то мы дружить не будем, пусть дружат со своими этими. Или застрелю их всех! Перехвачу пистолет заломом руки у Денчики, и всем в глаз, тогда даже такие пульки в мозг попадут, и все.

– А давайте, – говорит Тоша. – Денис, можно?

– Ага, сейчас я, – он схватил мяч и побежал к себе. А мы вчетвером ждали его на лазилках у подъезда. Я забрался наверх, железки были мокрые, видно, как по ним капли стекают, но не сколько.

– Вы приготовились к контрольной? – спрашивает Юрчик. У нас в понедельник по математике будет.

– Мы же не заучки, – отвечаю. А Тоша такой, наоборот, не стесняясь, ответил, что готовился, что ему обещали в Парк имени Ковалика в Сибирогорске отвезти, если хорошо год закончит, а там американские горки настоящие и карусели всякие.

– Видел я эти горки, как лазилки высотой, – хотя, конечно, ничего я там не видел, не было времени, я там боролся. А Паха говорит: «Привет!» Кому это он там привет говорит, обернулся: Дрон с Холодом стоят. Ну мы с Пахой руки пожали им, а Юрчик с Антоанетой видно, что трясется. Да и Дрон какой-то не в себе: лицо серое, глаза как окна в заброшках, выбитые и пустые, наклонился и на Паху дыхнул. Пахнет?

– Немного.

– Чикат. А вы че, откуда? – он обратился, видимо, к Тоше и Юрчику. Но непонятно точно, стояли те в разных сторонах. – Не местные?

– Они с нами, – говорю. Кто-то же должен быть за главного.

– Подожди, – он отодвинул меня рукой и вперил свои дырки в Тошу. Хоть карандаши ему в них суй как в пенал. – Как зовут?

– Антон, – у самого губа трясется.

– Откуда?

– С Шадринского.

Тут из подъезда Денчик вышел, с пистолетом в руках. О, привет! Здорово, че, где Катька? Гулять пошла. И пока они здоровались, Холодец у него пушку-то вытянул. Ого, откуда малой? Вот, подарили.

Дрон сперва отвлёкся от Тоши, а потом снова к нему развернулся и говорит, чтобы тот сложил руки типа рога: показал ему. Я понял, что сейчас лося пробьет. И в общем-то и пробил, Антон прям отлетел на несколько шагов и весь раскраснелся. А вот нече по чужим районом шастать, был бы старше, вообще бы прибил. Он подошел к Холоду: че это? Тот передал ему пистолет, и Дрон покачал его в руках – типа взвешивал. Не боевой ведь! Мы возьмем пострелять?

– Мне только подарили.

– Да мы отдадим потом через Катьку.

– Нееет, – Денчик вцепился в подарок. За ручку бы поди так не держался.

– Э, осади малой!

– Да там, пулек все равно немного, – вступил Юрчик, типа смелый такой, спорит с ними.

– А Олежа где? Не с вами?

– А тебе че? – это уже Холод на меня бычит. Нормально же спросил.

– Да просто. Вы же втроем все время ходите.

– Занят он! – Дрон уже вытянул руку с пистолетом и целился в Тошу. – Ссышь?

Тот только трясется. А я думал, Дрон самый нормальный у нас старшак. В лицей же его собираются отдать. Так, наверное, учится хорошо.

– Тут взрослые увидят, – предупреждаю. – Отберут.

– Че мне твои взрослые, – Дрон продолжает трясти Тошу направленным пистолетом.

– В натуре, Дрон, пошли за будку, – Холодец положил руку на пистолет и надавил. – Батя дома?

– Ага.

– Отдайте, чикат, а то я Катьке расскажу, – Денчик и угрожал, и канючил одновременно. Но он-то старшаков никогда особо не боялся.

– Ладно, пошлите, постреляем и отдадим, – Дрон вытащил магазин из пистолета. Посмотрел че-то и обратно засунул.

– А нам-то дадите пострелять? Мне потом в путке патроны, что ли, доставать? И так мало, – донимал Денчик.

– Посмотрим. А сколько стоит?

– Сотку, – ответил Юрчик.

Чикат себе денежки! И странно, что богачи-то наши не сказали, что им домой надо, темнеет же! А нет, идут молчат. А я поймал какое-то придурковатое настроение.

– А че, сигареты есть? – Холодца спрашиваю.

– А че?

– Да так, закурить.

– А ты че, куришь?

– Нервы.

И они с Дроном как рассмеялись!

– На, держи, – он вытащил синюю пачку Петра. – Жигу надо?

– Ага, – я вытащил сигаретку и зажал ее между зубами. Вроде не ментоловая. Взял зажигалку. И что делать? Ну, я видел сто раз как закуривают, но на самом деле это так неудобно было: сигарета как-то криво повернулась, как у придурка, который курить не умеет, руки не складывались в такой колодец, чтобы от ветра защищать, еще и таращатся все на меня. Щелк-щелк, че не разгорается-то?

– Давай я, – Холод, добрый человек, взял зажигалку и поджег нормально. – Втягивай.

И я втянул. Лишь бы в затяг вышло, а то буду беззубый ходить, как друг Степиного брата.

– Держи! Не выдыхай, – Холод еще и смеется, а что держать, я только живот втянул, типа вдохнул. В горле запершило горьким, и тогда выдохнул. Но дыма не увидел, но может из-за сумерек.

– Давай еще, а то погаснет.

Ну я и еще затянулся, даже кончик сигареты раскраснелся, как и моя рожа. Я, конечно, не видел, но знаю, что когда так горло спирает, лицо надувается, то оно краснеет. Не выдержал – закашлялся.

– Молорик, потом сигареты у тебя стрелять будем, – заключил Холод. – Че, Денчик, поставь бутылку на трубу, не впадлу.

А у нас много всяких бутылок валялось под трубами, это правда. Я подумал, а вдруг отец куда-нибудь через двор поедет и увидит нас за будкой.

– Паха, будешь?

Он посмотрел в сторону своего дома: из его-то окна все видно, хоть, может, сейчас и не разобрать, кто из нас кто. Но и моим родителям сказать могут, что кто-то из нас курил.

– Да не ссы, – говорю как бы ему, но и себе. – Че будет-то?

– Нет, спасибо, – вежливо отказался он.

– Денчик? – он как раз вернулся от труб, и мы подошли к будке, чтобы стрелять с ее расстояния. Чтобы Дрон с Холодом стреляли. Но тот тоже отказался. Не поддержали меня, кинули, а я уже еще несколько затяжек сделал.

Пистолет звенел пружинкой при выстреле. Как-то не заметил этого в комнате, хоть там и звонче должно было быть. Ни Дрон, ни Холод не попали за несколько раз.

– Дайте нам-то пострелять, – потребовал Денчик.

– Потом, – отмахнулся Дрон. Он как-то будто запыхался, согнулся и руками уперся в колени. Паха же и остальные богачи стояли, спинами прислонившись к стене будки.

– Да че вы, дайте, в падлу, что ли? – я с трудом докурил сигарету, и мне было дурно и придурковато. – Вы настрелялись уже.

– Ты че, мелкий?! – теперь уже Холод направил пистолет, и теперь уже на меня. – Че такой борзый стал?!

– Убьешь меня – посадят! – говорю, и мне бесконтрольно смешно. Весело. – Потом, – я пытаюсь остановиться, замолчать, успокоиться. – Замайкают под шконкой. – Я не хотел, не хотел говорить, я даже не знал, что это все значит, че за шконка еще, просто слышал, что так делают в тюрьме, просто смешно, просто обидно и по-дурацки.

А Холодец ко мне быстро подошел, рукой на моей груди к стене прижал и такой пистолет ко лбу. Ну уже не так смешно было. Даже страшно, я бы сказал, но будто не по-настоящему все равно.

– Знаешь, что с тобой за такие слова могут сделать? Знаешь? Тебя самого под шконкой потом, или вот сейчас в заставу тебя отведу, узнаешь.

– А почему в заставу, а не плиты? А, они же закрыты – я не видел, че остальные делают. Мои глаза самовольно тарасились сквозь темноту в Холодца. Наверное, стоят, держат Дрона, чтобы мы один на один были. Друзья же.

– Че?

– На плиты дверь поставили, видел?

– Чикат, ты в путку лезешь, – он взял меня за ворот кофты, и повел куда-то. Ну как куда-то, в заставу, наверное. Что-то никто из парней его не останавливал, наверное, думают, что я сам ему сейчас под руку нырну и вертушку сделаю, как тренер учил, как раз на ход ноги. И чет пока думал, так и сделал. Ну как сделал: закрутился вокруг руки, своей рукой ему в ногу вцепился, что Холод даже споткнулся, выронил воздушку и упал на колени. А я лбом обо что-то ударился. Освободился, но не побежал, как надо бы, а поднял пистолет и протянул ему. Он резко выхватил и поднялся.

– Ты че?! Ты че?!

– Да ладно, начикатил я чего-то. Мир?

– Майкай отсюда! Дрон, ты че там? – мы оба посмотрели в сторону парней. Дрон все стоял в той же позе, склонившись к земле. Остальные стояли как-то, в темноте особо не поймешь. Мы подошли к будке хоть, конечно, мне вроде как и надо бы было смайкаться.

– Отдай пистолет, – уже больше канючил, чем угрожал Денчик.

– Да на, – Холод отдал его даже не смотря на него. – Дрон, ты че.

– Ща, – Дрон как бы подавился, а потом из него потекло. Ну вырвало его то есть. Мы уже не стали следить, а побежали в сторону лазилкок. А потом Денчик говорит, пойдете ко мне, а то опять подойдут. Ну мы пошли. Я думал, сейчас все будут восхищаться, какой я крутой, но как-то никто ничего не говорил об этом.

– Давайте в дурака? – предложил Денчик. – На щелбаны.

Все поддерживали, я тоже не стал рыжеть. Но как-то особо весело не было. Через час Тоша с Юрчиком отправились домой. Мы пошли смотреть с балкона у Денчика, не поймают ли их старшаки. Но тех вроде уже не было во дворе, а если их поймают за домом, то мы и не увидим, и будто этого и нет, значит.

– Ссыкунишки у тебя новые друзья, – начал я. – В тряпочку молчали.

– А ты не молчал? – не в тему сказал Денчик.

– Я-то не молчал. Че, не слышно было?

– Да уж лучше помолчал бы.

– Тогда бы ща ждали, пока Катька пистолет принесет.

– Это правда, – подтвердил Паха. – А могли бы и застрелить нас.

– Да кого бы они застрелили, – уже не верил в минувшую опасность Денчик. – Ничего бы они не сделали. Только выпендривались больше.

– Так че ты им не сказал? Помог бы мне? Или ты как эти два ссыкуна, трусишки намочил?

– Да че ты примайкался к ним?

– Тише, у тебя мама дома, – успокаивал Паха.

– Че ты примайкался к ним, – Денчик повторил шепотом. – Вечно кого-нибудь чикатишь, когда их нет, постоянно.

– А ты че, не чикатишь?

– Не чикатю, только ты когда начинаешь, и то так просто.

– Ага, а когда меня нет, ниче ни про кого не говорите? Да?

– Нет.

– Вообще-то не говорим, – вступил Паха. – Это у тебя какая-то черта плохая. И на Дюшу тоже говорил, хотя он даже умер уже, все равно говоришь.

– Ага, и про Дюшику и про Паху. И я знаю, что и про меня говорил!

– А вы-то про меня не говорите!

– Нет! – двойное.

– Ну и сидите тут, такие правильные, – я вышел в комнату и попытался в коридор обуться. Там встретил маму Денчика. – До свидания!

– Домой уже? Родителям привет!

Я присел, всунул ногу в кроссовок и подложил палец под пятку, неприятно протер его, пока совывал ногу. Повторил для второй обувки. Денчик с Пахой вышли в коридор.

– Пока, – бросаю и сразу отвернулся, чтобы открыть дверь. Потом еще одну открыл и посккал по лестницам в темноте. Не говорят они про меня, как же, добренькие ходят, а от Холода спасти не хотят, такие вот они друзья, это я плохой, что помочь пытался, что мне вообще надо было стоять, молчать в тряпочку. Пускай дружат со своими дрожащими богачами, наверное, в коммерсанты решили податься, будут оба богатые, ну и скатертью дорожка, а я по нашей бедняцкой тропке пойду и не буду больше с ними разговаривать, не буду мешать им дружить с такими же ссыкушами.

17. В последний путь

Бабушка выздоровела, но умерла. Апрельница она, получается. Чуть-чуть до дедушки не добралась.

К нам неожиданно приехали отцовские напарники и забрали его. Я-то обрадовался, хотя у меня секретных от него дел нет теперь. Только телик зырю. Но хоть спокойнее – никто не обидится неожиданно. И про отца киллера дочитал, хоть оказалось, что там ни киллеров, ни расследований нет. Лучше бы и не читал. По телику был какой-то концерт: всякие глупости пели про любовь и девчонок. Я заметил, что у певцов и певичек в ушах какие-то маленькие штучки. Спросил у мамы, че это. Она сказала, что это наушники, и им слова через них говорят. Тупые, даже запомнить свои песни дурацкие не могут, а мы тут Пушкина с Тютчевым учим, и ничего. Еще и под фонограмму поют. А через час отец вернулся злой. Нашли бабушку у подъезда с пробитой головой, как будто в стену дома толкнули. Ключей, кошелька нет. В квартире двери настежь. Кот и синие книжки на месте, а вот телевизор, магнитофон, цепочки всякие золотые пропали. Шкафчики перевернуты, тумбочки открыты – видимо, искали бабушкины сбережения денежные, так и не нашли. Отец уже потом из вентиляции на кухне вытащил: все в мешочке полиэтиленовом. Чего не догадались туда залезть – непонятно. Видимо, были под

кайфом. Я даже подумал, что это месть за слежку за наркоманами, но отец сразу решил, что это те два алкаша, которые ко мне зимой пристали. Вот сейчас и ищут их, точнее, пытаются понять, кто это был. Мы даже поехали с дядей Сережей в милицию, чтобы фоторобот составлять. Я-то вообще не помню, как те выглядели. Сказал только, что у них лица мерзлые были, и чуть не заплакал от того, что не могу помочь, но взял в себя в руки. И отец толком не мог их вспомнить и злился. Там дядя Сережа его успокаивал, говорил: «Гена, соберись, мы еще по домам квартирам пройдем, расспросим жильцов. Пошли с нами», а на своих подчиненных кричал, чтобы они разобрались, что у них старушек средь бела дня убивают, а они ничего сделать не могут. Отец взял отгулы и пошел сидеть в бабушкиной квартире и пить водку с дядей Сережей, пока та лежит на столе, остывает.

Мы пришли с мамой третий день и увидели, как на кухне за столом сидя спит дядя Сережа, а Валентин трется об его ногу. Кушать хочет, наверное, дурацкий неигривый кот. Вот че он не мог бабушку защитить. Как бы вцепился. А сейчас хоть бы уж и убежал, зачем такой бесполезный нужен. Ну же Валентин – сбеги, а то еще к себе забрать придется, будешь шипеть на меня по ночам.

К нам вышел отцовский брат: приехал все-таки из Москвы. А за ним и сам отец. Я заметил, как они похожи: щетинистые, с утомленными хмельными глазами.

– Держи, племян, – дядя Коля протянул мне киндер-сюрприз, и когда я оспасибил его и взял подарок, положил мне руку на плечо. – Вот только по таким поводам теперь и видимся.

Они обнялись с мамой, и мы прошли в комнату. Бабушка лежит молчит. И все молчат. Мне хотелось быть грустным, но я как будто не был. На самом деле хотелось, чтобы поскорее все закончилось, потому что помнил, как все долго было на дедушкиных похоронах. И никого моего возраста, чтобы хоть с кем-то говорить. Дядя Коля своего сына не привез, хотя тот все равно совсем еще мелкий.

Взрослые говорили коротко и в пустоту. Мама пошла собирать бабушкиных подружек и рассаживать их в автобус. Сейчас дядю Сережу разбудим, и он вызовет своих подчиненных, чтобы помогли перенести бабушку в автобус, а то родственникам нельзя. «Почему нельзя?» – я шепотом спросил у дяди Коли, надеясь, что отец не услышит очередной наверняка тупой вопрос. «Правило такое», – ответил он мне.

Я еще осмотрелся, а на шкафу мои рисунки подарочные стоят. Вот так, их-то не украли, а теперь стыдно, увидят другие. Мазню эту мерзкую. Солнышки-грибочки. Что я там последнего накалякал. Ее и накалякал: два кружочка коричневых, ножки, ручки, седые волосы. Она так смеялась, обрадовалась. Но солнышко желтое, небо синее и трава зеленая тоже были, как и на всех рисунках.

– Коля, не стой над мамой, тяжело ей, – отец окликнул дядю, когда тот засмотрелся на что-то у стола. Да, если над мертвыми стоять, то им тяжело. А им надо наверх, как гелиевым шарикам.

Пришли мужики. Дверь не закрывали, и началось какое-то шастание туда-сюда. Дяди Сережины подчиненные принесли специальную крепкую подкладку типа простыни, подложили ее под бабушку. Отец так еще наблюдал, говорил, аккуратней-аккуратней, будто бабушка распадется. А мужики схватились за четыре угла. Ну каждый из них за один угол, конечно.

– Что, парни, взяли? Давайте.

Бабушка, провисая в подкладке и немного покачиваясь, понеслась из квартиры на выход. Мы с дядей Колей и отцом пошли следом. На улице тепло, и тут на районе уже зазеленело чуть-чуть. У нас-то в Калининском и Шадринском вообще вроде нигде деревьев не было, а так бы мы делали на них шалаши и лазили как обезьяны. А тут и пруд есть, куда к лету прилетят лебеди, и вообще тут все как будто другое, яркое, даже зимой. Я вспомнил про салюты.

Мы сели в автобус через открытые задние двери, и отец захлопнул их за нами. Там уже сидели всякие старушки, да и дедушки были, и чуть помоложе люди, ну как обычно. Бабушку положили

на специальные носилки на колесиках, как в больницах, и обвязали ремнем, чтобы не спала с них. Ну и два мужика по разные стороны держали их. А то мало ли что: укатится бабушка обратно домой. А дедушку тогда прямо на пол положили, но там мы в кузове газельки ехали и только семьей и теми, кто подкладку таскал.

Одна из бабушкиных подружек начала спрашивать: а что мы в центральную-то везем отпевать, она же в Лебедево хотела, в родной церкви. Мама начала ей объяснять, а потом и спорить, что в Лебедево этом попы такую сумму запросили за отпевание, будто у них не похороны, а вечеринка для коммерсантов и депутатов, и вообще в центральной красивше. Автобус тронулся, и за нами еще две машины милиционерских двинулись: там дядя Сережа и еще кто-то из не влезших со всеми.

Я отвернулся к окну. Мы выехали со двора на проспект и до площади, и за ней уже центральная церковь, недолго ехать. А тут еще одна старушка заохала, показывает на бабушку, а там Валентин, оказывается, как-то в автобус тишком прошмыгнул, из-под сидухи на бабушку запрыгнул и теперь выгибается подковой, зевает тягуче. Ну кот, ну дает! С хозяйкой хочет! Преданный такой! Вы его возьмите, не закопайте животинку!

Автобус остановился у забора при церкви, пшикнув боковыми дверями, и этот дурак в белой манишке сразу рванул наружу. Я через мамины коленки за ним. Ну куда ты?! Он еще от церкви в обратную сторону сиганул, где тропинки с кустами цветов фиолетовых, и Валентин в эти кусты и улизнул. Я вот встал, смотрю на цветочки, и что-то так горло сжало, придушило немного, и затрясло вверх-вниз, в разные стороны, обидно, что вот он, кот дурацкий, убежал. Убежал, убежал, убежал. В последний раз я заплакал, обещаю.

Когда я вернулся к остальным, отец ничего мне не сказал, мама притянула к себе за плечо, дядя Коля потрепал волосы, старушки причитали от жалости ко мне и от того, что кот утек. У входа еще стояло несколько человек – они сразу к часовне подъехали. Какие-то наши родственники, помню еще с дедушкиных похорон. Вообще, у нас было много всяких тетя-дядя, двоюродных-троюродных, но в обычной жизни мы с ними как-то не общались. Только вот по таким событиям.

На отпевании надо стоять, держать свечку и повторять слова. Долго и скучно, как и все остальное. В конце мы пошли целовать бабушкин лоб и креститься. Мама мне шепнула перед этим, что в последний раз я бабушку вижу, потом завернут в подстилку окончательно, и все. А отец сзади шел и приподнял меня, а то так-то я бы и не дотянулся. Надо, значит, посмотреть на прощание, запомнить, но быстро, а то папа психанет. Спокойная, морщинистая. Крестик в руки дали, на лоб картинку наклеили. Так-то ничего и не изменилось. Вытянул шею, поцеловал в бумажку на лбу, потом, как на землю поставили, перекрестился.

Когда все закончилось, мы снова переместились в автобус. Батюшка теперь тоже с нами должен поехать, но его усадили в машину. Не в какую-то, а в иномарку, у которой значок буквой, которая как змея, не помню, как называется. Это у троюродной отцовской сестры, тети Любы – она какая-то главная у нас в мэрии, но не мэричка или как там. А вот я задумался...

– Мам...

– А?

– А где твои родственники?

– Они в другом городе, ты же знаешь.

– Просто никогда не видел. И твою маму.

– Она давно умерла, тебя еще не было. Смотри, супермаркет строят, – она тыкнула в окна, и за ним действительно что-то строили. Длинное здание на два этажа. Потом там будет много магазинов, как Сибирогорске, правда, я не видел там таких на соревнованиях. Но, наверное, где-то и в правду есть, что там с тележкой ходишь и продукты берешь, как в Америке. А пока я призадумался, мы уже подъехали к кладбищу. Оно у нас в такой роще, где березы-березы, а потом ворота.

На улице жарко, аж нос чешется, и деревья вокруг не спасают от солнца. Отец и дядя Коля все пьяней. За воротами унылые ржавые ограды при могилах, от которых тоже будто жар идет. Наверное, если водой брызнуть, то пар пойдет, как в бане. Нас мужик встретил, и мама с ним заговорила – сторож он. Повел нас на место, где дедушка лежит. Когда уже подошли, я отошел почитать надписи на могилах, пока готовятся вытряхивать.

За оградками лежат молодые и старые, даже меньше годика некоторым. То есть, это когда легли, они были такие. Вот этому младенчику Саше Коновалову уже бы десять лет было, почти как мне. Нашелся красивый черный памятник какого-то крутого. На нем мужик в пиджаке и с сигаретой, еще и в полный рост. Подпись у него про то, что нужно два любящих человека, чтобы родиться и только одна паскуда, чтобы умереть. Что не забудут Алика и отомстили за него уже, и пусть он спит спокойно.

Я нащупал киндер-сюрприз в кармане. Он растаял и смялся, ну хоть в джинсы не вытек, а то был бы как... в шоколаде. Я положил его на скамейку рядом с оградой для крутого. На, поешь там.

Меня не потеряли, да и я не потерялся. Все равно пока все были заняты причитаниями да слушаньем, как батюшка бормочет. Два мужика, которые помогали бабушку носить, встали с подкладкой на краю. Священник их перекрестил, и они бабушку вытряхнули. БУМ. Подкладку сверху. Теперь она ведь не подкладка получается, а накладка, но все равно так называют. Отец с опущенным лицом, смотрит вниз в яму. Когда дедушку хоронили, он не такой грустный ходил, стоял, сидел. И дедушка веселый был, и теперь они будут с бабушкой вдвоем веселиться. Танцевать и радоваться.

На обратной дороге старушонки еще раз посокрушались из-за побега Валентина, сказали, что, может, еще вернется на старое место, там же рядом. Я подумал, что вот у бабушки зеленый такой двор и квартира пустует теперь, получается. А у нас-то нет дома, если так вот подумать. Зря я, что ли, молился. Спросил у мамы про это, ну то есть, а кто теперь у бабушки будет жить? Мама зашепталась, что пока непонятно, что папа с дядей Колей будут решать, что стыдно такое спрашивать, бабушка только умерла.

Так и приехали к столовой, где и свадьбы проводят, и поминки. Правда я никогда не был на свадьбах, знаю только, что там все пьют, и можно самому напиться, и никто не заметит. А сейчас бы я лучше с Саньком и Степой в заброшках сидел, может даже бы попробовал еще раз покурить, ведь это расслабляет, а я напряжен. Очень напряжен. И почему похороны на выходные попали, даже школу не пропустил из-за них.

В столовой нам уже накрыли столы, мама и тетя Люба начали рассаживать всех старушек и дедушек. Меня усадили с еще одной сколько-то юродной сестрой, уже скорее тетей, толстенькой, но помоложе остальных, может лет двадцать ей, и мужик с ней тоже был – ее муж. Привязались ко мне: сколько лет, кем станешь, девочка-то есть уже, жалко бабушку? Я поугукал пару раз и замолчал, ждал, когда уже мама сядет, чтобы все отстали. Тань, расстроенный он у тебя, не говорит с нами. Ну так, а какой я еще должен быть – похороны, они для расстройств!

Началось. Батюшка встал на сцену с микрофоном, чтобы все его видели, и начал говорить, что давайте, проводим рабу божью Елену, ну бабушку, так ее звали, помашем все ей наверх и попросим, чтобы она взамен себя нам радость вниз отправила. Все мы наверх в потолок посмотрели, рукой помахали, а потом он нам слова специальные старые, как в молитвах, надиктовал, а мы повторяли. Ну вот и все, тетя Люба вышла к нему, денег пачку вручила и повела провожать. Теперь можно и поест наконец-то.

Кормили вкусно. Особенно булочка сладкая с компотиком. Да и пюре с рыбной котлетой есть можно было. Мама такие не делает, только в школе раньше пробовал. А взрослые еще пили водку, потом по очереди слова добрые про бабушку говорили и вспоминали всякое. Я боялся, что и мне придется при всех что-то сказать, но меня пропустили – не пришлось мучиться.

Тетя Люба вернулась и начала ругаться со своим мужем дядей Сережей. Вот такое совпадение: звали ее мужа как отцовского друга. Пока ее не было, он уже наклюкался. Отец с дядей Колей и дядей Сережей пошли на улицу курить, и куда-то совсем ушли, как мама говорит, буянить. Старушки и дедушки потихоньку исчезали. Сколько-то юродная сестра-тетя разговаривала с еще какими-то нашими дядями-тетями. А я сидел скучал. На свадьбах хоть конкурсы проводят, и музыка есть. А тут музыку только на девять дней можно, для радости. А сейчас грустите! Говорят, в старину люди сами песни пели тоскливые, но тут что-то никто ничего не поет.

Мама сидела с еще не ушедшими какими-то бабушками, и я подошел к ней, чтобы попроситься домой. Подожди еще, нас тетя Люба отвезет, я тебе ключи дам. Держи. Я рядом сел, терпел-ждал, когда уже, когда.

Наконец-то мама взяла меня за руку, мы подошли к тете Любе, когда они вроде уже затихли с дядей Сережей, и пошли к выходу. Там на крыльца тетя Люба закурила, говорит, подождите. А потом такая задумчивая говорит маме, не хочет ли она меня в лагерь на море отправить? В нормальный лагерь, куда и с металлургического итээрвцы своих детей отправляют, ну и из администрации города ездят. Она нам оформит. Надо с детства связями обрастать, а что, хочешь? – спрашивает у меня. На три недели из дома уехать, не хочу, конечно, но говорю, что не знаю. А мама говорит, что да, надо бы, и что она с отцом поговорит. В общем-то и поехали.

И уже дома, и чего мне, самому себе разогревать ужин, что ли, если есть захочу? Это как-то никто не подумал, но, наверное, родители-то приедут скоро, а пока можно и телевизор позырить. И сдался мне этот лагерь с незнакомыми богачами, какими-то итээрвцами. Еще вдруг утону на этом море, я плавал-то только на речке без акул всяких и медуз. Не хочу я, но не скажешь же это родителям. Отец накукуется, запыхтит, замолчит.

Мама скоро пришла, как раз чтобы ужин мне разогреть. Но я так и не захотел – наелся на похоронах. А отец с дядей Колей к бабушке, ну, точнее, к ней в квартиру пошли. Наверное, делить будут, пить на кусочки. Непонятно это, но мне бы хотелось там где-нибудь жить, где уже зеленые деревья, хоть и чуть-чуть.

18. Потеря бойцов

Первомайским утром мы с отцом пробежали кросс в лесу. Приехали на машине, вышли и побежали, ну а потом обратно, потные. Говорит, вот у всех пьянка, первомай и второмай, а мы спортом занимаемся, надо тебе, то есть мне, начинать потихоньку. А то подойдут к тебе на улице, бить начнут, не скажешь же ты им «у меня почки больные, нельзя драться». Вот пробежали километров пять, наверное, немного, но с непривычки чуть не вытряхнул эти почки вслед за легкими. А потом еще на опушке поделали упражнения: отжимания, прыжки и всякое такое. Еще отец решил меня учить уклоняться от ударов. Показал, как в стойку вставать боксерскую, и начал, как он сказал, «кидать» мне руки в голову. А мне надо было уходить по-всякому. И тут я уже боялся. Не того, что он меня ударит, а то, что здесь можно сделать что-то неправильно. Все-таки бегать и отжиматься неправильно не получится, даже если очень захочешь, поэтому отец и не ругался. А тут... Но пронесло. Но как это почки-то мои спасет?! Они же не в голове.

Вернувшись домой, мы помылись-покушали, и он повез меня на тренировку. Не то чтобы опять на тренировку куда-то, а в секцию. Сегодня в честь праздников парни играют в футбол, а потом Иван Петрович в тренерской тортом угощает. Так каждый год было. Ну, в прошлом точно было, а до этого я не ходил, но, наверное, тоже торт ели. Ну и отец говорит, чтобы сходил к па-

цанам, поздоровался. Я и не против, если бороться не надо, то очень даже может быть весело. Я бы даже и в качалку бы ходил. Там же не проиграешь никому.

Ну вот, значит, мы выехали от дома на улицу Багаутдинова, проехали мимо перекрестка, который на торговый центр ведет, а на втором перекрестке на Шестакова свернули, пару домов проехали, и вот уже пятина, в которой секция находится. Только во двор еще завернули ко входу. Минут пять всего ехали, а мне пешком топать дворами почти полчаса надо было.

Приехали, а двери закрыты – значит, еще в футбол играют. Пошли на поле третьей школы, вот там и бегают. Всего восемь человек вместе с тренером. Встали с отцом на кромке, и Иван Петрович подбежал, нам обоим руку пожал.

– Ладно, – кричит остальным. – Закончили.

Серега руками перехватил мяч в полете и подбежал к нам поздороваться. Остальные тоже за ним подтянулись. Ну там Толя, Чижик, Антоха и все прочие. Гильермо только не было чего-то, че он, прогуливает тренировки, что ли. Ну я и спросил, а что, где Гильо. А Иван Петрович только сплюнул, типа не знает, и пусть будет где хочет.

Ну я вперед с остальным побежал, пока тренер с отцом сзади разговаривали. Спросил у Сереги, что случилось-то.

– Да он на разборке руку сломал. Ударили ли арматурой или чем-то, а он прикрывался. Ну и кость на кусочки рассыпалась. Ему штырь вставили, и теперь бороться не сможет профессионально. Ну Ваня забетонился в край. Гильо приходил, так тот его выгнал, типа чикат ему тут делать. Вообще злой был.

– Пряма реально штырь в руке? Это как?

– Вот так! – это Чижик рядом подпрыгивал с рукой вверх. – Может стену ударом сломать!

– Да не путкай тут, я серьезно спрашиваю.

– А я тоже больше не буду заниматься. Мне мама запрещает, – будто хвастается. Мне вот даже стыдно, что не буду заниматься больше, а он радуется! – Бойтся, что тоже что-нибудь сломаю. Особенно уши часто в борьбе ломают. Будут кривые, как у Ивана Петровича. А ты че, тоже больше не будешь ходить?

– Да, застудил почки, и нельзя перенапрягаться много, ну и чтобы роняли, нельзя.

Ключи от зала были у Сереги, поэтому мы вошли, не дожидаясь тренера. Пацаны в раздевалку переодеваются и в душ там. Я тоже за ними, сел на лавочку.

– Че, опять со мной зажал поздороваться? – это Толя ко мне подошел, в трусах уже, с полотенцем на плече. Так я же вроде здоровался. Нет, не здоровался. Ну ладно, потянул ему руку, мне не жалко. А он как сжал мне руку, что меня аж согнуло, и я с лавочки сполз. Было и больно, и смешно.

– Да все-все, – умоляю и смеюсь.

– Да не надо так кланяться, – он выпустил руку. – Все свои.

А я, когда разогнулся, на носки привстал, шлепнул ему по щеке ладошкой и испугался: что сделал-то. Так он сразу раскраснелся, начал кудахтать, что ща майканет меня, что я вообще опорел. Только Серега его прибетонил, чтобы тише был, а то ща Гена его самого намайкает. Я подумал, что можно, надо бы извиниться, а тот уже в душ ушел. Ну и ладно, че он мне. Перед Гильо или Серегой я бы извинился точно, они так-то раньше меня тоже могли задирать, но не так обидно, и вообще, они – нормальные пацаны.

Сидел дождался, пока все помогутся, и зашел отец: сказал, что он поехал, а домой я сам доберусь. Еще чуть-чуть подождал, словил Толин злобный взгляд, когда он вернулся, а потом уже забурились в тренерскую всей толпой. Там диван один красный дряхлый, столик маленький, одну лавочку из раздевалки принесли. А так кубки, медали всякие, фотографии, где и тренера молодого можно увидеть, и моего отца на общей фотке. Они же тут и занимались со старым тренером.

Тортов было два: вилетовый, с курагой наверху, и белый с кремом. Пластмассовый электрический чайник вскипел, и Серега стал разливать воду по чашкам с чайными пакетиками в них, пока тренер резал торты. Ну вот и пока резал, спросил меня, че я теперь как я буду без борьбы, чем-то другим займусь. А я не знаю. Учиться буду, гулять по улице, и, как говорится, собирать бычки. Кто-то даже посмеялся над этим. Мне понравилось. А еще говорю, в лагерь летом поеду связи заводить на море. Все опять посмеялись про связи, а я ведь серьезно, как тетя Люба и сказала.

Тренер говорит, вот уходят все, один в бандиты подался, другой в солдаты, не стать ему, ну Ивану Петровичу, тренером международного класса. Вот у его-то тренера, и тренера моего отца, только один чемпион Союза был, то есть он, опять же Иван Петрович, а у него, Ивана Петровича, видимо уже не будет чемпиона страны в подопечных. Ну он и как-то с наездом говорил, непонятно на кого, будто даже на меня. Что, я бы стал чемпионом России, что ли? Уж точно нет. Но я только вспомнил, что Серега собирался в Суворовское, и спросил, взяли ли его уже.

– Нет еще, документы в конце месяца в Сибирогорск повезу.

– Да возьмут, – тренер как бы и подбадривал, и как бы злился. – И по характеристике, и по оценкам, да еще все же какие-то результаты есть. Им в команду-то по борьбе надо людей, там же совсем нулевых не воспитаешь сразу чемпионами. А тут уже подготовленный борец. Нате, распишитесь. С олимпийских школ к ним, понятное дело, не пойдут: у тех-то все в ажуре и так. Вот им за таких как ты цепляться нужно. – Это он уже Сереге в конце.

– А вы тоже в олимпийском резерве были? – это я просил, интересно стало.

– Ага. После того как чемпиона Союза взял. Но там не сложилось особо. Вот, вернулся к Павлу Сергеичу...

Ну и тут он что-то начал рассказывать-рассказывать, я даже знал половину из этого, потому что и отец про этого Павла Сергеича и их тренировки рассказывал. Но вот так мы посидели, что уже вроде как всем и неловко стало, и люди начали разбегаться. То есть говорить, что вот уже надо идти, мама ждет, ща к бабушке поедем, надо к контрольной готовиться, на день рождение бежать, ну и я тогда тоже пойду.

– Ага, – говорит Иван Петрович. – У тебя отец-то больше не придет?

– Я не знаю, – а действительно, что ему приходится, меня-то больше мучить не надо. Он на пробежках теперь этим заниматься будет.

Ну что, обулся да пошел. Ну попрощался еще перед выходом. Бросили все тренера, а что поделать, пусть детей заводит и их бороться учит. А я вот пойду между домов, а потом к школе через поле футбольное, и там еще за дом и на плиточную дорогу к общежитию. Только вот у этого дома козырек над входом в подъезд, и там как раз Толя стоит, семечки грызет, да плечом прислонившись к трубе, что козырек держит. Еще и какие-то пацаны с ним. Ну ладно, стоит и стоит, мне-то че, мы с ним не друзья, пройду мимо, на крайняк рукой махну, типа привет, виделись уже. Но нет, он такой: Эй, мелкий, подь сюды! И как-то вот неприятно на душе, стремак какой-то. Он-то возрастом как Серега и Гильермо. И ростом. И два пацана рядом с ним такие же.

Но подошел, а что делать, не бежать же. Как-то странно будет.

– Ага, че?

– Че-че, куда спешишь?

– Домой.

– А батя где ща?

Эти двое как-то смотрели безразлично. Они даже о чем-то своим стали говорить.

– К друзьям поехал. Ладно, я пойду.

– Постой.

Я стою и думаю, что эта дылда рыжая и розовощекая вроде же просто приколист, не крутой. Че он до меня докопался.

– И чего, ты ходишь так борзо? Не боишься, что местные бетонку устроят?

– Да не, я ж тут на тренировку. Как мне по-другому.

– Парни, вас бы устроил такой ответ? Какой-то мелкий на тренировку ходит не в своем районе.

Те-то двое будто только и обратили на меня внимание, и им даже лень сказать что-то было: не поддерживали они Толю. А я решил быстренько объяснить, что сейчас-то уже особо никто и не спрашивает, кто с какого района, это раньше так было, а теперь ушло, все подобрели. Хотя вот слово «подобрели» какое-то глупое вышло, даже детское, понятно, что никто не подобрел, а вот почему-то никто к нам ведь не лезет, что мы ходим в школу в чужой район, вообще из-за этого никогда проблем не было, никто не нарывался, а тут Толя нарывается. Ну я вот и добавил, что и хожу в школу не в свой район, и ничего. А он говорит, что его и не волнует, что там в других районах, а вот здесь у них за такое спрашивают, и что надо тогда пояснить, что я здесь делаю. Будто он не знает, что я здесь делаю, я так ему и говорю, ты-то, что ли, не знаешь. Он-то, говорит, знает, а вот парни не знают, давай объясняй. Да не буду я ничего объяснять, забетонил уже! Даже и страшно не было, сказал и сказал, че этот Толя, вообще кто он, поди, как Банан у этих двух пацанов, и выпендривается тут. И я даже уже и на парней смотрю этих, спрашиваю, типа давайте я пойду. Они такие даже без слов рукой махнули, мол, я тут вообще не нужен, могу валить. Ну все, пока, говорю, приятно познакомиться, развернулся, и тут меня как толкнуло в трубу, которая козырек держит. Аж лбом припечатало. Не то чтобы сильно, но неожиданно. А потом еще и загнуло меня у шеи. На, под гузно! На, под гузно! Кричит так четыре раза, и так больнехонько прилетает под это самое, не знаю можно говорить или нет, хотя я ведь теперь матершинник, значит можно. Гузно-гузно-гузно. Еще подумал, что я ведь давно не отмаливал мамы, все, теперь-то в ад, и бабушка смотрит недовольная с неба, тычет в меня пальцем. Ну извини, бабушка.

Я вырывался-вырывался, но безуспешно, только локти к почкам пытался прижать, а то вдруг по ним попадет. Зато он сам меня выпустил, когда надоело. Ну, я и рванул подальше. Толя вслед кричит, чтобы больше в чужих районах не ходил. А я бегу такой быстрее, чтобы уже отстал, и так-то много пробежал на самом деле. Такой сегодня день беговой. И тортик тошно и горько приподнялся к горлу. Встал у общаги запыхавшийся. Думал, что все обратно выйдет, как у Дрона у будки, но не вышло. Пошел до светофора. Сейчас перейду и во дворы к корту пойду. И думаю, вот, он просто шпала, понятно, что я ничего сделать не смог. Обидно, конечно, но ничего, ничего. Ну и главное, что все же не видно на лице никаких следов, царапин. Это я лоб ощущал на всякий случай. И значит, никто не спросит, и можно никому не рассказывать, а вот бы сейчас кто-нибудь попался, пусть постарше меня, но не как Толя, а как Дрон тот, с которым стрела была, вот вторым они мне здесь в переходе между садиком и домом выйдут, скажут, о, че мелкий, иди сюда, че есть мелочь, давай, выворачивай карманы, а то зубы тебе пересчитаем, чикат! Видишь? Видишь? Это один из них достанет ножик и такой начнет перед лицом водить. А я такой, не надо паники, молодые люди, давайте вы пройдете мимо, как будто ничего не было. Да мне же не жалко денег, только на что они вам, ведь все на наркоте спустите. Ты че, крутой, ты че, крутой?! И ткнет в меня ножом, а я увернусь ловко и ударю его по руке так, что нож выпадет, и как пну в коленку, а потом ладошкой в кадык, а потом как раскидаю и всех остальных. Привет! Привет! А ты чего тут? Так вот в музыкалку. Че там, скрипка? Да. У нас сегодня праздничный концерт и чаепитие. И не боишься в другой район идти? Не, почему? И чего, никто не трогает тут, что ли? Нет. Странно, до меня тут постоянно докапываются, но я сдачи даю. А ты вот сдашь? Так никто не трогает. Ладно, я пойду, мне еще порепетировать надо перед началом. Да стой-стой, че, нормально у Денчика на денюхе потусили? Ага. Я там вообще запутался от страха, а ты? Да, немного. Чикат какой был. Только обидно, что никто не помог, стояли все у будки, а меня-то чуть не застрелили, да? Да. А

чего не помог? Так... Что так? Не жалко меня, пусть убьют, типа я тебе не друг, да? За Денчика бы вступился, вступился бы? Или тоже зассал бы? Можно я пойду? Подожди, ты скажи, что меня не жалко, я плохой какой-то, да, что-то сделал не так, семья у меня бедная, лицо некрасивое, не то что у тебя, да, щечки красные, знаешь у кого еще красные щеки? Нет. Красные щеки... да ты не знаешь, а че они не белые, ты специально их мажешь? Ну я пойду. Стой, стой, получается, ты мне должен ведь? Что должен? Ну что я за вас тогда вступился, а так бы всех вас постреляли, там знаешь какие отморозки, им раз плюнуть. Что молчишь? А что сказать нужно? Ну спасибо скажи, вообще, мог бы тебя на счетчик поставить после такого. Они может нам ничего бы не сделали. Не сделали? Не сделали? Только меня бы вбетонили, а вам чикат, да? Тебе че, не страшно? А если я тебя ща намайкаю? А? Вбетону тут сразу? Не страшно? Не страшно?!

Ты вообще понимаешь, что ты сделал? Что ты своего одноклассника избил. С которым вы три года учились, и еще будете, если тебя по малолетке не отправят? Тебя кто такому научил? Дома у вас так вопросы решаются? Или решил на Барсукова и компашку его равняться? Ты ж спортсмен, вах там не учат в руках себя держать?

Я молчал. Да что там, пару раз шлепнул по лицу, кто ж виноват, что он такой неженка. На борьбу бы хоть походил, а не на скрипочке пикивать.

Наталья Владимировна, да он послушный у нас, просто стресс зимой такой был, вы ж знаете. Тут еще бабушка умерла недавно. Вот, видимо, и понесло.

Стресс – это не оправдание! Если сейчас каждый со стресса пойдет людей бить, так у нас гражданская война начнется. А если бы он нос сломал?!

Вы что его, так в классе оставите? Он мало что чуть Антона не покалечил, так и скрипку мог сломать. Мы бы точно в милицию пошли. Таким нельзя учиться вместе с нормальными детьми, нужно переводить в класс для таких же или даже исключать. Я поговорю с директором по этому поводу.

Инна Сергеевна, ну вы же понимаете – мальчики. Если всех отчислять, кто учиться-то будет? Да, лучше пусть тут тюремные порядки устанавливает. Наталья Владимировна...

Инна, ну поймите, он у нас учится-учится.

От учебы руки распускать не начинают, Таня! Сил не остается. Отдайте куда-нибудь его, что-бы после уроков занять.

Ну и мамка у Тоши, путка настоящая.

Тебе че, силу девать некуда, чикат?! На тренировки ходить не можешь, а какого-то копе-ла-слабачка побить, так это пожалуйста. Силу решил показать? покажу тебе силу. С этого никаких этих историй про почки! Будем заниматься нормально вместе. Мне теперь людям как в глаза смотреть. Этому я тебя учил? Или, может, Ваня тебе говорил такое? Че молчишь, глаза опустил? Посмотри? Ну, че скажешь?

Я не купился на эту ловушку, когда начинаешь объяснять, а он такой сразу «не оправдывайся!». Просто молчал, пока отец не сказал, чтобы я шел к себе и делом занялся. А ведь если подумать, а чему он меня еще учил? Хотел, чтобы я дрался и побеждал, так вот, я только и делаю, что побеждаю, только не на соревнованиях тупых, а в жизни. Хотел, чтобы я не боялся, так я вон и Толе по щекам вмазал, да и Холодцу ответил, не сдрейфил. Но только это ко всему этому и ведет: буду крутым, буду курить, буду мелочь отбирать, когда научат. Так и наркоманом стану – вот будет знать. Правда, мне было стыдно немножко, и в классе я пошел к Тоше руку пожать и извиниться без всяких напутствий от класспутки. Сам. А Степа

еще че-то посмеялся над этим, что будто я свою любовницу успокаиваю. Так я его припугнул, что втащу, и он и осел сразу.

И пошли боевые будни-путни. Если отец не на работе, то после школы бег, уклончики эти, да еще с ударами, он снова придирается, доводит меня до красных глаз, будто и забыл, что я могу взять и сбежать. Но терпимо: не молчит, не злится, может даже что-то и получается у меня. А вечером уже мама проверяет, прочитал ли я молитву на прощение у боженьки за Тошу. Теллик немного посмотреть можно: «Здравствуйте, вы смотрите новости на канале общественного российского телевидения...» А потом спать, и опять школа: с Саньком и Степой выбегаем на перемене, чтобы они покурили, ну и Банан тут же. А я не курю все же, и говорю, им, что мне после школы сразу домой надо, когда они и зовут с ними гулять. А там снова бег, снова задыхаться, отжиматься, уходить под руку, встречать удар своей рукой, бежать обратно и заминка на растяжку у машины. Ну и домой, чтобы уроки делать и читать молитву перед новостями на канале общественного российского телевидения. А как день без тренировки, так все равно не пускают гулять, хоть сто уроков сделай. Даже на девятое мая никуда не пустили, но там хоть у отца смена на весь день была. Сидел себе спокойно, читал синие книжки из бабушкиной квартиры: взяли парочку. Там про бедных людей, про нытиков каких-то, скучно. А Санек говорил, что они сегодня пиво пойдут пить. Еще как-то после уроков к Пахе по-быстрому заходил, ну просто, не знаю зачем, а он занят – в компьютер играет Пашка, пока его папашка-добряк покупает ему все штуки, какие сыночек попросит. Жизнь богачевская, а сам ни разу подтянуться не сможет! Ничего, у меня тоже будет компьютер. Вот заведу связи в лагере: родители уже снова про него говорили, платить ничего не надо, поеду на море на поезде потном, потому что летом там жара жуткая. Но главное, что связи заведу и сам стану богачом, только еще один день отучусь, спрошу у Стефановой списать, она же заучка. А она мне, че это я списывать стал, а я ей, а какое ей дело. Отучусь, пойду домой, ждать отца со смены и бежать, да вот лифт тормозит, кнопка с колокольчиком щелк-щелк. Я вас слушаю! Я вас слушаю, говорите громче! Застрял, застрял. Адрес такой-то, а дом такой и подъезд еще такой. Подождите сейчас вызову. И свет погас, кого она там вызовет, непонятно. Прошлым летом меня с Дюшиком отец с топором доставал. Ну, он топор сунул промеж дверей и раздвинул их. Дернулся лифт, зашумел, свет появился, и вроде доехал. Не вроде, а точно. Значит, уроки делать, бегать, молиться. И завтра тоже. А там после бега отец чет недовольный, и мне решил пожаловаться, что брат его, дядька мой, Коля, тот еще, но не договорил, кто он именно тот и еще, но денег у нас просит за квартиру, типа дележка, а зачем ему эти деньги за квартиру? Он маму свою, бабушку мою, в последний раз года два назад навещал, когда отец его, дед мой, умер. Вот же такой он сын! И опять не договорил какой. В Москве из-за лишней копейки удавиться готовы. Ну я почувствовал, что разоткровенничался он со мной, значит все уже хорошо, спросил, можно ли гулять пойти, а нет, нельзя, учи стихи. Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром... Садись, четыре. С выражением надо, с выражением! А уже не начало совсем, середина мая, даже чуть больше. Мама с отцом обсудили, у кого денег взять в долг на откуп дяде Коле: у дяди Сережи, конечно же. А я молиться, спать и в школу. Решил спросить у Денчика. Че после школы, че делаешь? Мы к Юре идем, и к нему больше двух нельзя! Да я и не собирался, мне нельзя никуда, вон, из-за этого! И в Тошу тыкнул небольно кулаком в печень, как отец учил, но только медленно и слабо, чтобы не разревелся опять. А потом домой и Пахе крикнул. Паха, выйдешь? Мне с братом надо сидеть. А сам в игры свои дурацкие рубится. А я чувствую, что вот она, свобода, сейчас все можно, отец на работе, мама вот пришла только. Можно я гулять пойду. Уроки сделал? Ага. До девяти, не позже. О, какие люди в Голливуде, Банан, уступи место уважаемому человеку. Счастье!

И прихожу домой веселый: мяч погоняли со старшаками, я там почти свой. Ну пусть и кличут мелким, зато никто не трогает, как к Саньку со Степой относятся. Да и кто тут мелкий, на года два

старше максимум все. Я, может, им сам всем вбетоню, если раз на раз.

И вот родители встречаются, я уж думал случилось что, а они такие, точнее отец такой: «Давай сама», и мама такая сама: «Вот помнишь, мы у бабушки просили, чтобы она взамен радость от-правила? Так вот, она нам ниспослала братика или сестричку. Еще не знаем точно, но скоро будет у тебя новый родственник». Ну у меня и у них. Вот так новости. А она продолжает: «И все дела с квартирой мы почти решили, будем, значит, вчетвером жить в бабушкиной».

– Ладно, – говорю.

– Давай на стол тогда накрывай, – а это отец говорит матери. – Жрать охота.

Я немного прикинул, что тут происходит. Беременная, значит, мама. Это когда живот надувается и там ребенок сидит, как и я когда-то сидел. Понятно, отец как-то говорил, что у Денчиковой сестры скоро живот набухнет, потому что она потаскуха малолетняя. Но это вроде как что-то обидное должно было быть, да и мама не малолетняя. Ну ладно, видимо, перецеловались, не успели за слюной, или как там бабушка это все устроила. Да мне чикат, если честно, лишь бы меня не трогали. Но вот Пашку-то трогают, чтобы с брательником возился. Тогда я заволновался, но смолчал. Если что, просто уйду из дома, летом-то все же проще на улице выжить.

19. Последняя молитва

Дописал я это заключительное сочинение и вышел в коридор. Девочки писали на тему «Кем я стану, когда вырасту», а мальчики – «Кем я стану, если вырасту». Сперва я хотел написать, что стану тем, кто снимает фильмы. Буду снимать их. Даже не знаю, как такая путкня в голову пришла, и вдруг так хорошо напишу, что класспутка вслух прочитает, и Степа с Саньком засмеют. Пришлось мучительно сочинять, чего бы такого начикатить в тетрадку. Солдатом я не хочу быть, какой тогда смысл вырастать, если все равно умирать на войнушке или еще где. И милицейским не хочу, потому что видел я их у себя дома – я бы их только нехорошим словом назвал, когда пьяные достают меня с вопросами тупыми. Охранником как отец только если. Ну отец крутой, может всем навалеть, я-то видел. Тогда можно и охранником стать. Про то и написал.

Вот, вышел, смотрю, Пауло трется рядом с Юрчиком и Денчиком, а те сидят на корточках. В фишки походу все еще играют, хотя кому они сдались уже, эти фишки. Я подошел, склонился над ними, но они вроде как не замечают. И вот Паоло тоже присел, достал Скайтера. Они рассчитались на кулачках кто первый: выпало как раз, что Паоло начинает, потом Денчик, ну и Юрчик будет третьим, если дойдет очередь. Тот кидает все три: Скайтера, Пиджета и Мьюту. Вот он замахнулся, чтобы отскок был сильнее, хотя тогда лучше бы от деревянного подоконника, а не от пола... бетонного. Чет мне смешно стало, что пол бетонный, ну как бы из бетона и бетонный. А тот как долбанет в этот в пол бетонный, так я сразу ногой на фишки и наступил от веселья. Пауло сразу вскочил, злое лицо скорчил: ты че? Ты че? А че? Че ты лезешь? А че ты из своей Аржентины приехал к нам? Иди у себя там играй. Юрчик с Денчиком на нас смотрят снизу, наблюдают. А я уже Пауло и толкнул, что он в стену отскочил и стоит там. А я тут же задумался, что зря я это, потом его братья придут, и даже немного осадил сам. Наклонился и взял лежащие фишки, которые никто так и не схватил.

– Так, Скайтер твой?

– Да! – ответил аржепутка. Ну я ему спокойно в руки и передал. Пиджет, значит, Денчика, я ему протянул, на, бери. Тот потянулся к руке, и я тут же ее назад убрал. – Ой, на вот, – снова протянул. Он снова купился.

– Да иди ты в путку!

Это он мне?! Это он мне?! Я взял и толкнул его двумя руками, выронив его дурацкого Пиджета на пол. Типа че он оперел совсем, такое мне говорить. Копел, чикат! Вот Денчик-то раскраснелся весь, затрясся от страха, а я трясся от злости, что мне такое посмели сказать.

– Че хочешь?!

Денчик молчал.

– О, че это у вас? – подошел Санек. – Драка? Бокс-бокс. – Он стал прыгать в стойке ту-да-сюда, непонятно против кого.

– Да так, импотент один майкается, – я успокоился и развернулся уходить, положив фишку Мьюту в карман джинс. Санек рассмеялся, и сам повторил еще раз «Импотент».

– Он еще и спидозник. Я бы с ним не здоровался с ним, а то мало ли, – пусть знает, как на меня нарываться. Но никто не обратил внимания на слова про спидозника. Ну и ладно. А Юрчик подбежал ко мне, спросил, можно ли ему его фишку. А я такой достал ее и Саньку отдал. Дарю. Хочешь, можешь отдать.

По лицу Юрчика было видно, что он уже не ждет ее обратно. Ну что ж, новую купит богатей. Санек вдогонку уже в коридоре сказал, что зря я на Паоло полез, у него же братья. Я согласился, сказал, что что-то нашло, но хоть фишку ему сразу отдал.

Матешу отсидел и пошел домой быстро, пока никто не заметил, хотя у нас общая фотка должна быть. Нас каждый год приходил фоткать один и тот же мужик, что-то все время подшучивал над кем-нибудь, чтобы рассмеялись или просто. Вставали, кто повыше – назад, кто пониже – вперед. Крутые на корточки садились, хотя класспутка на них злилась из-за этого, но ничего не делала. И я бы в этот раз на корточки сел и был бы крутой на фотографии, но зачем мне все это. Я уеду.

Раньше стоял рядом с Денчиком и Дюшиком... А не буду ни с кем стоять! Правда, родители уже и деньги на фотографию сдали, но может не вспомнят, у них сейчас дела. Только опять же если класспутка не придет.

А дома сегодня пир на весь мир. У бабушки сорок дней будем отмечать, потом еще день отцовских секретных войск, и будут его друзья с дядей Сережей. Все они в армии служили в одном полку или что там у них. Опять напьются и пойдут прыгать с моста в Сятву. Но главное, что, когда у нас собирались гости, отец всегда общался нормально и не злился. Ну и мама вкусно готовит. Ну попростают ко мне с вопросами, ладно уж, переживу.

А еще мы отмечаем будущий переезд. Наверное, родители все вещи перетаскают к бабушке, пока я буду в лагере заводить связи. Выеду из одного дома пыльного и белого, а вернусь уже в серый, но вокруг все зелено будет. Ну и новых друзей придется заводить так-то, это я что-то не подумал раньше. Ну и чикат, все равно сейчас у меня их нет. Санек, может, еще нормальный, а Степа меня бесит, если честно. Вот приеду туда, выйду во двор узнать, кто там самый сильный, и посмотрим. Только как бы уже к тому времени мой брат или моя сестричка не появились, возиться в пеленках придется, гулять с ней, с ним, с лялькой этой, а потом ведь и заступаться. Вот Паха сможет заступиться за своего брата, когда тот в школу пойдет? Нет ведь, играет в свой компьютер, где он крутой и всех стреляет, и отец его ничему такому не научит, только улыбаться и знает. А я крутой в настоящей жизни, я-то смогу заступиться, всем начикатю!

Как дорогу к дому перешел, я сделал двоечку в воздух и типа уклонился, а там наверх забрался и к подъезду, смотрю, Олежа стоит, а рядом с ним потаскуха малолетняя, то есть девочка с животом. Ну постарше меня, конечно, может, как Олежа возрастом. И у нее лицо недовольное такое, неприятное. Я спрашиваю его, чего как он, давно не видел, ни во дворе, ни в подъезде. А он какой-то неразговорчивый, нормально все у него, ну ладно, вошел в дом, а там Олежины

родители и еще какой-то мужик с женщиной по лестнице спускаются. Я им здравствуйте, как поживаете, да, передам приветы, ну и в лифт, пока двери не закрылись.

Народу собралось куча: там и с похорон тетя Люба с мужем, как будто они теперь даже дружат с мамой, ну и опять же отцовские два приятеля из армии с женами и дядя Сережа, но он один как всегда. И еще тетя юрист, которая там как-то с квартирой помогала. Ну и я среди них, точнее все же отдельно, на стуле сижу за столом, но они и сами на стульях, а кто на диване, и вроде как вокруг стола все расселись. Все шумней и веселее становится. Музыку включили, перекрикивают ее, разговаривают, курить начали, причем даже мама, совсем не скрываясь. А это значит, что напились все! Сейчас танцевать начнут.

– Игорян, давай, покажи ему как надо, – отец скомандовал своему армейскому другу, то же борцу. Он был как раз не очень высокий, может, головы на две выше меня. – Ну чего сидишь, давай, поборись с дядей Игорем. Покажи, чему за полтора года научился.

А что делать, не в первый раз уже такое. И в прошлый в день их секретных войск, про которые никто не говорит, как называются, мне приходилось бороться с дядей Игорем. И даже когда на тренировки еще не ходил, он меня уже учил приемам. Тем более отец такое просил, только когда был в хорошем настроении, да и дядя Игорь не будет меня заламывать.

Никто не смотрел, как дядя Игорь мне поддавался в уголке при входе в комнату. Ну и понятно, бросать-то не будешь его, не так уж и много места в комнате. Так, заход за спину, проход в ноги, ну на бедре приподнять максимум, но это уже тяжело мне, и ему на носки надо привставать.

– Ну все, отдыхай! Чего, Игорян, нормально борется?

– Да, нормально. Может пацан.

– Это еще чего... Таня, выключи музыку сейчас. Че получается, это он нам намолил, да? Помогли твои молитвы, не зря ходишь сочиняешь, хоть какой-то толк. Давай, покажи, чего ты там выпрашивал.

Вот теперь все смотрели на меня.

– Может табуретку дать, встанешь на нее? – предложила тетя Лена, жена дяди Игоря.

– На коленях надо, – серьезно и твердо сказала мама. – Если уж по уму делать. Встань, прочитай молитву.

– И креститься как по-настоящему? – как-то я не очень ожидал, что мне надо будет так перед всеми, и непонятно, можно ли вообще так. Что боженька про это скажет-то?

– Танька, как там правильно, надо креститься?! – это отец такой весь возбужденный, заинтересованный.

– Да.

– Крестись тогда, раз надо.

Ну я и начал.

«Дорогой любимый боженька, пожалуйста, не лиши помощи семью нашу бедную, домом собственным обделенную. Помогите мне прилежному, и моему папе честному, и маме красивой, и бабушке измученной. Втроем мы ютимся в жилище чужом, и житья нам тут нет, как и бабушке нет житья в этом мире без дедушки. Отжила она свое и сидит теперь в теле тщедушном, ищет покоя и нам помочь хочет. Рада бабушка будет покинуть землю грешную, а нам оставить квартиру с котом в подарок. Милый господи всемогущий, я буду послушным и делать уроки, чистить зубы и молится тебе всегда, только приberi к себе бабушку. Пусть будет она ближе к тебе и встретит

дедушку на небе. Будет с ним отплясывать и нам улыбаться с неба. Спасибо, спасибо, спасибо заранее, господи!»

Аж слезы начали подступать, но я сдержался. Все мне похлопали.

– Ну, не было бы счастья, а несчастье помогло, – добродушно сказал отец.

– Очень красиво и трогательно, – сказала тетя Люба. – А слова сам придумал?

– Мама.

– Очень красиво, Таня. У тебя прям талант. Знаешь же, что можно свои молитвы печатать, и люди покупают, если действительно хорошие.

– Да, я вот уже давно думаю. Надо ведь поделиться с людьми. Я уж сколько насочиняла. На каждый случай есть. Особенно для намоления важно. А то ведь в церковных молитвословах все так бездушно, будто не на близких людей намаливаешь, а, я не знаю, на собак на улице.

А я что-то в волнении не знал, куда себя деть, будто выпрыгивал сам из себя вверх.

– Мам, а померь мне рост?

– Что прямо сейчас?

– Пожалуйста.

– Хорошо.

Мы прошли к моей комнате, где были отметки на деревяшке в проеме двери. Мама пока искала метр, а я встал ровненько. Ну ведь точно вырос со дня рождения, вырос!

Мама провела карандашом над макушкой, потом отвела меня рукой в сторону и отмерила лентой.

– Ничего себе, на семь сантиметров с зимы! Не по дням, а по часам.

Конечно, не по дням, а по часам: все эти дебильские часы рос. Ну, может, в больнице еще на паузе лежал, а так тянулся как не в себя! А из себя. Да я же уже сам старшак, и не нужна мне эта вся лабуда детская. За наркоманами этими следить, из-за Дюшика этого тупого переживать. И игрушки жалеть уже не надо, и даже что сериал не доиграл – неважно. И на дядю Валеру в плитах хоть сто раз аккумулятор урони – все без разницы теперь. Пусть не будет у меня фишки мьюту, и друзья мои тупые гуляют с богачами и за компьютером сидят, че мне с этого. Прощайте, пацаны, прощайте Тынц, адьос Хосе-аржепутка, свихнувшаяся бабушка Дюшика, чуханка из Димкиного класса. Пусть никогда вас уже не увижу. И все что случилось, и стрела, и Дрон ошалелый, и камнем в сердце, и прыжок с балкона не сбывшийся – все это порь бетонная, и пусть она останется тут в плитах. Пока!

20. Роли исполняли

Дорогой редактор, эта глава состоит из фотографий игрушек, которые принимали роль в сериале. Так как обычно просят присылать рукописи в определенном формате и без картинок в ней, я убрал фотографии.

2024

Моль

Примерно так, как вы боролись с деспотами и тиранами,
диктаторами и фюрерами,
я боролась с молью. И ее личинками.
Овеивала их запахом лаванды,
от которого они должны были бежать быстрее лани,
но нет, продолжали сидеть и грызть мой кашемировый джемпер.
Я засунула его в морозилку, но моль выжила и там.
Тогда я перешла к тяжелой артиллерии – нафталину.
Пропитанные нафталином теплые, пахнувшие домом кофточки
стали ядовитыми, и никак их было не проветрить.
Зато целы, – думала я.
Ну вот как люди, которых не жрет деспот – целы.
Потому что обороняются облаком нафталина,
который запускают в пространство как дымовую шашку.
Когда-то так же непобедимы были тараканы,
Но однажды они ушли,
и язык решил, что они спрятались в головах.
Я вся в дырочках, будто от пуль,
но это были не молнии выстрелов,
а долгая трапеза моли.

Больше всего мне хочется,
чтоб меня укутали,
гладили по головке
и сами мыли бы посуду.
Я бы ластилась к ним, мурлыча,
а они говорили бы, что я
их единственное утешение,
но у них вместо котика телевизор,

Татьяна Щербина родилась в Москве, окончила филологический факультет МГУ, до 1986 года публиковала в самиздате стихи и прозу, первая книга стихов издана в 1991 г. Писала стихи также на французском языке: книги французских стихов опубликованы в Париже и в Канаде. Переводила современных французских поэтов, составила авторскую антологию «Современная французская поэзия» (1995). Автор десяти поэтических книг, изданных в России; книги с её стихами переведены и изданы во Франции, Канаде, Великобритании, США, Новой Зеландии, Словении, Греции. Также изданы четыре книги эссеистики и пять книг прозы, одна из которых выходила в переводах на английский и болгарский. Живет в Москве.

а я стою и мою посуду,
когда настает тишина.

Жизнь перестала быть живой,
и на искусственном дыхании
проводит странный отпуск свой
рукой в бою, ногой в скитании,
и только разум в тупике,
куда ни повернет – тень Кирова,
и вход, и выход на замке,
закрыто небо, заблокирован
канал, в котором жизнь течет,
он Летой стал, как призрак оперы,
и значит, телу незначит,
не справилось, пошло в квадроберы.

Тату наколот, под кота,
защитным слоем, отвлекающим
от знания, что ни черта
не может, не найдет пристанища,
весь разделившийся на до
и после, там и здесь, ум рекрутом
все мысленное айкидо
несет в себе, а больше некуда.

Это когтеточка.
Нет, это точка...
Это радиоточка.
Нет, это точка...
Это фор-точка.
Нет, это точка...
А за ней лас-точка.
Нет, это точка...
Это лишь сон угоревшего брата,
бледный огонь в душе Герострата.
Нет, это точечка...
невозврата.

Жара смягчится и холод смилостивится,
зацветет и погаснет сад,
а у нас распутица и развилица,

за шаг вперед берут два назад.
В песне островом невезения
называли такой покос,
в гарнизонный газон растения
подрезающий, в коматоз.
В нем и жизнь осторожно теплится
и надеется в рост войти,
как бывало – когда истреплется
сердце дьявола во плоти.

Статус кво

Статус кво, он же кактус сво,
все в наколах, и есть в кого.
Кактус, кактус, колокола
отзвонили свое, игла
всех закалывает со зла.
Зло колючее, зло как кол,
встанет колом, и мордой в пол.
Все как цели поражены,
злом проколоты, прожжены,
обкололся об кактус рот,
раскололись семья и род.
Род приколов угас как вид,
горе скалится и кровит.
Уши души настороже:
что еще или где уже,
и не выплюнуть статус кво,
и не высмотреть, кто кого.

Турбулентность

Земля пролетает зону турбулентности,
медленно, поскольку большая,
и тряске не видно конца.
Кого-то тошнит, а кто-то трясется в такт,
в пляске святого Витта.
Пассажиры стонут, что им жарко,
а может, и холодно, они сами не понимают,
их трясет как в ознобе.
Некоторые думают, что бегут,
поскольку чутка задыхаются,
заполошные заговариваются,
осторожные мрачно молчат,
чтоб их не замочили в сортире.
Молодые гибнут в боях без правил,
старые правят своими отсеками.
Отсеков четыре, кварталы земного шара,

четыре пилота – четыре ветра:
Борей, Нот, Эвр и Зефир.
Северный хочет дуть сильнее, чем западный,
включает турбины и пылесосы,
западный плюется зефирными сгустками,
восточный утяжеляет воздух ароматическими маслами,
южный вертит в руках раскаленную кочергу,
от всего этого турбулентность –
такая, что непонятно, куда летим.

Грустный устный, точнее мысленный,
хочет стать грустным письменным,
но на язык попадает подгнивший сор
из избы, где выстрелил тертый калач террор,
не большой, а средний, как средние ныне те,
от кого зависит. Сносит мой дом к Орде.
Не распознать иероглифы, слов набор
вводит в должность либо в тюремный двор.
И плодились дела, и вершились слова,
редиска не уродилась, одна ботва
вместо съедобных шариков,
завели собачку, а вырос Шариков.
Бесконечно длится и злится зло,
остается выдохнуть: «повезло».

ПУСТЫРЬ

Рассказ

На нашей улице, вернее, пустыре была одна достопримечательность: удостоенная большой железной подковы синяя калитка, за которой жила первая в поселке красавица.

Про великанскую подкову с выбитыми на ней клеймом, цифрами и непонятными нерусскими буквами говорили, что почтальон, дотронувшись до нее, поймал руками полуметровую красноперку, а у прохожей бабки – прошел радикулит.

Что касается красавицы, то еще когда она ходила в детсад, стоило ей показаться, начинало твориться что-то невообразимое. Играли ли мы в футбол, или просто кидались друг в друга камнями, весь пустырь начинал кричать, хохотать, валиться на траву, как ненормальный. Никто уже не думал, как забить гол или попасть булыжником в чужую голову: все хотели только, чтобы Лиза обратила на них внимание. Но она не обращала.

Постепенно выделились смельчаки, не побоявшиеся объявить о своей любви к ней во всеуслышание и всевидение. К общему удивлению, первым это сделал увалень Бацилла, который даже во время перемен тихо решал задачи.

В январе он возвел возле дома снежную крепость. Если б он построил ее просто так, никого бы это не возмутило. Хочешь мерзнуть в ледяных стенах – пожалуйста! Не мешай только другим сидеть на печке!

Но Бацилла сажей обозначил на пухлой крепостной стене некую геометрическую фигуру, принятую сначала за череп, пока силач Дугорев, который после уроков тоскливо брел постигать музыкальную грамоту, и задиристый темнокудрый Бойков одновременно не догадались, что траурное полукружие изображало никакой не череп, а Лизкину подкову.

До сих пор красавица с длинной белокурой косой считалась как бы общим достоянием всего пустыря. И вдруг Бацилла решил это коллективное сокровище присвоить.

Когда он в очередной раз укрылся в холодном убежище, может, для того чтобы в безопасности погрузиться в разные формулы и уравнения, пустырь открыл по нему массиванный огонь снежками, а потом взял крепость приступом.

Бацилла даже не сопротивлялся. Разгоряченные победители повели себя не лучше других захватчиков крепостей. Особенно неистовствовали Бойков и Дугорев. Они не только сровняли с землей белые, с потерянной в них черной подковой стены, но и стащили с погруженного в вычисления Бациллы штаны и набили их снегом.

А весной не кто иной, как Бойков начал старательно выводить палкой на сугробах имя Лиза, а рядом рисовал подкову, подозрительно смахивавшую на размашистое сердце. Но так же при-

Вечеслав Казакевич родился в 1951 году в Беларуси, в поселке Бельничичи Могилевской области. Окончил филологический факультет МГУ. Автор семи книг стихов и четырех книг прозы, последняя – «Избранники реки» (2022). В переводе на японский язык вышла книга эссе 落日礼讃 («Rakujitsu raisan», «Прославление заката»). Стихи и проза печатались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Арион» и др. С 1993 года живет в Японии. Преподавал в Осакамском университете иностранных языков, профессор университета Тояма.

лежно белоснежное имя Лиза и закоченелое сердце были к завтрашнему дню неразборчиво затоптаны.

Бойков обвинил в этом Бациллу и, хотя сугробы с каждым днем убывали, пригрозил снова доверху набить ему штаны снегом. В ответ неожиданно вставший на сторону Бациллы баянист Дугорев с некоторым злорадством уверял, что сугробные признания в любви собственноручно, точнее, собственнножно затаптывала сама Лиза.

О третьем влюбленном стало известно летом. Возле подкованной калитки ночью внезапно появилась гора цветов. Не букет, не букетище, а настоящая гора! По крайней мере, пригорок точно. Каких только рослых с протяжными тонкими телами и нежными именами существ не собралось здесь! Ветреные анемоны, нежные ирисы, розовощекие мальвы, пионы...

Разумеется, цветы возложили к ногам калитки не ради нее, а ради той, кто таинственно и прекрасно обитал за ней, не замечая ни возведенных в ее честь оледенелых замков, ни исписанных в угоду ей сугробов.

Родители Лизы с негодованием выбросили не дававшие проходу цветы в канаву. И пустырь, присвистнув от такого количества погубленных цветочных жизней, долго и глубокомысленно обсуждал, из каких палисадников на соседних улицах все это добро было похищено.

– Махровые негодяи, – косясь на растения, занявшие его любимую канаву, бормотал отец Бациллы, возвращаясь в обычном подпитии из пожарной части. – Я вас всеми фибрами души ненавижу!

Несчастные белые и красные, голубые и зеленые не принимали его слова всерьез. Пошатающаяся пожарная часть несомненно имела в виду злодеев, которые безжалостно похитили их с чужих участков, срезав ножницами покорные стебли под самый корень.

Но мы знали, это сделал один человек. К синей калитке змеился вдавленный в землю след тачки, на которой, как тяжелораненого, свесившего за железный борт растрепанную благоухающую голову, привезли охалку цветов. Одноколесная тачка была лишь у Дугоревых.

Едва определились имена влюбленных, между ними вспыхнула настоящая война, за которой все, начиная от скрипучей железной колонки, кончая кроткой травой, следили, затаив скрип и молчание. Не каждому пустырю суждено превратиться в поле сражения!

Кто-то раздобыл потрепанных «Трех мушкетеров», прочитал сам и, не задумываясь о последствиях, пустил книгу по рукам. Назад мушкетеры к нему не вернулись, слишком опасным местом стал для них наш пустырь.

Бойков нашел железный прут, оплел рукоятку шнурком и сделал гарду из крышки от консервной банки. Клинок он заострил напильником, но, опасаясь проткнуть противника насквозь, согнул острие крючком.

Первым он вызвал на поединок ученика музыкальной школы. Дугорев, бросив терзать баян, выбежал за ворота с абсолютно не подходящей для его музыкальных пальцев здоровенной дубиной и гнал Бойкова до самой улицы Ленина.

Бацилла вышел против металлического прута с деревянной шпагой, выструганной даже не из твердой древесины, а из мягкой сосновой доски. Уклоняясь от резкого выпада, он нехотая присел, и стальной прут вошел прямо в его широко открытый рот. Испуганный Бойков, как из ножен, выдернул из чужого горла крючковатый клинок, и Бацилла, обливаясь кровью, рухнул на траву.

Радостно мы взвалили его на дощатые носилки и поволокли в больницу. Жалея раненого, втайне все были удовлетворены, что в дуэлях за красавицу не оказалось победителя. Не считать же триумфатором Дугорева, бегавшего по райцентру с дубиной, как неандерталец!

Мы шагали с самым скорбным и суровым видом, молча сообщая встречным, что пока они мирно разбредаются по забегаловкам, у нас в полную силу идет кровопролитная война.

– Поздравляю! – сказал толстый хирург в белой шапочке. – Вы ему гланды удалили!

Постепенно мы перестали как бы ненароком трогать ржавый амулет на груди синей калитки. Если только незаметно, тайком. Отец Бацилла сказал, что это просто старая немецкая подкова, которую в войну потерял какой-нибудь махровый першерон, таскавший за собой длинноногое орудие или полевую кухню.

Это разоблачение, хоть и убавило у подковы притягательности, не лишило ее до конца обаяния. Даже слово «першерон», на которое – стоило его произнести! – вскакивал фон-барон, странным образом отдавало чем-то волшебным.

К восьмому классу Лиза считалась главной красавицей всего района. Завуч школы, писавший стихи, сказал, что в ней появилось что-то царственно-величавое. Откуда эта величавость появилась у той, кто родился на безвестном пустыре, казалось чудесной загадкой.

«Она сто раз на дню до подковы дотрагивается! Вот и все!» – неодобрительно говорили девочки. Мы в такое объяснение не верили, но про себя признавали, что за свою жизнь красавица и вправду могла пусть даже случайно прикасаться к подкове тысячи раз. Если не больше!

Бойков, Бацилла и Дугорев не только помирились, но слились в одно, что бывает от полной безнадежности. Они перепортили неизвестно сколько бумаги, прежде чем сочинили и решили передать Лизе глупейшую записку: «Мы тебя любим! Кого хочешь, выбирай!» И, якобы зашифрованно, а на самом деле с намеком подписались: «Бой, бац, горе».

– Подкинем ей записку домой, – сказал Бойков.

– В почтовый ящик? – уточнил наивный Бацилла.

– В ящике родители прочитают. Бросим в окно или в форточку!

Бойкову явно не терпелось изведать все мыслимые и немыслимые испытания, выпадающие на долю влюбленных. Может, он надеялся, что предстоящие риски и трудности отпугнут Бацилла и Дугорева, и у него не останется соперников.

Поздно вечером они бесшумно подкрались к вожаденной калитке. Месяц, прибитый к небу, посылал ослепительный привет немецкой подкове. Горячо умоляя штaketник не трещать, троица перелезла во двор, наполненный обычными хвощами и пыреем.

От горящего окна на траве выделялся прямоугольник света. Хвощи, попавшие в него, составляли светское общество. Угощаясь росой, они толкали друг друга мягкими локтями: «Что за болваны, пахнущие потом, прыгнули к нам? Кто их приглашал?»

Тревожное внимание незваных гостей привлекали два темных окна. Казалось, в них вставлены не стекла, а глянцево-черная ночная вода, из которой способно было выплыть всё что угодно. Например, белая лошадь, что днем брела без упряжки к Ивановым. Или красный мотоцикл, на котором восседал отец Бойкова, в отличие от других никогда не ходивший пьяным, только ездивший.

А еще из зыбкой прямоугольной тьмы могла вынырнуть, как русалка, сама Лиза и, не подзревая о трех соглядателях, выдававших себя за ветер и шуршащих во дворе, начала бы раздеваться.

Действительность, как обычно, оказалась хуже ожиданий. За теряющимся во мраке углом дома внезапно загрохотала невидимая цепь, и с душераздирающим рыком во двор ворвалась звезрюга не ниже человека ростом, с глазами, горящими, как подфарники. Непонятно, когда родители Лизы завели эту гремучую собаку. Может, прямо накануне, узнав о предстоящем к ним визите.

Пушинкой Бойбацгоре перелетело через штaketник на улицу. Как оно при этом не поседело или вообще не лишилось волос, уму непостижимо.

– Видали клычищи? – клацнув зубами, спросил Бойков, когда их отнесло от заветной калитки минимум на сто метров.

– А глазищи? – с дрожью ответил Дугорев.
Сказочные звери охраняли неприступную красавицу.

За бумажным веком наступил век пара. У безнадежных женихов возникла новая идея. За-вороженные несбывшимся видением, связанным, естественно, не с конями и мотоциклами, они собрались вновь подобраться к окнам, только к другим.

По субботам семья Лизы отправлялась вечером в районную баню. Тройка воздыхателей до-говорилась подкрасться к окнам женского отделения и увидеть Лизу совсем без ничего, может, с одним только жестяным тазиком в руках.

Вновь стояла – хотя почему стояла? – конечно, лежала зима. Под фонарями по сугробам, сверкая и переливаясь, бегали полчища огненных муравьев, переселяющихся к нам из Бразилии. По-русски они знали лишь одно слово – Лиза.

Окна бани выходили на задворки и были до половины закрашены снизу белой краской, за-щищавшей посетителей от любопытных пешеходов. Но для тех, кто летал на крыльях, воробьи-ных или орлиных, тем более на крыльях любви, никакой помехи эта краска не представляла.

Не подозревая, что они становятся уайеристами – таких тарабарских слов на пустыре не слышали! – влюбленные подтащили к окну зазевавшийся и не схоронившийся от них под снегом деревянный поддон и, пыхтя, взгромодились на него. Бойков начал водить по вспотевшему сте-клу варежкой.

– Шире протирай! – прошептал Дугорев.

Багровая, невероятных размеров женщина, настоящая великанша, как им показалось, свире-по по вздез кулак, направились прямо к окну, к которому прижались три бледных носа.

Бойков на пару с Дугоревым свалились в сугроб.

Бацилла, чувствуя, что огненные муравьи переселились к нему под одежду и бегают по всему телу, наконец, дрожащими пальцами пристроил к переносице очки, всмотрелся в банное помеще-ние и рухнул в снег вслед за товарищами.

Не сговариваясь, они бросились бежать, пока баня не осталась дальше звезд.

– Что видел? – поинтересовались напарники у Бациллы.

– Фигу, – горестно признался он. – Она мне кукиш показала!

Весь пустырь вздохнул с облегчением. По нему уже гуляли обнаженные женщины. На кани-кулах мы играли в карты с фотографиями разных теток. Но это были просто кусочки картона, изображавшие не конкретных женщин, а абстрактные шестерки, семерки и прочее. Хотя и их было интересно разглядывать. А тут наша гордая красавица!

Язык не поднимался сказать – голая Лиза! Кто угодно мог быть голой, а она не могла. Тем более с мочалкой в руках. Смутно и потрясенно мы сознавали, что есть даже голая правда, а голой красоты не бывает.

И все же пустырь обреченно предчувствовал, что от трех многолетних и упорных ухажива-телей Лизе никуда не деться. Вопрос был только в том, с кем ей будет лучше. О счастье женихов мы не думали – понятное дело, они будут рады до ушей! – а вот с кем ей будет хорошо, вызывало споры.

Шансы Бациллы были минимальны. Какая полоумная выйдет замуж за человека с таким про-звищем? Однако находились и его приверженцы:

– Он спокойный – раз! Не будет ее обижать. Станет расчеты делать в секретном институте, ордена получать...

– Бойков ей под пару! У него кудри, как у Пушкина, – настаивали другие. – И гланды удалил... – вспоминал кто-то.

– При чем тут гланды? – резонно вопрошала оставшаяся часть пустыря. – У Дугорева абсолютный слух, пойдет в консерваторию, по всему миру начнет концерты давать и ее с собой возить!

Первый концерт Дугорев, как положено, устроил на родном пустыре.

– Сколотим джаз-банду, – предложил он, – и, когда стемнеет, пройдем с музыкой от колонки до подковы!

О, мы прекрасно понимали, ради кого затевается необычное шествие, чей нежный слух мы должны были привлечь в первую очередь! И в банду всегда были готовы сколотиться.

Своими абсолютными ушами баянист не просто услышал наши лучшие чувства, но нашел средство, как любой из нас мог рассказать о них той, кто обитал за калиткой с подковой.

В назначенное темное время собралась куча народа. Явились даже близнецы Осиповы, которые жили так далеко, что порой с вызовом причисляли себя не к уроженцам пустыря, а к жителям Новостроительного переулка.

На груди Дугорева с блеском возвышался баян. Бацилла наперевес держал гитару, на которой хотел научиться играть. Бойков вооружился алюминиевым рупором, который тщетно разыскивал школьный физкультурник. Кто-то притащил обширный бубен, обтянутый такой толстой непробиваемой кожей, что она несомненно принадлежала раньше слону; другой – балалайку без одной струны; у остальных имелись крышки от кастрюль и ложки, самодельные камышовые дудки, глиняные птички-свистульки и просто два пальца, способные пересвистать какую угодно натуральную птицу.

Дугорев повелительно мотнул головой, и неслыханная музыка двинулась от потрясенной колонки к пораженной калитке. Растягиваясь и изгибаясь, как поезд, идущий по сопкам, зазвучал баян, громче шпак и мечей залязгали кухонные принадлежности, заверещали во все свое длинное продырявленное горло полые стебли камыша, а вырвавшийся из обруча небытия мертвый слон потряс землю громовой поступью и звоном надетых на него бубенчиков.

Но это еще не все! В качестве сопровождения выступали испуганные собаки, проснувшиеся младенцы, загоравшийся в окнах свет и махровая-премахровая луна, густо забрасывавшая нас умопомрачительными лепестками.

Бойков воздел к небу рупор, и все подхватили вслед за ним:

Я иду по Уругваю,
Ночь – хоть выколи глаза,
Слышны крики попугаев
И мартышек голоса.

Наверно, в нашем оркестре ора было больше, чем неизвестного кестра. Но, как уже говорилось, в нем участвовал весь пустырь без единой репетиции, а попробуйте с первого раза согласовать друг с другом закопченную крышку от кастрюли и открывающую маленький рот божью коровку, соединить деревянное тело гитары с зеленым лопухом.

Только какими бы дикими и варварскими не казались небу наши крики и громохание, это был голос нашего пустыря, и ничего, кроме отчаяния и любви, в нем не было.

Приехала милиция. Первым делом она изъяла алюминиевый, а может, жестяной рупор. Вторым – оглушительный бубен. Бесспорно, рупор мог пригодиться во время праздников и демонстраций, чтобы пугать людей и ворон. Но зачем милиционерам понадобился бубен с медными бубенчиками, никто не понимал. Высказывались предположения, что его хотят применять для гипноза во время допросов.

Отец Бациллы с обычной присказкой про фибры души и махровых негодяев – неизвестно, включал ли он в их число луну! – посек гитару топором.

Дугорев поступил в институт культуры. Бойков – в военное училище. Только Бацилла никуда не поступил – так и остался Бациллой! – и начал пить на пару с отцом, пока в одну из пьянок не отправил фибровую отцовскую душу на тот свет и не сел в тюрьму.

Лиза вышла замуж за лейтенанта Бойкова. Он приезжал в отпуск на машине, в багажнике которой всегда стоял ящик водки. Майор Бойков умер от цирроза печени.

Завотделом районной культуры Дугорев шел с собрания не по тротуару, занесенному сугробами, а по дороге, и его задавил пьяный водитель. Надо признать, что и Дугорев был подвыпивший.

Оторопело мы увидели, что наша красавица была бы несчастлива, за кого бы из троих она ни вышла. Громадная железная подкова с колдовскими цифрами и буквами никакого счастья ей не принесла.

Проще всего это объяснялось тем, что подкова была немецкой, принадлежала не нормальной лошади, а першерону, приколочена не к порогу, а к калитке, да еще покрашенной в синий цвет, хотя большинство калиток у нас брякало и болталось некрашеными; и сама Лиза, боясь дотрагиваться до старой пыльной железяки, подозрительно смахивавшей на череп и чье-то заржавленное сердце, никогда к ней не прикасалась.

Но все это уже мало волновало тех, кто выжил на пустыре, и в одном строю с чертополохом и крапивой, в ногу с бабочками и червяками, с выколотыми глазами брел по Уругваю под истошные крики попугаев и мартышек.

Андрей СЕН-СЕНЬКОВ

Красная Болонья

моранди провожает своих сестер в церковь
три старые девы что-то там опять будут просить
и каяться в грехах о которых не имеют понятия

ему там скучно и самое главное ему там красиво

он остается у дверей
болтает с нищими
потому что их одежда похожа на пыль с его любимых чашек

вздыхает
скорей бы домой
рисовать чашки
чьи донышки
похожи на мозоли на пальцах у скрипачей
из-за которых
медицинским сестрам трудно брать анализы крови

Ледяная религия Терри Савчука

до конца шестидесятых
настоящие мужики стояли в хоккейных воротах без масок
перекусывали летящие шайбы пополам остатками зубов
и ломали клюшки о свои головы когда выигрывали кубок стэнли
сидя в пабах хвалились количеством поклонниц
и шрамами на теле от порезов коньками

самым крутым был терри
у него было больше всех шрамов
четыреста
а лицо напоминало плохо сшитого фrankenштейна

Андрей Сен-Сеньков родился в 1968 году в Таджикистане. Окончил Ярославскую медицинскую Академию, жил в Москве. С 2022 года живет в Алматы. Автор 20 книг стихов, малой прозы и визуальной поэзии. Лауреат премии Андрея Белого (2018), Специального приза премии «Московский счет» (2019). Книги выходили в США (премия американского ПЕН-клуба за лучшую переводную поэтическую книгу 2015 года), Сербии, Италии, Нидерландах, Беларуси, Великобритании, Латвии, Израиле, Грузии и Казахстане.

добираясь домой падал замертво на подушку
накрывая ее своим пахом как гигантскую мягкую шайбу

утром подходил к зеркалу

савчук говорило оно ему
ты даже не представляешь как мне хочется тебя порезать
ты только разбей меня пожалуйста
но он его не слушал
слушал вратарского бога у которого остатки глаз похожи на туфли
которые сняли не расшнуровав

Takeaway

пенка капучино белой простыней
накрывает черный горячий
точнее коричневый карий ну так повелось что называют черным
как обезьянку
траурным капуцином из-за черной «шапочки» на голове
убивающей своих детенышей
бросающей двуногие монетки в вагину
чтобы вернуться снова
в беременное всеми органами кафе

Почти немецкий Монте-Кристо

граф влезает в новый мерседес s-класса
как когда-то в свою мерседес

эта кожа пахнет даже лучше человеческой

но он думает только о мести

александр скрипит зубами он александр

месть в моей детской советской книжке архипелаг гулаг была другой

а в двадцать первом веке это автопилот третьего уровня
лучшая в мире гидропневматическая подвеска
сверхточная светодиодная оптика
и раздавленная под колесами
последняя буква в фамилии
дюма

Барабана ложкой по водной глади

родиться с фамилией бест
это не просто серебряная ложечка во рту
а целый набор ложечек
для абсента для грейпфрута для костного мозга
для оливок для переучивания левшей
для устриц для уса́тых

и даже если тебя выгнали из самого популярного виа в мире
ты все равно зе бест
и у тебя в жизни плохое неотлично от хорошего
как серебристые девушки в синхронном плавании друг от друга

Соседи громко стучат в дверь

убил маленьких тараканов на кухне
а утром вижу на ковре стоит пошатываясь их мать
пятнадцать похоронок в один день
и литр водки за ночь для старой женщины это сильно
поправляет хитиновый платочек
и кричит молча убей меня тоже
не хочу жить без своих изюминок в булочке
не услышу как они хрустят на всех зубах
убить меня легко как твоего бога
как вызвать такси с помощью приложения

убиваю

она уезжает в мусорной машинке
в прямоугольной справке о безбожии

День рождения это самый прекрасный повод сделать себе больно

есть истории про которые неприятно да и не принято писать
но они застревают на десятилетия в одной височной доле
потом переползают в другую
и издеваются этой невозможностью

эйхман

есть история что когда его захватили агенты мосссада

для них было пыткой водить его в туалет
после него невозможно было туда войти
запах был отвратительный
они спрашивали смеясь – это и есть запах высшей расы?
он почти плакал ему было стыдно мне тоже стыдно
он рассказывал что отец ненавидел его за этот запах с детства
видимо у него был какой-то жуткий дисбактериоз

отец как-то отвез его на работу и маленький эйхман попросился в туалет
и отец потом говорил что ему стыдно за него перед коллегами
ты вонял
от человека не должно так вонять
эйхман говорит я вонял вонял всю жизнь и продолжаю вонять

я избавился от этого

я попал в страну
где мужчина трогает лицо любимой только тыльной стороной ладони
потому что так
он может остаться способным коснуться всего остального мира

ЛИТЕРАЛЛИ РОКЕНРОЛЛ

Рассказ

Не могу перестать открывать ее сториз, смотреть на ее язык. Это не гилти плэже, что-то другое, знаете, когда некий звук раздражает, но вы извлекаете его снова и снова и снова и снова. Или не можете отвести взгляд от пузырящегося на асфальте плевка. Я отписался, чтобы ее сториз не набрасывались на меня гепардами, но это не помогло: каждый день я стал заходить на страницу к ней через поиск и снова их открывать, эти сторисы, от которых у меня портится каждый раз настроение.

Чаще всего она в них снимает себя. У нее есть особенность, может быть связанная с устройством челюсти либо черепа в целом, а может быть это скорее что-то психическое, поведенческое, наркоманское, извращенское, точно не знаю, но в общем язык у нее как будто находится очень близко к внешнему миру, ведет себя слишком неуправляемо, лезет наружу при каждой удобной возможности, с трудом умещается во рту.

Ярче всего это проявляется, когда она что-нибудь пьет, особенно алкоголь, она любит пить алкоголь, она пьет его ежедневно, и она любит пить его на камеру, понтуясь тем, что делает это посреди буднего дня где-то на пляже, разумеется с подписью: «Как дела в офисе, коллеги?». Когда она пьет – сначала обязательно дотрагивается до стеклянного бортика языком, а потом уже отпивает. Но иногда и бокал ей не нужен, чтоб светануть лишний раз язычком: скуластое лицо расплывается в блаженно-хвастливой улыбке, и настырный гадёныш непослушно выглядывает из губ, как будто вылупляется из яйца.

Некоторые сториз обходятся всё же без языка. Не представляю, сколько усилий она прилагает, чтобы несколько секунд удерживать этого упыря в неподвижности. На большинстве сториз он в главной роли. Я пересматриваю такие сториз по несколько раз, застывая и передергиваясь.

Возможно, я реагирую так оттого, что однажды, еще даже не будучи на нее подписанным (это было первое наше свидание), соприкасался с этим языком ближе некуда. Она высунула его на полную длину, как делали Сид и Нэнси в фильме «Сид и Нэнси», и впечаталась им, как освежающей маской, в нижнюю половину моего лица.

Мне кое-как удалось упаковать это слюнявое безобразие обратно и перевести поцелуй в более скромный регистр, чтобы линия соприкосновения проходила не снаружи, а, как я предпочитаю, внутри нашего ненадолго общего рта.

– Постой, – упрямо сказала Лиана (ее в самом деле практически так и зовут). – Давай я тебе покажу как правильно. Вернее не так. Давай я тебе покажу, как МНЕ нравится это делать.

«Да уже показала вроде», – успел я подумать, пока она закрывала глаза, открывала рот и приближалась, церемонно выпуская наружу свое чудовище.

Павел Кошелев родился в 1997 году в Северодвинске. В 2015 году поступил в Рязанский радиотехнический университет, был отчислен. В 2022 году окончил сценарный факультет ВГИКа. Стихи и проза публиковались в журналах «Дружба народов», «Новая Юность», «Урал», «Формаслов» и др. В «Волге» публиковались две повести: «Фрукты и фруктики» (2020, № 11-12), «Пубертат земноводных» (2023, № 5-6).

Я отшатнулся и бормотнул:

– Давай просто так посидим немного, – слюнявый змеёныш застыл в дециметре от моих губ.
– Кажется, все на нас пялятся.

Она открыла глаза, язычок утянулся обратно, по разочарованному лицу пробежались пятнышки светомузыки. Мы были на вечеринке в полузаброшенной вилле на Бююкаде – самом большом из Принцевых островов, на котором когда-то прятался Троцкий, а теперь дикарились мы.

– Кто пялится-то? – она оглянулась по сторонам.

В углу два пижамно одетых турка раскуривали большущий джоинт, неподалёку подпрыгивал розоволосый коренастый добряк с тоннелями в ушах и взглядом серийного маньячеллы – художник, в честь закрытия выставки которого всё и происходило. Он снимал на телефон толпу пьяных людей, брыкавшихся в другом конце зала под техно.

– Ладно, – она улыбнулась с ехидцей, и непослушный кончик мимолетно выглянул из зубов. Я по-прежнему приобнимал ее за татуированное плечо (на правой ее руке помещалось примерно пять татуировок из двадцати четырех), но теперь создалось ощущение, будто мы с ней сидим на разных концах не дивана даже, а всей галактики. – Проехали. Может накуримся?

Она кивнула на тех самых турков в углу, с косяком.

– Да в принципе почему бы и...

Не успел я даже договорить, как Лиана метнулась к ним, по пути едва не споткнувшись, и со своим нарочито идеальным произношением стала пиздеть с ними на английском. Что именно говорила – не слышал (техно сменилось на хаус, но от этого тише не стало), турки переглядывались между собой с недоумением и насмешкой. Тем не менее джоинт длиной с ладонь временно оказался в нашем распоряжении. Мы по несколько раз затянулись и обратно рухнули на диван.

– О, я тоже хочу! – воскликнул маньяк-добряк и мультишным тасманским дьяволом устремился туда же, в угол.

Мы с Лианой хихикали друг над другом, прикладываясь каждый к своей персональной бутылке красного. «Она странно целуется – ну и что? – говорил мой внутренний самообманщик. – Много понтуете – ну и что? Сосредоточена на деньгах – ну и что? У всех свои недостатки. В целом она тебе очень нравится. А если и дальше быть одному в этом городе, то можно по-жесткому охуеть». Насчет последнего он был прав.

Познакомиться с кем-либо в эмигрантском тиндере – это в принципе большая удача, а Лиана к тому же еще и написала мне первая, первая предложила перейти в телеграм, первая предложила встретиться, в общем, совсем фантастика, настоящий джекпот.

– Как насчет сегодня? – задал я вопрос, мгновенно выдающий бездельника. Я работал кем-то вроде пиарщика одной амбициозной писательницы, и все задания на неделю делал за понедельник, а в оставшееся время пытался в условиях паранормальной турецкой инфляции каким-то образом выжить на ту скромную зарплату, которую она мне платила.

«Я свободна в субботу»)), – написала Лиана.

Я рассказал ей про субботу.

«На острове? Звучит как безвыходная вечеринка. Мне нравится»))»

Встретились на Кадыкёе за пару часов до отплытия. Погода была противная, начало марта. Чайки из-за слишком сильных порывов холодного ветра потеряли способность ловить хлеб, швыряемый им детьми и туристами с многочисленных паромов, идущих через Босфор.

Лиана мёрзла в тонкой джинсовке, без шапки. Когда увидела меня – на лице чуть заметно мелькнуло лёгкое разочарование: меня настоящего от меня на фото в анкете отделяло пять лет и пятнадцать кило. Но как только я достал из рюкзака бутылку с остатками вчерашнего красного вина – она засияла, как будто я продемонстрировал чудеса уличной магии.

Мгновенно допили, прошлись по барам.

В первом баре Лиана рассказала, что в Стамбуле совсем недавно. Она уехала в самом начале, успела пожить в Армении, Грузии, на Бали. Работает дистанционно и много, каким-то там менеджером. Путешествует вместе с коллегой, коллекционирует технику эппл, любимый фильм – «Комната» Томми Вайсо.

Во втором баре Лиана рассказала, что обожает закидываться грибами и смотреть в таком состоянии мемы или же мультики по типу «Рик и Морти» (искренне не понимаю, как под грибами такое возможно).

В третьем баре Лиана сказала, что я гораздо симпатичнее главного героя фильма Гаспара Ноз «Любовь» (каждый пятый во ВГИКе считал своим долгом сообщить мне, что я на него похож), а через пару минут сделала мечтательно-вспоминательное лицо, уткнулась в ладони и засмеялась.

– Что такое?

– Дженис Джоплин играет.

– И?

– Эта песня играла у нас с бывшим мужем на свадьбе. И вот играет сейчас.

Бывший муж – «наркоман и урод» – упоминался уже раз десять. Как будто в браке они пробыли не год, а всю долгую несчастливую жизнь, только вот всё никак не могут умереть в один день.

– Я, кстати, тоже был женат, – решил я рассказать.

– Серьезно?

– Прошлым летом развелся.

Много ли вы знаете людей, которые до двадцати пяти успели обручиться и развестись? Глупо, но мне подумалось, что это совпадение может нас сблизить. И, как ни странно, это сработало: по дороге к причалу мы с Лианой держались за руки.

Паром отчалил чуть раньше, чем успело стемнеть. На середине пути мы вышли на палубу ненадолго, чтобы Лиана могла попыть своим приторно-ягодным вейпом.

– С каким животным ты ассоциируешь себя? – вдруг спросила она серьезно.

– Не знаю. Возможно, мне бы понравилось быть пандой в зоопарке. Ты в курсе, что им показывают специальное порно для панд, чтобы стимулировать размножение?

– Не знала, – улыбнулась она. – Но я бы НИ при каких обстоятельствах, НИкогда, НИ за что на свете не согласилась бы жить в зоопарке, – выдала, отчеканив каждое «ни».

«О боже мой, какое феноменальное свободолюбие! – заговорил, проснувшись, мой внутренний сноб постмодернистской закалки. – Большой пошлятины в жизни не слышал». Я без труда от него отмахнулся, спросил у Лианы:

– А ты с каким?

– С гепардом, – ответила она без мельчайшей капли иронии. – Я такая же стремительная, литералли.

Внутренний сноб катапультировался из моей черепной коробки, выпрыгнул, грязно ругаясь, за борт и яростным баттерфляем поплыл обратно на Кадыкёй. Я же остался, где был, на пароме. Всё-таки одиночество делает нас не самыми привередливыми существами.

То ли меня так эпически накурило, то ли Лиана действительно рылась в сумке целый час, чтобы выудить наконец-то оттуда блистер. На ладони сверкнули две крошечные таблетки.

– Транквилизатор, – пояснила она.

– Э, их вообще-то нельзя с алкоголем мешать.

Сделав строптивый вид, Лиана выпустила (а вы сомневались?) язык, демонстративно водружила на него таблетки и запила их красным вином из горла.

– Каждый день это делаю, литералли, – ладонью вытерла рот. – Мне их психотерапевт прописал. Я ведь тебе говорила, что у меня пограничное расстройство личности? – внимательно на меня посмотрела. – Эй, ты чё?

– Да не, забей, всё нормально.

– Я всё видела! Ты глаза закатил. Не веришь, что это болезнь?

– Верю, просто она как будто у каждой второй уже, – говорил я, выгуливая внутреннего обрыгана-фашиста на относительно безопасной поляне, – тебе это странным не кажется? А?

Под действием транков Лиана заметно менялась, говорила вяло и слегка невпопад:

– Чем я тебе изначально понравилась?

– Ну, например, ты красивая.

– Это не то. Ты вообще в курсе, что все красивые в курсе, что они красивые?

Оригинальных ответов не находилось, мысли закручивались в спирали.

– Ты хотел бы еще раз жениться?

– Зачем? На ком?

– Вот я бы хотела еще раз замуж.

– На ком? Зачем?

– В смысле «зачем»? Для меня это литералли важно.

«Наркомана-урода тебе не хватило? Нужен теперь алкоголик-мудак?» – я подумал, но не стал это произносить, в любом случае шутка скользнула бы мимо: у Лианы совсем расфокусировался взгляд.

– Слушай, это хотя бы не феназепам? А то у меня бывшая жена увлекалась, когда мы только с ней познакомились. И тоже вином запивала. Бывали диковатые ситуации.

Лиана мотнула слегка головой.

– Хорошо. Хорошо, что не феназепам. Если нового поколения препараты, то еще ладно. Но все равно я тебе не советую. Организм ведь такая штука: никогда не знаешь, какую реакцию выдаст в следующий раз. Организм – это организм. Только и ждёт весёлой возможности круто тебя наебать...

Лиана резко согнулась, уставилась в пол, обхватив колени. Я подумал, что переборщил с душниловкой:

– Ты загналась? Я загнал тебя? Ты меня слышишь? Лиана?

– Мне очень. Срочно нужно. В туалет, – выдавила она по частям сквозь зубы.

Я вывел ее в коридор. У единственного туалета гоготала огромная очередь. Мы повернули к выходу.

– Потерпи, потерпи всего несколько метров, – объявлял я, будто автомобильный навигатор, – пять метров, три метра всего потерпи!

На последних двух метрах мои увещевания потеряли последний смысл: из Лианы на кафельный пол рывками выплескивалось вино. Огромная клякса распространялась, стараясь занять как можно больше пространства прихожей.

– Прости, – сказала Лиана, легла на ступенях лестницы, ведущей на второй этаж виллы, уснула.

Люди спускались и поднимались, перешагивали через нее, визжали или же хохотали при виде рвоты. «Все нормально», – я говорил, не понимающий, что с этим делать, не знающий, как объяс-

нить им, что я вот буквально сегодня с ней познакомился, это вообще-то первое наше свидание, я здесь совершенно не при делах, не обращайтесь внимания, все хорошо, все нормально.

Кто-то принес мне ведро и швабру. Почудилось, будто я снова женат на студентке Литературного института и снова работаю там – в Литинституте – уборщиком, чтобы на правах сотрудника жить с ней в одной общаге. Руки вспомнили, как это делается. С уборкой я справился быстро, буквально за пару минут.

Еще вчера ты четырнадцатилетний читал первые абзацы «Бойцовского клуба» или другой книжки в рыжей обложке, а уже сегодня обнаруживаешь себя накурленным и пьяным на чужой полузаброшенной вилле, где под драм-н-бейс ритмы убираешь рвоту полужнакомой девчонки, при этом непроизвольно подмечаешь детали, думаешь о том, как будешь это описывать, оптика филигранно на такое настроена и датчик срабатывает безотказно.

Бывшая жена за пару месяцев до всей этой ситуации отметила, что в моей на тот момент новой повести часто упоминается рвота.

– У меня вообще, – отвечал я ей, – есть идея написать концептуальный сборник историй про это, в смысле про блевоту.

– «Библиотека блевоты», роман-энциклопедия.

– Потрясающее название.

– И жанр. Не забудь потом только упомянуть, что это придумала я.

Меня всегда забавляло сочетание ее финансовой расточительности и интеллектуальной бережливости: чересчур щепетильное отношение к копирайту в подобных смешных мелочах.

– По-любому упомяну. Только, я думаю, магнум опус этот надо писать лет в восемьдесят. Ну знаешь, когда ты уже уважаемый весь такой гусь, серьезных романов понаписал. И вдруг держите, читатели: «Библиотека блевоты». Будет феерия. А в юности смысла нет. Да и историй к тому моменту наберется явно побольше.

Примерно так я сказал. На самом же деле я просто тогда уже начал себя ощущать в западне: подзаебло мусолить весь этот устаревший и смехотворный, никого не шокирующий трагикомичный угар. А куда, с другой стороны, деваться?

Сначала, еще в подростковом возрасте, в тебя проникает контркультура, ты аккуратно трогаешь это болото пальчиком, примеряешь на себя образ жизни, делаешь первые шажочки, впервые пробуешь сам о чем-то таком писать, охотишься за материалом и не замечаешь, как материал начинает охотиться за тобой: меняются декорации, но ситуации повторяются, и вот ты уже не выносишь из них особо нового опыта, а они продолжают происходить. Ты будто бы наблюдаешь, как за окном сменяются станции на досконально знакомой ветке метро, вот только никак не можешь приехать на конечную, и вдруг понимаешь, что не заметил, как ветка твоя загнута и превратилась в кольцевую. Ты игрался и заигрался, ебанулся, заглочил, застрял.

Вечеринка оказалась не такой уж безвыходной. На последнем, полуночном пароме мы отчалили с острова. Всю дорогу Лиана, поджав свои длинные ноги, спала на скамейке. На материке я вызвал от пристани Бостанджи такси в отдаленный, ортодоксальный район у горы, где улица опрокинута на сорок пять градусов, а из подворотен вырываются ядовитые испарения горелой пластмассы.

Сразу отвел Лиану в свою крошечную комнатку-норку, выдал футболку.

– Ты будешь спать здесь. Штаны снимай.

Я всего лишь хотел, чтобы она в грязных джинсах не дрыхла на относительно чистом постельном белье, а она, вероятно, подумав, что я ее в таком состоянии собираюсь тут изнасиловать, пробормотала:

– Нет, давай вот без этого, – и моментально вырубилась, не сняв ни одной штанины.

Я постелил себе на диване в гостиной, лёг, уставился в потолок.

Вспоминалось, как пять с лишним лет назад моя будущая жена позвала меня к своей подруге на вечеринку в честь самайна – так в их компании называли хэллоуин. Почему-то особенно сильно запомнилось, как в дребезжащем вагоне метро долго ехал из своего ВДНХ в Южное Бутово и удивлялся размерам этого города, который меня ежедневно заново торкал, я тогда был в Москве совсем новенький.

Будущая жена, слегка покачиваясь, встретила меня в костюме ведьмы: кожаный корсет, готический макияж, бонусом в руке банка крепкого пива, дополняющая образ. Начало наших с ней взаимодействий совпало с ее деструктивным этапом («Мы встретились с тобой в странный период моей жизни» или как там?), писала по несколько стихотворений в день и имела обыкновение засыпать с тридцатой за день сигаретой во рту, стоя на перекрестках оживленных сияющих улиц. Чем-то таким она меня, вероятно, и зацепила. Я относился к ней как к ходячему материалу для творчества, о чем впоследствии сожалел.

– А какой у тебя костюм? – спросила хозяйка квартиры, выглянув из-за татуированного плеча будущей жены.

– Никакой. Я приехал в костюме себя.

Без костюма быть запрещалось, и мне выдали кигуруми-пижаму в виде единорога с розовым длинным хвостом. Кухня была переполнена незнакомыми мне людьми, почти каждый старше меня лет на десять, они пили текилу, но были слегка напряженные, ждали особо важного гостя, который на каждый самайн обязательно угощал всех травой. Он и в этот раз не подвёл. Курили через алюминиевую банку на балконе. Будущая жена, стоило ей единожды к этой банке приложиться, дошла кое-как до кровати в ближайшей свободной комнате и рухнула спать. Без нее я остался наедине с незнакомой толпой, одетой в костюмы злодеев и монстров. Время наёбывало меня поминутно, разукрашенные лица на кухне казались враждебными, интонации инородными, текила не помогала. Я лег рядом с будущей женой, обнял ее и извилисто думал о том, ехать мне обратно в общагу или не ехать: с одной стороны, неправильно здесь ее в таком состоянии оставлять, с другой стороны, не хочется здесь самому в таком состоянии оставаться, а решать нужно что-то срочно, срочнее некуда, вот-вот с конечной отчалит последний поезд метро, а вдруг я не успею добежать, а вдруг вместе с этим разрядится (почти разрядился уже) телефон, и я окажусь в незнакомом районе без связи, на холоде, в панике, не помнящий ни квартиры ни дома, лишенный возможности даже вернуться сюда, сожалеющий, что отсюда ушел.

И все-таки я решил попытаться успеть на метро, но перед этим обязательно разбудить будущую жену, попрощаться с ней, а она ни в какую не просыпалась, ни на что не реагировала, я несколько раз проверял ее пульс и прислушивался к дыханию, забывал результат проверки и заново проверял, чтобы убедиться, что она не мертва, просто спит, просто очень уж крепко спит от комбинации крепкого пива, текилы, этой совершенно безумной травы и сильного транквилизатора.

Метро уже точно закрылось, а я продолжал, продолжал. Вернулся откуда-то брат хозяйки квартиры: «Ребят, я конечно все понимаю, но я бы попросил все-таки освободить мою кровать, мне нужно спать и все такое, ну вы понимаете, спать это важно все-таки, да?». «Конечно! Буквально пару минут!» – я ответил с безумной улыбкой и продолжил трясти свою будущую жену за плечо, трясти все сильнее и сильнее, говорить «Просыпайся, пожалуйста, просыпайся, проснись», трясти всё сильнее, пытаться ее разбудить...

– Проснись.

Я открыл глаза.

– Сколько времени?

– Почти семь.

Невероятная рань для меня. Обычно я сплю до полудня.

– Я всегда в шесть утра просыпаюсь, – сказала Лиана, как будто бы прочитав мои расписидья-ские мысли, и ушла обратно в свою, вернее в мою комнатку. Расселась там, облокотившись на шершавую спинку дивана, и вытянула ноги на сломанную, нестабильную его половину. Я умылся, почистил зубы, пришел и сел рядом с ней.

– Да-а-а, вот это я понимаю, – воскликнула она и запрокинула голову, – литералли рокенролл! Всегда знала, что я настоящая рокенрольная девчонка.

– Тихо только, соседа разбудишь.

Сосед спал за стеной. Лиана кивнула и осмотрелась.

– А это у вас гостевая комната или ты в ней живешь прям?

– Живу. В смысле сплю. В основном я там зависаю, в гостиной.

– Как ты спишь на этом диване? Он же вообще неудобный.

– Не знаю, привык.

Я оглядел свою комнату ее глазами. Низкий скошенный потолок, голубоватые стены все в выбоинах и детских рисунках, ободранная таблица умножения приклеена к шкафу, сломанный диван, грязные тарелки на двух журнальных столиках, плюшевые медведи в тельняшках нарисованы на абажуре.

– Прико-о-ольно тут у тебя, – уныло протянула Лиана.

Очевидно, ей захотелось поскорее исчезнуть, свалить, уехать как можно дальше, перестать видеть это убожество. Я вспомнил про единственный козырь этой несуществующей по документам квартиры-мансарды, переделанной из чердака.

– Пойдем покажу тебе крышу.

Все супермаркеты, жральни-кебабные и бесчисленные магазины бытовой техники были закрыты: улица Ататюрка толком еще не проснулась, машины почти не ездили по ней в этот час, только таскались туда-сюда жёлтые, вечно заёбанные автобусы двух маршрутов: 16F, 19F. Со вчерашнего дня погода почти не поменялась, только добавился плотный туман, из-за которого не было видно даже примерных очертаний горы в конце улицы. Лиана, закутавшись в плед, курила и стряхивала пепел в мангал, наполовину заполненный позавчерашней дождевой водой.

– Да уж, погодка коньячная.

– Коньячная?

– Так любит мой босс говорить.

Она крутила туда-сюда своей персидско-кошачьей головой, смотрела на крышу без интереса, смотрела на небо, на улицу, улыбалась глупо и безразлично. Единственный козырь нашей квартиры явно ничем ее не впечатлил.

– Пойдем где-нибудь позавтракаем, – предложила она.

– Всё закрыто пока что. Можем гречки поесть.

– Гречки?

– Ну да, с шампиньонами. Она готовая, я разогрею.

– Ладно.

Становилось как-то уже неловко от того, как поступательно и стремительно Лиана разочаровывалась во мне. Пережёвывая жареную с грибами гречку (между прочим, любимое мое блюдо), Лиана искала за что бы зацепиться взглядом, чтобы дать еще шанс. Заметила на батарее пару кроссовок с буквой «N», под определенным углом смахивающей на «Z».

– Крутые, – с немного грустной улыбкой сказала она, страстная поклонница эппл, нью бэ-ланс, нетфликс и прочего говна.

– Ага. Это соседа моего.

Лиана кивнула, улыбка стала еще грустнее. «Ну что же это такое? – подумал я. – Зачем было уточнять, что кроссы не мои? Кто дёргал меня за язык?»

Чтобы заполнить неловкую паузу, Лиана как-то совсем уже грустно сказала:

– В принципе можем сходить куда-нибудь в следующую субботу.

– А можем и не откладывать, можем прямо сейчас.

– Ой, нет, у меня онлайн-занятие по английскому (*ну естественно*), потом я созваниваюсь со своим психотерапевтом (*само собой*), да и вообще мне нужно прийти в себя после вчерашнего происшествия. Как-то всё это переварить.

Я вызвался проводить ее до парома. Мы оделись, вышли.

Автобус маршрута 19F подъехал к остановке почти мгновенно.

Из-за тумана окна покрылись непроницаемым конденсатом. Мы не слушали музыку, не залипали в телефонах, не читали, даже не разговаривали почти, просто молча пялились перед собой, на серые пластиковые спинки впереди стоящих сидений.

– Так долго едем уже, – сказала она через полчаса. – Вы настолько далеко от центра живете?

– Стамбул просто очень большой. Гораздо больше Москвы, ты в курсе? Мы живем еще далеко не на самой дальней окраине.

Лиана равнодушно кивнула типа «ага, ага». Сама она поселилась центральнее некуда, в пяти минутах от пешеходной улицы Истикляль, о чем упоминала при каждом удобном случае, для нее это много значило.

«В девятнадцать лет мне больше всего хотелось очень много бабла, – сказала она мне в каком-то из баров на вчерашнем нашем свидании, и добавила: – В принципе, как и всем, правильно?» Я тогда промолчал, улыбнулся. Мне в девятнадцать лет на бабло было глубочайше насрать (и к двадцати пяти ситуация поменялась не так уж сильно), больше всего хотелось того же, чего и всегда. Чтобы меня любили?

У причала мы чмокнулись на прощание в щёку.

– Ну споемся ближе к субботе.

– Да.

Паром переправил ее на европейскую сторону города. Я остался на своей азиатской. Маленький спойлер: больше мы с ней не виделись никогда.

Через пару дней я заметил, что бывшая жена перестала отвечать на мои сообщения.

После нашего развода прошло полгода. За это время случился ее переезд в северную Европу, затем мое бегство в Стамбул, все это время мы продолжали общаться, переписывались почти каждый день, иногда созванивались, спасали друг друга от одиночества, она даже приезжала ко мне на неделю в гости.

Конечно же я догадывался, что она надеется обратно со мной сойтись, но выбирал об этом не думать, не замечать, нелепо себя обманывал.

И вот она вдруг перестала мне отвечать. Неведомым образом, спинным своим мозгом я будто заранее понял, в чем дело. Но всё же спросил напрямую: «В чем дело?» На следующий день еще раз спросил.

В ответ она мне прислала видео, несколько секунд из прямой трансляции в инстаграме: всё смазано, мы с Лианой сидим на том самом диване в обнимку, вроде не лижемся, но кто знает, сколько продлилась эта трансляция и что на ней было видно после того фрагмента и до?

Маньяк-добряк, виновник всего торжества оказался не только художником, но и когда-то организатором (в отличие от сотоварищей, ему посчастливилось вместо тюрьмы угодить в эмиграцию) «Маяковских чтений» в Москве, из-за чего моя бывшая жена-поэтесса была на него подписана. Она слишком не вовремя зашла в интернет и слишком не вовремя включила этот его эфир. Или наоборот слишком вовремя? В общем, не зря мне на том диване казалось, что кто-то подглядывает за нами.

«Понятно теперь?» – спросила она.

Честно говоря, я думал, что такие нелепые совпадения-разоблачения бывают только в плохом кино. Сочини я подобный сюжетный поворот, и мои мастера на сценарном факультете от души надо мной бы поржали.

«У этой истории есть смешное продолжение», – написал я.

«Не интересует», – она ответила.

«Оно вполне потянет на главу в “Библиотеке блевоты”».

«Я не хочу с тобой ничего иметь общего».

И через пару минут еще один выстрел, контрольный:

«Надеюсь, оно того стоило».

Я тоже очень надеялся.

И надеялся очень зря.

Я предлагал Лиане увидеться, а она сливала меня: не давала однозначных отказов, но каждый раз выдумывала отговорки, которые озвучивала зачем-то на видео в телеграм-кружочках, разумеется, поигрывая своим язычком и глядя в камеру взглядом, в котором читался коктейль из печали, снисхождения и отвращения. Я понимал, что ничего не будет, но не мог почему-то остановиться: как заведённый продолжал раз в несколько дней куда-нибудь ее звать. Банально, но я себя чувствовал бездомным щенком, которого почесали за ухом и сразу же оттолкнули.

В том марте Стамбул – хотел я того или нет (не хотел) – давал мне распробовать свою неожиданную начинку. Это лишь поначалу он притворяется добреньким, поживите там хотя бы полгода, и он обязательно приоткроет свое нуарное нутро: издевательское кривляние фонарей на поверхности чёрной воды, наблюдаемое с пустого (если не считать трех спящих бездомных, себя и литровую бутылку из-под дешевого вина, катающуюся по палубе взад-вперед) парома-призрака, который в четыре утра причаливает к пристани Кадыкёй, где нет ни единого дерева, только мрачно-жёлтые камни домов – вот что такое Стамбул для меня, а не скумбрия в хлебе и пахлава.

До переезда в Таиланд я прожил в этом городе десять месяцев и за это время успел неплохо его узнать. Я знаю единственную сеть супермаркетов, в которой продается гречка. Знаю, что в районе Фатих стоит появляться только в том случае, если тебе жаль уезжать из Стамбула и ты хочешь утвердиться в своем намерении это сделать. Знаю другие районы, в которые лучше вообще ни при каких обстоятельствах не заходить. Знаю расписание ночных паромов через Босфор. Знаю круглосуточные бары, где пиво дешевле, чем в магазинах. Знаю клубы с приличной музыкой, куда при удачном стечении обстоятельств могут впустить мужчину без женщины, хотя в целом это не принято, особенно в клубах с приличной музыкой. Знаю месторасположение всех турников в городском округе Мальтепе. Знаю, что в пять утра по субботам пешеходную улицу Истикляль очищают от нечистот водомётами. Знаю много чего ещё.

Познавая такого рода нелепости и премудрости, я ночами и днями бродил по этому бескрайнему мегаполису, из которого Лиана успела уже уехать.

Впоследствии, в моменты острого одиночества я иногда задумывался: как бы изменилась моя стамбульская жизнь, если бы на ту вечеринку я приехал один, без Лианы? Может, я все-таки влил-

ся бы в это сообщество эмигрантов, называющих себя релокантами, в ту ночь мне представился очень хороший шанс. Хотя кого я обманываю? Чего я по-настоящему не умею, так это вливаться в какие-либо сообщества. Я в любом случае был бы один.

Лиана оставила после себя не так уж и мало: я стал счастливым обладателем ебанутой истории про тиндер-свидание, а это дорогого стоит. Но я все равно на нее обижался и злился. Чтобы хоть как-то взбодриться и отыграться, я на ходу остервенело записывал голосовые, рассказывал эту байку кому только можно и даже кому нельзя.

Люди сочувствовали, возмущались, смеялись, но одна реакция – от тамбовского поэта с лицом Брета Истона Эллиса – запомнилась мне сильнее других:

– Потрясающая история. Она очень многое говорит о современной эмиграции. Примерно так я всё себе и представлял.

В Тамбове, в Рязани, в Северодвинске, в бесчисленных других городах нас – уехавших – ненавидели почти так же сильно, как мы ненавидели себя сами.

В конце апреля на меня рухнула невиданная мной ранее сумма денег. Хотя вру, единожды виденная: когда я еще учился в школе, отец взял большущий кредит на машину, принес из банка наличные и ради прикола дал мне их поддержать, сколько-то аккуратных пачек красноватых банкнот. «Ты сейчас держишь в руках миллион», – он сказал. «Ну нихуя себе», – я подумал.

И точно так же подумал, когда после многих месяцев экономии на грани выживания ровно такая же сумма высветилась в банковском приложении.

Одна сомнительная кинокомпания внезапно заплатила мне гонорар, на который я давно уже перестал рассчитывать. Договор на сценарий был заключен год назад, сам сценарий написан еще на два года раньше, так что сумма действительно воспринималась натурально свалившейся с неба.

Волнение смешалось с радостью в пропорции три к одному, но радость оказалась отравленной: ее было не с кем отпраздновать и разделить, отчего эти деньги казались жестокой насмешкой свыше. Больше всего хотелось отпраздновать с бывшей женой, но она по-прежнему меня игнорировала. Только после того, как она перекрыла мне этот кран, я осознал, как много наше общение значило для меня. Быть может, весь секрет в том, что она когда-то меня любила? Но это уже не имело значения.

Так или иначе, я решил хоть чем-то себя наградить: как минимум чтоб не скатиться в крошечное уныние, не взращивать жалость к себе. Нью-бэлансы покупать я не собирался, так что всё празднование свелось к тому, что я стал ещё больше пить, а также установил новое, на этот раз платное приложение для знакомств, специализирующееся на всевозможных разновидностях так называемого секса.

В течение следующего месяца я обнаруживал себя на долбоёбском квизе по Гарри Поттеру в компании тучной оперной певицы из Иркутска или же в элитном районе Шишли: в кровати с вебкамщицей Ксюшей из Сочи – девушкой озабоченного нефтяника-живчика, мастурбирующего и снимающего нас с ней на телефон. Особой разницы я не видел, особого смысла всё это не имело, я плохо себя узнавал. Уже сам не понимая зачем, я продолжал ходить на эти бессмысленные свидания и вот однажды оказался напротив рыхлой неприветливой женщины сильно за тридцать. Мы сидели на верхнем пустующем этаже бара в квартале Мода и вымучивали глупый утомительный диалог.

«Что происходит? – спрашивал внутренний мой ребенок. – Прощайся и уходи, тебе же совсем это неинтересно, она же тебе не нравится». Я был рад, что он еще жив, в смысле ребенок этот, мой внутренний. Но зачем-то все-таки произнес свой любимый вопрос:

– Может быть поцелуемся?

– Ты уверен? В этом нет какой-нибудь жалости или подобной херни?

Я приблизился над столом, закрыл глаза. Мы поцеловались. Нормально. Язык показался каким-то слегка коровьим, но да, нормально. Нормально. Я сказал ей, что она нормально целуется в отличие от Лианы.

– Слушай, ты прям конкретно на ней залип.

– Почему это?

– Да ты весь вечер только и делаешь, что рассказываешь про нее. Ты разве не замечаешь?

– Нет. Блядь. Может быть.

– Я тебе говорю.

– Это что получается, я теперь из этих, которые на первом свидании рассказывают про бывших?

– Получается так.

– Хотя она мне не бывшая даже. И вообще это, если что, не влюблённость, а что-то другое, не знаю. Какой-то сложносочиненный загон.

– Понимаю. Вернее не очень, но это не важно. Короче, не заморачивайся.

Мы выпили еще несколько неловких стаканов пива и навсегда разошлись. Она – не знаю куда, а я – через набережную на все тот же задроченный автобус маршрута 19F: несмотря на свое новое финансовое положение, я так и не полюбил гонять на такси.

Контуров древних дворцов и мечетей равнодушно светились на далеком другом берегу. На черной воде привычно кривлялись разводы фонарного джуса. Во мне неудобно что-то ворочалось после того поцелуя – нормального, но совершенно не нужного никому.

Время приближалось к полуночи, но набережная Кадыкёя не совсем еще опустела, и приунывший, за день уставший аттракционщик не торопился пока уходить: несколько воздушных шаров продолжали болтаться на нитке, натянутой между двух палок, воткнутых в прибрежные валуны. Никто меня не зазывал, я сам к нему подошел. Спросил, можно ли пострелять. Даже не знаю, зачем. Наверное, захотелось еще немного потратить. В ответ он кивнул мне слегка удивленно: аттракцион-то детский.

Я стрелял почти что в упор, с расстояния в два-три метра. Смотрелось это нелепо. Две сладкие парочки даже остановились понаблюдать и поржать, оживленно переговариваясь на турецком. Молодые надменные женщины в тесных кожаных куртках и их идеально подстриженные мужики.

«Может, я не туда стреляю? Может, их угандошить, прелестных таких?» – случайно и как-то даже беззлобно подумал я, но продолжил стрелять по шарам, которые один за одним превращались в резиновые тряпочки наподобие рваных презервативов. Седьмой, восьмой, девятый... Все десять штук.

После последнего обе парочки мне иронично поаплодировали. Я улыбнулся им, показал большой палец, и они, вполне этим пальцем удовлетворенные, весело отвалили.

Вернул пистолет, заплатил за выстрелы. Хоть и выбил все десять, ушел ни с чем. «Ну и что? – я подумал, когда уже сел в автобус. – Всё честно». Призов никто мне не обещал.

СОБАЧИЙ АНГЕЛ

Рассказ

Таня не любила Пермь за суету и шум, одновременно с этим – серость. Особенно свой район Водники. Там жизнь как будто бы остановилась: люди жили в деревянных бараках, построенных в 30-х годах для работников камского речного пароходства. Танин дедушка так и получил тут двушку с печным отоплением. Когда из администрации пришли люди и сказали – будем расселять, семья Тани первой поставила нужные подписи. Все, кроме деда. Тот послал всех к лешему и никуда из своей заработанной квартиры в доме, который едва держался на пяти досках, выезжать не собирался.

Больше всех переезда ждала Таня, потому что боялась соседа, которого за любовь к дворовым собакам прозвали Бобка. Старик-пьяница, и зимой и летом ходивший в черной шубе на голое тело, пугал ее в темном подъезде, хватал за руки, плевался. Таня жаловалась на него родителям и деду, но те махнули рукой – мало ли кто твой сосед, надо жить со всеми мирно. Ну не любит человек детей, что поделать? Он войну прошел, уважать надо. А старик кидал из окна бутылки, пьяный носился за детьми с топором. Однажды на глазах у Тани порубил ее единственную куклу – по всему двору валялись части ее резинового тельца.

Таня проревела всю ночь, а потом придумала.

У Бобки была прикормленная собачонка, уличная дворняжка Кузя. Единственное существо, которое старик обожал так, что когда спускал всю пенсию на алкоголь, то на сдачу брал для Кузи сосиски. И других дворняг угощал. Таня решила, что раз старик украл у нее куклу, то она поступит точно так же с тем, кого он любит. Подкараулила Кузю, завязала на ему шею поясик от мамкиного халата, потащила к реке. Дотянула собачонку до середины моста, привязала – как читала в книжке – кирпич и столкнула в воду. Хлопнуло, пошли круги... И стихло, будто и не было ничего.

Старик искал свою собаку неделю, а потом с горя помер.

Когда во дворе с ним прощались, вышли из кустов бездомные собаки, штук десять, а то и больше, Таня перепугалась и спряталась за мать. Собаки смотрели, как гроб кладут в грузовик, а потом тихо пошли за людьми – покойников провожали тогда всем двором – до самого поворота на кладбище, и никто не думал их прогнать. Помнили, что Бобка любил собак больше людей.

В новенькую семизатжку семья Тани перебралась после смерти деда – в точности, как тот и говорил. После она школы поступила в медицинский, мечтала об ординатуре в Москве. Отец пил по-черному, мать была занята двумя младшими близнецами. Находиться дома было невыносимо, и Таня перебралась в общежитие. Комнатка четыре шага в длину, две деревянные кровати, две тумбочки, один стол и один стул – предполагалось его делить с соседкой Олечкой из Березников.

Анна Безукладникова родилась в 1987 году в г. Кудымкаре Пермского края. Участница литературного клуба «Конь текста». Выпускница литературных курсов Vard, CWS. Публиковалась в журналах «Знамя», «Юность», «Сибирские огни», «Пашня». Живет в Москве.

Туалет и душ – на этаже. У кого-то висел и маленький телевизор, можно было приходить и смотреть, но даже он не делал комнату уютнее – баловство для богатеньких. Но Тане в общаге было лучше, чем дома – так и жила, подрабатывая по вечерам простыми работами в больнице. Там и познакомилась с кудымкарским Васей, проходившим там практику, веселым и добрым парнем. Начали встречаться, и в конце осени поехали знакомиться с его матерью.

Таня влюбилась в Кудымкар – тихий, спокойный город. И не нужна ей никакая Москва – зачем? Кто она там будет? Пылинка. А у Васи мать – заботливая, улыбчивая женщина – работала в местной поликлинике, значит сможет помочь обоим с работой. «А на Рождество-то приезжайте, встретим всей семьей», – велела она, и Таня расцвела. Хорошо, когда есть такая семья. Такая мать, о какой ей всю жизнь мечталось.

Январь молодым сквозняком вырвался из ледяного городка на кудымкарской площади, покрутился возле елки – скучно! И сбил со всего маху снежную шапку каменному Ильичу. Жаль, никто не заметил его шалости – время было позднее, люди уже весело отгуляли и пьяные разошлись по своим квартирам, погреться и с семьями встретить Рождество.

Снежно вздохнув, январь метнулся в сторону домов. В окнах мелькали гирлянды. Первый подъезд, никаких тебе домофонов – заходи кто хочет, добро пожаловать! Январь побежал по лестнице, устоялся на дерматиновую дверь, в центре нее медный ромбик – «1». Январю нравились единицы, он втиснулся в щель под дверь и попал в прихожую, обитую драным кошками пенопластом. По полу прокрался в комнату, а там сидели за праздничным столом: Таня и Вася, его мать, его бабка, его старший брат с женой, тетка с мужем, их десятилетняя дочь и сосед-гармонист.

Вася был разгоряченный, радостный, пьяный. Таня им любовалась. И столом огромным, размером с город: домашнее пиво, пельмени со щукой, картофельные шаньги, чернянь – рыбный пирог, квашеная с клюквой капуста, юрок вильотны – варево из свиных голов и ног. Его съели первым, и оставшиеся кости мать Васи сложила в мешочек и понесла на улицу.

– Обряд такой, – шепнул Вася. – Мать верит, что собачьи ангелы эти кости жрут и собакам дают, чтобы те сторожили двор. Обычно в деревнях у нас так делают на Рождество, чтобы в доме был порядок, и скотина хорошо жила.

– Первый раз слышу.

– Но-о. А если собаку-то обидеть, накажут по-своему как-то...

Телевизор надоел – выключили, и заиграл гармонист. Задорно, весело. Таня положила себе в тарелку рыбного пирога. Смеясь над тем, как Вася танцует под гармонь, откусила кусок, начала жевать и вдруг поперхнулась – кость встала в горле. Из глаз потекло, дышать стало неважоту, а люди вокруг не могли понять, что ей стало плохо, думали, видимо, что над Васей хохочет до слез.

Таня кашлянула, еще раз, глаза выпучила – и упала под стол.

– Кто пирог сготовил? Мать, ты? – кричал и бился в истерику бедный Вася, и держали его двое мужиков, чтобы он не наделал еще большей беды. Мать причитала и охала, сосед отложил гармонь:

– Скорую, что ли? Или уже кого?

Таня будто бы и слышала голоса, но уже ничего поделать не могла – вытянуло ее из тела через левую ноздрю в открытую форточку и понесло по ветру, вдоль дороги Кудымкар – Пермь. На повороте встретила своего деда, тот грозил ей пальцем и велел возвращаться в дом, на месте которого уже давно было пепелище. А там... Показалось, что ли? Будто носилась по берегу собачонка с пояском на шее.

Таня метнулась прочь и направилась к своим, с трудом нашла улицу и нужный дом – сверху тяжело было понять, никогда не видела город так, как видят его птицы. Подлетела к кухонному окну. Прислушалась: близнецы кричали и отбирали друг у друга леденец, отец говорил матери, что хорошо, что избавились от Таньки, все равно она ему не родная. Мать закусывала водку соленым огурцом и пустыми глазами посмотрела в окно – увидела ли она дочь? Или только голубя, который врзался в стекло, да и слетел прочь.

Таня вернулась. Заметалась по ночному морозному Кудымкару, опасливо облетая других таких же – души залетали в форточки гадающим, вступали с ними в разговоры. Захотелось и Тане поиграть с живыми, но сначала надо было к Васе. Утешить его, попрощаться по-хорошему.

Окна были зашторены, света нет. Таня спустилась к подъезду, а в дверном проеме встал косматый старик в черной шубе на голое тело, и не пускает. Обглаживает какие-то кости, ухмыляется. Таня в нем узнала соседа-пьяницу, чью собачку она в детстве утопила. Какие-то веселые люди вышли из подъезда сквозь старика. Бобка злобно зыркнул на Таню, дунул на нее гнилью и смрадом так, что помутнело у нее в глазах. Начала она сжиматься, уменьшаться в размерах до тех пор, пока не стала меньше стариковского кулака. Схватил Бобка ее жирными от костей пальцами и положил в карман.

Январь, успокаивая нервы, раздувал над улицами пушистый снег, и случайные прохожие доставали смартфоны, чтобы его сфотографировать, шепча друг другу: «Смотри, как падает под фонарем красиво», но на снимках все смазывалось и приходилось любоваться вживую. Взрывались во дворах петарды, в темноте гремели огромные сверкающие шары, от которых разлетались розовые и зеленые брызги.

В это время за гаражами в груди старого тряпья, чуть вздрагивая, но не решаясь искать другое место, разродилась дворовая Жучка. Щенков вышло пять, и последним вылез шестой – хиленький. Между лап – перепонки, светлая шерстка в слизи и крови. Бобка – собачий ангел оказался рядом: ласково потрепал уставшую Жучку, накормил ее костью, полюбовался щенками. Шестой не пищал и не шевелился. Взял старик из кармана Танину душу, и через кулак вдул в пасть последнего.

Таня всхлипнула, вдохнула, еще раз и еще. Ей хотелось есть, темнота окружала ее, но была понятна и уютна. Таня знала, что рядом – та, с кем ей наконец-то будет безопасно и тепло, та – кто защитит и накормит. Запах молока. Запах матери.

Она любила рыбу.

Хороша была щука, с её гладкой, серебристо-зелёной чешуёй, переливающейся на солнце. Её мясо было белым и сладким. Рыба – нежность, рыба – сила, рыба – мать всех рыб. А каков окуны! Окуньки блестили в Иньве как драгоценные камни – поменьше щуки, но мяско у них такое же белое и нежное, косточки мягкие и безобидные. Вкус окуньков был сладковатым и свежим, словно сама река наполняла Таньку своей силой.

Караси были плотнее и землистее. Карась – крепок, маслянист и тягуч. Карась хрустит на зубах, он не так-то прост. Кости его острые. Человеком Танька умерла от карася, но простила его – или, точнее говоря, не так. Прошлое не оставило следов в ее собачьем разуме, который перестроился и стал понимать жизнь иначе.

Июнь раздувал прибрежную траву, словно гладил по шерсти огромную зеленую собаку. Рыбаки ловили хрустящего карася. По деревянному тротуару к мосту шла старуха в черном, злая как черт. Шла, прижимая к себе котомку с купленным с пенсии пшеном, мимо развалившейся на разогретых солнцем досках Таньки. Видимо, помешала она старухе, взяла она и пнула собаку под бок. Танька взвизгнула и показала старухе зубы – крепкие, еще молодые, но ввязываться не стала. Пошла прочь, вынюхивая куда бы пристроиться, и вдруг потянул ее знакомый запах.

Бобка ждал ее на берегу, словно какой-то розыгрыш. А, нет – правда он.

Танька прижала уши, опустила хвост.

– Иди сюда, иди.

Он похлопал по траве рядом с собой. Его черная шуба пахла материнским молоком и вареной щукой. Хороший запах. Танька устроилась рядом с ним и обиженно смотрела на старуху в черном, которая набросилась с руганью на какую-то девчонку.

– Как собака, – подумалось Таньке.

– Да хуже, – сказал Бобка и шепнул июню что-то в ласковое ухо.

Поднявшийся из травы ветер погнался вслед за старухой и задрал ей юбку так, что рыбакам стало видно ее исподнее, вырвал из рук котомку и бросил в реку. Ушла на дно котомка, вывалилось из нее пшено, и в речной глубине два карася благодарили рыбьего ангела за посланное с небес чудо.

Денис БЫЧИХИН

РЕГУЛЯРНО ХОДИЛИ ЖИТЬ

выставка живых тропических
Насекомых
рождение бабочек на Ваших глазах
вот и рай

Концептуалист в раю
знает службу свою:
менять местами таблички,
оставленные Адамом,
вплетать спирали сомнений
в кустистую панораму,
навязывать Еве гендер,
музеефицировать кратеры,
потом идти на ковёр – бледнея, спорить с куратором.

Метафора, слово само похоже на снег ноздреватый.
Берег один в хляби, другой покатый.
Молчат на одном, на другом треугольник света.
Тыльник надежд
кого-то зачем-то где-то.

Денис Бычихин родился в 1975 году в Хабаровске. Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат философских наук. С 2006 года живёт в Туле, сотрудник Тульского историко-архитектурного музея. Публиковался в журналах «Арион», «Крещатик», «Волга», TextOnly, «Флаги», «Этажи», на сайте «Полутона», в альманахе «Среда» и др. Автор книги стихотворений «Слова и знаки препинания» (2020).

вот значит касательно трансцендентного
иногда холод
перестает мучить
иногда голод
делается вторичным
иногда дела
перестают казаться
всасывают щупальца под чешую
иногда слова
защищают как будто всегда за тебя на своём
на птичьём
трансцендентное просто не социальное
выключаюсь и даже во сне пою

Рядом с отелем, где мы жили в Тунисе,
был участок
заброшенного отеля.
Параллелепипеды в африканском бурьяне.
Дёрн и рытвины,
переплетенья торчащих корней.
Среди дня,
в часы солнцепёка,
всё это казалось гигантом,
спящим, буграми мышц, под покрывалом.
Тогда я думал,
как много на свете мест, где Бог отдыхает,
где ему хорошо.

регулярно ходили жить
потому что кому ещё
проскальзывали под пращей
пращнику говорили диафрагмой дыши

спасали деревни в предгорьях
выдыхали ну вы даёте
телевизор хотя бы изобрели
просыпались
после триумфов при перелёте на пружинящих лаврах земли

Интересно, что частная метафизика
смущает,
когда кто-нибудь говорит о надмирных
предметах и силах,
ангелах, как правило,
именно частно, с извивом,
дескать, это бездомные или санитары.
Вкручивает литературу в гимны.
Кричит через гул коллективной надежды,
разрушая арену, где идёт многотысячелетняя пьеса.
Расшатывая стены, спасаемые плющом.
Предлагая брудершафт рефери.
Первое, что думаешь: сколько ему лет.
Второе: когда бы каждый.
Третье, поправив пуговицу: прости его, метафизика.

Ленивые бегут свой марафон в чистилище,
а в них кидают ил,
а в них кидают илище.
Теперь их страх забыт,
и всё понятно им.
Счастливые ленивые бежим.

Мы не торопимся в Стамбул,
под этот купол,
в этот гул.
Вселенский, междустенный.

В домах теней,
в садах зари
мы ничего не говорим.
Нам не попасть в Стамбул,
как пленным.

Мы собираемся домой.
Мы переполнены зимой,

почти что светом.
Прости меня, язык земли,
я вспоминаю корабли,
идушие, без слов, к своим планетам.

всё время они пьют глинтвейн
задевая вон там шиповник
здания их похожи на рафинад в горсти
согреты иным теплом
перед самым крыльцом воздушные кони
листья просвечены как виноград
застилают полы кажутся дном
наведался как-то сказал чтобы пели тише
после вернулся просил петь
сначала думал они нувориши
потом что разведка
теперь что РСДРП

засыпан снегом виноградник
туман в горсти
но мы в пути и знаем ради
чего в пути

пускай хохочет рядом ветер
займи займём
темны мансарды листья плети
пока идём

шаг прирастает новым шагом
пора на свет
как будто этот снег бумага
как будто буква каждый след

передай мне подрядчик эту ночь
куст хватающий этот песок летящий
всезевающую цитадель над чащей
все долги всевоздушным карманом скрытые

склеенный сном комок
выбредая из этих ландшафтов туристом сырым как лист
набирая за пазуху формы
здесь пою где тычинки и корабли
нас где много кому подошвами фьорды ми фьорды

Кажется, это нормально.
Начинать, различая лишь оболочки слов,
обещание материала,
намечать горизонт,
губы сжав, собирать элементы пейзажа,
слово пуговицы пришивать к рубашке.
Мир появляется,
строчка прихватывает рукав.
И вдруг понимать, что плачешь,
застаешь себя в плаче,
в песке.
Слишком мало надежды в строке.
Жаль, но молчаний прав.
Только музыка налегке.

Перебирая словеса,
как бахрому на шторе,
глядишь в цивилизий сад.
И блик столовом на приборе.

Там техник насекомых стук,
в комбинезонах там.
И буквы рыщут по листу.
И буквы тоже там.

И не вникая в их дела,
но выдыхая их,
проводишь, как мираж, слова
через листву живых.

Было их много, проворных орангутангов.
Воздух скрипел,
сыпалась наша фаланга.
И кричал командир:
– Я тебе лягу.
И цвела эта жизнь, презирая всё то,
что ценила бумага.

И когда мы пошли вперёд,
шевели губами в прорехах шлемов,
я не знал ни кто мы,
ни где мы.

Только эти цветы под ногами
и воздух этот,
в эпицентре тщеты,
в эпицентре победы.

хлеб и воду нам принесли
и поставили на лист какого-то дерева
там в принципе всё казалось гигантским
ветки как ребра колоссов
я спросил
как же наша ярость и зависть и трусость особенно трусость
мне сказали
пока они с вами
как буквы
всё будет для вас гигантским

ЧТО-ТО, ЧТО ТЫ КОМУ-ТО ДОЛЖЕН

Рассказ

С теннисного корта раздавался размеренный стук мяча и смех. Я смотрел то на нее, то на него и ждал, когда их ярко-зеленый мячик перемахнет через сетчатый забор и полетит в мою сторону. Оба в белых поло, с напульсниками на запястьях. У него специальная повязка на лбу – чтобы пот не заливал глаза, у нее – спортивный козырек, из-под которого торчал на затылке тугой хвост русых волос. Он все время мазал и картинно падал на корт, выкрикивая что-то глупое, чтобы повеселить ее, а потом не спешил вставать. В этот день у него, видимо, не было настроения играть всерьез. Она звонко смеялась, глядя на его выходки, но в смехе ее чувствовалось разочарование от матча. Этим солнечным утром она был настроена выложиться на полную, но все планы рушил партнер.

Мячик в очередной раз улетел за пределы площадки; он вытянул длинную руку, делая вид, что пытается дотянуться до него – и рухнул на покрытие. Она вновь засмеялась, но уже не так весело. Затем досадливо воскликнула:

– Андре-е-ей, ну ** твою мать!

– Не, Анют, – отозвался он, подтягивая под себя ноги, – все-таки последний бокал вчера был лишним.

Я смотрел на этот цирк, сидя на ящике с водкой, и ждал, когда мячик перемахнет через забор прямо ко мне. И хотя я наблюдал за кортом не первый день, этого так и не происходило. Да, наверное, и не могло произойти, ведь герои теннисного корта и работники алкогольного склада в реальной жизни не пересекаются. Я поник головой и сплюнул на асфальт. Слюна, упав в толстый слой пыли, свернулась в шарик. Вдруг я услышал пронзительный женский выкрик и тут же резкий стук мяча о ракетку. Это была Анюта. Наконец-то ее партнер выдал отличную подачу, и девушка изо всех сил вложилась в ответный удар – коротко вскрикнула на выдохе, представляя себя Марией Шараповой. Ее теннисная юбка в складку при этом сильно взлетела, обнажив розовые панталоны... Розыгрыш гейма затянулся, и Анюта еще несколько раз показала мне свое нижнее белье так, что мое воображение разыгралось и я живо представил ее спортивную молодую фигуру на полотне Дейнеки, чьи работы я незадолго до этого видел в Эрмитаже.

– Чего вылупился? – послышался грубый голос за спиной.

Это был наш бригадир Гена, в прошлом запойный алкаш, у которого теперь на шее, в области ключицы, была вшита подкожная ампула с ядом. Он как-то рассказывал нам, грузчикам, как на

Алан Цхурбаев родился в Тбилиси в 1976 году. Окончил факультет иностранных языков Северо-Осетинского государственного университета. Главный редактор литературного журнала «Дарьял», составитель сборника прозы современных русскоязычных писателей Осетии «Здесь были», сборника стихов «Острова Терека». Участник писательских семинаров в Липках, различных литфестивалей (в т.ч. «Белое пятно» (Новосибирск), «Красная площадь» (Москва) и многих региональных). Живет и работает во Владикавказе. Рассказы печатались в журнале «Дружба народов», региональных изданиях.

последний Новый год вырезал ее сам себе ножом, чтобы хорошенько напиться, а потом снова зашился. «Не, ну Новый год – святое дело...» – отвечали грузчики, такие же алкаши, и кивали.

– Чего смотришь, ну? – спросил Гена, хитро улыбаясь и подбородком указывая на корт, где прыгала Анюта в панталонах. Глаза у него при этом похотливо сверкали. – Давай вперед, Асланчик! Ты же кавказец, ты должен трахать все, что движется! – и захохотал, обнажая ряд страшных редких зубов.

Я на секунду оторопел от этого нового знания о себе, потом растер подошвой свой плевков, поднялся и молча пошел внутрь. Перерыв заканчивался, надо было возвращаться в зал, таскать ящики с бухлом.

На склад я подался потому, что Белобрысая, с которой я тогда жил, хотела на море. Вот только денег у нас тогда хватало только на еду вроде шпротного паштета и немного дешевого портвейна по особым случаям. Этим случаем как-то стал концерт «Модерн Токинг». Там мы перед сценой упились этого портвейна просто до ужаса. Как мы добрались в тот день до общаги, никто не помнит, но сохранился снимок ужасного качества, который она сделала. Я там улыбаюсь в камеру как идиот, а за мной на сцене стоит в черном плаще Томас Андерс с микрофоном и поет «Ёмаха, ёмасо». Когда я смотрю на это фото, думаю о том, в каком странном сочетании реальности тогда я жил – работа грузчиком, диссертация, поп-концерты, комната на двоих в общежитии, фонтаны Петергофа... И много еще чего.

Стипендии аспиранта мне хватало только на электричку до города и обратно, поэтому я подался грузчиком, чтобы заработать на море. Сначала я, правда, пошел устраиваться продавцом в книжный магазин, но там какой-то боров посмотрел мой паспорт и сказал, что с временной регистрацией они никого не берут, хоть ты им весь курс мировой литературы перескажи. Это было странно, мы тогда там были кем-то вроде нелегалов – без права на работу, но при этом с обязанностями вовремя сдавать главы диссертации.

Тогда я решил набрать одному родственнику, номер которого дала мне мама для особых случаев перед самым отъездом в Питер. Ну я и решил, что этот случай настал. Так я попал на торговый склад алкоголя у станции метро «Черная речка», где-то в тех местах, где Дантес убил Пушкина. Я каждый раз думал об этом, когда шел от метро до склада: настраивался на работу... Там, кстати, не только Пушкина убили. На углу одной из улиц стояло огромное заброшенное здание с выбитыми окнами, и на столбе рядом была приклеена листовка: портрет парня с короткой стрижкой, которого нашли мертвым прямо на этом углу. В тексте листовки сообщалось, что ищут свидетелей того случая, и я все время останавливался, вглядывался в лицо того человека и думал, найдут ли когда-нибудь свидетелей.

Другие грузчики на складе на меня посматривали подозрительно – какой-то молчун-кавказец, который не пьет и у которого один дополнительный день – среда. Этот выходной мне пришлось себе выбить через того же родственника, потому что среда была для меня кафедральным днем, и вместо того чтобы грузить водку, я грузил всех в университете своими новыми находками в области французской журналистики. Научным руководителем у меня был один плечистый мужик с греческим именем, который три года подряд, каждую среду, говорил мне одну и ту же фразу: «Привет, Асланчик!» Проблема заключалась в том, что меня не звали Аслан. В моем имени на одну букву меньше, но эта очень маленькая и простая деталь никак не могла зафиксироваться ни в голове моего бригадира-алкаша Гены, ни в голове моего научного руководителя, доктора политических наук. Ну хоть трахаться меня не заставляет, думал я каждый раз при этом.

Все остальные дни, кроме среды, я проводил на складе. Зимой там было тяжело, приходилось в перерыве сидеть в нашей каморке и играть в шахматы с одним долговязым стариком.

Больше заняться было нечем, я даже не курил. Этот старик был очень благородного вида и говорил не о том, о чем другие. Он красиво рассказывал о своем саде, о деревьях, но, к сожалению, он тоже был спившимся алкашом. Как-то раз после смены я чуть задержался, переодеваясь, минут на десять, не больше. Когда же наконец вышел со склада, прямо у подъезда уже валялся этот старик, и пустая бутылка «Столичной» покоилась рядом. Ну и скорости у вас тут, подумал я и пошел своей дорогой.

Когда потеплело, стало проще. Можно было выходить на улицу и глазеть на теннисный корт, а больше мне ничего и не нужно было. Странное ощущение – наблюдать за этими здоровыми, красивыми людьми в идеально-белой спортивной одежде из нашего спившегося дна, мира опустившихся, морально разложившихся людей. Водочный склад и теннисный корт были разделены высоким сеточным забором, и я все смотрел и удивлялся: почему мячик еще ни разу не перелетел через забор в нашу сторону? Они лупили по нему изо всех сил, мяч перелетал во все стороны, но никогда – в нашу. Как будто нас разделяло энергетическое поле из «Звездных войн». Я так втянулся в эту игру, что твердо решил – в день, когда их мяч окажется на территории склада, я уволюсь.

Помещение было гигантским, до потолка заваленным коробками с бухлом. Работали мы по двое. Когда поступал заказ, из офиса спускали накладную. Один брал рохлю, другой лазил по завалам из коробок и искал нужные ящики с водкой. «Шесть “Ювеналов”, три “Матрицы” и один “Топаз»». Когда заказ бывал собран, рохлю с накладной спускали на грузовом лифте вниз, откуда ее забирали фурунги.

Иногда к нам на перекур выходил Джазо, блатной тбилисский курд, который за нами присматривал. Джазо был настоящий дзвели бичи¹, и по этим понятиям относился ко мне как к своему дзмао²: каждый раз лез по-тбилиски целоваться при встрече. Русские всякий раз открыто смеялись над этим ритуалом, но Джазо не принимал их во внимание – гораздо важнее было соблюсти блатной этикет. У меня все это поначалу вызывало дикую неловкость, но чем чаще я слышал смех, тем сильнее начинал подыгрывать и лез целовать его щетинистую щеку пофактурнее, чтобы повеселить трудяг. Странно, но несмотря на эти культурные различия, Джазо отлично ладил со всеми. Чувство юмора у него было, правда, странное: шутил он с серьезным лицом, а когда, наоборот, говорил нечто серьезное – улыбался во весь рот. И еще у него была одна козырная шутка, которую он периодически повторял, и каждый раз успешно. Там в конторе работала прекрасная молодая девушка, даже не помню толком, чем она занималась, но постоянно ходила с бумажками из одного офиса в другой мимо нас. Формы у нее были совершенно не питерские, скорее московские, а то и вовсе краснодарские. И каждый раз, когда мы смотрели на ее зад в духе фламандского барокко, Джазо кидал нам:

– Такую только зимой трахать.

Мы все прекрасно знали окончание этой шутки и молчали; но какой-нибудь новичок обязательно в недоумении спрашивал:

– Почему зимой-то?

Тогда Джазо, бросив окурок под ноги, отвечал:

– Чтоб не простудиться.

И шел обратно в офис раскладывать пасьянс на компьютере. Толпа смеялась, и смех был в равной мере искренним и нет.

Так как большинство из нас на этом складе были оформлены нелегально, то зарплату мы получали в конвертах этажом выше. Обычно мы стояли в небольшой очереди в кабинет. Внутри

¹ Дзвели бичи – приблатненный, авторитет. Разг. (Здесь и далее груз.)

² Дзмао – брат.

сидел всегда один и тот же тип, жутко похожий на Юрия Гагарина. «Заходи, студент», – говорил он мне вежливо. «Аспирант», – поправлял я, а он поднимал глаза, делал какое-то невероятно сочувственно-грустное лицо и спрашивал: «Вот скажи мне, аспирант, если мы такие умные, то почему такие бедные?» В этот момент всегда хотелось врезать ему так, чтобы он улетел в открытый космос, но оставалось только расписаться в ведомости и забрать свои гроши.

Постепенно необходимая сумма на проект «Анапа» начала собираться. Белобрысая устроилась официанткой в ночной клуб и стала там зарабатывать больше, чем я на складе. Перспективы нашей поездки стали уже более реальными и вскоре, после очередного кафедрального дня в университете, я поехал в кассы у Казанского собора, отстоял там пару часов в очереди и купил два боковых плацкартных билета до Анапы с возвратом через две недели. Оттуда я поехал на Черную речку, чтобы забрать на складе последнюю зарплату и попрощаться с работягами.

– Трахни там за меня одну телку, а? – как-то слишком серьезно попросил меня бригадир Гена.

– Не переживай, Гена, самую красивую выберу.

– Спасибо, Асланчик! – чуть ли не со слезами на глазах произнес он и тут же добавил: – Только имя им свое не называй: не даст ведь никто! – и захохотал, снова обнажив ряд своих страшных зубов.

В чем-то Гена был прав. Мое имя в предварительных ласках имело какой-то странный эффект. Я еще перед отъездом в Питер подозревал, что что-то пойдет не так. Помню, мама, собирая меня в дорогу, вдруг очень строго сказала: «Ты мне смотри это, без глупостей там! А то знаю я этих русских – охмурят, и сразу голову потеряешь». «Ты что, мам, – ответил я тогда. – Я им свое имя назову, а если понадобится, то и фамилию, тогда точно сразу отстанут».

В дорогу мама приготовила четыре просто гигантских бутерброда из лаваша с домашними котлетами (по две в каждом бутерброде), с домашней же аджикой. Четыре – потому что ехали мы тогда с Беном, по два на каждого. Бен – это очень высокий и очень носатый черножопый, мой друг. Он был чуть старше меня и на тот момент уже пару лет учился в Питере. В Минводах Бена хлопнули менты за то, что пока он был в Осетии на летних каникулах, не оформил временную регистрацию на проживание в родном доме. Такова была Россия начала нулевых – хочешь двигаться, умеешь регистрироваться. Но мне потом было жутко неудобно перед Беном, потому что я точно знал, почему те менты к нам подкатили. Дело в том, что, когда мы вышли на остановке в Минводах, на мне были идеально чистые кроссовки белого цвета, ярко-зеленые и очень широкие спортивные, которые я выклянчил перед поездкой у двоюродного брата, и дорогая черная кожанка поверх. У мусоров не было шанса. Тогда они отняли у Бена шестьсот рублей, но, к чести Бена, надо сказать: из всей той поездки позже он всегда вспоминал только бутерброды.

«В России бабы сами на тебя кидаются», – говорили мне друзья с какой-то завистью в глазах, зная о моем скором отъезде. Но прошел месяц, два, и никто на меня не кидался. Это было странно, потому что мне говорили, что ничего делать не нужно, они просто берут и сами кидаются. Но этого не происходило. Я начал беспокоиться. И тут я как-то ехал в пустом ночном вагоне электрички «Питер – Ораниенбаум», и девушка в кожаной юбке из угла вагона, слегка покачиваясь, пересела на место напротив моего, очень красиво мне улыбнулась, широко раздвинула ноги и произнесла:

– Там ничего нет.

– Совсем ничего? – опешил я.

– Из одежды, – уточнила она.

Ну наконец, подумал я. Не соврали кенты. Просто чуть по времени не угадали... Следующие двадцать минут мы провели с ней в тамбуре, где было холодно, но у нее под юбкой было теплее.

И там действительно ничего не было. Это происходило как в эротическом фильме на старой видеокассете – ровно до тех пор, пока она не спросила мое имя, а я, дурак, его не назвал. Она как-то вся съехала, скрючилась, как будто яд проглотила. Я еще зачем-то добавил: «Хотите, паспорт покажу?», я ведь тогда постоянно носил паспорт в кармане – ментам показывать, но этим окончательно все испортил. На ближайшей остановке она вышла без слов. Просто не попрощавшись.

На следующий день я вертел в руках бумажку с ее номером, который она успела оставить до нашего личного знакомства, и думал: звонить – не звонить? Вечером я все же спустился вниз и от вахтерши позвонил. Пока ждал ответа, рассматривал записки, которые там, прямо на столе у вахтерши, оставляли жители нашей общаги друг другу. Одна почему-то запомнилась навсегда. Там было написано: «Андрей, ***, оставь ключи!» Тут на том конце провода кто-то ответил, какой-то незнакомый, взрослый женский голос. Я успел только поздороваться и попросить Алену, так ее вроде звали, но голос сообщил, что такая там не проживает, и в трубке пошли гудки.

Я плюнул на эту историю, поднялся к себе и сел за работу. В те дни я пытался написать рассказ на основе попавшейся мне от родственников рукописи. Это были дневниковые заметки моего прадеда, простого горца, который в царские времена отправился в поисках удачи на другой край света. Написанные от руки листы лежали передо мной, и я как раз работал над тем моментом, когда их пароход прибыл в Канаду, когда вычитал эту фразу:

«Городское население Галифакса встречало нас с любопытством. Среди встречающих было много молодежи. Веселые, красиво одетые и очень культурные люди. Мне стало за себя стыдно и завидно в то же время. Я не мог на них насмотреться, и у меня потекли слезы от мысли, для чего мы, осетины, живем на земле, неужели только для того, чтобы коптить белый свет».

Я закрыл рукопись и лег спать к чертовой матери.

В последний день перед отъездом на море меня позвали играть в футбол против дагестанцев, я этого никак не мог пропустить. Обычно мы играли на поле за нашей общагой на улице Кораблестроителей. Дагов там жило много, и практически все были борцами, поэтому на поле они носились как лоси, и никакие наши хитрые тактики против них не срабатывали. Они просто нас перебежали. Мы играли все лето раз в неделю, и осетины проигрывали всегда, и с крупным счетом. Но в тот день как будто что-то случилось, я даже не могу это объяснить, но мы просто стали одним целым – я, Сос, Тамик, Азамат, Азат, Валера и другие. Мы вдруг просто стали одной командой, черт знает почему. Ну и Бен на воротах просто какие-то чудеса творил. Пот с меня катился, как с Зидана, мы сыграли основное в сухую ничью, потом так же и дополнительное. Когда пошли пенальти и мы начали забивать один за другим, даги принялись биться в истерику, такими злыми я их никогда не видел. Они просто не могли поверить в происходящее, да и мы сами тоже.

Когда настала моя очередь бить, мы уже вели в счете, и мой удар мог стать решающим. Я понял, что вот так неожиданно и пришел тот самый момент, который ты будешь вспоминать о себе. И уже через минуту будет ясно, что именно ты будешь вспоминать – что ты неудачник или все-таки что-то сумел. Я неплохо бил пенальти во дворе, не силой, но техникой мог уложить мяч в угол. Но проблема была в том, что еще никогда в жизни от моего удара не зависело так много. Это был самый главный матч в моей жизни. Это меня и подвело. Разбегаясь, я уже представлял, как мы празднуем победу, а этого делать было нельзя. Видимо, поэтому я ударил не очень удачно, верхом, но не сильно, и широкоплечий Мансур легко и без какого-то напряжения достал мяч. А потом мы проиграли. Вечером мы все вместе сидели в коридоре общаги и пили пиво, а я не мог смотреть ни на кого, особенно на дагов, которые были вообще-то классными ребятами, но в тот момент я не знал, кого я больше ненавижу – их или себя самого.

На следующий день мы с Белобрысой уселись в поезд, и я сразу залез на верхнюю полку. Я

понимал, что в последнее время был немного не в своей тарелке от этой поездки, потому что впервые ехал в романтическое путешествие со своей женщиной на море – совсем как когда-то давно, наверное, мои родители, или чьи-то еще родители, и я понимал, что ни черта не готов к этому всему. И я решил спокойно поразмышлять над тремя вопросами.

Вопрос первый: куда движутся наши отношения с Белобрысой?

Вопрос второй: кто я?

Вопрос третий: будет ли когда-нибудь еще такой же важный матч в моей жизни, как вчера?

Решил начать с третьего вопроса. В футбол я играл ровно столько, сколько себя помню. В моем тбилисском детстве взросляки часто играли двор-на-двор, и, судя по тому, как они матерились, это тоже были очень важные матчи для них... А как-то раз весь наш двор замер от новости – Нугзар вышел из тюрьмы. Я слышал это имя всю жизнь, и не только потому, что его младший брат, Алик, учился со мной в одном классе. Просто это имя знал весь микрорайон, каждая семья в каждой девятиэтажке вокруг нашего маленького футбольного поля, а это очень много людей. И вот вскоре после того как Нугзар откинулся, взросляки устроили очередной крутейший матч двор-на-двор. Мы сидели на дереве, матерились как умели и болели за наших, а конкретно за Нугзара. Очень худой, быстрый, смуглый кожей. Вы бы видели, что он творил! Асфальт плакал под его ногами. Но он бы так не запомнился, если б не его выражение лица – полностью отрешенное, холодное, даже надменное, как и положено настоящему отсидевшему вору, ведь именно за это он и сидел. Это было сильнейшее впечатление.

Воровская романтика была тогда в большом почете, я даже сам не заметил, как стал вдруг разговаривать блатными прибаутками. Хоть убейте, не могу вспомнить, где я их понабрался, но в моем лексиконе появились частушки, шутки и мудрости по фене. И вскоре по двору пошел слух обо мне как о чуваке, который может этими знаниями поделиться. А так как русский язык я знал лучше многих во дворе, то вскоре к нам в дверь начали стучаться незнакомые люди и спрашивать меня. Мама насторожилась, а мне стало немного жутко. Особенно я поразился, когда два здоровых грузина, старше меня на пару лет, которые раньше часто меня доставали, подошли ко мне с блокнотом и ручкой и вежливо попросили записать что-то им там.

Один из тех двух грузин, Коба, часто ловил меня. Башка у него такая здоровая была, типа как у Сыроежкина в «Электронике», и голос похожий. Как-то он стащил с меня шапку и стал с ней кататься на велосипеде вокруг здания детского садика. Одной рукой держал руль «Школьника», другой мою шапку. Я был вне себя от злости, смешанной со страхом. До этого один курд отнял мои новые перчатки, которые я всего-то раз надел, и я не смог ничего сделать, слишком он был сильный и наглый, просто пришлось проглотить это. Но, возможно, именно поэтому второй раз я решил действовать. Когда Коба уже в который раз проезжал мимо меня, дразня и размахивая шапкой, я разыскал в кустах длинную ветку, разбежался и с криком «Мэ вар Дон Кихот Ламанчеури!» пронзил ей колесо велика. Грохот от падения был жуткий, я думал, Коба прибьет меня, но вместо этого он бросил мне шапку и начал громко, со слезами на глазах, причитать по поводу сломанного велика. Я даже посочувствовал ему, уж больно жалкими казались эти погнутые, вырванные из колеса спицы, похожие теперь на грузинские буквы.

Так вот, когда Коба со своим дружком подошел ко мне на улице с блокнотом и ручкой и попросил научить его блатной грамоте, я уже не боялся его как раньше. Я выбросил окурочку воображаемой сигареты, сплюнул в пыль и спросил его:

– А ты уверен, что ты этого хочешь?..

– Ну да, – ответил он.

– ...Или убежден? – медленней, со значением добавил я.

Он замолчал, ничего не понимая, но я его спас:

– Это и был твой первый урок, Коба. Никогда не молчи на разборках. Момеци шэни блокноти¹.

Я стоял и с чувством победителя записывал там что-то типа «Крути педали, пока ***** не дала», и тут вдруг услышал холодный голос за спиной:

– На вора качаешься?

Я обернулся. Это был Нугзар. Даже не знаю, с чем сравнить сам факт того, что он сам, первый заговорил со мной. Это значило, что я теперь в другой лиге. Я что-то промямлил в ответ, пытаюсь скорчить такое же безразличное лицо, какое было у него, а он сказал что-то типа: «Маладец, бичо», – и медленно пошел дальше смотреть, где что плохо лежит.

В те прекрасные дни воровство по мелочи стало нашим обычным делом. Рубль из бабушкиного кошелька на видеосалон, арбуз на базаре, яйца в магазине, микроскопы на складе... Про микроскопы промолчу, пожалуй, до сих пор не понимаю, зачем мы туда полезли. А зачем нам нужны были яйца? Да просто: поднимаешься на крышу девятиэтажки и кидаешь ими в прохожих! Они начинают ругаться, а мы, чтобы не поймали внизу, бежим по всей крыше от десятого подъезда до первого и дальше несемся по лестнице, заодно стучась во все двери. Кстати, арбузы нам нужны были для того же самого. Эх, видели бы вы, что остается от арбуза, сброшенного с крыши шестнадцатиэтажки... Ничего, большое мокрое пятно.

А как-то раз я украл настоящий мяч. У ребенка.

Я ничего не собираюсь говорить в свое оправдание. Но все же, может, этого бы и не случилось, если бы у нас был хоть один нормальный мяч во всем дворе. Я до сих пор не понимаю, почему в Советском Союзе был такой дефицит с футбольными мячами. Это никак меня не извиняет, но почему во всей нашей большой компании друзей мяча не было ни у кого? Ну, я могу понять дефицит продуктов, это, наверное, не так просто решить, но дефицит мячей? Почему они стоили так дорого и почти никто не мог их себе позволить? Мы очень долго играли не мячами, а камерами. Резиновыми камерами от порванных мячей, у которых стерлась оболочка и осталась только камера, которую мы клеили-переклеивали по тысяче раз. Обиднее всего бывало когда, ударяя ногой, попадаешь по твердому резиновому пупку этой камеры: это всегда было очень больно. Но больше играть было нечем... Ну, один хороший мяч в компании у нас все-таки был – у Мамуки. Но он хранился у него дома – в серванте за стеклянной дверью. И когда мы приходили к Мамуке, то подолгу стояли напротив этого мяча и просто смотрели. Так никогда и не достали его из серванта. А Мамука стоял чуть позади нас с довольным видом единственного обладателя этого сокровища и главного его охранителя. Его важность и надменность мы ощущали спинами – как и боязнь, что он перегрызет нам горло, попытайся мы дотронуться до этого мяча. Эту черту характера он удивительным образом сохранил и даже удачно монетизирует – через десять лет Мамука станет работать в охране у Эдуарда Шеварнадзе, тогдашнего президента Грузии, и получит в свой «сервант» вместо вялого мяча вялого старика.

Шанс поиграть нормальным мячом случался на школьной физре. Как предмета у нас ее никогда не было – учитель, ни имени, ни лица которого я не помню, кидал нам мяч и удалялся в свою каморку пить цинандали и рубиться в нарды. И правильно делал, потому что большего счастья для нас, пацанов, не существовало. Даже переодеваться в спортивное не надо было: скинул пиджак, снял галстук, закатал штанины, чтобы не пачкались, – и вперед. Играть в футбол с одноклассниками мне удавалось куда хуже, чем во дворе, ведь я был почти на год младше всех в классе. Поэтому приходилось всегда стоять в защите. Хотя какая там защита, все просто носились за мячом толпой. Я же все чаще околачивался возле своих ворот. Но именно так я и забил лучший гол в своей жизни. Наши все побежали к воротам ненаших и смешались там в одну кучу.

¹ Давай сюда твой блокнот

Я заскучал, так долго они там возились. Уже потерял интерес, но тут кто-то выбил мяч, и он, подпрыгивая на асфальте, устремился точно ко мне, прямо под правую мою ногу. Думать ни о чем не нужно было, я сделал шаг вперед и, чуть наклонившись влево, со всей дури вложился в удар. Все замерло, кроме мяча. Только он летел – над полем, над домами, над школой, над директрисой, над улицами, над блатными и над простыми, над деревьями и над собаками, над виноградниками, над холмами и даже еще выше, над Тбилиси и Кутаиси, над стадионом «Динамо», где шел матч, – пока, наконец, не влетел сквозь чьи-то руки, мимо удивленных лиц, прямо в «девятку», и тут же под ним, вытянув руки, пролетел Заза Тамоев, который стоял на воротах. Через секунду я лежал на земле, а на мне сидел весь мой класс. Они меня били, душили, дергали за волосы... по-другому радоваться мы не умели.

А тот мяч, за который мне стыдно, он просто свалился на нас в один день. Был день, мы сидели у кромки нашего футбольного поля во дворе и болтали о том, чье кунг-фу сильнее, и тут я увидел, как на балконе, кажется, десятого этажа ближайшего корпуса, появился малыш с мячом в руках. Переваливаясь с ноги на ногу, малыш поднял свою ношу над головой, дотянулся до перил (уже в тот момент я сказал ему мысленно: «Давай, я знаю, ты можешь это сделать...») и скинул его вниз. Мой план был готов еще до того, как мяч коснулся земли. Я быстро поймал прыгающий мяч, подобрал с земли осколок стекла, нацарапал на мяче крестик и велел всем сейчас же начать играть в футбол. Через пару минут из подъезда дома вышел отец малыша и приблизился к нам с претензией. Уже зная свою роль, я подскочил к этому дядьке и ткнул ему свежим крестиком на мяче в лицо:

– Ай, нахе!¹ – Дескать, мяч-то наш, мы его давно поместили, чего хочешь?

До сих пор помню, как он почесал свою тыкву, развернулся и ушел. И до сих пор не понимаю, как это возможно. Актер я тот еще, но, видимо, наглости уже поднабрался к тому моменту, это и сработало.

Это был легендарный мяч. Забыл сказать, что он оказался баскетбольным. И следующие два года мы играли в футбол баскетбольным мячом. Тяжеловат, конечно, но ничего, привыкли. В каких только приключениях он с нами не побывал... Мы им так дорожили, что даже с Олежкой стали вести подсчет его «смертей», то есть случаев, когда мы его чуть не лишились. Как-то раз я запустил его в окно первого этажа в первом подъезде нашего дома и разбил стекло. Мяч залетел внутрь квартиры. Вскоре из стеклянного пролома высунулся голый по пояс молодой дядька и на грузинском спокойно пригласил нас зайти. Мы наложили в штаны, но делать было нечего, зашли. Дома этот спокойный тип оказался уже в майке, сел напротив нас и долго молчал. Он не стал устраивать скандалов, искать родителей и все такое, хотя было заметно, как он недоволен. Просто помолчал для важности, попугал своим молчанием – и отдал мяч. Достойный чувак, спасибо ему. Когда мы уходили, из комнаты с широкой улыбкой вышла молодая женщина в халате, и мы потом весь день ржали с Олежкой, что не просто окно выбили чуваку, но и секс обломали.

В другой раз мяч тонул в Куре, это было в районе Дидубе, и мы бежали за ним очень долго, с пару километров, наверное, пока его не начало прибывать к берегу, и какой-то взросляк не спустился по внутренней лестнице и не поднял его нам. И таких клинических смертей у того мяча было штук с двадцать, не меньше, мы ведь с утра до ночи на улице околачивались и в приключения попадали.

А через несколько дней, тем летом, случилось землетрясение. Был поздний вечер, дома у нас все готовились спать, и когда все зашаталось, мы сначала подумали, что это опять Любимовы с шестого этажа над нами устроили дискотеку, но потом наша люстра из чешского хрусталя задрожала так, что с нее искры посыпались. Мы всей семьей бросились вниз: я, самый младший,

¹ Вот, смотри!

за мной папа, который потом сопьется, мама, которая умрет от рака, старший брат, с которым я разругаюсь, – все мы бежали вниз по лестничной клетке и держали друг друга за руки. Все ходило ходуном, двери распахивались, соседи выскакивали из квартир, из мусоропровода выпрыгнула прямо на меня гигантская крыса, а когда мы уже были на первом этаже, вырубился свет. В полной темноте выбежали на улицу спального района на краю гигантской империи. Через несколько минут людей на улице стало столько, сколько на Маракане, когда Бразилия в финале проиграла Уругваю. Кто-то успел взять с собой одеяла, хотя было очень тепло, другие просто громко кричали. Мы семьей стояли, обнимая друг друга, и мама так сильно прижимала меня к себе, что было даже чуть-чуть больно. Постепенно страх отступил, люди начали по-соседски болтать, зазвучал смех. Через минуту я услышал знакомые звуки: кто-то лупил по мячу на поле, за глухим ударом ноги о мяч следовал звонкий удар мяча о железную сетку забора. Не успел я удивиться этому, как услышал позади знакомый низкий голос:

– На ворота встанешь?

Я обернулся. Это был Нугзар. Он широко улыбнулся, сильно обнял меня, а потом земля снова задрожала, раздался скрип колес, и я проснулся.

Было утро следующего дня, поезд быстро приближал нас к курортам Черного моря. Белобрысой нигде не было, я слез с верхней полки и огляделся. По-хорошему надо было идти умыться, но в те дни туалеты в поездах закрывались на время стоянок. Прекрасная была пора.

– Молодой человек, – услышал я женский голос. В отделении купе напротив сидела женщина каких-то там лет, точно не моих. Накануне я ее тут не видел. Немытыми глазами я уставился на нее. – Вы знаете, – сказала она, – у вас очень белая кожа.

Ну началось, мелькнуло в голове. Так, надо сказать свое имя, а если понадобится, то и фамилию. Чтобы сразу избавить себя от глупых эротических игр.

– Знаете, дама, – сказал я, – снаружи я белый, но внутри – насквозь черный. Даже прописку могу показать. Вы и имя такое вряд ли слышали. Его даже мой научрук не смог запомнить, а он-то человек знающий – профессор, голова!

Тут дама неожиданно оборвала:

– Можно вам дать совет?..

Я насторожился, а она продолжила:

– С такой нежной кожей вы быстро сгорите на море. Вы же, петербуржцы, по полгода там у себя солнца не видите. Вам сгореть – нечего делать. И подруга ваша такая же.

Петербуржцы, значит... Это мы-то с Белобрысой... Которая хоть и белобрысая, а в паспорте у нее похлеще моего набор глухих согласных.

– Спасибо, – сказал я вполголоса. – Большое человеческое спасибо за этот совет... – И за чем-то, уже громче, прибавил: – Кстати, а знаете, как по-осетински «Петербург»?

– Мне-то это зачем? – вдруг напрягшись, спросила дама.

– Бетырбух, – сказал я.

Через сутки мы с Белобрысой вывалились в ужасно жаркий день на вокзале Анапы, прямо в шумный шалман местных жителей, предлагающих жилье. В городе мы сняли комнату в пристройке у трансформаторной будки, а оставшиеся деньги распределили по дням. В сутки нам будет хватать на еду с рынка и литр крепленого краснодарского вина. В первый же день я сгорю на солнце так, что весь покроюсь волдырями размером с теннисный мяч, и ко мне нельзя будет прикасаться все две недели.

Михаил НИСЕНБАУМ

ВРЕМЕНА ГОДО

Подсказка

Ночью желтый умопостигаем,
бездну листьями метут березы.
Нет просвета – есть смола проталин,
холода распахнутые позы.

Свежих шахт разинутые трубы,
гласных пересохшие колодцы.
На зимы порубленная грубо
гробовая тишина несется.

Лишь одна в отвалах безвременья
за ночную рябью листопада
зоркая звезда горит как надо,
высоко неся живое зренье.

Это точка гибельной эпохи,
аонид чердачное оконце.
Зреет, прозревает в Сандармохе
уцелевшее ночное солнце.

И в полярной ночи есть прореха,
вольности раскольничья опаска.
На ушко горит спасенье смеха,
дружества нагорная подсказка.

Арчимбольдо

1.

– Пожалуйста, если не больно,
сложи меня, как Арчимбольдо,
из тех вещей, что скоро портятся,

Михаил Нисенбаум родился в 1962 году в Нижнем Тагиле. Работал художником-оформителем и маляром, был учеником и секретарем проф. А.Ф. Лосева, двадцать лет преподавал латынь, занимался редакционно-издательской деятельностью. В настоящее время читает лекции по истории искусства, участвует в экспедициях по Русскому Северу, снимает документальное кино. Публиковался в журналах «Октябрь», «Волга». Автор нескольких книг стихов и прозы.

от взгляда вмиг воспламеняются,
срываются, спеша ускориться
и легче легкого ломаются.

Грудную клетку справь, как флейточку
из полых тростниковых веточек,
толкай по венам цвет пионовый,
цикад и солнц песок неоновый
и мрака не жалея любезного!
Сбрось из окошечка небесного
мой ум – из паутины лестницу.
Сложи меня...

– Что-то не клеится.

2.

Пожалуйста, если не больно,
сложи меня, как Арчимбольдо,
из затуманенных пейзажей
и сытных запахов гуаши,
из лени на июльских дачках,
шмелиных поп в цветочных пачках,
из нескончаемого бегства,
из комканого предков детства,
вагонов стука грозового,
сердцебиенья призового,
из хрупкостей огнеопасных,
противоречий непролазных,
из нестыковок, что не клеятся:
умножь, делись тем, что не делится.

Синь

Желтых птичек-мимоз: синь!
Свист выводит на слух цвет.
Каплю в лужи ладонь кинь,
милостынь межсезонных примет,

потаенно оттает вода,
чтоб по самому тонкому льду
цокала на цыпках звезда,
привкус пульса звенел во рту,

и в усопших деревьях, кустах
и с сутулых холмов спин
в желтых перышках бог Птах
солнцу марта свистел: синь!

Даль из-под льда

Лед не останавливает реку.
Под корою лютого порядка
в глубину вперенное украдкой,
зрение не видно из-под века.

Что смотреть с закрытыми глазами?
Сны? Пророчества? Воспоминанья?
Пузырится паузы экзамен
линзой угнетенного сознания.

Лед – не потолок речного лёта, –
соль – жена сбегающего Лота.
В страшном сне страна остолбенела
во вчерашнем дне заостенела.

Даль реки – подледная свобода,
адресок нашептанный спасенья.
Мы храним в подполье небосвода
свет и грозовые отраженья.

Мне синицы свистом нагадали,
что февраль не держится годами.
Захрустят ледащие застенки.
Задрожат тюремщиков коленки.

Затрещит постылое надгробье,
исполняя волю половодья,
и от смерти бог оттаит плотью
прогревая травы свежей кровью.

Снег – это пресная соль небес,
манна пошаговой тишины.
Снег наш насущный даждь нам днесь –
перебелить черновик страны.

Отмель заката, гарь, колеи.
Соль под ногами – не соль земли.
Тлеет ад подошв на ходу,
легкий привкус войны во рту.

Космос с наших гниет голов:
лес в огне, проржавели льды.
Звезды отталкивает нелюбовь
в зимние хляби болотной воды.

Вместо сердец костры горят.
Вроде, бог – любовь, говорят?
Ну, обнимемся, мой дружок,
чтобы снова пошел снежок?

Сегодня не слыхивать слыхом
в берлогах дворов ни звука.
Смех смехом – медвежьим снегом
весь город с утра убаюкан.

Сугробов молчали звери,
и только в единственном доме
тихонько мяукали двери,
звоночек-чирик знакомо,

тянули дубовую ноту
томами тяжелые полки,
в стекляшках немого года
смеялись огня осколки.

Пока не раскутался город, –
огромный гул в колыбели, –
есть пара часов одобрить,
что слышать мы не умели.

Есть пара часов на точность,
любовь и хороший почерк,
на веру в господню очность
под кровом снега и прочих.

Аполлон заболел ветрянкой.
Мать Латона ворчит на сына,
окуная перышко в склянку,
злой зеленкой пятнает спину.

Рыжекудрая Афродита
заслоняет улыбку рукою:
зубы деве Гефест сердитый
вправил в брекет шаткой строкою.

Подними на уроке Гермеса –
не ответит он ни бельмеса:
засмотрелся до звону синю

на зевающую берегиню.

Дует март в миллионы дудок
любопытных грудных былинки,
убегает гулять рассудок
по дворам ожиданий длинных.

Береги весенние травы,
вороши предчувствия-мифы!
Время выть от противного нрава
переменчивой Суламифи.

Накануне божественной неги,
за неделю до полного блеска,
красоту лови за полвека,
не смежай в кои сонные веки.

Четвертое апреля

Слово «ноябрь» – ключи от дома,
слово «январь» – из той же связки.
Нас запирают снаружи снова
в прошлом, во льду, в Бугульме, в Белоярске.

Слово «март» словно ключ от машины.
Где он? В портфеле? Во сне? В кармане?
Сажай сугробов чернит вершины
двигатель муторного сгоранья.

«Апрель» – точно паспорт с открытой визой.
Кто забыл запереть ворота?
Тянет влагой сверху и снизу:
как-то знобит, зазывает кто-то.

Май, о май! Это даже не слово –
трав притяжательных дружное соло,
свист перелетный птичьего неба,
легких наречий пых, припевы.

Вёсны – ветер в окне вагона,
вёрсты в даль путешествий невольных,
встречи на зябком краю небосклона
и расставаний влюбленный воздух.

Слово «июнь» – полустанок в поле,
нежно-зеленый рой междометий.
Слово «июль» – табун глаголов,
зрение зреющих столетий.

В скважине ключ журчит скрипичный.
Дверь открывается – что творится!
Космос гляди какой симпатичный!
В вербном пушку у тлена рыльце.

Там

Нет никакого «там».
Смерть – это чистый спирт:
вдох за прекрасных дам,
смех про заочный вирт
с тем, что осталось здесь,
с той, что сияет днесь.

Просто в тот самый час,
в самый бессмертный миг,
счастьем двойным лучась
пей эту жизнь за двоих –
нынешнего молодца
и себя-мертвеца.

Только так ты найдешь
и не утратишь вдруг,
как лупит листья дождь,
что произносит друг.
Только в зренье двойном
вы спасетесь вдвоем.

Дрожью издалека,
блажью из нетей, недр
движимые пока
смертный вечер так щедр.
Мы наливаем рай
в склянку, чей треснул край.

Выживет здесь и там,
что ты забросишь вдаль,
даже не по летам
юношеская печаль.
Вписывай эпилог
в кровь сегодняшних строк.

Третье лето

Флорист лесов, холмов и полей,
ты пестрым жужжанием разнотравья
легко застилаешь широты шмелей,
долготы кузнечиков – цепкого рая.

Как ловко, легко, без малейших забот
на многие тысячи километров
тыводишь бодяк, иван-чай и осот,
огни кизилка с мхами северных фетров.

Лимонную льянюку, зубцы василька,
яснотку и жаркую искру жучка.
Прошу тебя, мастер нарядного лета,
составь мои мысли в подобье букета,

чтоб тайная радость дышать и глядеть
на волны-валы дождевого разгула
душе не мешала сверкать и болеть:
пускай бы война уже охолонула,

защелкнулись остовы в темных шкафах,
отхлынул пожар непростенья в сердцах
и нынешних битв разрывные поля
опять разнотравьем лечила земля.

Садовник тайги, домовый пустырей,
заоблачный скульптор туманов и радуг,
затки львиным зевом наш век-колизей,
быльем умягчая булыжник парадов.

Пускай не «илы», а пчелы гудят,
пускай без осколков грозы гремят.
Пускай наши крови, дыханья, права
сживутся, как в поле цветы и трава.

Помраченно

Час, когда за раскаты грома
примешь дрожь борта грузового,
колесо чемоданного гроба
вдоль булыжника грозового.

День, когда запутаны лица –
суетливой тоски вязанье.
Провода мелькают, как спицы
в неурядице привокзальной.

Год, когда камланья тумана
в низком своде над головами,
как клубы дымящего стана,
что не станут никак облаками.

Расколдуй нам хоть на минуту
межеумочное «как будто»,
оторви пригвожденные краски
погребавшей нас злой сказки.

Дрожь мотылькового раскрылка,
обрывок гробовых пелен –
послание стихов в бутылке
доставит бог, как почтальон.

Он небо мирно обестучит,
всех воскресит – и всяк получит
вино причастья вскрытых строк,
когда, кому – нечеток срок.

Ведь стих, в отличие от писем,
хоть трижды адрес укажи,
от воли волн одних зависим,
от соли мировой души.

Слух – не замок с чудным секретом,
что отворяем словом-светом,
он – дар чудить и сочинять
и бездной звукам отвечать.

Кто внемлет, кто слова вдохнет,
зрачком додышит что поймет
и дальше перешлет в улыбке
крылатость строчек из бутылки:
что живо – жарче оживет.

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО!

Рассказ

Недоброе утро

День, казалось бы, задался, все убежали, дети в школу, муж на работу, и Сауле, молодой хозяйке большого дома, досталась прекрасная часть дня для того, чтобы закончить свой проект и сделать еще кое-что по дому. С мурлыканьем она садится за ноутбук, рядом ароматная чашка кофе, а за окном радуется глаз сияющая чистота утра.

– Доброе утро, айналайын, все уже ушли? А что не разбудили? Я бы вместе с вами позавтракала? Ну, да ладно, давай чай попьем. Я сама все приготовлю, ты пока занимайся своими делами, – напугал погрузившуюся в работу Сауле сладкий голос свекрови. Бабули, как ее называют домочадцы.

– Да что Вы, я сейчас все сделаю, – пытается она ответить как можно вежливее.

– А? Не трудно тебе? Тогда ладно, ладно, айналайын, – улыбаясь, тихо говорит Бабуля, шурясь на солнце. – Какой ясный денек, а?

Бабуле за 80, она живет вместе с сыном, невесткой и двумя их детьми-подростками в большом уютном доме, в котором, однако, невозможно найти угол, если вдруг Бабуля чем-то недовольна. И сегодня, Сауле это уже предчувствовалось, что после вчерашнего, затеянного Бабулей по своей доброй традиции «серьезного разговора» о семейных ценностях, всех домочадцев ждет нелегкий день. Чай готов. Бабуля и ее невестка садятся вместе за накрытый стол. Все стоит в строго заведенном порядке, и Сауле со старанием наливает ей чай с молоком, так же в строго определенных Бабулей пропорциях.

– Наверное, постираю шторы сегодня, потом надо будет съездить к Кларе, проведать, давно ее не видела – сладким голосом говорит Бабуля.

– А как доберетесь, мама? Может, завтра с Амиром съездите, он запланирует время, а то сегодня у него, я точно знаю, никак не получится.

О господи, как она могла произнести это слово – «не получится»? Как? Реакция свекрови была предсказуемой и мгновенной, глаза недобро сощурились, брови холодно приподнялись.

– Ну, да, конечно, как всегда, не получится. И в прошлый раз не было времени и сегодня тоже – в голосе свекрови зазвенел металл – А когда вообще у вас время есть для меня? Ох, что-то солнце так светит, просто слепит...

Она резко встает и *задергивает шторы*. Начинается традиционный обход всего дома с раздраженным задергиванием штор во всех комнатах, сопровождаемый тихим шипением и проклятиями, на какие только богат наш родной язык. Невестке остается только тихо сопровождать

Асия Хайруллина родилась в 1957 году в Алматы. Окончила Алматинский государственный театрально-художественный институт (ныне Казахская национальная академия искусств им. Жургенова) по специальности художник интерьера и оборудования. Профессиональный художник-акварелист. Публиковалась в журнале «Дактиль».

свекровь из комнаты в комнату в попытке быстро устранить с дороги рассерженной Бабули любые, как ей кажется, неправильно лежащие вещи и предметы. Правда, иногда Сауле удается от отчаяния огрызнуться себе под нос, но это бывает крайне редко, потому что она точно знает, к чему это может привести, если свекровь услышит.

Никто не может объяснить, почему в доме начинает что-то происходить, стоит только Бабуле разозлиться и задернуть шторы в доме – может вдруг отключиться свет, вода, протечь стиральная машина, сгореть утюг. А самое главное, дома сразу напрочь исчезает всякая связь – прекращаются или прерываются звонки, не работает вообще никакой канал связи с окружающим миром. Длится это ровно столько, сколько длится плохое настроение у Бабули.

Недаром все родственники ее побаиваются, ведь она может беспричинно учинить скандал на ровном месте и по самому ничтожному поводу. Все эти бури всегда сопровождаются крепкими ругательствами и такими жестокими проклятиями, что никому не хотелось бы услышать их еще раз. Произносить проклятия – очень плохой знак, как всем известно, и самые суеверные утверждали, что проклятия, которые произносила Бабуля, не раз сбывались.

Несостоявшийся шедевр

Так вот, в тот самый день, когда разозленная отказом отвезти ее к подруге Бабуля шла крестным ходом по комнатам, задерживая шторы, где-то в далекой Японии, на уютной террасе у мастера Иошихиро Санада уже все было приготовлено для работы: бумага манит своей белизной, разложены краски, разведена тушь, ровными рядами лежат великолепные, проверенные многими шедеврами кисти. Иошихиро застывает от удовольствия и предчувствия. Несмотря на то, что он давно признан самым лучшим в живописи бокусайга, перед каждой новой работой мастер волнуется и переживает как в первый раз.

Кисть ныряет в тушь, виртуозно опускается на бумагу и растекается в легкий, парящий мазок. Еще один, еще... И вот на свет появляется изящный цветок с живыми и нежными лепестками. Осталось только легко оттенить цветок, и работа готова. Да, готовиться к живописи приходится долго, обдумывать, искать вдохновение, а сама работа рождается очень быстро. Только настоящее мастерство позволяет этого добиться.

Иошихиро прищуривается, легко опускает кисть в приготовленную краску и.... Откуда-то сверху с отвратительным хлопаньем на бумагу падает грязная капля. Нет, не краски... с довольным карканьем в небе кружит ворона. Мастер лихорадочно пытается убрать возникшее ниоткуда пятно, но оно только тянется за кистью и размазывается самым подлым образом на только что расцветшем прекрасном цветке.

Так совпало, что грязная воронья капля упала на картину ровно в тот момент, когда Бабуля, на другом конце света, задернув штору, проворчала – *Адыра қалғыр!*¹ Где-то в отдалении послышались раскаты грома, и этот сияющий день совсем неожиданно просто потух...

К вечеру

Кажется, наконец все успокоилось, Сауле потихоньку раздвинула все шторы, еще раз проверила, все ли соответствует свекровиному порядку в доме, приготовила вкусный ужин. Амир и дети

¹ Пропади всё пропадом!

наполнили дом шумным гомоном, от которого в доме стало уютно и отдохнувшая Бабуля уже готова была расцеловать всех от своей большой, никуда не умещающейся любви. Амир, торопливо доедая ужин, с радостью сообщил: – Мам, а давай в выходной позовем твоих подружек к нам. Я гонорар получил сегодня, купим барана, сделаю вам сырне¹. Посидите, поболтаете, а то совсем что-то давно у нас никого не было.

– Спасибо дорогой! Как ты догадался, что я уже скучаю по подружкам? Только днем об этом с Саулешей говорили.

Ага, с «Саулешей», и еще и просто «говорили». Не видел он, как все в доме хлопало и трещало от такого «тихого» разговора.

– Да, ну, – вдруг запротестовали дети – Опять эти старушачьи разговоры слушать. Будут пересчитывать кто умер, кто болеет и чем. Смеяться над шутками, которые мы наизусть уже знаем. Надоело...

– Ну-ка тихо! Что это за разговоры еще? Где ваше уважение, а? – попытался Амир привести их в чувство, но было уже поздно.

– *Старушачьи? Спасибо, дети, на добром слове!* Я, наверное, пойду к себе в комнату, что-то голова заболела, наверное, давление поднялось!

Так, как виртуозно умеет это делать только наша Бабуля, никто не может показать свою несчастность и униженность. Вдруг, совсем захромав, втянув голову в плечи, она выползает из-за стола и пошатываясь бредет в свою комнату. Дверь медленно, со скрипом закрывается. Слышится хлопанье окна и опять шум задергиваемых штор.

В бесплодном ожидании

В джунглях Амазонии, на берегу реки Хенгу, племя рыболовов и собирателей корней занимается обычным для себя делом. Но сегодня особенный день. Сегодня все готовятся к великому таинству, которое будет проводить шаман Сенгава. Он знает все целебные и колдовские свойства растений и должен помочь молодому воину Гатава и его жене Магад зачать ребенка.

Шаман разжигает пламя в хижине, рассаживает женщин и воинов вокруг сидящей на земле в окружении свечей пары. Начинается его таинственный ритуал, сопровождаемый танцем и громкими взываниями к Духу Первого Вождя, который, по преданию, когда-то давным-давно прилетел к предкам племени в коконе, принесенном вихрем. Танец увлекает всех сидящих в хижине в хоровод, мужчины и женщины впадают в транс, потом, следуя шаману Сенгава, выходят из хижины, оставляя пару в одиночестве.

Гатава робкий молодой воин. Он побаивается своей жены. Она намного его старше, потому что осталась ему в наследство от недавно умершего дяди. Его сверстники давно обзавелись многочисленным семейством, и только Гатава никак не может преодолеть страх и неприязнь к своей назначенной племенем жене. Поэтому и детей у него, соответственно, не получается. В этот раз шаман тихо пригрозил воину проклятьем и тем, что больше никогда не будет ему помогать, если Тагава не сможет сегодня же овладеть своей женой.

К счастью, на этот раз заклинания шамана и танцы воинов помогли. Тагава был готов к сражению за свое потомство. Но в самый ответственный момент вышедшая на ночную охоту гигантская амазонская многоножка нанесла ему свой подлый удар. Тагава с криком боли и отчаяния

¹ Жаркое из свежей баранины с овощами.

оттолкнул жену, убив укусившую его тварь. Ему повезло, что яд многоножки не может убить человека, а вызывает только сильную боль, жар и слабость.

Воин еще попытался продолжить начатое, но ему уже было не до жены. Жар и спутанное сознание сделали его абсолютно бессильным. После долгой и бесполезной борьбы с равнодушной плотью, безжалостная Магада с отвращением плюнув в сторону супруга, оттолкнула его и, отвернувшись к стене хижины, скоро захрапела.

– Почему ты не укусила ее? – тихо спросил Тагава у разрубленной многоножки. Он бы сейчас отдал все на свете, лишь бы эта злобная старуха, наконец, заболела или, еще лучше, умерла бы. Вот тогда племя даст ему полную свободу в выборе своей любимой женщины, и у него обязательно появятся дети.

Но вся штука была в том, что эта гигантская многоножка появилась в хижине Тагавы именно тогда, когда в гневе Бабуля задернула шторы в доме у подножья таких далеких Тянь-шаньских гор произнесся очередное проклятье – *Тұқымы құрғыр!*¹

Примирение

Амир вместе с детьми, которым было строго наказано не обижать бабушку, смиренно входят в спальню Бабули.

– Мам, ты прости уж нас.

– Бабуля, не обижайся, мы не подумав сказали. Мы только рады будем твоим подружкам. Все приготовим тебе, поможем накрыть стол. Даже споем, если захочешь.

– А, ничего мне не надо, дети! Живите спокойно, мне теперь только и остается, что ждать своей смерти.

– Ужас, мама, зачем ты это говоришь? В общем, зови свою Клару, я все закуплю и сам приготовлю, а Сауле и дети помогут, ладно?

– Рахмет, айналайын! Шторы открой, что-то темновато в комнате совсем. Ладно, сейчас ей и позвоню.

– Клара, это ты? – кричит она в телефон – Да, да. Ты приходи ко мне в выходной, а то я соскучилась. А? Приехала? Так и ее захвати, я буду рада ее увидеть. Ага, договорились, к обеду жду, пока.

– Дочка Клары приехала из Норвегии с семьей, ну, я и ее тоже позвала. Посмотрим на нее, послушаем, это интересно. Ладно, дети, идите, я уже устала. Дайте-ка поцелую всех. Спокойной ночи.

Гости

По всему дому разливается аромат сырне, стол сияет белоснежной скатертью и начищенной посудой. Все давно готово, но гости не торопятся. Уже час дня, а их все нет. Бабуля нервничает, но не звонит подруге. Она без конца проверяет расстановку блюд и приборов, строго следит, чтобы никто из детей ближе чем на метр к столу не приближался. И вот, к половине четвертого, приходит Клара с молодой, очень красивой и элегантно одетой женщиной.

¹ Досл. – Да истребится твое потомство!

– Да неужели это та маленькая, курносая Сабирочка? Ай, какая красавица! Ну, проходи, Клара, садись, дорогая. Дети столько наготовили, старались.

– А мы только из-за стола, уж извините. Пришлось заехать к племяннику, он сейчас в городе, вечером уезжает и очень просил нас заехать сначала к нему. Он ведь сейчас советник премьер-министра, времени у него совсем не бывает, поэтому никак не отложить было. Да и Сабирочке уже скоро надо собираться домой, она ведь ответственный пост занимает в нефтяной компании. Как там она называется, доченька?

– Pettersen North Oil, – с важностью произносит гордая молодая дама.

– Ага, вот так. Она директор проекта. Поэтому мы ненадолго, – бесцеремонно говорит Клара.

Глаза Бабули с каждым словом Клары становятся все мутнее и мутнее. У домохозяек от дурных предчувствий холодеют спины.

– Да что ты говоришь? – как-то неестественно весело сказала Бабуля. – Ну, конечно, я понимаю, мы тут вас ждем, как людей. А они, видите ли, совсем не к нам шли. Может, просто по дороге заскочили, а? Ну и что, что советник, а где твоя вежливость. И дочка, наверное, такая же. И что такого, что она директор какого-то *Персенаула*? Там в Норвегии, говорят, своих стариков в дома престарелых пачками сдают. А, Сабира, правда?

– Ну что вы? Что вы такое говорите? – только и смогла произнести Кларина дочка. От ее гордой стати ничего не осталось, только растерянность и испуг.

– Ты с ума сошла, что ли? – закричала Клара. – С порога, понимаешь, начала тут мне свой дурной характер показывать. Неисправимая ты все-таки. Как была ведьма, так и осталась! Пошли, доча. Нечего нам здесь делать.

– Давай, давай, катись отсюда, старая обезьяна. Не понимаешь, когда к тебе по-человечески с уважением обращаются, так катись отсюда. Чтобы духу твоего здесь больше не было!

– *Молан шоайгыр*¹ – со злобой задерживая шторы, продолжала еще долго ругаться Бабуля. Она не позволила никому прикоснуться к приготовленному угощению, демонстративно вывалив все в мусор. И еще неделю в доме стояла зловещая тишина, иногда сотрясаемая проклятиями в сторону невежливов гостей.

Бардарбунга

В момент самого пика гнева и ругательств Бабули в далекой Исландии произошло извержение спящего подледного вулкана Бардарбунга. Было зарегистрировано примерно две тысячи подземных толчков, эвакуировано близлежащее поселение, авиакомпаниям пришлось отменять свои рейсы, и самолеты не могли летать еще около недели.

Пожилая пара Снорри и Ингибьёрг Стурлусон успели эвакуироваться вместе с другими жителями с опасной территории, где расположился их маленький городок. Возвращаясь после отбоя тревоги, они были волне счастливы, пока не обнаружили в доме и на улицах сильные повреждения. Вот только почему-то ранее разрушенные и упавшие камни старого кладбища, где были похоронены и их родители, и единственный сын, торчали из земли, как будто заново были уста-

¹ Чтoб ты сдохла! – лит. Чтoб твoя мoгила торчала! – досл.

новлены. Наверное, от землетрясения, – сказали жители. Ведь они давно собирались все восстановить, только вот прогнозы не хорошие. Сказали, что будут еще и еще толчки, поэтому надо ждать. А сколько, никому не известно.

Сны Бабули

Сон 1. Бабуля не спит уже несколько ночей подряд. Даже боится закрыть глаза. Совсем недавно стоило ей только добраться до кровати, как ее охватывал сладкий глубокий сон. Но вот что-то произошло. Непорядок она заметила, когда, не помня сна, проснулась от собственного крика, в холодном поту. Что ей приснилось, она никак не могла вспомнить. Какие-то несвязанные отрывки речи, незнакомые образы и звуки. И все!

А однажды, она открыла глаза среди ночи и была удивлена до ужаса. На спинке кровати сидела громадная ворона. Она странным образом улыбалась, заглядывая хитрым глазом прямо в зрачки Бабули, которая не могла от страха даже двинуть рукой, чтобы ее отогнать.

Потом ворона стала расти, переливаясь в разные цвета и заполняя собой всю комнату. Рядом с Бабулей вдруг появилось большое яйцо. Оно стало трескаться на глазах, и из скорлупы появились чьи-то руки. С отчаянием разрушая скорлупу, из нее выкарабкался щуплый человек с азиатским лицом. Он плакал и, протягивая к Бабуле руки, повторял: – «Хаха, хаха».

– Ааааааа.... – с криком ужаса Бабуля открывает глаза. Амир стоит рядом с растерянным лицом.

– Мама, мама, что с тобой? Скорую вызывать?

– Да, скорее, задыхаюсь...

Скорая прилетает за несколько минут.

– Давление немного повышено, сердцебиение учащенное, но в целом все в норме. Наверное, стресс. Вот, выпейте, Бабуля, сейчас. А завтра врач придет, осмотрит, даст назначения. Берегите маму! – говорит сонный доктор встревоженным детям.

Утром за чаем Бабуля рассказывает Амиру о своем кошмаре в подробностях.

– Не похоже, чтобы он хохотал. Лицо его было скорее страдающим. Господи, да что же это за сон такой?

Сауле, притаившись за столом, боясь напугать Бабулю или чем-нибудь не угодить, тихо сидит в сторонке. И вдруг вспоминает свою недавнюю поездку по городу с делегацией из Японии. Она тогда много говорила с гостями о том, как живут семьи, родители и дети в этой сказочно прекрасной стране. Ее немного насмешили некоторые японские слова: папа – *тйти*, жена – *канай*, и особенно слово – мама, которое звучало как *хаха*.

– Да какая же я ему мама, смеешься надо мною, да?

– И не думаю, Бабуля, просто вспомнила.

– Ох, пойду, лягу, что-то голова кружится.

Сон 2. Прошло несколько дней, все вроде наладилось. Бабуля опять вошла в роль вечно обиженной управительницы. В очередной скандальный день, она решила лечь пораньше, чтобы продемонстрировать свою беспомощность и слабость. Но вместо того, чтобы немного полежать и за ужином дать всем понять, как ее обидели, она неожиданной крепко заснула. Сын тихо укрыл ее, закрыл дверь и запретил детям шуметь рядом с ее комнатой.

Сначала Бабуля плыла в лодке по большой, полноводной реке. Она никогда даже представить себе не могла такой пейзаж, ведь родилась и выросла на лоне непритязательной степной природы и не видела этих красот. Ей нравилось, что она может опустить руку в воду, которая ласково бурлит между растопыренными пальцами. Оглядывая длинную лодку, Бабуля видит, что на самом ее краю сидит маленький голый мальчик. Он похож на тех аборигенов, которых часто показывают по телевизору географические каналы. Его лицо такое грустное.

– Эй, балам, атың кім? Неге мүлдем жалаңашсың? Ата-анан қайда? Біз қайда жүзіп жүрміз?¹

Мальчик отворачивается от Бабули и смотрит на воду. Та тоже бросает свой взгляд на реку. Но что это? Их лодка плывет по реке, кишасей людьми, мужчинами, женщинами и детьми. Они все пытаются плыть к берегу, но течение все время выносит их в середину реки. Вдруг перед лодкой вырастает большая, серая волна, которая накрывает людей, лодку, Бабулю, и тащит всех на дно. Бабуля хватается мальчонку, прижимает его к себе и, набрав побольше воздуха, пытается выплыть на поверхность. Но чьи-то руки тянут ее обратно.

– Ааааа... – с криком просыпается Бабуля.

– Опять кошмар? – спрашивает Амир с тревогой. Когда он только успевает подойти?

– Да ты уже минут пять стонешь. А перед тем как очнуться, вообще перестала дышать. Я испугался. Мама, завтра же идем к врачу. Это нехорошо.

– Ладно, ладно, сынок. Иди, спи, все уже хорошо!

– Точно? Может, рядом посижу?

– Нет, не надо. Все уже хорошо, иди, спи.

Бабуля успокаивается, но уснуть, конечно, уже не удастся. Да что же это такое, а? Кто такие эти люди, которые не могут доплыть до берега, и что это за мальчик, и почему они все чуть не утонули под серой гигантской волной?

– Теперь никому и не расскажешь. Дети запишут в психушку, не дай бог. Господи, помоги мне, помоги... – шепчет Бабуля.

Сон 3. Кажется, наконец, все нормализовалось, врач снял все назначения, объяснив, что кошмары были связаны с переутомлением. Дома все ходят по струнке, боясь растревожить Бабулю. Она чувствует прилив сил и большой любви к детям. Близится ее день рождения, и Бабуля находится в сладком в предвкушении подарков и сюрпризов.

Завтра придут родственники, друзья семьи. Все будут ее хвалить, говорить только хорошее, вспомнят, наконец, какая она была красивая в молодости, сколько сделала для своей семьи и детей, как была щедра к родственникам.

Сауле вместе с Бабулей съездила в лучший магазин женской одежды, где они выбрали самое красивое платье. Амир заранее подарил ей серьги и кольцо с синим сапфиром невероятной прозрачности. Дети сустились и приводили в порядок большой дом. Хороший будет день!

В сладких предчувствиях завтрашнего дня рождения Бабуля смежила глаза и окунулась в теплый, мирный сон. Но громкий стук и оглушительный голос вытряхнули ее из глубокого сладкого покоя. Рядом стоял громадный лохматый великан в широкой кожаной одежде и в шлеме с рогами, совсем такой же, как в том мультфильме про дракона, который так нравится Бабулиным

¹ Эй, мальчик, как тебя зовут? Ты почему голый совсем? Где твои родители? Куда мы плывем?

внукам. Он стучал железом и нахмутив лохматые брови ругался так громко, что было похоже, что он кричит в рупор.

– Хэй кёмул кона, вакна! Мёх бёлвунум синум хюх оллюр ёль? Ско, пэх верхур слэмт фюри пиг э пу хэттер экки ёх бёлва фольки. Комду афтур мэх вернгаргрпина тили ярхаринар ог фарху мех бюлванир пинар. Свэй мер ах пу мюнт алдрей сэйя пу афтур!¹

Бабуля с удивлением поняла, что она знает этот язык и то, о чем говорит это чудовище: Эй, старуха, просыпайся! Ты дашь людям покой когда-нибудь? Своими проклятиями всех нас подняла. Смотри, плохо тебе будет, если не прекратишь людей проклинать! Верни амулет земле и заberi свои проклятья обратно. Поклянись, что больше никогда не произнесешь их.

– Эг мюн скиля вернаргипнум, эг мюн! Эг свэг пах эх эг мюн алдрей бёлва ньенум! Латту миг бара фрихи!² – вдруг заплакала Бабуля, заговорив на незнакомом ей языке. – Я верну амулет, верну! Клянусь, что никогда не буду никого проклинать! Только оставьте меня в покое!

Образ рассерженного викинга растаял. Теперь все встало на свои места, Бабуля Самал поняла, о чем просило чудовище. Амулет шаманки, конечно же, это тот старый амулет, который остался у нее от раскопок!

Бабуля вытряхнула из старых коробок, вытащенных из глубины шкафа, всё, что там было, старые бумаги, альбомы, фотографии. Среди них она и нашла сверток с тем злосчастным амулетом, о котором сказал ей в ту грозу строгий голос шаманки. Теперь все укладывалось ее голове: вся ее последующая жизнь после той находки в экспедиции, постоянно сопровождающее ее чувство одиночества при той большой любви, которой она всегда была окружена, и все те странные вещи, которые происходили с ней в эти последние дни.

Гроза

Как вы понимаете, Бабуля не всегда была Бабулей. Когда-то молодая и крепкая, Самал, аспирантка исторического факультета увлеклась археологией и была самой упертой в поиске и изучении зарытых глубоко под землей памятников степной цивилизации. Она не пропускала ни одной экспедиции, пусть проходящей даже в самых тяжелых условиях.

Самал была убеждена, что степные курганы только ей открывают свои глубокие тайны, а серые, невзрачные обломки, черепки и захоронения только ей позволяют разгадывать судьбы давно затерянных городов и народов.

Ее фанатичная преданность профессии позволяла многим ее сокурсникам и коллегам по экспедициям филонить от учебы и работы, предаваясь праздному времяпровождению, суровым кутежам и неизменным, бурным, но недолгим романам. Но эти незатейливые радости экспедиции

¹ Hey gömul kona, vakna! Ætlaðu einhvern tíma að gefa fólki frið? Með bölvunum sínum vakti hún okkur öll. Sko, það verður slæmt fyrir þig ef þú hættir ekki að bölvu fólki! Komdu aftur með verndargripina til jarðarinnar og farðu aftur með bölvunir þínar. Svei mér að þú munt aldrei segja þau aftur! – исландский яз.

² Ég mun skila verndargripnum, ég mun! Ég sver það að ég mun aldrei bölvu neinum! Láttu mig bara í friði! – исландский яз.

никак не трогали сердце Самал. С усердием, с утра до позднего вечера, она посвящала себя раскопкам, очищая артефакты и делая загадочные записи. Почему загадочные, да потому что для того, чтобы не разбрасываться своими открытиями, она изобрела свой собственный шифр, который потом, после окончания работы, превращался в интереснейшие археологические интерпретации.

Так и в этот день Самал встала раньше всех, улыбась и собралась пойти к месту раскопок, которое было расположено довольно далеко от их лагеря.

– Самал, ты куда? Ты что, не в курсе? Сегодня приезжает шеф, и всех просили собраться в местном клубе. Машина подъедет к двенадцати. Так что пока можно никуда не ходить, – пыталась остановить ее единственная подруга Клара. Единственная, потому что, в отличие от других, никогда не задавала ей глупых вопросов и вообще использовала Самал как надежный, молчаливый щит и подмогу еще со вступительных экзаменов.

Шеф – руководитель экспедиции, в отличие от многих других, к археологии был равнодушен, наведывался нечасто и, как правило, только для того, чтобы «придать группе импульс». А попросту наораться, выговориться, вылить всю накопившуюся в затхлом академическом институте злобу и тоску на молодых, полностью зависящих от него аспирантов и других членов экспедиции.

– Так до этого времени я успею еще кое-что доделать. Вы поезжайте, а я сама доберусь. Там немного пройти напрямую через степь, и я там.

– Смотри, вон какая туча приближается. Гроза будет, сиди-ка лучше в лагере, потом закончишь. Боже мой, что ты за человек такой?

– Клара, я пошла. Я буду, не волнуйся, не опоздаю.

– Тогда хоть одежду приличную захвати, чтобы переодеться перед встречей, а то сейчас ты выглядишь уже как пугало, а что будет потом, – засмеялась Клара.

– Точно, так и сделаю. А лучше сейчас сразу оденусь. Мне совсем немного надо поработать, сделать последние записи, в пыли возиться не буду.

В общем, она с радостью выскользнула из палатки и торопливо пошла по пыльной степи, которая с урчанием готовилась встретить большую грозу. Приятно, что никого не было на раскопе, только она. Самал нырнула в свою стихию, в воображении превращая пустынный пейзаж в живую, наполненный караванами и удивительными строениями древний город. Во время своих экспедиций она приобрела совершенные способности к расшифровке древних текстов и рисунков, пониманию их значения и взаимосвязей. Ее разум четко выстраивал найденные материальные свидетельства, самые запутанные тексты и события, в них описанные, в строгий и последовательный порядок.

Но самое главное, что у нее появился свой собственный, потрясающий секрет. Несколько дней назад в очередном старом захоронении она наткнулась на очень древний амулет в форме загадочного знака. Совсем небольшая изящная вещица была обвита вокруг шеи останков, судя по богатому убранству, очень знатной женщины. Но Самал была почти уверена, что она, скорее всего, была почитаемой всеми шаманкой.

Самал тщательно очистила амулет и обнаружила на нем хорошо сохранившуюся надпись. Когда она сверилась со своими записями, ей удалось понять ее смысл: «Словом твоим владею я, будешь служить мне до конца твоего пути». Она очнулась от работы над расшифровкой уже почти к двенадцати от раскатов недалекой грозы. С торопливостью собрала свои тетради и сверток с находкой, отряхнула платье, которое считала нарядным, и быстрым шагом направилась в сторону аула, где должны были проходить встречи.

Гром и большая черная туча стремительно нагоняли Самал. Завеса дождя, разрываемая молниями, приближалась так скоро, что стало понятно, что она через мгновение накроет бегущую женщину.

– Что же делать? Что делать? – судорожно соображала она, взбираясь на очередной бугорок. – Вот, теперь приду вся промокшая, ужас! Буду выглядеть как идиотка! И без этого все смеются надо мной, а теперь вообще скажут – мокрая курица.

И тут в ее голову, обмотанную двумя жидкими косичками, пришла просто гениальная мысль. Она остановилась на самой вершине небольшой возвышенности и под грохот грома, сопротивляясь сильным порывам ветра, сняла с себя платье и нижнее белье. Времени хватило на то чтобы аккуратно все сложить. Самал только успела сесть на свою одежду, как на нее обрушился просто водопад дождя. Вода била по лицу, стекала по телу, но, главное, чему она теперь радовалась, что ее пышные формы надежно сохраняют одежду и тетрадки с записями в безопасности.

Какую странную картину увидел бы человек на фоне этой страшной грозы в бескрайней, как океан, и плоской степи. Голая молодая женщина величественно восседает на невысоком бугорке посреди бурлящей природы, как будто управляя стихиями грома и молний.

– Вот это да! – думала про себя Самал. – Как это всё-таки прекрасно и совсем даже не страшно!

Ей захотелось петь от воодушевления. И тут она театральным голосом прокричала навстречу порывам ветра: «Я, повелительница грома и молний, приказываю тебе, гроза, успокоиться!». Не успела она договорить, как черное беспамятство накрыло ее с ужасным грохотом и вспышкой. Определить, сколько времени пробыла без сознания, Самал не смогла. Очнулась она от тихого, но очень строгого голоса: «Верни мой амулет. И больше не играй с судьбой, не заглядывая в прошлое. Это тебе мое предупреждение». Но никого рядом не было. Гроза ушла дальше. Сильный ветер сразу осушил мокрое тело Самал. Она встала, как механическая кукла быстро оделась в оставшуюся сухой одежду, и направилась к сельскому клубу.

В открывшуюся с грохотом дверь Самал вошла уже в разгар встречи, на пике гневной речи шефа. Всех поразило, что она была в совершенно сухом платье, несмотря на то, что гроза и дождь только-только закончились. Ее жидкие косы, раньше всегда уложенные в скромные рулики вокруг головы, теперь отчаянно торчали в разные стороны, источая дымок и легкий запах гари. Лицо Самал было неузнаваемым, оно было покрыто черной сажой, и через эту устрашающую маску выглядывали горящие, круглые, бессмысленные глаза. Собрание прервали, пытаясь привести девушку в чувство, расспросить о случившемся, но все было бесполезно. Только к позднему вечеру она очнулась, и как сквозь сон стала бормотать несвязные, непонятные слова. По утверждению врача экспедиции, скорее всего она находилась в районе удара молнии и поэтому могла стать жертвой сильного разряда. Такое случается. Слава богу, что все обошлось и она осталась жива.

Перемены

С того дня жизнь Самал изменилась. Буквально через день она пришла в себя и, несмотря на уговоры коллег, решительно засобиравшись домой. Все, конечно, просили ее остаться. Но только по одной простой причине – ведь в лице Самал экспедиция сразу теряет свой главный научный потенциал, а это обязательно отразится и на их обеспечении, и на возможности вольтынить от работы.

Но шеф не стал возражать. Он знал, что эта аспирантка наработала материал на несколько диссертаций и при любом раскладе все лавры останутся при нем. Поэтому он настойчиво предупредил Самал, что она должна передать ему весь материал по готовности, который выйдет, разумеется, под его авторством.

Самал было все равно, ее оглушенное сознание перестало реагировать на такие простые и обыденные вещи. Все думали, что именно последствия неожиданной травмы сделали ее отрешенной, замкнутой и абсолютно незаинтересованной в продолжении своей научной работы. А Самал никак не могла забыть зловещее предупреждение шаманки, особенно о том, что ей нельзя заглядывать в прошлое. Прошло несколько лет, после того происшествия с Самал. Она не стала дописывать свою диссертацию, уехала к родителям и там вскоре вышла замуж за вдовца, директора местной школы. Родился единственный и любимый сын Амир, ради которого родители были готовы на все.

Мальчик был очень смыслённый, хорошо учился и после окончания школы легко поступил в престижный институт. Самал с мужем не нарадовались его успехам, потом женитьбе, рождению внука и внучки. Но так случилось, что супруг Самал скоропостижно скончался в самое хорошее время их совместной жизни, уже устроенной и в окружении дружной семьи. Самал очень страдала, она стала ворчливой и требовала от своих близких удвоенного внимания и уважения. Хотя дети и внуки и так очень ее любили, выполняли все ее капризы, терпеливо выслушивали длинные нравоучения, ласково отвечая на все претензии «да, Бабуля; ты права, Бабуля; хорошо Бабуля...»

Новый день

– Амулет должен быть возвращен земле, он не принесет никому счастья, – решение созрело моментально. Бабуля, не дожидаясь утра, оделась и вышла со свертком на трассу, расположенную недалеко от дома. Остановившийся ранний водитель был удивлен ее решительностью и строгой настойчивостью. Ему пришлось повернуть и поехать совсем в другую сторону, но он ничего не мог с собой поделать, действуя как под гипнозом.

Они свернули на дорогу, уходящую в горное ущелье. Уже пробивался рассвет, когда Самал, попросив водителя подождать ее на дороге, спустилась к реке, на берегу которой росло священное дерево, увешанное лентами, оставляемыми туристами и паломниками. Рядом с его корнями и был оставлен этот злосчастный амулет, старательно прикрытый камнями, сухими листьями и травой.

С легкой душой и хорошим настроением, Бабуля Самал возвращалась домой к детям, где, она точно знала, что сегодня начнется новая и добрая жизнь. Да, и никаких больше приключений и проклятий!

Утро застало всю семью врасплох. На кухне суетилась Бабуля, готовя пышные баурсаки. Она пела, резво и быстро двигалась по комнате. На столе было все приготовлено для завтрака большой семьи. Амир, дети и Сауле замерли от неожиданности, и у каждого возникла почти одновременно мысль, что Бабуля окончательно сошла с ума.

– Что смотрите? Доброе утро! Садитесь скорее, завтрак остынет! – Бабуля остановилась, удивляясь нерешительности детей. Потом махнула рукой и по-доброму засмеялась: – Субетэ дайобудэсу! Ой, нет. Алт вэлвюр илай! Ой, да что это я? Хотела сказать – теперь все у нас будет хорошо!

Алиса ОРЛОВА

В парке

В марьинском парке гуляя с животным,
Бросив дела свои на полчаса,
Вдруг ощущаешь родство с самолётом,
Что прочертил полосу в небесах.

Осенью позднюю в марьинском парке
Тихо идёшь со своею овчаркой,
Прялка скрипит и дрожит паутинка.
Если чуть-чуть постоять-помолчать –
Слышно, как ангел ломает печать.

Неведомый зверь

Город засыпает, обнуляются данные,
Подпиши фотографии в своём альбоме заново.
Переодень наизнанку штаны и свитер,
появится надежда отсюда выйти.

Посреди пустых небес
вырос непонятный лес
Бог подумал и исчез

по проселочной дороге
ходят северные боги
вьётся среднерусский бес

кто измерит, кто обнимет,
кто твоё запомнит имя,
кто несёт тебе кольцо,
кто глядит тебе в лицо?

На станции Сретенский бульвар
выйдет из стены неведомый зверь.
То ли санитар, то ли пресс-секретарь,

Алиса Орлова родилась в Саратове в 1976 году, окончила медучилище, затем филфак Саратовского университета. Публикации в журналах «Воздух», «Дети Ра», «Волга» и др. Автор двух книг стихов: «Начлао» (2019), «Байки Введенского кладбища», (2020). Лауреат международного литературного Волошинского конкурса, участница творческого рэп-объединения Фристайл-мастерская. С 2006 года живет в Москве.

Коллежский ассессор или советник статский.
И протянет мне свои семь нечеловеческих пальцев:

«На задворках букваря, на краю календаря,
Адрес: Верхние поля 115,
(человечкам туда не добраться).
Это – родина моя, пограничная земля,
Дальше путь на север – улица Перерва.
Там, где стройка и кусты, лежит камень Алатырь.
Наизусть! И повтори: карамелька, снегири,
Дуб-рябина – вид снаружи, вяз и тополь – изнутри».

«Ты мне, пожалуйста, верь, – говорит диковинный зверь,
Увидимся никогда, ровно в 14:20».
Я киваю, жду поезда, еду до следующей станции.

Городская

Городская горькая *дольче вита*.
Снег покрыл скамейки, асфальт и плитку.
Визуал танцует в могильном ритме.
Человек идёт со своей акитой.

Неуклюжий маленький и неловкий
Сквозь железный московский холод
Он с Солянки шёл, он свернул в Хохловский.
Не поможет ему психолог.

Одну собаку назад

Как подумаешь, а жизнь-то прожита.
Далеко тот дом, где ты детям книжки читал.
А ещё дальше тот дом, где книжки читали тебе,
Высоко в небесах, глубоко, не дойти по тропе.

Маленький жёлтый пёс утром подпевал будильнику.
Старый парк, куда с детьми на пруд ходили.
Жёлтый круг от лампочки, вьётся мошकारа.
В бадминтон наигрались, вот уже и домой пора.

Красота была одну собаку назад, полтора кота,
Когда детские книги было кому читать.
На тёплой Волге, в небесном Саратове, в довоенном Крыму.
Поезда за окном поезда не везут никуда никого никому.

Что у вас нового, Алиса?

...открывает глаза, проверяет соцсети, читает почту.
Проверяет сердце, сердце болело ночью.
Кормит зверей, которые сердце грели,
втыкает наушники в уши, закрывает двери.
Пробует голос – голос в порядке, ровно настолько,
чтобы придя, записать в тетрадку:
Мы перебегали берега/перебегали,
Нет, просто хаотично передвигались
По берегу пруда в Дюссельдорфском парке –
Кроссовки, худи, практически, кепка.
Пёс нюхал травку. Акита, корги, гончая, хаски и снова корги.
Если мелькнёт белый кролик – за белым кроликом.
Асфальт сухой, но через полчаса будет мокрый.
Дома, откуда дети ушли в свои школы,
Муж готовит мне завтрак и варит кофе.
Скоро начнётся дождь и продлится до самого
вечера, лета, конца света, начала нового света.
Тучи идут, тучи уходят за море.
2021, Марьино. Заново.

В этом альбоме

В этом альбоме нет фото и видео
Но что-то должно же там быть?
Селфи в роддоме, друзья и родители –
Весело было жить.

В том, что так быстро тает мороженое,
Точно не мы виноваты.
И на могильном камне Серёжином
Две окончательных даты.

Ноябрь в Саратове

В ноябре по комнатам пустым
пробираюсь через зеркала и дым
вглядываюсь в мутные стёкла
прошлые возможные жизни

За стеной журчит телевизор
запахи вчерашних обедов
комнаты заполнены хламом
комнаты пропитаны бредом

пыльная хрустальная люстра
старая ходячая кукла
детские смешные рисунки
свадебное в рамочке фото

А В С лежали
под столом и возле
летали по району
да метнулись до ларька

и вели беседу
слышную соседям
в смерть вообще не верили
разве что слегка

в Мирном переулке
на пороге дурки
не то чтобы по пьяни
и вообще не по злобе

вы прекрасно помните?
прямо щас представили?
в ноябре Саратов
вы представили себе

ехали на лифте
ехали на лифте
ехали на лифте
и наметили маршрут

а потом вдруг поняли
очень ясно поняли
но кино закончилось
и свет сейчас зажгут.

Саратов в ноябре –
тревожный мутный свет
мир где меня уже
в любом раскладе нет.

Снег

Снег кружится, снег ложится.
С Новым годом, добрый рыцарь!
С офигенным новым годом.
Садом, лесом, огородом.

И у ёлки, на пригорке,
Кофеболки, тромбоцит,

Тихо водят хороводы
звери, дети, мертвецы.

когда

Когда разрешатся земные вопросы
Точнее сказать я, мой друг, не могу
Мы будем жить в особняке купца Носова
На непонятном морском берегу

Двумя нераспознанными тенями
Мы будем бродить у небрежных волн
И будут стрижи летать над нами
И пара ручных ворон

Будет наш мир нестабильным и диким
Роскошным в нелепой своей красоте
Там будут ягоды земляники
и из душистой травы постель

Мы будем растить разноцветные розы
и устраивать невинные вечеринки
Так что вытри, пожалуйста свои слезы
Обещаю тебе, как Метерлинк – Метерлинку

Бездна

ты перестанешь читать журнал
вот и нет журнала
ты отложил книгу – она исчезла
горечи через край
мёду ничтожно мало
ты засыпай
подоткну тебе одеяло
как бы забыть
что под нами бездна
под нами бездна

Протирая иллюминатор

Выкапывать кейсы роста
Из-под снежной коросты
Зима такая железная
Что запросто можно примерзнуть

Граждане книжной страны
По обе стороны ствола
Делят контекст пополам
Два непримиримых лагеря

Пялясь другу в паблики
На обломках Титаника
Пытаются строить планы
Получается плохо

Это уходит эпоха
Под марш из динамиков
военный и похоронный

Нам ничего не светит
Старость коты и дети
Прошлого-позапрошлого
Детское одеялко
Розовое голубое

Дома у телевизора
Мёртвые мама и папа
С телеэкрана выстрелы
Розочки на обоях

Дети бросают вузы
И сортируют мусор
С письменным плоховато
Не лучше и с устным
Дети не строят планов

Дети находят нежность
В стопках забытых книжек
В лавке у букиниста
Шутки у них по триста
Детям хочется выжить

Что же мне остаётся
Лишнему человеку
С этой своей любовью
Деньгами от сдачи крови
Оплачивать ипотеку
(можно начать сначала)

Виктор ІВАНІВ

ПАСИФИК И БИЦИКЛЕТ

Подготовка текста и комментарий Алексея Дьячкова

Бициклет был на спичечном коробке, он стоял на облаке, как печать на треугольном едком синем и емком небе, из которого выступал на один шаг, казалось, остановившийся ездок; коробок пролежал на подоконнике несколько лет, и стал от этого пепельным.

На него смотрел Пасифик, Анхель Пасифик¹, сын собачника. На самом деле он был никакой не Анхель, звали его Виталиком, и то не по отцу. Сейчас он проводил пальцем по коробке, как будто бы чистил зубы тишине; в коробке был муравей, и Анхель вслушивался в его шаги.

Сколько лет он просидел в своей комнате? Так же долго, сколько нужно ребенку, чтобы дорости до подоконника и выглянуть в окно. В квартире прошли уже три или четыре перестановки, и Анхель, бывало, брал две вещи, такие как тапки или пирожки на ножках, но встать и выйти никак не мог, потому что не находил пары той вещи в результате всех мебельных передвижек. Клетка в его груди не была завешана черным бархатом, и там жил попугай, которого Анхель не прочь был выменять на дрозда или скворца; Пасифик был имбецил.

Как он поднимался в подъезде, он не помнит, окно на каждом этаже казалось ему на руках у рабочих. Он просыпался утром и жмурил глаза – в них была пена и салют, завитое завтрашнее солнце. И против него ходили рабочие, как на сцене. Они никогда не склонялись над его окном, иначе бы он отгонял их палкой. Во дворе была сирень, которую было видно с темных первых ступенек. Дверь открылась. Они вышли с бабушкой, но бабушку тогда зарезали. Он много раз тыкал пальцем в живот и говорил таким образом «ты» разным знакомым. В фиолетовом подъезде. А теперь поблеклом.

Не может быть, чтобы бабушка попала в пекло из прозрачного прохладного подъезда, где отдых глазам. Они с кем-то сидели в комнате, затемняя ее одеялом в красно-черный квадрат, и печатали, и печатали под красным фонарем фотографии, фотографии которые потом выходили серыми и косоглазыми; а увеличитель был до потолка, как будто на нем сидела ворона, они

¹ Этим же именем назван и персонаж миниатюры В. Іваніва «Майская пыль» (2005): «Он придумал ей имя Анхель Пасифик, по имени самого большого океана и тысячеметрового водопада». См.: Іванів В. Дневник наблюдений. М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2011, с. 42 (Примечание А.Д.).

Виктор Іванів (Виктор Германович Иванов) родился 11 апреля 1977 года в Новосибирске, трагически погиб 25 февраля 2015 года. Автор нескольких книг стихов и прозы. Лауреат Премии Андрея Белого (2012). Публикации в «Волге»: «Тетрактисные пения» (2013, № 3-4, рец. на книгу Наталии Черных «Из писем заложника»), «Петли шарфа» (2013, № 5-6, рец. на книгу Сергея Соколовского «Гипноглиф»), «Прыжки головковникого когито» (2013, № 9-10, рец. на книгу Дениса Ларионова «Смерть студента»), «Остановка Апокалипсиса» (2014, № 1-2, рец. на книгу Алексея А. Шепелёва «Настоящая любовь»), «Челенджер II» (2014, № 5-6, стихи), «Конец Покемаря» (2014, № 7-8, повесть), «Два стихотворения из письма» (Подготовка текста и комментарий Алексея Дьячкова и Елены Горшковой; 2018, № 5-6).

запирались в квартире, где в серванте под вилками лежали запрещенные фотографии, на которых семья убивалась то над одним гробом, то над другим, которые попадались всегда там, когда ищешь как бы спрятанные подарки, выгаливающие особую пустоту, эдакие плавающие в воде коробки от торта; а натыкаешься на эти черные рогатые воздушные мины. На прямой стояли белые памятники под солнцем, которое доходило до пяток, но не могло найти покорной души, белые дома, как сургучные печати во время долгой дороги мимо стен чужого города с очкастыми портретами в пятнах.

Анхель вышел в коридор, со свойственным ему рыбьим витализмом, который качал его на волнах и удерживал прямо, но одна точка – центр рыбьего тяготения, всегда оставалась погруженной, именно ее всегда хотят выклевать птицы. Через обитую черным дверь подул холодом. Пасифик, словно бы не помня, проснулся от собственного пульса и стал слушать шаги на лестнице. Он даже открыл дверь, чтобы лучше было слышно, но не решился свеситься с перил. Он закрыл дверь. Шаги поднимались до третьего этажа со звуком ключа, но Виталик стал слушать, как шопотом поднимаются тени шагов, которых уже и след простыл, так легко они улетали вверх.

Лежа на кровати, он видел каждую точку воздуха, думая, что это молекулы. Однажды он разговаривал с кем-то о звездах и спросил: а правда, что они ростом с меня растопыренного? Крошки для голубей никогда так глубоко не западали в землю, как они, и уж точно учительской указкой можно было на них указать. Как веснушки плаксивого малыша, с гримасой пристально смотрящего на вас.

Виталику почудилось, что на ступеньках подъезда происходит собрание, дядьки в брюках стоят в пролетах, пьяные с облезлыми рожами, в которых их видно ребенками, прячущимися за узлами; все образуют как бы кулек конфет: дедушка в шляпе, отец среди хмурых, как «мессершмитты», немцев с вантусами, старые феодалы с гладким брюшком, никто из них не на пенсии, но все гораздо старше, а внизу женщины, учительница музыки, которая заставляла снять колготки на плохой репетиции перед утренником, председательница кооператива, ставившая его на колени. В общем, герои не фантастические, а так, буки из тех, кого он пугался на улицах. И ныне и присно и во веки веков. Мама.

И Виталику приснился сон: он едет на бицикле с близкого расстояния ко всем предметам: пингвинам, клумбам, близко к урнам; едет по карте: сперва озеро, дальше одна длинная прямая улица и дом боком. Конечно, это не Иисус Христос нарисовал ее на земле. Никого нет, только мелкие птицы и собаки, которые замирают, когда он до них доезжает. Потом он едет между витрин длинного продолговатого магазина и смотрит в витрину: ему видно отражение рубля на асфальте, но лучи не проникают дальше стекла; но происходит небольшая примесь ко сну, подергивающая, и он уже едет в толпе платьев женщин на вешалках, а потом уже среди самих платьев чайных кукол, все спешат и не смотрят на него, раскачиваются, как занавес, попавший под колесо. Ехать все труднее, и вот он утопает в них, как в снегу.

Перед ним сидит Понтифик Бенджамин, с болезненным лицом и большой шипицей на щеке. Потом оказывается, что можно видеть только его бежевые колени или спину или шею, в то время как остальные части тонут во сне. Он едет в троллейбусе-корабле. Вокруг безжизненные жильцы, раненные в бинтах, первоклассницы, на головы которых по очереди садится красный бант, поэты со слезящимися глазами и одухотворенным взором – на всех следы насилия, но нет большинства. Виталику не страшно – он сравнялся с ними.

Waltzing Matilda is going by silent Pacific.

Анхель никогда не мог спать. Если рядом не было мамы. «Мама, посиди со мной», – говорил он.

Комментарий

В архиве писателя сохранилась первая страница беловой рукописи рассказа с небольшой правкой теми же черными чернилами, что и основной слой, содержащая заглавие и текст до первого предложения 7-го абзаца включительно. Правка, вероятно, вносилась при перебеливании текста с неизвестного черновика, отменяя инерционные вписывания или компенсируя нечаянные пропуски, а в случае зачеркивания имени Виталик и его замены на Анхель в начале 6-го абзаца, правка, возможно, мотивирована желанием избежать паронимии со следующим далее в предложении «витализмом». Единственный источник, содержащий полный текст рассказа – сохранившийся в личном архиве Дмитрия Кузьмина файл *Iv pereczen` .doc* (17.12.1999 11:06) со сводом «Перечень текстов» 1999 г. В свode 20 произведений Виктора Іваніва отсортированы по жанрам (стихотворения, поэма, проза), при этом 17 стихотворений подборки следуют в хронологическом порядке. Предположительно этот порядок воспроизведен и в расположении относительно друг друга двух прозаических произведений свода. Если это так, то рассказ «Пасифик и Бициклет», следующий в файле за датированной автором 11 февраля 1999 г. повестью «Брезгливость и омерзение», с большой вероятностью написан в интервале с февраля по декабрь 1999 г.

По сравнению с рукописью текст файла содержит ряд разночтений, часть которых может классифицироваться по намерению автора либо затемнить образ, либо наоборот – разъяснить его. Так, из фразы «он стоял на облаке и между колес треугольное едкое синее и емкое небо» в 1-м абзаце рукописи снимается объясняющее видимую треугольность неба «между колес»; в 3-м абзаце, после «пирожков на ножках» убирается сравнение «как Чарли Чаплин, пробовал опереться на них», вероятно, излишне прямо отсылающее к кинематографическому источнику; 4-й абзац – описание установки стеклопакетов в подъезде – «окно каждого этажа выносили перед ним и держали на руках рабочие» – заменяется импрессионистской зарисовкой увиденного – «окно на каждом этаже казалось ему на руках у рабочих»; во фрагменте 5-го абзаца – «фотографии, которые потом выходили серыми, особенно фото кошек» – уточнение про кошек снято; в 6-м абзаце – «шаги поднимались до третьего этажа и ключ открыл дверь» заменяется на менее однозначное «шаги поднимались до третьего этажа со звуком ключа». В 4-м абзаце представлена обратная стилистическая динамика – «завитое до завидного солнце» исправлено на «завитое завтрашнее солнце», в результате чего замечательный буквалистский, но, видимо, не достаточно ясный без «завтрашнего» контекста, эпитет «завидного», утрачивается. Вне предложенной классификации несколько стилистически менее значимых исправлений: «дитя» – «ребенку», «хотел выменять на чижа» – «не прочь был выменять на дрозда», «где» – «на которых», «хоронящейся» – «покорной», а также сокращающая правка в конце 6-го абзаца: в рукописи – «тени шагов, но они уходили проталкивались на крышу. Он мог часами смотреть в глазок от своего страха становясь выше на носки», в тексте файла – «тени шагов, которых уже и след простыл, так легко они улетали вверх».

Максимальной переработке подвергся текст 4-го абзаца рукописи. Ниже приведена его построчная транскрипция, в которой зачеркнутые слова заключены в угловые скобки, а надписанные над строкой – в квадратные:

Как он поднимался в подъезде, не помнит, окно [каждого этажа] выносили перед ним и держали

на руках рабочие. Он просыпался утром и жмурил глаза – в них была пена и салют, завитое до завидного солнце. Во дворе была сирень и темно перед дверью.

Дверь открылась, они вышли с бабушкой, но бабушку тогда зарезали. Он много раз <видел> [дружески] тыкал пальцем в живот маме или говорил таким образом ты. В фиолетовом подъезде, а теперь поблеклом. <В прохл> Не может быть, чтобы бабушка попала в пекло из прозрачного прохладного подъезда, где отдых глазам. Они с кем-то сидели в комнате затемняя ее <клет> одеялом в красно-черную клетку и печатали под красным фонарем фотографии, которые потом выходили серыми, особенно фото кошек, а увеличитель был до потолка, как будто на нем сидела ворона, они запирались в комнате, в квартире, где в серванте под вилками лежали запрещенные фотографии где семья убивалась то над одним гробом то над другим. Он и сейчас думал, что эти фото смотреть нельзя, потому что этого не было. На <белой> прямой стояли [белые] памятники под солнцем, которое доходило до пяток, но не могло найти хоронящейся души, белые дома, как сургучные печати, во время долгой дороги мимо [стены] чужого города с очкастыми портретами в пятнах.

В файле этому фрагменту соответствуют 4-й и 5-й абзацы. Кроме исправлений, отмеченных выше, в их тексты были внесены и ряд других, включая снятие предпоследнего предложения и добавление двух новых (третье и четвертое – в 4-м абзаце), а также почти двукратное распространение и без того многосоставного второго предложения 5-го абзаца

В публикуемом тексте пунктуация приведена к норме, очевидные орфографические ошибки и опечатки исправлены. Также исправлена синтаксическая рассогласованность в 1-м абзаце: «в треугольном едком синем и емким небом». В рукописи этому словосочетанию соответствует номинативная конструкция (см. выше), а рассогласованность текста в файле, возможно – рудимент неизвестного промежуточного источника, в котором небо было «треугольным едким синим и емким». Аграмматическое написание слов «шопотом» (в рукописи – «шепотом») и «указаккой» (соответствие которому в рукописи, если оно было, осталось за пределами сохранившегося фрагмента) сочтено находившимся под контролем автора и оставлено без изменений.

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ–34

В русском жанре–94

”

Удивился тому, что Пушкин ссылается на Свифта, хоть конечно и знаю, что годы жизни английского ирландца 1667–1745, а нашего Александра Сергеевича 1799–1837, и первое издание «Гулливера» вышло задолго до его рождения, но почему-то казалось, что фантастическая мизантропия англичанина принадлежит более позднему, чем пушкинское, времени. Почему?

Решил, что исключительно из-за той неограничиваемой ниоткуда и никем свободе автора, какой в России никогда не бывало и никогда не будет.

«Большую часть своего состояния Свифт завещал употребить на создание лечебницы для душевнобольных; “Госпиталь Святого Патрика для имбецилов” был открыт в Дублине в 1757 году и существует по сей день, являясь старейшей в Ирландии психиатрической клиникой».

Да что там больницы, если у них пабы по двести лет работают.

Смешно, что при слове Swift Гугл вытаскивает банковскую систему, что в духе великого романа.

”

Сидят	папаши.
Каждый	хитр.
Землю попашет,	
попишет	стихи.

В унылом чтении Нины Георгиевны строки звучали смешно, хотя в них и прямой реализм – посмотрите-ка биографии советских поэтов от самых главных до земляков-саратовцев.

А «Во весь голос»?

Встаёт перед глазами, сижу на первой парте, близко гадливое лицо, когда проговаривает «Где дрянь с хулиганом и сифилис...» Но не сама же она заменила блядь на дрянь, была наверное какая-то методичка для учителей. Да и сам лучший и талантливейший, как и дама его сердца, и даже вождь, читая её письмо, не могли же предположить, что поколениям советских школьников нехорошее уличное слово придёт прямо на урок.

В отличие от одноклассников, я бывал у Нины Георгиевны Рунич дома, так как мой брат дружил с её сыном Женей, и как-то слышал от неё, что сама мысль, что на пенсии никогда не откроет Маяковского, уже греет ей сердце.

Рунички принадлежали русскому дворянскому роду сербских корней, с именами в Саратовской губернии. Семья была замечательна тем, что состояла из школьных учителей. Отец Александр Евгеньевич математик, как и оба сына, которые женились на студентках пединститута, Лиде-филологе и Свете-математике.

Так что, обитая в развалюхе на ул. Челюскинцев, которую старые саратовцы ещё называли по-старому Часовойной, однажды решились пойти в облоно за улучшением жилья. Там не сразу поверили, что в одной семье шесть дипломированных педагогов, но все-таки дали четыре комнаты на Советской, что было необходимо, так как они репетиторствовали, и нередко в каждой комнате шли свои натаски балбесов по русскому и математике. Я же ходил на занятия к Жене, который заключил, что в математике я полный ноль.

Ещё было как-то уютно, все курили «Беломор», и окурки Нины Георгиевны густо украшались жирной помадой, а Женя не обременялся портсигаром и папиросы торчали в его нагрудном кармане.

Славные, славные люди были Руничи.

...

Когда вспоминают брежневское время как самое из послевоенных лет безобидное, то наверное так оно и есть, только ведь и при дорогом Леониде Ильиче охранительно-карательные службы не исчезли, а кажется, там и рады были новому поводу власть потрудиться.

В начале 1971 года на моих глазах два гэбиста увезли из НИТИ Володю Карякина, который собственно и пригласил меня, выпускника филфака, в этот секретный институт, связанный с авиацией; правда в моё пребывание там копировали иноземные дождевальные машины, чтобы наладить их (конечно безлицензионное) производство на Саратовском авиазаводе под лозунгом «Мелиорация – дело всенародное». Директором института был К.А. Грачёв, заслуженный авиастроитель, в войну начальник сборочного цеха, выпускавшего истребители ЯК. Был Константин Андреевич находчивым менеджером, и когда другие только подумывали о способах маркетинга, взял замом-советником Гуревича, который создал целый рекламный отдел во главе с тоже, извините, Левиным, при котором была даже кинопруппа. На отраслевых совещаниях с успехом демонстрировались киноголики Грачёва. Киногруппой руководил студент-заочник ВГИКа Карякин, был ещё оператор Митин, добрый пьяница, уволенный за слабость с Нижне-Волжской студии кинохроники, и вот меня произвели в сценаристы, пред тем очень долго проверяя анкетные данные.

Ни я, ни уведённый гзбэшниками Карякин не могли знать, что происшедшее результат того, что в декабре прошлого года председатель КГБ Ю.В. Андропов подал в ЦК КССС под грифом секретно записку «Анализ "самиздатовской литературы" за 5 лет», где сообщал: *«Если пять лет назад отмечалось хождение по рукам, главным образом, идейно порочных художественных произведений, то в настоящее время все большее распространение получают документы программно-политического характера»*¹.

И вскоре по городу пошли слухи о каких-то обысках у тех, кого считали интеллектуалами, книжечьями, людьми независимыми и безбоязненными.

«Толе Катцу выступать запретили...», «Штернов с работы выгнали...», «Букиниста из города выперли...» И самый страшный – о женщине-рентгенологе, которая повесилась после обыска гзбистами её квартиры².

Правда, удалённому из консерватории Анатолию Катцу не вовсе запретили концерты, а лишь «поправили» их репертуар в надежде на его перевоспитание, и на собрании творческой интеллигенции города в ТЮЗе, зав. отделом культуры обкома Н.И. Шабанов даже произнёс историческую фразу: «Мы будем бороться с катцами за самих катцев».

Можно лишь удивляться тому, что бывший в Саратове ранее, в 1969 году, процесс по делу Группы революционного коммунизма, членов которой (Александра Романова и других) присуди-

¹ (<http://gaidar-arc.ru>)

² «17 марта 1971 г. Нина Кахцадзова была увезена с работы на допрос в КГБ после обыска, на котором нашли самиздат и листовки, распространявшиеся в московском ГУМе иностранцами. Во время допроса у нее было два обморока. В этот же день вызывали на допросы нескольких друзей Кахцадзовой. На следующее утро она повесилась» (<https://sites.google.com/site/pravozasitnoedvizenievсаратове>).

ли к реальным срокам заключения, не вызвал в городе такого шума. Хотя и ясно, что тщательное изучение марксизма вопрекор советского им манипулирования было куда опаснее для режима, чем слушание западных голосов и чтение запрещенных книг. Понятно, почему власть предпочла умолчать об арестах революционных марксистов, но почему т.н. общественное мнение так возбудилось лишь при обысках у одних и молчало при арестах других?

«Саратовское самиздатовское дело, заверненное в марте 1971 года, любопытно как учебная иллюстрация психопатической боязни властей свободного слова. У нас не было и намека хоть на какую-то формальную организацию. Никто из нас не призывал к свержению коммунистического режима, хотя никто и не питал никаких иллюзий относительно его подлинной сути. Мы лишь читали...» – вспоминал Виктор Селезнёв¹.

Не молчала и пресса. 4 февраля 1971 г. саратовская газета «Коммунист» поместила статью зам. гл. редактора В. Пролёткина «У позорного столба»², где были названы 20 посетителей книжного «черного рынка». *«Шестерых автор статьи называет самиздатчиками, среди которых были начальник отдела фабрики детской игрушки Виктор Стрельников, художник кинотеатра Б. Ямпольский, работник областной детской библиотеки Ю. Болдырев, музыканты А. Катц и М. Белокрыс, преподаватель В. Нульман, врачи Сергей и Юрий Штерны и др.)*. Они постоянно слушали передачи зарубежных радиостанций и некоторые записывали на магнитофон, покупали произведения А. Солженицына, А. Кузнецова и т.п. не только на саратовском “черном рынке”, но и ездили в другие города за самиздатом. По ночам перепечатывали раздобытое на машинке: “Один экземпляр себе в тайник, остальные – для распространения”»³.

Букинист Юрий Леонардович Болдырев, директор единственного в городе магазина старой книги, а по существу и вольного клуба, уехав в Москву, сделался там другом и душеприказчиком Бориса Слуцкого, успешно занялся критикой. Он был настолько известен, что в 1985 году на беседе в ЦК КПСС зав. сектором печати Козловский спросил меня: «А как там ваш букинист?» Магазин враз поскуднел, и зашедший книголюб только вздыхал, вспоминая, как неотрывно стоял за ломившимся прилавком Юрий Леонардович.

Штерны Сергей и Юрий Викторовичи представители врачебной династии⁴, основатель которой был владельцем первой водолечебницы на Соборной улице, после революции как отнятой большевиками, так и оставшейся главным госпиталем всех властей до нашего времени под прозвищем партактивской.

Сергей в конце концов переехал по каким-то профессиональным каналам в Стокгольм, где благополучно врачевал благополучных шведов, и удивления достойно, что заявил там себя как талантливый переводчик шведской литературы.

В Саратове он имел репутацию первого сердцееда, живо помню, как на тюзовской премьере головы изо всех рядов дружно обратились на него, когда возник на входе в зал об руку с солисткой оперного театра Лилией Логиновой. Мы не были знакомы, но прочитав в ещё доступном Фейсбуке о его литературной работе, я предложил ему сотрудничество в «Газете Наша Версия». Ответ его был хорош и согласием, и тем, что враз отодвинул в общении наши отчества. Я успел озадачить темой Рому Арбитмана, который провёл с саратовским шведом прекрасную беседу⁵.

¹ Виктор Селезнёв. «Кто выбирает свободу. Саратов. Хроника инакомыслия 1920–1980-е годы». Под редакцией кандидата исторических наук В. М. Захарова. Саратов, 2012.

² Газетную вырезку переехавшему в Москву Боре Фаликову отец прислал с припиской: «И ты мог там оказаться».

³ <https://sites.google.com/site/pravozasitnoedvizenievsaratove>

⁴ Н.Е. Штерн – основатель первого в России общества рентгенологов в Саратове и второй в России кафедры рентгенологии. В.Н. Штерн, организатор Всероссийского съезда рентгенологов в Саратове после 13-летнего перерыва. С.В. Штерн работал ассистентом кафедры и врачом рентгенологом. Имеет всемирное признание. (medconfer.com/node/19692).

⁵ Сергей Штерн: «Не люблю слово “элита”». Наша версия N41 (98) 5 ноября 2010.

А с Толей Катцем мы сблизилась благодаря Ельцину-Зюганову в их выборную кампанию 1996 года, когда второму едва не удалось отнять президентство у первого. В рамках той борьбы, поставившей только-только приучавшуюся к демократии страну, в яростное противостояние, в Саратов под популярным антизюгановским лозунгом «Голосуй или проиграешь» прибыла группа поддержки Ельцина: писатель Фазиль Искандер, пианист Николай Петров, киноактёр Юлиан Панич. Было собрание в филармонии, где сюрпризом объявили новых членов Академии русской современной словесности (АРС'С), в т.ч. меня и Катца. Ерунда, разумеется, зато мы стали периодически общаться. Редкого обаяния был человек.

Ну, а Карякина я знал с тех пор, как тот стал мужем нашей всеобщей одноклассницы Таньки Личман. Открыл справку о нём как члене Союза журналистов, где пропущены 69–72 годы, т.е. как раз время НИТИ, а затем пошёл юмор вроде «1976–1977 гг. – администратор филармонии», и даже режиссёр Нижне-Волжской студии кинохроники. Отмечу, что в постсобытийных разговорах «самиздатчики» именно Карякина называли как сдавшего остальных на допросах, во что я верю, зная его неограниченную приличиями бзделоватость. Когда я спросил его, правда ли, он лишь ухмыльнулся.

Виктор Макарович Селезнёв был из всех известных мне саратовцев наиболее последовательным и твёрдым противником власти. Служил он в кинопрокате, главным же было изучение жизни и творчества А.В. Сухова-Кобылина, и, думаю, в творениях неистового врага чиновных взяточников и казнокрадов он подкреплял собственные убеждения. Горжусь, открывая том «Дело Сухова-Кобылина»¹, надписью: «Дорогому Сергею Григорьевичу Боровикову – редактору замечательного журнала “Волга”, так щедро печатавшего материалы о Сухово-Кобылине.

Признательные Е.О. Селезнёва, В.М. Селезнев
27.03.03.»

В самом деле, не отказывал я в их публикациях, высоко ценя феноменальный талант русского драматурга-аристократа, да и писали Селезнёвы весьма качественно.

А в том семьдесят первом я подал в НИТИ заявление *по собственному*, к чему там отнеслись как бегству из-за увольнения Карякина, о чём мне, подписывая отходные бумаги, сказал сам зам. начальника директора по режиму с говорящей фамилией Строев. То, что я, даже теряя в зарплате четвертной, уже договорился о приёме меня корректором в редакцию журнала «Волга», конечно об этом не сказал. Тем более что заметно потеплело. Видимо, саратовские дзержинцы-держимордовцы перестарались, и, конечно, самоубийство Нины Кахцадзовой их ретивость уняло. Но брызги ещё долго летели. Как-то всех работников редакции главный наш Шундик собрал себе в кабинет для встречи с начальником саратовского управления КГБ генерал-майором В.Т. Васькиным и Василий Тимофеевич дружелюбно, как своим людям, рассказал нам о глобальном нашествии вражьей пропаганды через самиздат. Саратовских революционных марксистов он даже не поминал, зато в доступных ему красках расписал компанию самиздатчиков, где собирались, чтобы «смаковать клеветническую информацию, почерпнутую из радиопередач» (я записывал за ним), декламировали почему-то «при погашенном свете стихи *Пастернака*». Слушая его ахиною, я вспоминал, как в нашем корпусе филфака-истфака рассказывали, как у Васькина-сына с истфака сперли ондатровую шапку, а когда он пришёл в такой же, увели и её, и он надел-таки кроличью.

”

Киру Кагана я знал с его рождения, так как часто общался с его матерью. Если хотите себе представить Наташу Каган, вообразите добрейшую и общительнейшую тридцатилетнюю еврейку, для которой, ну, скажем точное название первого фильма Тарковского важнее всего на белом

¹ М.: Новое литературное обозрение, 2002.

свете. Была она единственным у нас киноведом, потом появился Володя Семенюк. Мужа у Натальи никогда не было, а отцом оказался Сергей Штерн¹.

Киру растили дедушка с бабушкой, а мать занималась эстетическим воспитанием. Впечатлительный мальчик тянулся за мамой и так случилось, что однажды она подвела его к Алексею Герману. Интервью с мастером оказалось удачным, вышло в популярном столичном издании и погубило парня, который во всю недолгую дальнейшую жизнь ничего не хотел, кроме как без конца брать интервью у знаменитых режиссеров, в поисках встреч с которыми он уехал в Москву и вдруг там женился.

Когда очень скудная в средствах Наташа приходила ко мне в редакцию для звонков в Москву², я вскоре выходил из кабинета, не в силах слушать её бесконечные «А ты? А она? А в Останкино?»

В конце концов Кира вернулся в Саратов. И спустя недолгое время Наташа уже делилась новым: «Можешь себе представить: трижды попал в вытрезвитель! А мы с ним Бродского вслух читали, Цветаеву».

Потом я встречал его у Слаповского не в том, описанном в его романах старом доме на Мичурина (М.Сергиевской), а в квартире во дворе Дома книги. Добрые Слаповские подкармливали Киру, даже в куртке он был с Лёшиного плеча. Потом Лена умерла, и на её девятый день я застал там Киру. Он так хватался за стакан, что старый Иван Александрович Слаповский, из крепкого племени красных директоров, жалостливо ему советовал: «Ты уж закусывай...»

Умер, слава богу, дома у дедушки-бабушки.

2025

¹ Надя Рейн так скажет о внебрачном ребёнке своего мужа: «От одного ебка».

² В то время междугородный разговор стоил приличных денег.

Владимир КОРКУНОВ

«КУЛЬТУРА НЕМЫСЛИМА БЕЗ ХОДЬБЫ ПО ГРАНИ»

Беседовал Борис Кутенков

В издательстве Jaromir Hladik Press вышла книга «Потерянный и обретённый свет» – поэтический сборник Владимира Коркунова, в котором представлены монологи слепоглухих людей об их зрительных и визуальных воспоминаниях. Это первое исследование феномена слепоглухоты в жанре dociproetry. Книга сопровождается статьёй Коркунова о слепоглухоте и документальной поэзии, впервые опубликованной в журнале «Новое литературное обозрение».

Мы поговорили с Владимиром о фрейме слепоглухоты, соотношении фактов и преобразования в документальном поэтическом тексте и о корифеях жанра.

– Владимир, как появилась книга?

– Книга стала естественным продолжением моей работы в Фонде поддержки слепоглухих «Со-единение». Я пришёл туда в январе 2019 года, и одним из первых моих проектов стал литературный конкурс «Со-творчество», в котором принимали участие слепоглухие люди. Мне было интересно, как они пишут из состояния слепоты и глухоты, какие особые измерения обретают их тексты; да и вообще: возможно ли это?

– И как же ты ответил себе на эти вопросы?

– Много позже, когда я анализировал их работы, понял, что даже во вроде бы лирических текстах, в которых о слепоглухоте напрямую не сказано, присутствует некий *фрейм слепоглухоты*. Я связываю это понятие с тем, что Виталий Лехциер однажды назвал «фреймом документальности» – определённой оптикой, признаками, которые позволяют выделить текст в особый ряд (тематический, методологический и др.).

Это может быть не вполне очевидно: мы способны написать о том, что видим. И слепоглухой человек может написать о том, что видит. Только в одном случае зрение будет реальным, а в другом – воссозданным. Здесь же некоторые, незаметные внешне, особенности. Взять, к примеру, текст Елены Волох (героини документального проекта): «Я плыву на плоту. Тишина. Пустота. <...> Погибаю... Рука ухватилась за штырь» и др. Вроде бы непритязательные строки. К тому же сама Волох отрицает, что её тексты раскрывают тему слепоглухоты. Но приглядишься: океан описывается словом «тишина», тогда как шторм очевидным образом звучит. В тексте нет красок/цветов, он подан с позиции тактильных ощущений: «рука ухватилась за штырь». Это я и хочу называть фреймом слепоглухоты.

А вот Николай Кузнецов (тоже герой документального проекта), который совершенно не видит, но слышит с помощью кохлеарных имплантов – он стал первым ребёнком в России, которому сделали такую операцию. Его стихи предельно зримы, он едва ли не единственный из слепоглухих людей не подбирает уже известные образы, а мыслит ими. Например: «Луною солнце вспорото – / И в глубине высот / С отливом красным золото / Заполонило свод. // Скажи, какою драмой, / Огромнейший сосуд, / Ты сдержанно и рьяно / Зеркальный красишь пруд?» Несколько лет назад мы говорили с Лидой Юсуповой о поэзии слепоглухих людей, и она была так впе-

чатлена работами Кузнецова, что хотела номинировать его на Премию Аркадия Драгомощенко. Но премия, увы, прекратила существование. И вот, понимая состояние человека, ты видишь, насколько стихотворение зримо. Я бы назвал его ещё и компенсационным: звука в тексте нет. Это тоже о фрейме.

К чему я привожу эти примеры? Когда завершился конкурс «Со-творчество», я понял: слепоглухие люди в поэтических текстах пишут больше на общие темы, касаясь бисенсорных особенностей по остаточному принципу. (При этом в прозе или эссеистике слепоглухота – основная тема.)

– Ты привёл примеры из творчества своих собеседников. А вообще, есть ли особая специфика, связанная с творчеством слепоглухих, помимо упомянутого тобой говорения «на общие темы»?

– Здесь надо отделить тексты монологов, которые я составил/написал на основе интервью со своими героями и героинями, от непосредственного творчества слепоглухих людей. И если говорить о специфике их письма, будет уместно привести цитату философа-марксиста Эвальда Ильенкова. В 1970-х четвёрка молодых людей из Загорского детского дома для слепоглухих сумела окончить МГУ и опровергла тезис о своей необучаемости. Ильенков был среди идеологов эксперимента, много общался с участниками, изучал возможности их интеллекта.

Один из этой четвёрки, Александр Суворов, позднее писал, что Ильенков стал для него духовным отцом. Они часто виделись, обменивались письмами. Как-то юный Саша поделился с ним «недозволенными», откровенно суицидными мыслями, вызванными слепоглухотой. Его волновал вопрос, отличаются ли чем-то принципиальным слепоглухие от зрячелышащих, и если да, то чем. Ильенков ответил, что нет специфических «слепоглухих» проблем, но есть более острая в экстремальных условиях, а потому более точная постановка проблем общечеловеческих, и специфические, слепоглухотой обусловленные, способы их решения. И, возможно, этими словами спас Суворова.

Думаю, это относится и к литературе. Слепоглухие люди пишут так же, как все остальные. На точно такие же темы. Любовная и природная лирика, рассказы, повести, даже романы; нон-фикшн и научные изыскания. Конечно, есть обусловленные слепоглухотой «способы решения»: многие работают с помощью дисплеев Брайля, а значит, намного медленнее (но есть и слепоглухие люди, которые освоили слепую печать на зрячей клавиатуре). Конечно, им сложнее найти нужную информацию, зато у некоторых удивительным образом работает память: Ирина Поволоцкая (героиня книги монологов) после наступления слепоглухоты стала намного легче запоминать слова и выучила почти все европейские языки. А тот же Николай Кузнецов помнит сюжеты всех прочитанных книг и может повторить лекцию за преподавателем (притом что в свободное время слушает аудиокниги до 12–14 часов в день на скорости, увеличенной в шесть раз).

– Почему ты вообще решил заниматься людьми с бисенсорными нарушениями?

– Потому что в благотворительном фонде мне дали такую возможность. Я всегда и везде стараюсь заниматься поэзией (*улыбается*). И возможность совмещения работы и хобби, которое стало делом жизни, не даёт потерять мотивацию и драйв.

– Так что же прибавляет к их голосам твоя поэтическая работа?

– Мне захотелось восполнить в поэтическом жанре то, о чём сами слепоглухие люди практически не говорили, притом что именно они носители уникального экзистенциального опыта, который разделит их жизни на две части: когда ты видел или слышал – и внезапно перестал.

В этом есть что-то от буддистского перерождения. Умирание и попытка жить (выжить) в других условиях, заново приспосабливаясь к жизни, (пере)осваивая самые обычные вещи. Вот

ты выходишь из подъезда, тебе надо дойти до магазина. Раньше ты видел путь, мог обойти препятствия. А сейчас – как это сделать? Или тебе нужно приготовить что-то – и не пережарить, не залить маслом, не устроить пожар. Слепоглухой человек в своём новом состоянии будто бы возвращается к состоянию ребёнка. И заново учится всему – от языков (поэтому мы не добавляем слово «немой») до элементарных бытовых задач. Даже проблема прямохождения может стать непреодолимым препятствием, когда надо выйти из дома, не говоря уже о социализации (а у некоторых слепоглухих людей проблемы с вестибулярным аппаратом).

– И наверняка общество не очень-то расположено к людям с подобными особенностями.

– Мы знаем: общество не очень-то замечает слепоглухих людей (да и вообще людей с инвалидностью). То, чего происходит не с нами, – не существует. Поэтому мне было важно, с одной стороны, вывести людей с бисенсорными нарушениями из состояния невидимости, а с другой, сосредоточиться на теме, которая вряд ли оставит равнодушными читателей. А ведь задача искусства, помимо того, чтобы привносить новизну, – волновать, переворачивать сознание, помогать обретать/чувствовать новый опыт.

К работе над циклами монологов я приступил летом 2020 года. Параллельно собирал антологию текстов о слепоглухоте – это было частью моего исследования, погружения в мир, в котором поблекли краски и пропал звук. Мне было важно понимать, как это происходит, что чувствует человек в такой ситуации – через множество примеров, поэтических воплощений, описаний. Журналисты как-то провели эксперимент: завязали глаза, заткнули уши и провели в таком состоянии целый день. Но это ведь тоже симулякр! Слепоглухой профессор, доктор психологических наук Александр Суворов, сказал им: «Вы никогда нас не поймёте. Потому что знаете, что в любой момент сможете снять повязку и вынуть беруши. А мы этого сделать никогда не сможем».

Окончательно понять – конечно, нет. Но приблизиться к пониманию, хотя бы осознать, с какими сложностями сталкивается слепоглухой человек, думаю, возможно. В этом заключалась стартовая идея книги. Я начал с цикла о последнем увиденном в жизни, затем добавил цикл о последнем услышанном в жизни. И, наконец, собрал цикл о том, что человеку взамен слуха и зрения дала слепоглухота. На эту тему меня натолкнула та же Лида Юсупова, и хотя внешне она кажется кошунственной – ну вот что, на самом деле, может прекрасного дать слепоглухота? – ответы получились очень разнообразными: каждый человек открывал для себя что-то новое, в том числе недоступное в зрячелышащем состоянии.

Работу над циклами я закончил в конце 2022 года, затем ещё год работал над статьёй о слепоглухоте и документальной поэзии – мне не хотелось начинать публикации с «чистого листа», важно было обоснование, введение в контекст. Искренне благодарен Александру Скидану, который предложил её написать; иначе тексты могли затеряться в больших потоках досюроету и книга могла не состояться. А буквально через несколько недель после выхода статьи и двух циклов в «Новом литературном обозрении» мне написал редактор Jaromír Hladík press Игорь Булатовский. Благодаря его бережной работе (которую он готовил как арт-объект с потрясающими иллюстрациями Ксении Пройдисвет) и появилась эта книга.

– Почему монологи о слепоглухих потребовали именно художественной формы и почему именно – верлибра? Потеряли бы они что-то, будучи записаны как рассказы в прозе, и если да, как ты это видишь?

– В первую очередь, это связано с моей личной поэтической работой. Я выбрал форму, в которой комфортно мне – и с помощью которой я смог бы максимально убедительно воплотить задумку. С другой стороны, параллельно я работал над книгой интервью со слепоглухими людьми – и это тоже документальный материал, поданный именно в «прозе» (я полагаю, ты имел в виду именно такую прозу, а не рассказы).

Можно сразу заметить отличия – если в поэтическом тексте я выстраивал ритм, уточнял звучание, убирал всё, что может помешать итоговому впечатлению – то есть занимался режиссёрской работой, – то в интервью оставлял весь простор мысли моих визави.

Разумеется, по воздействию подобная поэзия и подобная проза различны. И если в монологах я рассчитывал в первую очередь на художественный эффект, то в интервью скорее на социальный. Как минимум, поэтому страницы наполнены фотографиями, иллюстрирующих жизнь моих героев от детства до настоящего времени.

В монологах же важны были и лаконичность, и общая композиция. Один герой прислал едва ли не исповедь на восьми страницах – если бы я опубликовал её всю, то эффект небольшого законченного высказывания был бы смазан. Другая героиня рассказала эпизод из своей жизни по телефону. С третьей мы несколько раз списывались, потом я искал все её публичные выступления, цитаты, чтобы в итоге создать убедительную речь, в которой видны и характер, и судьба.

Мне кажется, в подобной инклюзивной работе важны все жанры, и каждый по-своему раскрывает тему. Я выпускал прозаические и нон-фикшн книги слепоглохих людей. Сейчас дошла очередь до поэзии и жанра интервью. А самоповторы, как ты знаешь, оказывают с каждым разом всё меньшее воздействие.

– Был ли ты внимателен к сохранению фактов? Вообще, важно ли это? Наверняка о каких-то доверенных тебе вещах ты считаешь неправомерным рассказывать?

– Каждый монолог я многократно уточнял у собеседников. Моя роль сводилась к режиссуре и некоторой редактуре (часть ответов была записаны на голос, а некоторые переданы на брайлевских листах). Все истории полностью правдивы. Думаю, самый большой грех документальной поэзии – додумывание, вложение в уста информантов собственных мыслей.

Разумеется, перед нами может быть художественное произведение с вкраплением документального материала (как, например, у Михаила Сухотина в «Стихах о первой чеченской кампании») или коллаж из голосов, подчёркивающий масштаб трагедии и всеобщий хаос боли (как, например, в работах Станислава Львовского с фразами грузинских солдат). Но это те рамки, которые автор задаёт изначально, только входя в текст. Читатель воспринимает их как правила игры. В этом, думаю, принципиальное отличие кейсов Шишкина и Иличевского: в одном случае мы понимали, как читать текст; в другом случайно заметили чужое. Не говоря уже о поразительном и парадоксальном «Путеводителе по N» Александра Скидана, который, если не ошибаюсь, полностью соткан из чужих текстов, причём некоторых источников не угадать – Скидан сам перевёл их для романа. Текст получается сновидческий, причём не то чтобы полифоничный; будто бы вышедший из грёз, и эффект от прочтения – колоссальный. Тоже в каком-то роде документальный жанр, где документами стали художественные тексты.

– А можно ли говорить о соавторстве?

– Да, мне была важна не просто достоверность – некий элемент соавторства, поэтому я добавил в «шапки» монологов имена своих героинь и героев и некоторые сведения о них. В документальном жанре мне всегда не хватало некоего элемента верификации/веры. Обезличенная трагедия тоже разворачивается внутри читателя, но ты не до конца отождествляешь себя с тем или иным персонажем. «Каймания» Марии Малиновской в своё время произвела на меня поразительное впечатление – может быть, именно после неё я обратился к документальному жанру. Не хватало одного – большего погружения в запечатлённый ею мир безумия. Я читал эти монологи скорее как художественный текст, а не как свидетельство. Имена становились участниками ужасающего спектакля, от которого всё сжималось внутри. Но я не мог представить их конкретными людьми. Понимаю, с одной стороны, в таких темах конфиденциальность – мастхев, с другой же, я

хотел больше погрузиться в транслируемое Машей пространство как в некую ролевую игру, когда ты примеряешь на себя разных персонажей – и проживаешь с ними их сюжеты и жизни.

Поэтому я сознательно верифицировал монологи именами – практически каждого моего героя или героиню можно найти в Сети, некоторые – публичные люди. Я уверен, пограничные истории видения/невидения, слышания/неслышания (etc.), рассказанные *реальными людьми*, создадут большой эффект, вызовут большее читательское сочувствие и отождествление с собой – ведь потеря слуха и зрения может произойти с каждым, причём внезапно.

– Но ведь какие-то моменты не вошли в текст?

– Я убирал только те фрагменты, которые, как мне казалось, растушают художественный эффект. И несколько депрессивных эпизодов, связанных с желанием смерти. А ведь практически все слепоглухие люди проходят через чёрную депрессию. И те, кого мы знаем, те, чьи тексты можно прочесть в книге, – люди, которые справились с ней. Смогли жить дальше *новой* жизнью. Поэтому я хотел бы собрать цикл монологов именно об этом преодолении. Думаю, это будет важно и для самих слепоглухих людей, особенно тех, кто только сталкивается с подобным диагнозом, и для всех нас.

Ещё одна тема, которую мне бы хотелось раскрыть, – личная жизнь слепоглухих людей. Стереотип о том, какая же у инвалида может быть личная жизнь, тем более интимная, важно развевать. Говорю и как человек, выросший в семье, в которой у обоих родителей инвалидность.

– Игорь Волгин когда-то говорил нам на семинарах про особые «стихи-барьеры»: мол, мы не можем обсуждать стихи, говорить о границах поэзии, когда автор, к примеру, пишет о смерти собственной матери. Существует ли похожая этика применительно к творчеству людей с ограниченными возможностями? Правоммерно ли оценивать подобные тексты с точки зрения творчества, выстраивать некую иерархию?

– Во-первых, я не согласен с таким утверждением. Если автор написал подобное стихотворение, отдал его нам – читателям и критикам, – мы имеем полное право говорить о нём. Как о любом предмете искусства. Культура немыслима без дерзости, хотьбы по грани, соприкосновений с практически табуированными темами. И если автор пишет стихотворение, которое ставит между нами барьер, – какого чёрта его писать? Или выкладывать в публичное пространство (для личной самотерапии можно делать что угодно. Как писал мой учитель Владлен Кокин: «Поэты, мы не б..ди, / С любовью отдаёмся <...>Я перед вами голый. Похож на проститутку?»).

Так и тут.

Не существует «стихов-барьеров» или табуированных для обсуждения текстов; нет и особой этики применительно к творчеству слепоглухих людей или людей с другими формами инвалидности. Мы же не богадельня! Иначе это будет или унижение человеческого достоинства, или восприятие по остаточному принципу: они убогие, что с них взять. Это в корне неверно. Ирина Поволоцкая однажды спросила: вы публикуете мои стихотворения потому, что я инвалид, или потому, что это поэзия? Это сакраментальный вопрос, касающийся человеческого достоинства. Снисхождение в любой сфере культуры равняется унижению. В этом плане меня глубоко возмущают слова: «это, мол, наивное искусство», когда речь идёт о художественном неликвиде; нет, примитивное искусство особый жанр – Данила Давыдов пишет порой наивные стихи, и ты понимаешь, что это приём, поскольку за внешне невзыскательным текстом скрыта огромная база знаний, и в самих строках *тоже* зашифрованы смыслы. А если речь о потугах «я любила ты ушёл / мне теперь нехорошо» – какое же это наивное искусство?

– И всё-таки – применим ли к стихам твоих собеседников гамбургский счёт искусства?

– Принципиально недопустимо оценивать творчество людей с инвалидностью, используя поправки и натяжки. Так ты и себя деформируешь – этически и профессионально. Либо есть предмет разговора/искусства, либо его нет. Вне зависимости от поднимаемых тем. Я уже говорил о Николае Кузнецове. У той же Ирины Поволоцкой есть строки, которые с полным пониманием можно написать только из состояния слепоглухоты: «Улыбаюсь сердечности / Ваших рук». А ведь руки – основное средство общения для людей, которые не видят и не слышат. Отчасти они ещё и глаза, ведь руками слепоглухие люди ощупывают объекты, изучая, «смотря» на них. И в каком-то смысле сердце. В этом плане образ Поволоцкой нов. Поэтому он является предметом искусства. И публикую я его исключительно поэтому.

Или стихи Алексея Богатого, с ощутимой хармсовской иронией: «Однажды зоопарк мы посетили / и восхищались, и в восторге были. / И даже – представляете? – я нюхал / зверюшек, что показывали люди. <...> Жираф-жирафыча унюхал я впервые, / кот-котофеича знакомого узнал...» Это тоже об особом опыте – изучения мира через обоняние. И памяти, когда даже через полгода-год человек способен вспомнить кота по запаху! Это, кстати, свойство многих слепоглухих людей. Алёна Капустян (тоже героиня сборника монологов) рассказывала, что способна отличить всех находящихся в комнате людей благодаря обонянию.

Вышеприведённые примеры – маркер поэзии, и потому мы вправе говорить на любые темы внутри этих рамок. А иначе какое право мы имеем обсуждать смерть, например, Андрея Болконского – чем в рамках художественного произведения она отличается от смерти близкого человека? А что находится за рамками – дневниковое, самотерапевтическое, etc. – и обсуждать не стоит.

– Расскажи о явлении docupoetry. Как оно зародилось? Кого ты сейчас считаешь лидерами этого жанра или просто важными для тебя авторами?

– Практически сто лет назад в США уже шли споры об этичности – и вообще о возможности – жанра docupoetry. Об этом рассказывал Виталий Лехциер в своей, пожалуй, программной статье в «Новом литературном обозрении»¹. Добавлю, что определённый процент документа в поэзии был всегда, ведь и своя история – документ, и тогда ты информант самого себя. Но главная задача docupoetry – обратить внимание на тех, чей голос незаметен для общества. Но не менее важен. (Хотя могут ли быть неважные голоса?)

Этический вопрос, конечно, сопровождал этот жанр с самого начала. Насколько этично вторгаться в частную жизнь человека? Насколько глубоко можно закапываться в предельно личные, травматические, а порой и трагические подробности его жизни и смерти? Где та грань, когда личность человека начинает стираться, а на передний план выходит эго автора?

Несколько лет назад мы проводили опрос о документальной поэзии в журнале РОЕТИКА² – мнения респондентов разнились. Как редактор я соглашаюсь со всеми, поскольку в творчестве не может быть жёстко определённых рамок и при разных эстетических задачах/установках поэт выбирает свой способ подачи материала. И, как следствие, воздействия на читателя. Можно соединять свой голос с голосом информанта. Можно придерживаться не только абсолютной точности текста, но даже расположения его на странице. Можно параллельно вносить сюжетные изменения или добавлять другие голоса. Кто скажет иначе – скорее всего, ангажированы той или иной темой и пытаются манипулировать авторами и читателями. *Как правильно и как надо*, знает только создатель текста. Мы, разумеется, можем не согласиться, но это будет исключительно частное мнение.

Намного сложнее обстоит дело, когда человека уже нет – например, при воссоздании голоса/истории через протоколы, медкарты и т. д. Поэт берёт на себя *полную ответственность* за работу

¹ <https://magazines.gorky.media/nlo/2018/2/eksponirovanie-i-issledovanie-ili-chto-proishodit-s-subektom-v-novejshej-dokumentalnoj-poezii.html>

² <https://licenzapoetica.name/points-of-view/survey/dokumentalnaja-poezija-opros>

над этим материалом. И только от его совести зависит, насколько честным получится результат. Подробнее об этических проблемах и самом жанре я писал в статье о слепоглухоте и документальной поэзии в том же «НЛО»¹.

А если говорить о лидерах жанра в русскоязычных вертепах, вероятно, стоит назвать Лиду Юсупову (с её краеугольной для документу работы «Приговоры»), Марию Малиновскую, Станислава Львовского и Михаила Сухотина. Добавлю, что, по моим ощущениям, текст Сухотина в своё время стал шоком и откровением о документальном жанре и задал некие рамки работы с материалом в русскоязычном пространстве. Необходимо назвать и Виталия Лехциера с медицинскими и антропологическими текстами. А так-то ряд велик!

– А если обращаться к новейшему поколению?

– В дебютной книге Софьи Сурковой «Лазурь и злые духи» есть цикл rehab, кажется, ещё не в должной мере отрефлексированный критикой. В предисловии авторка пишет: «3 января 2018 года я попала в реабилитационный центр фонда во имя Архангела Гавриила и пробыла там семь месяцев. Я просила разных людей рассказать мне про их жизнь и историю употребления, я записывала эти рассказы». Результат по силе воздействия – потрясающий, достойный отдельной книги, очень страшный, жуткий. Сродни битничеству, которое своим появлением предопределяло будущее разложение и смерть. Но из рехаба реально вернуться.

– Какие истории, рассказанные твоими собеседниками, поразили тебя наиболее?

– В той или иной степени – все. Как воспринять ситуацию, когда родители ругают девочку за глухоту? Можно ли спокойно прочитать историю, в которой слепая бабушка играет с внуком в прятки, ориентируясь на его смех? Или первые светлые чувства незрячих подростков, которые первалились, когда юноша перестал слышать её голос?

Каждая история – пограничное состояние жизни. Путь от здоровья до болезни. От рухнувших планов на жизнь до существования 2.0. Мне было важно показать, что после наступления слепоты и глухоты жизнь не заканчивается. Только лучик света в тёмном царстве начинает светить внутри человека – мотивируя вставать с постели, осваивать средства общения, возвращаться к более-менее активной жизни. Находить новые источники удовольствия, заполняя ту пропасть, которая в один момент образовалась в нём. Например, Ирина Поволоцкая выбралась из чёрной депрессии благодаря фламенко и свободе, которую дало ощущение тела в пространстве.

В конечном итоге, это книга о силе духа, о руках, которые опускались, но каждый раз поднимались вновь. О жизни, которая пробивается и побеждает в любом состоянии.

Важный урок для всех нас, часто пребывающих в вынужденной депрессии, глубоко страдая, когда приходится выйти из зоны комфорта (говорю это как человек с медицинским диагнозом депрессии; если речь о болезни, это страшное состояние, но я сейчас о другом). Большинство проблем мы выдумываем сами себе – культивируем их, растим, сажаем на трон, скрываясь в коконе жалости к себе. Какое, к чёрту, право вы имеете жалеть себя, если даже люди, лишённые слуха и зрения, колясочники, обладатели целого букета заболеваний не пухнут в лично созданном небытии, а изо всех сил стараются жить?

Для меня это главный итог книги. И главный антидепрессант.

– Доволен ли ты отзывами о сборнике?

¹ <https://magazines.gorky.media/nlo/2024/2/vnutri-shesti-tajnikov-lui-brajlya-slepopgluhota-i-dokumentalnaya-poeziya.html>

– Сразу после выхода сборника Всероссийское общество слепых пригласило меня на радио- и видеоинтервью, спасибо Жанне Смагиной. На презентации добрые слова о книге сказали Данил Файзов, Дария Солдо и Павел Кричевский. Конечно же, меня очень поддерживало отношение к проекту издателя Игоря Булатовского и Александра Скидана.

Если говорить о самих слепоглухих людях, у меня сохранилось несколько отзывов. Раз ты спрашиваешь, приведу несколько цитат.

Евгения Лагунина: «Меня переполняют эмоции... Как это вы смогли передать простыми словами то, что я Вам говорила так сумбурно и несвязно? Это просто удивительно... Мне самой бы не удалось так написать...»

Наталья Кремнёва: «Володя, это чудо что такое... Это потрясающе у вас получилось! Мне мой написанный текст в том виде, как я вам его посылала, не нравился, казался банальным, скучным... А вы сейчас, ничего по сути не добавляя, не уменьшая, сделали очень сильный текст! Без преувеличения. Вы передали состояние души, о котором я сама сказать не могла бы... Я никогда не представляла себе, что так можно сделать! За каждой историей так, как вы ее сделали, виден человек, а не слепоглухой. Именно Человек, переживший эту трагедию...»

Буквально сейчас, когда я дописываю ответы, появилась и первая рецензия – Ольги Балла в журнале «Знамя», которая легко пожурела меня за интонационную схожесть, но при этом отметила, что заданный книгой разговор – среди важнейших в гуманистическом плане: «о ресурсах силы и смысла в человеке в ситуациях, казалось бы, максимально располагающих к отчаянию, и об умении ими воспользоваться».

– Какие советы по взаимодействию с такими людьми ты бы дал тем, кто впервые с ними сталкивается?

– Это зависит от того, сохранились ли у человека остаточные слух и зрение. В лучшем случае тебя просто-напросто услышат. Только, пожалуйста, если у человека слуховой аппарат, не нужно говорить громче. Он настроен, чтобы максимально комфортно воспринимать окружающие звуки. Повышая голос, тем более крича, мы рискуем сделать физически больно – звук может передаваться искажённо, резко, оглушающе. Некоторые слепоглухие люди из-за сильнейшего дискомфорта, вызванного звуковыми дефектами, не носят слуховые аппараты (мне как-то рассказывали, что в ушах и так будто бы постоянно взлетает самолёт, а если надеть аппарат, звук становится запредельным).

Если у человека сохранились остатки зрения, можно попробовать ясно артикулировать – вас могут считать по губам.

В остальных случаях общение может быть тактильным или электронным. С последним понятно – дисплеи Брайля (и некоторые другие гаджеты / приложения) делают присланный вами текст понятным для слепоглоухого человека. Как правило, он считывает ваше сообщение по брайлевским шестисточиям, поэтому важно не растекаться мыслью по древу.

В тактильном плане самое сложное – впервые взять слепоглоухого человека за руку. Я наблюдал, как девчонки-волонтёры не решались этого сделать. Но, когда делаешь это впервые, страхи пропадают. Слепоглухие люди, тем более их руки, не кусаются! Более того, нашим подопечным важно не чувствовать себя в социальной изоляции, когда на мероприятии – например – все проходит мимо, будто их там нет! Психологически это ранит. Достаточно поздороваться и представиться, и человек не будет ощущать себя брошенным.

Есть и другое. Помню, когда впервые дотронулся до ладони Ирины Поволоцкой, ощутил невероятный поток тепла и приятия. Это уже об энергии, которую мы не видим (а порой и не верим в неё). Я изумился, насколько мне комфортно находиться рядом! Добавлю, что общение из ладони в ладонь часто эмоционально окрашено: человек может замедляться, ускоряться, «произносить» буквы с разной степенью экспрессии.

Слепоглухие люди во время массажа (из них получаются отличные массажисты!) способны определить места, где болит, где притаилась инфекция, если не что-то более страшное. Я не уверен, что существует *полноценное* целительство руками, но на себе ощутил, как из ладони Ирины энергия и тепло передались мне. Эмоционально мне точно стало лучше.

Впервые взяв человека за руки, не стоит переживать, что вы не сможете общаться. Он может попросить изучить вас – провести руками по контурам корпуса, чтобы понять, кто находится перед ним. Это нормально. Если вы не знаете никаких особых средств общения («дактиля»¹ или кода Лорма²), достаточно написать простое слово/слова печатными буквами на ладони. Такой метод называется дермографией.

При этом и «дактиль» выучить не сложно. После получасового мастер-класса люди способны произнести на «дактиле» своё имя. Стоит немного потренироваться – и вы обретёте секретный шифр, которым сможете общаться с близкими в полной тишине. Или разговаривать со слепоглухими людьми.

– *Какие самые главные вещи ты понял, написав книгу?*

– То, насколько важны *незамечаемые* ранее голоса. При чтении этих монологов я не раз видел слёзы, люди подходили, задавали множество вопросов. На вечере в Шымкенте я час отвечал на вопросы – все были связаны со слепоглухотой.

В какой-то момент, когда ты занимаешься той или иной инклюзивной деятельностью, ты входишь в состояние инерции, когда специфика твоей работы перестаёт трогать с той же силой. Это нормально, особенно если вспомнить внешнее «безразличие» врачей скорой или людей, работающих в новостях: принимай они все трагедии как свои, сошли бы с ума.

Чтение, резонанс, чужие слёзы раз за разом пробуждают в тебе человека, дают возможность продолжать работу с нужной степенью эмпатии. При этом я уверен, что в один день подобную работу следует прекратить. До того неизбежного момента, когда она станет рутинной, медленно тлеющим выгоранием. Черты, после которой начинается эксплуатация без попыток привести новое, вложиться всем собой.

Это задача и благотворительных фондов – наработать методологию, привести технологии, изменить общество, когда проблема/заболевание может быть решена без их участия. Медицинскими средствами, человеческой осознанностью, имплантами и др. И прекратить своё существование.

– *Наверное, сложно понять, когда наступает этот предел.*

– Непросто. Но любая литературная работа, любой литературный метод – конечны. Эксплуатируя одно и то же, впадаешь в стагнацию, останавливаешься в развитии, становишься неинтересен. Этакий прямоходящий кринж с вторичными даже для самого себя текстами. Когда вы видите стенания в соцсетях авторов 40-50-60+ о том, что они не интересны, их не читают и не публикуют, – значит, человек давно выгорел. Растерял драйв. Когда-то выданные авансы потрачены – а юношеские публикации следует в первую очередь воспринимать именно так. И если развития в текстах/мысли/методах не произошло, кому же вы будете интересны?

Это я к тому, что вечно темой слепоглухоты заниматься не будут. Благо вариантов, как известно, – легион.

¹ Дактилология — пальцевая азбука, с помощью которой общаются из ладони в ладонь. Каждому положению пальцев соответствует определённая буква.

² Способ общения, когда каждой точке на ладони соответствует определённая буква.

– Ты уже несколько раз упомянул о книге интервью со слепоглухими людьми. Расскажи о ней подробнее. Какого рода эти интервью? Как ты отбирал героев? Чем эта книга отличается от сборника монологов?

– Книгой интервью со слепоглухими людьми я занялся в 2020 году. И хотя в ней всего 11 бесед, работа длилась более пяти лет. Почему? Предположим, кто-то не мог сразу ответить и литературно, и стилистически выверенно. Часто требовались дополнительные вопросы, многочисленные уточнения и время, время, время (элементарно: не каждый слепоглухой человек способен среагировать моментально, порой ответных писем я ждал неделями).

Мне говорили – почему ты их обрабатываешь? Нужно публиковать так, как было прислано. Думаю, люди говорят так из соображений прекраснотушия, не понимая, что приведение текста в порядок/редактура – ещё и знак уважения к человеку. Само собой, я стараюсь сохранять стилистические и интонационные особенности моих визави. Но как я могу оставить то, что может унижить человека, что может показать дефекты в стилистике и грамматике? Многие слепоглухие люди прекрасно мыслят, их историями заслушаешься. Но естественные сложности с доступом к информации мешают оттачивать текст. Это аксиома. Ты знал, что глухие люди часто делают ошибки в окончаниях, хотя прекрасно видят слова? Так работает восприятие, которое не подтверждается звуковыми источниками извне (когда запоминание происходит подсудно). Ты видел, как незрячий человек печатает по зрячей клавиатуре вслепую, и тебе приходится буквально реконструировать текст? Ты когда-нибудь расшифровывал интервью, произнесённое вслух слепоглухим человеком, учитывая, что у человека, который не слышит себя, голос год от года искажается?

– Понимаю, что всё это значительно увеличивает сроки работы над материалами...

– Над одним интервью я работал полтора года. Это была исповедь более чем на 30 страниц – как раз тот случай, когда человек, не видя буквы, печатал на зрячей клавиатуре, и некоторые фразы (особенно когда пальцы встали не так) не поддавались расшифровке. Возможно ли в таком случае публиковать беседу «как есть»? Притом что по мысли и глубине это интервью одно из лучших в книге.

Я отбирал наиболее интересных собеседников с литературными способностями. Мне было важно, чтобы человек ответил и объёмно, и небанально. Это было невероятное путешествие во внешний, а главное, внутренний мир людей, которые не видят и не слышат. Мы говорили обо всём – об их жизни, о приходе слепоглухоты, о том, как они чувствуют и воспринимают мир (в том числе справляются с элементарными для нас вещами), о творчестве, вере, технологическом будущем; и, конечно, об общечеловеческом – чаяниях и мечтах. Мне было важно показать людей объёмно, как личностей, без эффекта «зоопарка», к чему порой скатываются инклюзивные проекты и сборы, которые я вижу в сети.

Конкретно к работе над книгой (финальной редакции, подбору фотоматериалов) я приступил в прошлом году. С весны вёл переговоры с «Эксмо», а потом, когда мы подписали договор, занялся финальной обработкой проекта. Думаю, я не смог бы пройти этот путь (и уж точно уложиться в сроки) без Дарии Солдо, которая за это время стала невероятным другом, близким, практически родным человеком. С минувшей весны мы с ней ходили на инклюзивные мероприятия, заглядывали в гости к слепоглухим людям (виделись с Ириной Поволоцкой, отвозили книги Алёне Капустыян – а у Алёны вышли потрясающие эссе о жизни в состоянии слепоглухоты). Даша очень поддерживала меня, когда я занимался книгой монологов, и выступила на её презентации в «Гостином дворе» на non/fiction№26 (вместе с Ириной Поволоцкой, Данилом Файзовым и Павлом Кричевским). Сейчас мы с ней собираем специальный номер журнала РОЕТИСА, посвящённый слепоглухоте. А в непосредственной работе над книгой, с декабря по февраль, она каждый день была рядом, практически в режиме 24/7, редактировала вместе со мной каждый

текст, изучала вёрстку; вместе мы обсуждали каждую деталь книги – и я совершенно не лукавлю, когда говорю, что один бы не справился. Конечно, так или иначе я бы закончил проект, но *так* хорошо, легко, вдохновенно и в кайф точно не получилось бы. Вообще мне очень повезло с друзьями, коллегами и близкими людьми. Помимо команды «Эксмо» (особо отмечу менеджера Алёну Щербакову и дизайнера обложки Владимира Безкровного), мне помогали люди, с которыми я дружу много лет: Виталий Шутиков, Светлана Демидова, Мария Лобанова, Павел Кричевский. Мне было важно ощущать поддержку главы Фонда «Со-единение» Натальи Соколовой и члена нашего Попсовета, народного артиста Сергея Безрукова, который очень многое делает для слепоглухих людей (тут я оговорюсь, что это сотрудничество нужно рассматривать в плане работы, а не моих политических предпочтений).

От сборника монологов эта книга отличается жанром. В «Потерянном и обретённом свете» – поэзия с особым ритмом, выстроенной интонацией, сконцентрированностью сюжета и чувств. В «Я говорю» – полноценные беседы, порой на 30 книжных страниц. Разные грани одного и того же дела/мира. Ведь объём рождается в совокупности – одну-единственную каплю дождя ты не ощутишь, а гроза – это и небо, и молнии, и ветер. Так и слепоглухота – это ведь не только отсутствие слуха и зрения, но и множество сопутствующих проблем, особых подходов к жизни...

– Есть ли дальнейшие планы в работе с этой темой?

– Как я уже сказал выше, любая работа конечна, и, приступая к ней, нужно заранее предвидеть, когда ты прекратишь ею заниматься. Ощущаю, что отдал этой теме практически всё, что мог. И мне важно видеть амбассадоров, которые в литературном аспекте помогают мне, продолжают мою работу, создают что-то новое, своё.

Мне была чрезвычайно важна работа с Анной Грувер в журнале «Парадигма», когда мы готовили блок по слепоглухоте. Благодаря прекрасным переводчицам я смог сделать лучше и глубже антологию «Я-тишина» (например, Анна Орлицкая нашла слепоглухих поэтов в Бразилии и Испании, Наталия Первова – «ушерика»¹ из Швеции, а Лена Байбикова слепоглохого профессора из Японии, контакты которого мы искали буквально всем миром). Сейчас в Петербурге Владислав Черейский на основе собранных мною работ и своих наработок читает лекции о слепоглухоте. С Дарией Солдо, повторюсь, мы собираем тематический номер «Поэтики» – и буквально сегодня Иван Алексеев из Китая написал, что ему прислали работы десяти авторов, связанных с нашей темой!

Что касается непосредственно меня, я хотел бы издать ещё одну антологию текстов о слепоглухоте – в первую очередь, с авторами и авторками новейшего литературного поколения. Довести до логического итога проект с монологами – уже готовы переводы на английский, выполненные Марией Дейкуте; Злата Рошаль и Фелицитас Киргиз готовят в Германии выставку, посвящённую проекту. Знаю, что тексты переводят на казахский (а на польском такая книга в переводе Агнешки Яжембовской вышла в те дни, когда я отвечаю на эти вопросы). Может быть, получится инициировать несколько мультимедийных проектов, связанных с этими текстами.

Ещё я взял несколько новых интервью со слепоглухими людьми, но не уверен, что это превратится в новую книгу. И собрал два цикла монологов – о личной жизни в состоянии слепоглухоты и способах выхода из депрессии. Думаю, на этом моя миссия была бы закончена. Но жизнь непредсказуема, вполне возможно, что-то новое, необычное, то, что я сейчас не замечаю, вдохновит меня. И тогда – кто знает, что ждёт впереди. Главное, чтобы в каждом проекте оставалась частичка нас. Это касается не только той темы, которой я занимаюсь, а вообще – искусства и жизни. Если в красоте нет сердца, она застывает бессмысленной Галатеей, и даже руки слепоглухих людей не способны почувствовать в ней что-то живое.

¹ Так иногда называют людей с синдромом Ушера.

Александр МАРКОВ, Оксана ШТАЙН

ПРОТИВ ЭКЛЕКТИКИ:
ПЕРЕЧИТЫВАЯ «ЛАРЕЦ И КЛЮЧ» БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

Книга Беллы Ахмадулиной «Ларец и ключ»¹ вышла в 1994 году, но в ней были стихи и середины восьмидесятых. Стройно разделенная на две части, она обещала и композиционную строгость – но стихи казались отступлениями, отrostками, пристройками или боковыми дорожками, при всей торжественности образов. Елена Шварц, откликнувшись на книгу², сказала, что она «лишь одна из комнат большого и причудливого строения» – далее расшифровав, что речь в стихах книги не о больших жизненных сюжетах, но о специфическом мире шкатулок, цветов, вообще интерьеров и экстерьеров. Ревность и споры, и новые жизненные сценарии – это дело цветов, не людей, это их «ревнивое соперничество и упрек себе за неверность в любви» принадлежит и случайному взгляду из окна, и большой истории былого, теней и следов.

Вероятнее всего, Елена Шварц имеет в виду идеи Ю.М. Лотмана, который в начале 1980-х годов изобрел концепцию *семиосферы*, а в начале 1990-х продолжал работать над книгой о быте и традициях русского дворянства³. Лотман настаивал на том, что дворянство многоязычно, и ни один язык быта нельзя свести к естественному языку в его зафиксированной или привычной форме. Например, язык цветов или игральных карт вполне может заменять эпистолярное объяснение, но этот язык в своей функциональности поддерживается альбомными стихами или хлесткими эпиграммами.

Лотман показывал практическую работу семиосферы как полноты предназначенных к познанию самой культурой смыслов, – с невозможностью свести производство смыслов к уже имеющимся и зафиксированным языковым данным. Семиосфера как среда самоощущения людей, имеющих дело со знаками различных типов, требует, чтобы каждый культурный язык был не до конца полным, но поддерживался радикальным поступающим (от слова поступок) применением какого-то смежного языка. За языком дружбы может последовать язык дуэли, за языком архитектуры – язык философии, самостоятельной или серьезной, за языком масонских тайн – язык самоотверженного труда и постоянства.

Лотман в своем труде о дворянском быте отходит от более старой концепции «вторичных моделирующих систем», которой и прославилась тартуско-московская семиотическая школа, – несколько идеализированных образований, вроде обычаев, искусства, религии, которые воспроизводятся из поколения в поколение как моделирующие поведение. Эти моделирующие системы меняются только потому, что взяты в рамках естественного языка, определяющего горизонт такого моделирования, влияния на принятие практических решений, которые всегда надо объяснить другому.

Напротив, поздний Лотман говорит о неустойчивости естественного языка, о том, что он как раз оказывается дрожащим, неопределенным, странным горизонтом, поскольку постоянно требует отступления от правильности – только иностранец говорит совершенно правильно на

¹ Ахмадулина Б. А. Ларец и ключ. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. 64 с. Далее стихи цитируются по этому изданию с указанием страницы в скобках.

² Шварц Е. [Рец. на:] Ахмадулина Б. Ларец и ключ // Арион. 1995. № 2 [с публикацией некоторых стихотворений книги]

³ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб., 1994. 400 с., ил.

чужом языке, тогда как реальное употребление естественного языка – всегда авантюры, странности, даже определенное телесное юродство, без которого смысл не будет жить. То, что не принято различать раннего и позднего Лотмана, как различают раннего и позднего Витгенштейна, мешает пониманию в том числе и стихов Ахмадулиной 1980-х и начала 1990-х, которые поздними в ее творчестве вовсе не были.

В чем-то концепция позднего Лотмана напоминает об «Иконостасе» Флоренского, где Флоренский изображает глухой церковный иконостас как *границу опыта сакрального*, но границу странную, раскрывающуюся как окно, призывающую нас и одновременно принимающую нас. Границу, колеблющуюся между видением и опытом; между раскрытием нам смысла и призывом к богословской усиленной рефлексии; между чувственной завороченностью и несомненной данностью и пред-данностью догмата. Весь «Иконостас» Флоренского, как и вся концепция семиосферы Лотмана – как раз про колеблющиеся, размытые границы опыта, удивляющиеся своей же открытости и замыкающиеся в живое смыслопорождение, не сводимое ни к каким готовым прежним решениям и их речевым фиксациям в горизонте естественного языка. Напротив, горизонт естественного языка и как бы естественной эмпатической чувственности всякий раз должен *привидеться*, чтобы мы могли что-то сделать с собой – как в стихах книги Ахмадулиной, и заболеть, и исцелиться от болезни.

Чтобы не цитировать страницами «Иконостас», обратим внимание на одно употребление слова «композиция» в этом эссе о Павла: «Вот понимание иконописи, как орудия сверхчувственного познания, теми, кто руководил писанием икон и писал их; такова цель. По одному из определений Седьмого Вселенского Собора, “живописцу принадлежит только техническая сторона дела, а самое учреждение (*διάταξις*, т.е. построение, композиция, даже больше – вообще художественная форма), очевидно, зависело от святых отцов”. Это существенное указание свидетельствует не об антихудожественном доктринальном нормировании иконописного творчества внешними в отношении его, как такового, соображениями и правилами, не о цензуре икон, а свидетельствует, кого именно Церковь признавала и признает истинными иконописцами: святых отцов»¹. Но слово *διάταξις*, *dispositio* по-латыни и *расположение* по-русски означает не композицию, а второй этап работы риторика, после сбора материала и перед произнесением.

Композиционные решения относятся в основном к первому этапу: нельзя собрать материал, не расположив его по полочкам. А вот диспозиция – это скорее шлифовка, хотя и не окончательная, выяснение того, где какого объема должен быть материал, где его нужно сжать, где нужно подольше над ним поработать. Это скорее соответствует нашему перебеливанию черновиков, а не композиционным решениям. Кроме Флоренского, можно вспомнить и другие теологические концепции, прежде всего, идею Марселлы Альтаус-Рид о необходимости перейти от теологии освобождения к теологии неподобающего, то есть от композиционной продуманности левой христианской политики к признанию диспозиции работы над вопросами тела, стыда, унижения и травматического опыта, позора Креста, без чего невозможно будет поддерживать с нужной радикальной решительностью поступка людей, попадающих в самые разные беды².

Можно сказать, что «вторичные моделирующие системы» раннего Лотмана имели в виду композиционное мышление, умение с помощью естественного языка *выстроить композицию культурных артефактов* как действующих в повседневности, тогда как семиосфера подразумевает диспозицию, что *все действия смыслов уже есть*, смыслы уже оживают в культуре, и надлежит только с помощью диспозиции, повышенного внимания к тем же цветам или дуэлям *радикализировать* это оживление, превратить обычное пребывание в культуре в *поступок*. Мы предполагаем, что в книге Ахмадулиной «Ларец и ключ» происходит *отказ* от композиции в пользу диспозиции

¹ Флоренский П. Иконостас // Богословские труды. 1972. Вып. 9. С. 99.

² Althaus-Reid, M. From Liberation Theology to Indecent Theology: The Trouble with Normality in Theology // Latin American Liberation Theology: The Next Generation / Ed. Ivan Petrella. Maryknoll, NY: Orbis Books, 2005. P. 20–38.

и *отказ* от понимания культуры как «вторичных моделирующих систем» в пользу понимания культуры как семиосферы.

Рассмотрим только несколько стихотворений книги. Открывающее ее стихотворение «Стена» (июнь 1984), больничное, изображает стену как границу видения города, больничная стена выглядит как редут:

Стене присущ былых времён акцент.
Пред-родствен ей высокородный замок.
Вот я сию: вельможа и аскет,
стены моей заносчивый хозяин.
Хочу об этом поболтать – но с кем?
Входил доцент, но он суров и занят. (8)

Ревнивая стена не позволяет считывать смыслы Петербурга, которые выражены петербургскими львами во дворе больницы, родными и знакомыми. Но при этом этот Петербург уже дан как область разрывов, которые соединяет Петр как творец петербургской семиосферы:

Всё то, что взять могу и не беру:
дворцы разъединивший мост Дворцовый
(и Меншиков опять не ко двору),
и Летний сад, и, с нежностью особой,
всех львов моих – я отдаю Петру.
Пусть наведет порядок образцовый. (9)

Композиционно это решение не было бы убедительно: в первых строфах порядок истории и культуры нерушим, и созерцание только закрепляет этот порядок, тогда как в финале, напротив, никакого порядка нет, невозможно ничего взять себе, считать своим или удерживать как своё, он есть только в предполагаемом уме Петра Великого. Но диспозиционно оно идеально: семиосфера Петербурга порождает статусы «вельможи», «аскета», врача, пациента, знатока города – тогда как нежность воспоминаний, нежность к себе и другим и становится усиленной обработкой сюжета, в котором благодаря порядку и возможно исцеление.

Парное больничное стихотворение, написанное в тот же месяц того же года, июня 1984 года, обращенное к Борису Мессереру, с той же стеной, с теми же требующими заботы львами, тоже показывает преобладание диспозиции над композицией:

Я видела упадок плоти
и грубо поврежденный дух,
но помышляла о субботе,
когда родные к ним придут.

Пакеты с вредоносно-сильной
едой, объятья на скамье –
весь этот праздник некрасивый
был близок и понятен мне. (35)

Композиционно эта вставка о соседях по больничной палате с отсылками к Пастернаку выглядела бы как ударная мораль, смирение, солидарность с чужими радостями. Но эта солидарность – часть диспозиции, той самой постоянной работы над выражением и его емкостью, которая следует из того, что вселенная сделала всех людей слабыми:

Как будто ничего вселенной
не обещала, не должна –
в алмазик бытия бесценный
вцепилась жадная душа.

Понимание других людей и понимание собственной смертности – частицы одной большой работы понимания. Композиционно это был бы амбициозный скачок от быта к метафизике, но диспозиционно только так можно, приведя доказательства человеческой слабости, сказать и показать, какое место эта слабость занимает во всём производстве смыслов. Это уже не *моделирование* быта или метафизики с помощью естественного языка, не культура добра и не религиозное понимание бессмертия души (во вторичных моделирующих системах этики и религии), но именно поддержка одного языка другим. *Поддержка языка жестов, милосердных жестов, еще более радикальным состраданием к себе.*

По сути, о крахе композиционного мышления и «вторичных моделирующих систем», говорят все стихи этой книги. Например, «Гроза в Малеевке», со множеством отсылок к стихам «Второго рождения» Пастернака, где гроза представлена как рождение Афины из головы Зевса, сообщает одно: соорудить полноценную мифологию из данных искусства не получится, она будет противоречивой и катастрофической. Невозможно рассматривать мифологию как достаточное объяснение человеческой жизни. Такое объяснение приходится давать самим, со всем радикализмом отставания своего и чужого присутствия:

Такой грозы, как в день тринадцатый июня,
усилившейся в ночь на следующий день,
не видывала я. Довольно. Спать иду я.
Заря упразднена или не смеет рдеть.

Живого смысла нет в материальном мифе.
Афины – плоть тепла, непререкаем Зевс.
Светло живет душа в неочевидном мире,
принимая гнев богов как весть: – Мы суть. Мы здесь. (50)

Приведенный финал прозрачен: продолжение грозы и ночью требует признать в своей собственной душе душу Афины, то есть вновь и вновь порождать себя благодаря вести, обращенной к тебе и служащей твоим обращением к миру. Вторичные моделирующие системы потребовали бы говорить о *кодировке через мифологию* противопоставления времени и вечности, или плоти и духа. Но здесь как раз вечность полностью оказывается во времени, плоть полностью обретается в вести духа.

Это уже действие семиосферы, которая и порождает разные языки. Язык простых плотских жалоб и сетований, язык притворства, кокетливой игры поддерживается и радикализуется теологическим языком, особой антично-христианской теологией *парусии*, присутствия богов и божественного.

Другое стихотворение второй части, «Портрет, пейзаж и интерьер», напоминает уже о неологизмах Игоря Северянина:

Собратен мне твой бред, но с наипушей лаской
пойду и погляжу, поглажу, назову:
мой тайный, милый мой, по кличке «мой миланский»,
гераневый балкон – на пруд и на зарю.

В окне – карниз и фриз, и бабий бант гирлянды.
Вид гипса – пучеглаз и пялиться горазд
на зрителя. Пора наведаться в герани.
Как в летке пыл и гул, должно быть, так горят. (53)

По сути, стихотворение как раз посвящено таким языкам аристократического быта, которые если понимать как «вторичные моделирующие системы», застревают в вечности, оказываются почти гротескным предъявлением вечности, пучеглазыми статуями, или же неявными воспоминаниями об истории предков:

Пруд-изумруд причтёт к сокровищам шкатулка.
Сладчайшей из добыч пребудет вольный парк,
где барышня веков читает том Катулла,
как бабочка веков в мой хлороформ попал.

Там, где течет ковер прозрачной галереи,
бюст-памятник забыл: зачем он и кому.
Старинные часы то плач, то говоренье
мне шлют, учуяв шаг по тихому ковру. (55)

Композиционно это бы была просто тема забвения, сомнамбулического воспоминания, или неясной памяти поколений. Но композиционно это стихотворение о том, как именно постоянная игра форм, включающая в себя и экстатическое самозабвение, должна быть поддержана более радикальным языком – а именно, осознанием своего положения здесь и сейчас, непосредственным взглядом на историю, непосредственным ощущением ритма истории, вызова истории и даже дуэльного отношения к истории: «пока не лязгнет век – преемник и сосед» (56). Тогда ты оказываешься не только в точке языка, но и точкой языка¹.

Композиция означала бы примирение и с былым веком, и с нынешним, и с будущим. Диспозиция требует некоторого иронического отношения к абсурду, к ужасу забвения, к фантомным воспоминаниям о том, какой усадьба была живой, иначе говоря, к собственным эмоциональным реакциям. Существенно не что ты чувствуешь, а как ты обошелся с объемами своего пребывания в этом пейзаже и интерьере и насколько удалось всё сократить, расширить, тщательно проработать по законам риторической диспозиции, – чтобы отдельные мазки указывали нам на целые миры прошлого и настоящего, но мы бы понимали, что просто мириться или очаровываться незачем. Необходим поступок, в том числе поступок небывалого очарования, на грани вкусового риска, но выше всяких стен отдельных языковых и культурных систем. Так что поэзия книги «Ларец и ключ» – радикальная поэзия; и читая одно стихотворение за другим, можно убедиться в значимости урока 1994 года для наших дней.

¹ «Будучи границей, исходная точка языка различает направления в потоке: это звон тиши и звучание говора. В призыве звона тиши и ответе звучащего говора рождается соответствие, в котором сбывается человеческая сущность. Иными словами, человек оказывается в точке языка и точкой языка, которая звучит и отзывается, отвечает, а следовательно, и вопрошает» (Бушмакина О.Н. Язык и бытие: проблемы структурирования. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. С. 59).

Ольга БАЛЛА-ГЕРТМАН

МЫСЛИТЬ ДАРРЕЛЛОМ

Горан Маркович. Белградское трио: роман / Перевод с сербского Ларисы Савельевой. – М.: Лайвбук, 2024. – 240 с.

В романе, любовном, шпионском и историческом одновременно (более всего, пожалуй, всё-таки любовном, хотя значительны и остальные компоненты), – похоже, первом тексте автора, изданном в русском переводе, – Горан Маркович, сербский прозаик, сценарист, драматург, актёр, продюсер и режиссёр кино и театра, рассказывает о событиях нескольких лет, проведённых классиком англоязычной литературы Лоренсом Дарреллом в Югославии. Вернее сказать, Маркович эти события в некоторой степени изобретает. Может быть, в большой. А вполне вероятно, что и в решающей.

Даррелл и в самом деле провёл в титовской Югославии три года: он жил в Белграде с 1949 по 1952 год в качестве пресс-атташе британского посольства, это исторический факт. Об этой стране он даже написал, кто бы мог подумать, шпионский роман – «Белые орлы над Сербией» (у нас, похоже, не переведённый, разыскать не удаётся, но печалиться об этом вряд ли стоит, поскольку, как свидетельствуют понимающие люди, это произведение – далеко не самое интересное из всего, что вышло из-под пера автора «Александрийского квартета»¹). Как раз то самое время, когда два диктатора, Тито и Сталин, поссорились, отношения между странами испортились, и все, кто в Югославии поддерживал Советский Союз

или мог быть в этом заподозрен, немедленно оказались врагами власти; многие отправлялись в «исправительные» лагеря и погибали там. В этом состоянии и застаёт страну герой Марковича, и более того – он оказывается самым непосредственным образом вовлечён в отношения югославской власти с гражданами, ситуация становится фактически его собственной. По Марковичу, Даррелл, будучи в Белграде не просто с дипломатической, но и с тайной шпионской миссией, влюбляется в свою преподавательницу сербского (по-тогдашнему – сербохорватского) языка Веру Танкосич, и когда та вслед за своим мужем попадает в лагерь, пытается её оттуда вызволить. Попытка терпит крах, и Даррелла выставляют из страны (его отзывают британские власти на том основании, что, как, по версии Марковича, выразился посол Соединённого Королевства в Югославии Чарльз Бринсли, он «самым безобразным образом бесконтрольно наносит ущерб Соединённому Королевству» и вообще «у Даррелла здесь нет никакого будущего»). Это событие Маркович, несколько расходясь с тем, что удаётся узнать из иных источников, датирует сентябрём 1951 года².

Роман интересен, среди прочего, ещё и тем, что Маркович-повествователь в нём по видимости совсем отказывается от себя, от собственного голоса. Всё повествование целиком автор передоверяет документам: реальным ли, вымышленным ли, скорее всего – по большей части последнее (отдельная задача для специалистов, знающих биографию Даррелла, – вычислить, сколько при этом он берёт

¹ «чисто коммерческая затея, приключенческая книга для подростков, впрочем, <...> по-своему обаятельная», – пишет единственный, кажется, русский биограф Даррелла Вадим Михайлин (Михайлин В. Портрет на фоне изменяющегося пейзажа // Иностранная литература. – 2000. – № 11. – С. 148–168. Доступная электронная версия: https://kartaslov.ru/книги/Лоренс_Даррелл_Александрийский_квартет/1#content)

² Например, «краткая летопись жизни и творчества» Лоренса Даррелла в ноябрьском номере «Иностранной литературы» за 2000 год относит отъезд писателя из Югославии к 1953 году: <https://magazines.gorky.media/inostran/2000/11/lorensdarrell.html> ; Вадим Михайлин в большом биографическом очерке, впервые опубликованном в том же номере, относит его к концу 1952 года: https://kartaslov.ru/книги/Лоренс_Даррелл_Александрийский_квартет/1#content . Ту же дату называет и Википедия: https://ru.wikipedia.org/wiki/Даррелл,_Лоренс

из реальности, но это задача именно отдельная и именно для специалистов; от читателя, в точности как в обыкновенной беллетристике, ожидается простодушное доверие или, по крайней мере, попытка такового). Сам же автор совершенно воздерживается и от описаний, и (почти) от комментариев – кроме разве предисловия и послесловия, но и те, кажется, писаны им не (совсем) от собственного имени. Кино- и театральный режиссёр по образованию и по одному из основных своих занятий, снявший (прежде, чем заняться созданием художественных фильмов) около пятидесяти фильмов документальных, Маркович в полной мере привлекает к работе над романом ресурсы своего кинематографического образования, опыта и мышления: монтирует как бы готовый документальный материал. Работая с документом и вымыслом одновременно, Маркович их не то чтобы даже комбинирует, а сращивает в один, так сказать, континуум до как можно большей неразличимости. Голос повествователя – прозрачный, лишённый индивидуальных свойств – заключает квазидокументальное повествование в рамку, второй раз появляясь в послесловии, где этим внеположным голосом рассказывается о дальнейших судьбах героев романа.

По всей вероятности, мы имеем дело тут с особенно хитро устроенным вымыслом – двойным: вымышлена не только история с большинством её героев, но и – как будто добавляющие ей подлинности – документы. В то время как рядовая беллетристика со всей возможной наивностью имитирует реальность, многоумышленная проза Марковича имитирует не одну только реальность, но и сами – множественные – способы свидетельствования о ней. Отчасти он даже перечисляет эти способы в предисловии к роману – там, где, предположительно, звучит его собственный голос, хотя, скорее всего, это голос фиктивного повествователя, о котором не известно решительно ничего – ни кто он такой, ни с какой вдруг стати именно у него скопилось гора архивных материалов, которые он собирал двадцать пять лет, перевозил с собой с места на место, прежде чем решился смонтировать из них рассказ о белградских приключениях Лоренса Даррел-

ла, ни ради чего он делает это именно сейчас, двадцать пять лет спустя (впрочем, под конец, в послесловии, он предлагает объяснение этого: «...я в 1992 году, сразу же в самом начале распада Югославии, дал обширное интервью, в котором упомянул, что меня очень интересует тема Голи-Отока – главным образом из убеждения, что это самая крупная драма, разыгравшаяся после Второй мировой войны в Югославии». Куча бумаги, которую теперь, значит, повествователь выстраивает в хронологическую последовательность, содержит, предположительно, «...протоколы, сообщения, дипломатическую переписку и служебные записи, отрывки из одного дневника, кучу писем от одной молодой женщины и многочисленные документы от полицейских, военных и метеорологических сообщений до свидетельств о браке, а также о дорожных картах, шифрованных шпионских заданиях и всевозможных квитанциях за выданное снаряжение, а также ещё много не связанных между собой свидетельств о событиях...». Как знать, может быть, он ещё не всё (воображаемое) и использовал.

А повествование, спору нет, получается весьма многоголосым.

Отчасти Маркович пошёл по пути своего главного героя, показавшего в «Александрийском квартете» одни и те же события в египетском городе Александрии с трёх разных точек зрения. Но если у Даррелла-автора на носителя каждой из точек зрения пришлось по целому роману тетралогии (да ещё один том на завершение всей этой истории), то Маркович, существенно уплотняя повествование, показывает события белградских лет Даррелла-героя в разных эпизодах попеременно глазами то одного, то другого из множества персонажей, так что получается не столько трио, сколько, куда скорее, хор («трио» же, видимо, потому, что что главных голоса здесь три: самого Даррелла – говорящего здесь в том числе и собственными словами, в роман включены фрагменты его настоящих текстов, – тогдашней его жены Эвы Козн и белградской любви британского писателя Веры).

Отказ автора – якобы – от собственного голоса со всем, что ему обыкновенно способствует: от индивидуальной интонации, от ин-

дивидуального языка и стиля (там, где таковые вообще есть – они целиком принадлежат его героям, – например, в письмах) оборачивается на самом деле чем-то более коварным: он присваивает Лоренса Даррелла вместе со всей биографией, со всеми личностными особенностями последнего, со всеми его человеческими отношениями, чтобы им, как инструментом, мыслить о двух действительно занимающих автора предметах – локальном и глобальном. Притом оба эти предмета оказываются неожиданным и глубочайшим образом друг с другом связаны.

Прежде всего – это родная для Марковича, не существующая ныне страна Югославия, её судьба в целом, её становление в послевоенные годы в частности (как раз примерно когда, когда родился сам автор – чуть раньше описанных здесь событий, в 1946-м) и то, каково приходилось её людям в то время (об этом же времени Маркович в качестве режиссёра снял в 1992 году фильм «Тито и я»). И это – а также, в частности, трагедия лагерей Голи-Оток и Свети Гргур – предмет локальный.

История Даррелла с его любовной и шпионской интригами одновременно становится всего лишь поводом – и удерживающей читательское внимание конструкцией – к тому, чтобы воссоздать атмосферу в Югославии конца 1940-х – начала 1950-х и ситуацию в титовских исправительных лагерях; понять самочувствие людей в этой ситуации, мотивы их поведения. Насколько можно судить, это воссоздание удаётся автору очень неплохо – в значительной степени благодаря тому, что говорит он об этом, имитируя язык документа, – многие языки многих документов, а тем самым воспроизводя разные уровни самосознания эпохи.

А вот и глобальный предмет: это – истоки «Александрийского квартета», к которому неспроста отсылает само название романа Марковича. Автор напрямую связывает возникновение «Квартета» с Югославией, с тем, что пережил здесь *его* Даррелл; даёт понять, что именно югославскому опыту писателя мы обязаны самым, наверное, известным за пределами англоязычного мира его произведением.

Это, наверно, самое интересное: роман

Марковича представляет собой осуществление одно из неявных, но несомненных предназначений искусства: исправлять реальность вообще и прошлое в частности. Создавать то, чего в ней, в нём недостаёт.

Маркович переписывает белградский опыт Лоренса Даррелла. По аналогии с альтернативной историей – оставаясь в пределах истории, так сказать, вполне конвенциональной – он создаёт для писателя альтернативный этап биографии. Всего лишь этап – зато автор превращает его в один из ключевых, в стимул к началу работы над самым знаменитым текстом Даррелла.

Тем самым Маркович вписывает свою страну в большую литературную историю; устраивает так, чтобы Сербия присутствовала в ней в виде не «Белых орлов...», без которых литературная история в общем-то прекрасно обходится, но самого «Александрийского квартета». Без неё, показывает он, не было бы ни «Александрийского квартета», ни Лоренса Даррелла, каким мы его знаем.

Нам же остаётся лишь пожалеть, что на русском языке материалов о жизни и писательской работе Даррелла очень мало; нет, насколько можно понять, ни одной его основательной биографии, ни переводной, ни тем более оригинальной. Самое обстоятельное, что есть, – это статья Вадима Михайлина «Портрет эксцентрика на фоне средиземноморских пейзажей», впервые опубликованная в ноябрьской «Иностранной литературе» за 2000 год (где была небольшая, но разнообразная подборка текстов Даррелла и о нём), и ставшая затем предисловием к одному из изданий «Александрийского квартета»¹. Теперь, значит, стараниями переводчицы «Белградского трио» Ларисы Савельевой русской дарреллианы прибыло, – чему, независимо от степени выдуманности рассказанных Марковичем событий, возможно только радоваться.

¹ Доступная электронная версия: https://kartaslov.ru/книги/Лоренс_Даррелл_Александрийский_квартет/1#content. Можно вспомнить ещё небольшую статью в «Блоге перемен», написанную к столетию юбилею Даррелла Анной Александровской: <https://www.peremeny.ru/blog/10775>

Михаил ВИСТГОФ

ЛАСТИК АРХИТЕКТОРА

Софья Дубровская. Смирненные ласточки: стихи / предисловие: В. Шубинский; послесловие: Д. Давыдов, В. Шатовкин. – М.: Neomenia. 2025. – 38 с.

Стихи Дубровской я знаю достаточно давно – примерно с 2021 года, когда мне попала ее подборка в журнале «Флаги». Дубровская впечатлила гораздо больше других поэтов из этого (безусловно, интересного) круга. Ее поэтика казалась мне наиболее сбалансированной, наиболее гармоничной, что не отменяет ни неожиданных ходов, ни эмоционального напряжения. Выхода «Смирненных ласточек» я ждал с приятным предчувствием.

Дубровская избрала для себя путь чистого, почти вызывающего лиризма, не приправленного ни иронией, ни актуальной тематикой, ни излишним интеллектуализмом. Эстетические установки Дубровской благородны и продуктивны, органичны для нее, хотя и имеют ряд подводных камней, на которые поэтесса пусть и редко, но наталкивается (скатывание в однообразность или поверхностность, например). Но чаще всего Дубровской удается избежать этих проблем, выдержать свою интонацию. Дубровская – поэт подвижности и пластики, главное у нее (помимо лирической нежности, о которой писали другие критики) – ощущение незримых связей между всеми объектами, готовность одной сущности перетечь в другую. Лирический субъект Дубровской чувствует некую универсальную основу всего, общность, связывающую разнообразные предметы и существа. Отсюда принципиальная размытость объектов, отсутствие контуров и границ, будто стертых ластиком:

то ли лампочка подволакивая крыло
растеклась или распласталась по потолку

то ли утро декабрьское сплавилось
замерло
по новой описывая дугу вокруг
домика твоего
то ли что-то ещё; с ходу определить
не смогу
если с ходу – не в счёт; одну ногу в ботинок
другой отпихивать наступление нового дня
сколько суток назад у меня отобрали
фигуру
меня поместив аккурат меж сменяющихся
картинок (...)

Интересно и то, что Дубровская, несмотря на лиризм, нежность, любовь к природным образам и уменьшительно-ласкательным окончаниям, мыслит архитектурно и системно. Чувство здесь становится организующим, а не хаотичным элементом. Попытаюсь перейти на следующий уровень абстракции: предполагаю, высшая художественная задача Дубровской состоит в создании собственного мифологического пространства. Все события, весь жизненный материал, все фигурирующие в стихах люди (а Дубровская очень любит жанр посвящения) ценны тогда, когда встраиваются в миф, в огромную систему. Неслучайно в одном из стихотворений упоминается Толкин. Именно поэтому Дубровская часто прибегает к группам текстов: творцу мифов уместно писать мифологические циклы, где образы и персонажи перекликаются, указывают друг на друга. Это пространство ласково-природное, во многом – детское («сейчас я сильнее ребенок, чем в десять лет»). Но уж точно не застывшее, не открыточное, во-первых, за счет пластики и подвижности, а во вторых за счет тревожной, ожидающей ноты:

И
о чём нам теперь сообщает передовица
щенок попробовал встать – удалось только
на бок перекатиться
воронёнок
вьорюк
вьюнок
между ними пытается примоститься
поцелуй: разувает ночь, бабочка
описывает

круги
у порога застыли грязные сапоги
(...)

Когда Дубровская пытается опираться
не на чувство, а на мысль, философствовать,
текст сразу начинает проседать.

(...)
V
монетка ребром, стопочка – серебром,
давай признаемся: там, в далёких-далёких
галактиках всё точно так же:
полароиды расплываются,
сирень покрывается снегом, горгульи
теряют зрение,
садовод не справляется
с сорняком-эфмером,
лезет на руки к женщине, превращается
в пражский крысарик
(...)
(«Ода городским заставам»)

В «Оде» хороши предметные образы (и
снова так любимая Дубровской размытость
картинки!), но попытка порассуждать о мироз-
дании и космосе – проваливается. То же можно
сказать и о первой части цикла «Витязи Роха-
на» – в ней Дубровская съезжает в дидактизм:

(...)
необходимо читать Властелин колец
вслух, друг другу, с перерывами
на обсудить.
перед этим рекомендую послушать
Хоббит, или Туда и обратно,
но это опционально, не сильно влияет;
при этом: очень важно, запомните,
очень важно
читать Властелин колец, друг другу,
по вечерам,
ровно столько же лет, сколько
Дж. Р. Р. Толкин
Толкин-
Толкин
писал Властелин колец. и
хорошо, что мы с вами

можем себе это позволить,
нам повезло, однако (...)

Возможно, Дубровской не хватает широты
эмоционального диапазона, умения писать о
разных состояниях: стихотворения слипаются
в один большой текст, – восприятие приту-
пляется, как от монотонной работы. Вместе
с тем поэзия Софьи Дубровской – эмпатична
и внимательна к Другому. Она не замкнута
на себе, а чаще всего развивается в диалоге с
людьми, или окружающим миром. Почти везде
есть адресат. Книга начинается с образа чтения
(«о чем нам теперь сообщает передовица»),
продолжается циклом «Рапаны» (лирические
портреты реальных людей), посвящениями
подруге, другу, учителю, любимому. Заканчи-
вается сборник триптихом «Витязи Рохана», в
котором тоже важен мотив эмпатии («если бы
мне довелось консультировать пары на грани
разрыва»). Эмпатия Дубровской проявляется
не только к людям, но и даже к уже мертвым
существам («чашку мидий съесть или пожа-
леть»). Лирический субъект может ставить
себя на место кого угодно. Но речь здесь имен-
но о сочувствии, а не о театральщине и жела-
нии перевоплотиться:

(...)
II.
вместо постели в Москве, мы были
бы где-то в куда менее славном и
безопасном месте; я полагаю, что мы
могли бы быть, например, под водой
недалеко от Перл-Харбор,
или ещё, например, мы бы могли быть
в бомбардировщике Энола Гай
или под бомбардировщиком Enola Gay,
не исключается и вероятность участия
в апартеиде
где-то в Виндхук (в Windhoek), хотя,
безусловно, тебе
бы я пожелала быть вне его, а в Штатах
писать Sugar
man/Hate Street Dialogue
и позже давать крышесносный концерт
в ЮАР, это очень походит на то, чего ты
желаешь;

мы могли бы, чтоб далеко не ходить, хорошо Иосифа Виссарионовича.

(...)

Лирика Дубровской – лирика не замедляющая действительность, а ускоряющая, что довольно нетипично. Повторы и отступления (в некоторых стихах) знаков препинания здесь уместны, поскольку идут в связке со скачущей, резко меняющейся образностью, похожей на быстрое перелистывание альбома:

(...)

ты же всё это видел но вот лиса
проскакала по морю махнув хвостом
ты читаешь а лучше бы пролистал
всё равно всё забудешь потом потом

всё равно ты захочешь домой домой
потому что там можно отбросить тень
(...)

Мои ожидания, в общем и целом, оправдались. Голос Дубровской выделяется на фоне сверстников, не сливается с общепозитивским воздухом. Дубровская имеет свой характерный образный ряд, свой подход к слову, своё отношение к жизни, к миру и человеку. Пока в реальности рушится все, лирический субъект Дубровской предлагает смотреть на выюлков, февральский сад, холмы, деревья и Толкина. И это по-своему прекрасно.

Александр МАРКОВ

ГАДАТЕЛЬНЫЙ КРУГ ЖАНРОВ

Юлия Долгановских. Иллюзия обратного вращения: сборник стихотворений. – Волгоград: Перископ-Волга, 2025. – 180 с., илл.

Среди многих новинок начавшегося года нельзя не отметить эту книгу с авторскими иллюстрациями. Книга стихов Юлии Долгановских последних лет вписывается в поворот новейшей женской поэзии – замену сюжетного

повествования на развернутую реплику. Такая реплика должна не просто прозвучать, а перевести себя на другие культурные языки. Не читатель переводит для себя повествование, превращая его в миф, публицистику, картину происходящего или какой-то еще экран между чтением и бытием, но сама поэтесса осуществляет необходимые переводы – это стихотворение, но одновременно это и легенда, или жизненный рецепт, или аскетическое упражнение, или математическая или какая-то еще задача. Озадаченность всегда опережает простую открытость происходящему.

Конечно, без борьбы с экранами женской поэзии никогда не могло быть: Сапфо тоже предпочитала повествованию непосредственный перевод, прибытие Афродиты здесь и сейчас, прямо в центр жизни. Но иногда литература начинает возлагать излишние надежды на повествование, якобы правильный рассказ всё улучшит. Этому предрассудку содействует и школа, когда «знать» в классе означает «выйти к доске и об этом рассказать». «Знать что-то» это «уметь рассказать об этом»; хотя, конечно, любой науковед скажет, что наука начинается там, где проводится строгая граница между рассказом о научном результате и самим научным результатом¹. Вновь требуется неожиданное, разграничивающее, дрожащее до интимности, трепетное почти в ангельском духе слово, показывающее, что знание не есть повесть о знании, даже если это повесть о настоящем знании. Знание начинается иначе и продолжается иначе.

В вышедших в начале 2025 года книгах Лилии Газизовой «Не быть Фемке Бол», Влады Баронец «Это это», Юлии Подлубновой «НОР. Книга отчаяния», Александры Цибули «Татуировка в виде козули» и некоторых других я вижу этот отказ от повествования ради более прямого слова. Это очень разные стратегии женской поэзии: дать выговориться всем и вся залпом у Газизовой; конвертировать речь полностью в сбивчивую считалку и потом уже в новую речь у Баронец; саркастически, как

¹ Штейн С.Ю. Средство выражения теории искусства // Артикульт. 2018. 29(1). С. 6–19. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-1-6-19

никто никогда не делал прежде, показать границы прежней иронии у Поддубной; пере-собрать не образ катастрофы, а саму поэтику катастрофы у Цибули. Они сходятся только в радикальности, головокружительной, отказывающейся иметь дело с чем-либо, что напоминает прежние рутинные, с половинчатой иронией высказывания, еще несколько лет назад повсюду звучавшие вокруг нас. Теперь этому хождению вокруг да около наступил конец – когда говоришь прямо, всегда найдётся и что, и как сказать.

Стратегию Юлии Долгановских описать труднее, чем достижения упомянутых выше поэтов: ее поэзия очень укоренена в жанрах, от баллады до любовной лирики, и иногда ее стихи кажутся гротескными трансформациями готовых жанровых форм. Но это неверное впечатление: поэзия Долгановских не гротескна, а напротив, инструктивна.

Гротеск – это всегда признание какой-то своей капитуляции, что здесь ты не можешь ничего поделать, здесь твоё бессилие будет выставлено напоказ, а значит, надо опередить и выставить своё бессилие раньше. Такова растительная жизнь гротеска, ноги-листья, руки-водоросли, тело, свивающееся стручком – выставка бессилия. Тогда как инструкция, наоборот, сильна – и у Долгановских как раз поэзия инструктивна. Баллада сразу превращается в руководство по строительству:

прямись, выравнивая слом
то поясничный, а то – шейный,
сквозь звон, не разбирая слов,
цепей тяжёлых, карусельных (с. 37)

Это вовсе не про перелом на карусели, а про то, как правильно создать архитектуру тела во вращении жизни. Любовная лирика и даже лирика любого переживания, горестного или меланхолического, превращается в пошаговый рецепт:

Но ангел бывший чёрен ликом,
казалось, зал исходит криком,
ртов искривлённые провалы
дымятся. Как бы я сыграла,

подумала, когда б меня,
присутствующих леденя,
пустили сделать шаг к проходу.
И – раз! – шагает прямо в воду. (с. 65)

Это не про театрализацию жизни, и не про сновидческие кошмары, а про то, как перейти от условного наклонения к необратимой действительности; от приглядывания – к прямому взгляду на происходящее. Поэзия Долгановских противостоит любому уравниванию взгляда одного человека действием другого: мол, ты действуй, это все увидят. Моральной позиции зрителя в этих стихах нет, – того зрителя, у которого ищут оправдания в своих поступках, к которому обращаются за незримой санкцией; который как бы свидетель, рассказчик, тот самый человек знания и пересказа. Здесь действие смотрит на действие, взгляд смотрит на взгляд, дело насмерть пронзает дело.

Мир новой книги Долгановских – мир очень взрослый. В нём выросших больше, чем не выросших. Нашедших направление движения больше, чем не нашедших. Но этим мир страшен. Так происходит в стихотворении «Псоглавцы», одном из самых запоминающихся в книге:

Скажет смерть, обращая лицо
к Христофору, –
быть собакой тебе, бежать искушений,
мне самой собачья усмешка впору,
мне самой по-собачьи не знать сновидений

–

в них на теле моём не проплешины – ямы –
руки-ноги, обугленные глазницы,
на каком языке это странное «я/мы»,
на каком языке мне всё это снится –
я не помню, Полкан.

Тема псоглавцев, которую вернули в русскую литературу фантасты и Алексей Иванов, еще требует своего осмысления. По сути, мир, где есть псоглавцы, это мир, где все как бы нашли свое дело, устроились на работу, поняли, чем нужно в жизни заниматься. Но, как и показал Иванов, в этом мире необходим особый поступок, вроде поступка сказочного героя,

целующего спящую красавицу, иначе те самые взрослые векторы готового и определенного дела просто разорвут этот мир. Долгановских говорит о псоглавцах тонко: Полкан – не только кличка собаки, но и одно из русских имен кентавра, Полуконь. Кентавры, мудрецы, забыли свои имена, а катастрофа забыла о своем зрении, она не может видеть ничего вокруг и не видит себя.

Выход из этой двойной катастрофы – новое отношение к оболочке своей жизни. Тема оболочки, раковины, панциря, которым может оказаться даже оконное стекло – сквозная во всей книге Долгановских. Это не статичная оболочка, а та, с которой ты вступаешь в игру. Ты играешь не предметами и обстоятельствами внешнего мира, но и не образами гротескного тела, не теряешь голову и не чувствуешь руку как чужую.

Привычной простой двойственности азартной игры вещами и гротескно-сновидческой игры частями собственного тела или условиями собственной телесности Долгановских противопоставляет особый подход. Ты тычешься в собственную кожу, собственное тело как панцирь, обыгрываешь себя же в своей замкнутости, переигрываешь само условие своей первоначальной рожденности на свет. Ты еще до того, как можешь что-то рассказывать о себе – расколотая и сшитая кукла, отрезанный язык Филомелы, вновь пришитый, упругая пластмассовая оболочка, о которую ты изнури ударишься с ватной глухотой:

Не куклы уходили. Куклы, куклы
друг друга шили рваным грубым швом
и набивали, зренья не имея,
всем, что под ватные ладони попадалось.
(с. 66)

Долгановских требует, чтобы мы превращались не в зверя или вещь, но зрячего зверя и зрячую вещь. Сшивание поэтому – не восстановление вещи в ее начальном виде, а просто первый способ отсчитывать время, первый способ попасться на живую нить времени, на иглу, войти в прямой шов чувства времени. Для Долгановских прямой шов – такой же образ первичной встречи со временем, как, например, вырезание из бумаги («Вырезала из

бумаги лодку») для Елены Шварц или аккуратное вышивание («Ночное шитье») для Ольги Седаковой:

Так лапается дерево по шву,
как плюшевый усталый медвежонок,
как мне казалось, я его зову,
но я молчу, и падает ребёнок,
споткнувшись о невидимую нить,
и мне себя вовек не извинить. (с. 62)

В стихах Долгановских всегда идет работа с особой плоскостью, в чём-то имитирующей иконописное светоявление:

бредёшь в ночи под нос бормочешь
и ни на что надеясь очень
космат разорван полосат
но вдруг навстречу самокат
сбивает с ног всполошным светом
какому не бывать на этом
не рад бы ты свернуть назад (с. 111)

При всей трагикомичности этой сцены, ее патетичность основана вовсе не на сюжете или рассказе, а на особом употреблении метафор: лирическая героиня сначала как бы нарисована в ночи, есть ее контур. Фара электросамоката как бы фотографирует, подглядывает, в этом есть даже оскорбительный вуайеризм. Если писать научную работу о поэзии Долгановских, она будет называться «Медийные метафоры как основание развития лирического сюжета». Сюжет Долгановских держится не на повествовании, а на том, что рисунок в истории человечества сменился фотографией, и это же произошло в онтогенезе лирической героини.

Медийность не нейтральна: рисунок очерчивает твои мнимые границы, как бы внушая ложное чувство защищенности, фотография подглядывает, интимно застает тебя. Различные медиумы, средства изображения и сообщения, исторически сменяя друг друга, вторгаются в твою жизнь, – и это единственный сюжет, который ты можешь прожить, это твоя ночь, улица, фонарь и аптека. Для Блока было существенно вторжение театра в повседневность, здесь вторгается фотография, кинема-

тограф, включая стриминговые сервисы, мобильный телефон.

Поэзию Долгановских можно назвать страшной, – но страх приходит всегда на каком-то не первом метафорическом переходе: просто идти в темноте, когда всё видно черно-белыми контурами, еще не страшно. Выписываем любое стихотворение:

как будто рождественский ужин,
рот в яблоках крепко зашит,
и ангел, внушающий ужас,
никак его не внушит

в себя завернётся, как в шарик
стекла золочёного, – в нём
по кругу летит, завершая
полёт благодатным огнём

шар, лопнувший надвое, брызнет
изнанкой простого стекла –
прозрачной, как крылышко, жизни,
тарелкой по краю стола (с. 16)

Защитый рот вроде бы страшен, как и контур в ночи. Но это отсутствие рассказа, сообщения, как раз в мире Долгановских не страшно. По-настоящему ужасает лопнувший шар, оболочка всей жизни, содранная с нее, обнажившая изнанку. Катастрофа жизни и катастрофа подглядывания за жизнью – вот настоящее знание в поэзии Долгановских, которое не есть просто рассказ. Оболочка оказывается не шариком, которому свое время, а прозрачным крылышком жизни, но об эту оболочку бьешься изнутри в отчаянии. Об этом не расскажешь, но об этом уже есть достоверное знание сразу после прочтения стихотворения.

Кажется, в поэзии Долгановских свет сначала видят мертвые, а после, когда они прерывают гадание, видят живые. Это и уроки поэзии Хлебникова, и размышления о кинематографе и пророчестве. Не самые сильные в книге стихи те, которые обнажают все названные приемы, работы с оболочкой, отказа

от рассказа, обретения очевидности сначала мертвым, а уже после живым:

– Летящая стрела неподвижна, –
упрямо повторял Ахилл,
прижав окровавленную пятку к панцирю
черепаша,
умирая на половине от половины пути.
(с. 162)

Да, такую сводную формулу надо дать, хотя после сильных стихов, таких как «Псоглавцы», она кажется лишней. Малые стихи в книге сменяются большими, и всё встает на места. Уже не баллада или лирика, но даже сюжетное стихотворение тоже перестаёт быть собой и становится инструктивным, как стихотворение о рождении Рима из Тибра:

всё в трещинах как будто лес расколот
тяжёлою удвоенной рукой
я разбиваю встречный холод –
блок повторений –
холод твой
гроз генетических ошибок
стремительно распахнутое дно
неисчезающая стайка медных рыбок
свет исчезающий – темно темно темно
(с. 164)

Женское переписывание мифологии – по сути рассказ о рисках, о рисках вовремя не раскрыться, вовремя не открыться другому, о чём мужчины, властвовавшие мифологическим дискурсом, не думали. Может быть, примеров при таком переписывании мифологии становится слишком много: понятно, что под водой рука отражается о поверхность воды и как будто удваивается, а взбаламученная рыбами вода кажется темной. Образы цепляют себя, друг друга, читателя. По мне, это несколько избыточная феноменология, но на то и нужен какой-то избыток, чтобы потом в следующей поэтической книге всё уже было безупречно.

Контакты:

Анна Сафронова (*гл. редактор, проза*): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (*зам. гл. редактора, поэзия, критика*): alexandrov-volga21@yandex.ru

Алексей Голицын (*документальные исследования*): agolitzin@yandex.ru

Олег Рогов (*архивные публикации, критика*): rgv@mail.ru

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru/>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 14 апреля 2025 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.